

2 $\frac{97-32}{164-0}$

Виктор Анфилов

*Внучке Светлане, праправнучке Главкома
вооруженных сил Российской Республики*

*С.С.Каменева,
автор посвящает свой труд.*

ДОРОГА К ТРАГЕДИИ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Москва
Акопов
1997

ББК 63.3 (2)

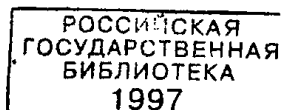
А 73

А 73 Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года
ISBN 5-900563-06-5

Автор — известный историк Анфилов В.А., академик Академии военных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор МГИМО, бывший ранее старшим научным сотрудником Генерального штаба, а затем старшим преподавателем Военной академии Генерального штаба. В книге "Дорога к трагедии 1941 года" освещает сложнейший путь создания и развития Красной Армии, ее разгрома в начале войны. Вехи этого пути выражены в названии глав.

В книге повествуется об условиях создания Красной Армии как материальной основы для защиты социалистического государства и поддержки мировой пролетарской революции, а затем как средства для отражения фашистской агрессии. Используя большой архивный материал, автор рассказывает, как Красная Армия превзошла в середине 30-х годов армии капиталистических стран; как она в 1937—38 годах была обезглавлена и структурно разрушена; как потом на основе кровавого опыта советско-финляндской войны наступило прозрение; как и почему накануне войны Сталин допустил грубейший просчет в оценке времени нападения немцев, позволивший им достичь внезапности вторжения; как вследствие этих причин Красная Армия оказалась в июне 1941 г. на краю пропасти.

Наряду с архивными документами и личными впечатлениями автора, участвовавшего в войне с первого и до последнего дня, в книге использованы записи многочисленных бесед с Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым и другими военачальниками.

© Анфилов В.А., 1997

ББК 63.3 (2)

А 73

Анфилов В.А.

А 73 Дорога к трагедии сорок первого года

ISBN 5-900563-06-5

© Издатель Акопов

А 0503000000-001 Без объявл.
3П4 (03)-97

2015089047

Глава I.

ВЗЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ

1. СТРОИТЕЛЬСТВО АРМИИ И ЕЕ ЦЕЛИ

Созданию и развитию вооруженных сил Советское государство уделяло огромное внимание на протяжении всех лет своего существования. На строительство Красной Армии решающее влияние оказала идея неизбежности мировой пролетарской революции. Надо сказать, что это была одна из центральных идей, питавших В.И.Ленина и И.В.Сталина, считавшихся создателями Советских Вооруженных Сил и их главной составной части — Красной Армии.

Ленин был убежден в неизбежности мировой революции независимо от того, когда она наступит и где начнется. “Мы не можем знать, произойдет ли первая “решающая” битва пролетариата с буржуазией через четыре года или через два, или десять или более лет, — последует ли вторая “революционная” битва еще через десятилетие, — писал он в 1915 году. — Но мы твердо знаем и наверное утверждаем, что теперь наш немедленный и непосредственный долг поддерживать родившееся брожение и демонстрации, которые уже начались”^{*1}. А в апреле 1917 г., провозгласив в Апрельских тезисах перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, он ориентирует партию не просто на захват политической власти в России — Россия видится ему плацдармом для будущей мировой революции. “У нас имеется та сила массовой организации, — заявил Ленин 7 ноября 1917 г. на заседании Петроградского совета, — которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции. Да здравствует всемирная социалистическая революция!”^{*2} — завершил он свое выступление под бурные аплодисменты. Позднее он

---

^{*1} Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т. 27. с. 56.

^{*2} Там же, т. 35. с. 3.

писал по этому поводу: "Может, она (мировая революция — В.А.) победит через несколько недель" после российской социалистической революции, "даже через несколько дней...", но затем будет сплошное ее триумфальное шествие^{*1}.

Ленин не отрицал возможности экспорта революции, призывая проявить "национальную инициативу", чтобы "помочь делу мировой революции"^{*2}. "Теперь у нас, — провозгласил Ленин на II конгрессе III Интернационала 19 июля 1920 г., — есть везде передовой пролетариат. Есть везде, хотя иногда и плохо организованная, требующая переорганизации пролетарская армия, и если наши международные товарищи помогут нам теперь организовать единую армию, то никакие недочеты не помешают нам наше дело сделать. Это дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики"^{*3}.

В те дни, когда заседал II конгресс Коминтерна, шла война Советской России с Польшей. В принятом конгрессом Манифесте говорилось: "международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира". На основе этого "Манифеста" командующий Западным фронтом, бывший поручик царской армии 27-летний М.Н.Тухачевский издал "знаменитый" приказ: "...на штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир. Вперед! На Варшаву, на Берлин!".

Ленин и его соратники, верные идеалам мировой революции, были в полной уверенности, что польский пролетариат поддержит российский и повернет оружие против польских панов. Однако случилось наоборот, польский пролетариат поднялся на защиту своего отечества. Это было первое поражение большевиков на пути к мировой революции.

Но Коммунистическая партия не отказалась от стратегического курса на мировую революцию. И никогда не отказывалась. В "Тезисах доклада о тактике РКП" на III конгрессе Коминтерна, состоявшемся в период с 22 июня по 12 июля 1921 г., Ленин заметил: "Получилось, хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать — конечно, недолгое время — в капиталистическом окружении"^{*4}. В самом же докладе, произнесенном

---

^{*1} Ленин В.И. Полн. собр. соч.: Т. 36, с. 16—17.

^{*2} Там же, т. 34, с. 407.

^{*3} Там же, т. 41, с. 235.

^{*4} Там же, т. 44, с. 4.

Лениным 5 июля, он подчеркнул, что “мы должны использовать эту передышку, принимая во внимание характерные признаки настоящего положения, применяя нашу тактику к особенностям этого положения и не забывая ни на одну минуту, что внезапно снова может возникнуть необходимость вооруженной борьбы”. Поэтому, указал он, “организация Красной Армии, ее усиление остаются по-прежнему нашей задачей”^{*1}.

Несмотря на поражение от Польши и крушение социалистической революции в Баварии, Венгрии и Словакии Ленин делает вывод, что “развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед”. Что же мы должны теперь делать, ставит он вопрос и отвечает: “Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах... Для нашей Российской республики мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории”^{*2}.

Итак, у Ленина речь идет о тактике, а не о стратегии курса на мирное сосуществование социализма с капитализмом, как многими принято считать. Когда революционная волна на Западе схлынула и началась стабилизация капитализма, он потребовал временно перейти от штурма к осаде капиталистической крепости^{*3}. От взятия ее он никогда не отказывался.

Призывая извлекать уроки из самых горьких поражений, он настойчиво, подобно Петру I, рекомендовал учиться у западных стран, всеми силами перенимать их опыт, “не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства”^{*4}.

Крушение революций на Западе привело Ленина к поиску новых подтверждений неизбежности революционного натиска. Он обращает свой взор на Восток, и приходит к заключению, что национально-освободительное движение в колониальных странах может сыграть “гораздо большую роль”, чем ожидалось ранее, в победе международного пролетариата^{*5}. В марте 1923 г. в одной из последних работ “Лучше меньше да лучше” он формулирует свои аргументы в пользу восточного маршрута мировой революции:

---

^{*1} Ленин В.И. Полн.собр.соч., с. 35.

^{*2} Там же, т. 44., с. 37.

^{*3} Там же, т. 44, с. 219.

^{*4} Там же, т. 43, с. 210—211.

^{*5} Там же, с. 38

"Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т.п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть и тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена. Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы.... для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным Востоком"*1

Вскоре после смерти Ленина на эту же точку зрения, на его же призывы к "диктаторским приемам" и "варварским средствам" борьбы встал и Сталин. "Что касается меня, — сказал он в беседе с немецким писателем Э.Людвигом 13 декабря 1931 г. — то я только ученик Ленина и моя цель — быть достойным его учеником. задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении ... рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо национального государства, а укрепление государства социалистического, и значит — интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса"*2.

В интервью корреспонденту японской газеты, опубликованном в "Правде" 4 июля 1925 г., он заявил: "Колониальные страны есть основной тыл империализма. Революционизирование этого тыла не может не подорвать империализма не только в том смысле, что империализм будет оставлен без тыла, но и в том смысле, что революционизирование Востока должно дать решающий толчок к обострению революционного кризиса на Западе. Атакованный с двух сторон — и с тыла, и с фронта, — империализм должен будет признать себя обреченным на гибель".

Развивая ленинское учение о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, Сталин стремился "варварскими способами" любой ценой построить мощную в экономическом и военном отношении державу как базу мировой революции. 26 января 1924 г. на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов Сталин сказал: "Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение ее состояния является одной из

---

*1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 404.

*2 Сталин И.В. Беседы с немецким писателем Эмилем Людвигом. М., 1938, с.3

важнейших задач нашей партии... Поклянемся же, товарищи, что мы не поощаим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот..."*1.

В целях оправдания этого шага он сначала преувеличивал возможности капиталистического вторжения в СССР в 1928—1932 гг. в связи с разразившимся на Западе экономическим кризисом, а потом с приходом Гитлера к власти в 1933 г., использовал уже не мнимую, а действительную угрозу нападения фашистской Германии на Советский Союз. Готовя страну к отпору агрессии. Сталин рассчитывал и на пролетарские революции в странах Запада. Об этом проболтался один из его приспешников Е. Ярославский в статье, написанной к 60-летию Сталина и опубликованной в начале 1940 г.: "Учение Ленина—Сталина поможет нам довести наше дело до конца, до полной победы коммунизма. Учение Ленина—Сталина поможет народам всего мира сбросить с себя власть помещиков и капиталистов. Учение Ленина—Сталина поможет нам во всем мире создать единый союз трудящихся, всемирный Союз Социалистических Республик"*2.

Но расчеты расчётами, а главная ставка делалась на свои силы и средства. Об этом красноречиво говорилось в передовой статье "По ленинскому пути" новогоднего (1941 г.) номера "Военно-исторического журнала": "За годы, прошедшие после смерти Ленина, Красная Армия выросла в самую сильную в мире армию. Созданная и воспитанная Лениным и Сталиным, Красная Армия является армией героев... Неустанны заботы партии, товарища Сталина о создании армии, которая была бы сильнее армии любого буржуазного государства и возможной группировки сил буржуазных государств... И непрерывный рост вооруженных сил социалистического государства — это выполнение одного из основных заветов Ленина, нашей партии... Советские люди полны ленинской веры в светлое будущее человечества, ибо они знают, что дело Ленина, победившее на одной шестой земного шара, победит всюду"*3.

Так ленинская идея мировой революции оправдывала милитаризацию экономики, сыграла не последнюю роль в печально известных событиях 30-х годов и деформации общества.

Как же строилась Красная Армия и какие этапы в своем развитии она прошла?

Первым законодательным актом Советской власти, провозгласившим создание Красной Армии, явилась написанная Лениным

---

*1 Правда. 20 декабря 1939 г.

*2 Военно-исторический журнал. 1940, № 1, с. 8

*3 Там же, 1941. № 1, с. 9—10.

“Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа”, утвержденная 25 января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов. Декрет об организации РККА был принят Совнаркомом спустя три дня. Во вступительной части этого документа прямо указывалось, что новая армия “явится оплотом советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе”^{*1}.

Красная Армия вначале создавалась на основе добровольческого принципа, так как в стране не было еще необходимых условий для формирования ее на основе всеобщей воинской повинности. Добровольчество было единственно возможным средством создания сколько-нибудь боеспособных частей в условиях катастрофического развала старой армии и всех органов формирования и управления ею. Добровольческий период в истории Красной Армии продолжался примерно полгода, до июня 1918 г., когда обстановка резко изменилась и потребовала выдвинуть военный вопрос на первый план. 300-тысячная армия явно неудовлетворяла потребности фронта, так как войска противника насчитывали свыше 1 млн. солдат и офицеров.

С лета 1918 г. стала создаваться регулярная армия на основе всеобщей воинской повинности. Этот переход был одобрен и законодательно закреплен V Всероссийским съездом Советов 4 июля 1918 г. В принятой этим съездом Конституции РСФСР говорилось: “В целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность”^{*2}. В короткий срок армия стала миллионной, к марту 1919 г. была доведена до 1,5 миллионов, а к концу гражданской войны — до 5 млн. человек.

Решающую роль в создании регулярной Красной Армии сыграли так называемые военспецы — бывшие генералы и офицеры царской армии, которых всячески охаивали и не хотели признавать Сталин, Ворошилов и им подобные малограмотные в военном отношении люди с претензией на руководящее положение. “Коммунисты именно потому, что они коммунисты берутся под подозрение, — заявил Ворошилов на заседании военной секции VIII

---

^{*1} Декреты Советской Власти. Т. 1., М., 1957. с. 356.

^{*2} Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сборник документов, 1917—1922 гг. Т. 1, М., 1959, с. 74.

съезда РКП(б) 21 марта 1919 г. — Мы сразу решили бы этот больной вопрос (организации армии — В.А.), если бы сразу смогли отказаться от той предвзятой мысли, которая сложилась у наших официальных руководителей военного ведомства, что коммунисты — это такой элемент, который нужно особенно контролировать, инспектировать через посредство военспецов, белогвардейцев^{*1}. Эту злобу и ненависть к военспецам Ворошилов пронес через всю свою жизнь, нанеся тем самым большой ущерб делу строительства Красной Армии.

Второй период развития Красной Армии, охватывающий 1921—1928 годы, связан с демобилизацией и проведением военной реформы. Пятимиллионная армия к 1928 г. была сокращена до 562 тыс. человек. В ней насчитывалось 48 тыс. командиров. Вводилась смешанная территориально-кадровая система комплектования войск. Значительно уменьшились материальные и финансовые затраты на армию. Люди призывных возрастов обучались венному делу на краткосрочных территориальных сборах без длительного отрыва от производства. Миллионные массы крестьян проходили военную службу в зимнее время, а в летний сезон отпускались на сельскохозяйственные работы. Хорошей подготовки войск эта система, конечно, не могла дать.

Третий этап, в который и произошел взлет Красной Армии, связан с двумя пятилетками. Именно в эти годы (1928—1937) технически отсталая страна ценой невероятных усилий и миллионов человеческих жизней превратилась в могучую индустриальную и военную державу.

И все это крикливо и хвастливо связывалось с именем вождя, получило свое разрешение якобы исключительно благодаря титанической работе Сталина. "Вооруженная защита победившего социализма, строительство Красной Армии Советского Союза, ее история, ее сила и могущество, ее сплоченные и стальные ряды, ее техника и героические кадры — неразрывно связаны с именем Сталина, — писал 21 декабря 1939 г. в "Правде" Ворошилов — ...Нельзя говорить и писать о Красной Армии, чтобы не говорить и не писать о Сталине, который, в тесном содружестве с Лениным, ковал ее устои еще у колыбели ее зарождения".

Чтобы подчеркнуть, какое значение Сталин уделял вопросу создания мощного вооружения, нарком обороны привел его слова, произнесенные 17 октября 1905 г. на митинге в Тбилиси в день объявления манифеста царя: "Какая революция может победить без оружия и кто тот революционер, который говорит: долой ору-

---

^{*1} Известия ЦК КПСС, 1989. № 9. с. 156.

жие? Оратор, который это говорит, наверное толстовец, а не революционер, и кто бы он ни был, он враг революции, свободы народа...

Что нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое, что нам нужно, — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение”.

Руководствуясь этим принципом, Сталин, по словам Ворошилова, повел решительную борьбу за индустриализацию страны. “Только благодаря этому, — утверждает он, — наша армия технически вооружена лучше любой армии мира... Сталин всегда лично и непосредственно участвует и руководит вопросами, связанными с технической реконструкцией вооруженных сил Советского Союза, — что правда, то правда. — Он является инициатором крупнейших организационных и технических мероприятий в области развития и непрерывного совершенствования советского оружия, он проявляет много внимания и забот важным изобретениям и изобретателям, помогая им в работе. Он заботливо растит молодых советских конструкторов всех видов вооружения, лично вникает в каждый образец. Под его руководством, — заключает “сталинский” нарком, — решаются вопросы о приеме той или иной новой конструкции на вооружение и т. д.”.

В этом он как и в других делах следовал примеру Ленина.

Максим Горький в своих воспоминаниях рассказывает, как Ленин, приехав однажды в Главное артиллерийское управление, будто бы поразил специалистов глубоким проникновением в принципы конструкции и работы нового прибора для корректирования стрельбы по самолетам. Он якобы задал изобретателю А.М.Игнатьеву много специальных вопросов так же свободно, как будто экзаменовал его по вопросам политики. На обратном пути Ленин говорил Горькому: “Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!”^{*1}

Сталин же поставил задачу в 1931 г. сделать Россию “передовой страной мира” не за 25, а за 10 лет. Изыскал и “возможности” для работы инженеров, а тех, кому не хватало места в конструкторских бюро, направлял как, например, А.Н.Туполева в лагеря и заставлял упорно трудиться над новыми образцами оружия. Еще в конце первой мировой войны появились два новых вида оружия: танк — на земле и самолет — в воздухе, которым во всех странах отводилась главная роль в будущей войне. Поэтому в Советском Союзе в середине 20-х годов началась разработка

---

^{*1} Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1. М., 1956, с. 390.

новых, отечественных образцов самолетов. Первые конструкторы Н.Н.Поликарпов, А.Н.Туполев, Д.П.Григорович сконструировали опытные образцы самолетов — истребителей, бомбардировщиков и разведчиков. Большим достижением советского авиастроения был созданный в 1925 г. под руководством Туполева тяжелый бомбардировщик ТБ-1, летно-технические данные которого долгое время превосходили зарубежные самолеты этого типа. Создание сильного воздушного флота сталинское руководство “превращало” во всенародное дело. В результате этого в 1928 г. в Красной Армии имелось около 1000 самолетов. К этому времени насчитывалось около 200 танков, первые образцы которых начали производить в начале 30-х годов на заводе “Красное Сормово” под Нижним Новгородом.

В 1927 г. В.А.Дегтярев при активной помощи В.Г.Федорова создал ручной пулемет новой системы, который по конструктивным и боевым качествам превосходил пулеметы иностранных армий. На его основе в последующие годы были созданы авиационный и танковый пулеметы. В этом же году Красная Армия получила на вооружение отечественную полковую пушку калибра 76 мм., а в 1928 г. — зенитную. Но в целом к концу 20-х годов артиллерия была конструктивно устарелой и сильно изношенной. Она насчитывала 7000 орудий и состояла главным образом из легких пушек. Крайне недостаточным было число станковых и особенно ручных пулеметов. Отсутствовала автоматическая винтовка, а старая “трехлинейка” нуждалась в модернизации.

В Красной Армии использовались устаревшие аппараты проволочной связи, мало было инженерного вооружения. Армия была исключительно слабо моторизована. К концу 1928 г. она имела только 350 грузовых и 700 легковых автомашин, 67 гусеничных тракторов.

Существовавшая тогда техническая база не позволяла наладить массовое производство вооружения, к чему настойчиво стремился Сталин. Это могла обеспечить только индустриализация страны. Поэтому в принятых XV съездом партии в 1927 г. директивах по составлению первого пятилетнего плана указывалось: “Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле

обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время”^{*1}.

Эту главную задачу военного строительства руководство партии доводило до народа через печать и устную пропаганду. В лозунгах ЦК ВКП(б) к десятилетию Красной Армии говорилось: “Индустриализация СССР — основа его обороноспособности. Пролетарий, повышай производительность труда. Крепи оборону своего государства. Дадим новые отряды самолетов и танков. Усилим производство винтовок и пулеметов. Непреступной крепостью сделаем Страну Советов”^{*2}.

Лживо утверждалось, что империалисты “делают новую попытку втянуть СССР в войну. В генеральных штабах Англии и Франции разрабатываются планы новой интервенции против СССР, намеченной на 1929—1930 гг.”^{*3}.

Под предлогом необходимости отражения “военного нападения со стороны капиталистических государств” партия взяла курс на усиление гонки вооружений. 15 июля 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление “О состоянии обороны СССР”. В нем говорилось: “Признать правильным и своевременным широкое развертывание работ по усилению и усовершенствованию технического вооружения Армии.

Предложить: РВС СССР усилить взятый темп работ по усовершенствованию техники Красной Армии; наряду с модернизацией существующего вооружения добиться в течение ближайших двух лет получения опытных образцов, а затем и внедрения их в армию, современных типов артиллерии, танков, бронемашин и пр.”^{*4}

ЦК ВКП(б) ставил также задачу создать мощный воздушный флот, который по качеству не уступал бы флоту крупнейших держав мира, а по количеству превосходил бы их.

Это постановление закрепило курс на коренную техническую реконструкцию Советских Вооруженных Сил, на усиление гонки вооружений.

В чем же заключались главные задачи “технической реконструкции” вооруженных сил?

Во-первых, в перевооружении армии и флота новейшими образцами военной техники в массовом масштабе.

---

*1 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1954, с. 452.

*2 КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов 1917—1958. М., 1958, с. 304.

*3 “Правда”, 20 декабря 1939 г.

*4 КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза..., с. 319—320.

Во-вторых, в создании новых родов войск (авиация, бронетанковые войска, химические, инженерные и другие специальные войска), повышение их удельного веса и значения в системе вооруженных сил в соответствии с требованиями современной войны.

В-третьих, в моторизации и организационной перестройке “старых” родов войск (пехота, кавалерия, артиллерия).

Решение этих задач связывалось с индустриализацией, которая осуществлялась главным образом варварскими способами “чрезвычайщины” за счет “сдирания с крестьян трех шкур”, приведшего в конце концов к голоду, вызвавшему массовую гибель жителей деревни. В результате этого были построены десятки оборонных предприятий. С 1928 по 1933 годы мощность артиллерийских заводов увеличилась более чем в 6 раз, выросло производство пулеметов в 3,5 раза, самолетов — в 4,5 раза. Производственные возможности танковой промышленности определялись в 10—11 тыс. танков и танкеток в год.

Одним из непосредственных руководителей технической реконструкции Красной Армии был М.Н.Тухачевский — с 1931 г. по 1937 г. начальник вооружений РККА и заместитель Наркома обороны, награжденный в 1933 г. за это орденом Ленина. Таким же орденом был награжден И.А.Халепский за “особо выдающиеся заслуги в деле укрепления технической мощи Красной Армии”. С 1924 по 1936 год он был начальником управления моторизации и механизации РККА, а в 1937 г. стал жертвой необоснованных репрессий и был расстрелян. Первым организатором авиационной промышленности являлся П.И.Баранов, погибший в 1933 г. при авиационной катастрофе.

В день пятидесятилетия Красной Армии в 1933 г. Ворошилов заявил: “Красная Армия из армии отсталой превратилась в армию современную, передовую. В промышленности создана производственная база, могущая производить все современные технические средства борьбы. Боеспособность Красной Армии гигантски выросла, неизмеримо выросла оборона Советского Союза”.

Конечно ни Ворошилов, ни Сталин не говорили о том, какой ценой все это было достигнуто. Стремясь как-то оправдать бессмысленную гонку вооружений, Сталин на январском (1933 г.) пленуме ЦК указал: “Конечно, мы могли бы из полутора миллиардов рублей, истраченных за этот период на оборудование нашей тяжелой промышленности, отложить половину на импорт хлопка, кожи, шерсти, каучука и т. д. У нас было бы тогда больше ситца, обуви, одежды. Но у нас не было бы тогда ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлургии, не было бы металла для производства машин и мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения. Мы

лишили бы тогда себя возможности снабжать сельское хозяйство тракторами и сельхозмашинами — стало бы мы сидели бы без хлеба”.

Чтобы разоблачить эту ложь укажем, что валовый сбор зерна в 1933 г. и 1934 годах в среднем составлял около 68 млн. тонн — самые низкие урожаи после 1921 года. Сильно подорвано было и животноводство. Поголовье крупного рогатого скота сократилось с 60 млн. голов в 1928 г. до 33,5 млн. в 1933 г., поголовье свиней — с 22 млн. до 9,9 млн., овец — с 93 млн. до 33 млн., лошадей — с 32 млн. до 15 млн. Деревня влачила полуголодное существование.

...Продолжим слушать “оправдание” Сталина. “...мы не имели бы тогда всех современных средств обороны, без которых невозможно государственная независимость страны, без которых страна превращается в объект военных операций внешних врагов... Одним словом, мы имели бы в таком случае военную интервенцию (в то время непосредственной угрозы для СССР еще не было ни с Запада, ни с Востока, ни с Юга! — Прим. наше), не пакты о нападении, а войну, войну опасную и смертельную, войну кровавую и неравную, ибо в этой войне мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своем распоряжении все современные средства нападения”^{*1}.

В те дни, когда произносились эти слова, в Германии к власти пришли нацисты. Через три дня после прихода в имперскую канцелярию новый рейхсканцлер А.Гитлер выступил перед высшим командованием вооруженных сил и сформулировал основы внутренней и внешней политики Германии. “Цель всей политики, — заявил он, — в одном: снова завоевать политическое могущество. Воспитание молодежи и всего народа в том смысле, что нас может спасти только борьба. В освоении новых земель — единственная возможность снова частично сократить армию безработных. Но это требует времени, и радикальных изменений нельзя ожидать, так как жизненное пространство для немецкого народа слишком мало. Строительство вермахта — важнейшая предпосылка для достижения цели — завоевание политического могущества... Как следует использовать политическое могущество, когда мы приобретем его? ..Возможно, отвоевание новых рынков сбыта, возможно — и, пожалуй, это лучше — захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация ... Самое

---

^{*1} Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, с. 375.

опасное время в период строительства вооруженных сил. Здесь-то и выявится, имеет ли Франция государственных деятелей. Если да, она не даст нам времени, а нападет на нас (вероятно, с восточными сателлитами"*1.

Содержание этого выступления Гитлера вскоре стало известно Сталину. Здесь уместно сказать о той иронии судьбы, которая позволила будущим противникам — Советскому Союзу и Германии помогать друг другу в течение одиннадцати лет, совместно готовиться к жестокому противоборству. Этому вопросу посвящено обстоятельное исследование доктора исторических наук Ю.Л.Дьякова и кандидата исторических наук Т.С.Бушуевой*2. Возрождение германских вооруженных сил в СССР с 1922 по 1933 годы осуществлялись втайне от всего мира. Германский вермахт (сначала рейхсвер), в обход запретов Версальского договора, набирал силу на нашей земле. Здесь строились совместные военные предприятия, аэродромы, танковые и авиационные школы, химическая лаборатория. В этих школах и на маневрах Красной Армии обучался цвет немецкого командования. Вместе с тем и Красная Армия набирала силы от взаимодействия с немцами.

16 апреля 1922 года Европу и Америку облетело слово "Рапалло". В этом местечке, недалеко от Генуи, был заключен договор между РСФСР и Германией. Хотя он и не имел военных статей, одним из важнейших результатов его стало советско-германское сотрудничество именно в этой области. "Величайшая опасность в данный момент заключается, по моему мнению, в том, — писал премьер-министр Великобритании Д.Ллойд Джордж, — что Германия может связать свою судьбу с большевиками и поставить все свои материальные и интеллектуальные ресурсы, весь свой огромный организаторский талант на службу революционным фанатикам, чьей мечтой является завоевание мира для большевизма силой оружия"*3.

11 августа 1922 года было заключено временное соглашение о сотрудничестве рейхсвера и Красной Армии. Оно принимает разнообразные формы: взаимное ознакомление с состоянием и методами подготовки обеих армий путем направления командного состава на маневры, полевые учения, академические курсы; совместные химические опыты; организация танковой и авиационной школ; командирование в Германию представителей советских во-

---

*1 "Совершенно секретно! Только для командования!" Документы и материалы. М., 1967, с. 42—43.

*2 Ю.Л.Дьяков, Т.С.Бушуева. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992.

*3 Джордж Ллойд Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. М., 1957, с. 350.

енно-промышленных учреждений для изучения отдельных вопросов секретных работ.

Особо следует сказать о взаимодействии рейхсвера и Красной Армии в трех центрах на территории СССР с кодовыми названиями "Липецк", "Кама" и "Томка". В Липецке на базе школы советских летчиков в 1924 году началось создание авиационной школы рейхсвера, замаскированной под 4-ю эскадрилью Красного Воздушного Флота. Многие немецкие летчики, ставшие впоследствии известными асами (Блюмензаат, Блюме, Гейнц, Макрацки, Рессинг, Теецманн, Фосс и др.), учились в Липецке. К 1933 году подготовку в школе на немецких самолетах прошли около 130 летчиков.

По Версальскому договору Германии запрещалось иметь танки. Но предвидя какое значение приобретут танковые войска в будущей войне, начальник управления сухопутных сил рейхсвера генерал фон Сект принимал меры к подготовке танкистов. С 1926 года немцы приступили к организации танковой школы в Казани под кодовым названием "Кама". В распоряжение немцев был выделен танкодром. Учебные танки доставлялись из Германии. Начальником школы был генерал Лютц, в 1933 году занимавший пост начальника мотомеханизированных войск рейхсвера. К 1933 году в танковой школе было обучено около 120 немецких танкистов. Среди них был будущий генерал-полковник, известный теоретик и практик по вопросам боевого применения танковых войск Г.Гудериан.

Наиболее засекреченным объектом рейхсвера в СССР являлись химическая лаборатория "Томка", располагавшаяся в Самарской области, недалеко от города Вольска. В ней немцы вели научно-исследовательские работы на условиях, что советской стороне будут передаваться новые средства химической борьбы (отравляющие вещества, приборы, маски).

Важным фактором сотрудничества рейхсвера и Красной Армии были поездки советского командного состава в Германию для совершенствования в военном искусстве. На началах взаимности допускалось и посещение немецкими офицерами учебных заведений, учений и маневров, проводимых Красной Армией. В разные сроки во второй половине 20-х и в начале 30-х годов в Германии на курсах, на учениях и маневрах побывали М.Н.Тухачевский, И.П.Уборевич, И.Э.Якир, В.К.Триандафиллов, А.И.Егоров, А.И.Корк, И.Ф.Фелько, П.Е.Дыбенко, И.П.Белов, И.Н.Дубовой, М.К. Левандовский, В.М.Примаков, И.С.Уншлихт, С.С.Урицкий и многие другие. Активно велось обучение и немецких офицеров в СССР. В 1931 году в Москве проходили дополнительную подготовку будущие руководящие военные деятели периода второй мировой войны: Браухич, Кейтель, Манштейн, Модель, Горн, Кречмер, Крузе, Файге и другие. Таким образом шел двусторонний процесс обучения и подготовки командного состава будущих про-

тивников. Но если немецкие генералы и офицеры будут руководить и командовать войсками во время войны с СССР, то все советские военачальники, побывавшие в Германии, будут расстреляны в 1937—1938 годах, а полученные ими знания, даже оставленные в книгах и статьях, будут объявлены враждебными и изъяты из библиотек.

Последний раз Тухачевский, руководивший вооружением Красной Армии, побывал в Германии с целью посещения предприятий военной промышленности в 1932 году. 10 мая 1933 года по его приглашению в Москву приехала группа из пяти германских офицеров во главе с начальником вооружений рейхсвера генералом фон Боккельбергом. Во время поездки они побывали в ЦАГИ, на 1-м авиазаводе, на артиллерийском заводе в Голутвине, на Красно-Путиловском заводе, на химическом заводе в Бобриках, на оружейном заводе в Туле, на Харьковском тракторном заводе, на 29-м моторостроительном заводе в Запорожье, на орудийном заводе им. Калинина в Москве, на артиллерийском полигоне в Луге и других объектах. 13 мая на приеме у германского посла в Москве фон Дирксена Ворошилов говорил еще о стремлении и дальше поддерживать связи между “дружественными” армиями. Тухачевский при этом подчеркнул: “Не забывайте, что нас разделяет наша политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной Армии к рейхсверу”. (Дорого потом будут стоить ему эти слова).

16 мая группа генерала Боккельберга в составе полковника Гартмана, подполковника Томаса, капитана Кребса (будущего помощника военного атташе в Москве, начальника генштаба в конце войны, закончившего жизнь во время штурма Берлина самоубийством) и инженера Поллерта выехала из Москвы в сопровождении помощника начальника отдела внешних сношений наркомата по военным и морским делам Шрота. При осмотре оружейного завода в Туле Боккельберг, обращаясь к Шроту, просил передать просьбу получить легкий пулемет Дектярева взамен их легкого пулемета “Дрейзе”. “Группу Боккельберга, — докладывал Шрот начальнику разведывательного управления Я.К.Берзину, — интересовали более всего технологические процессы, химический состав стали и материалов и объем производительности в мирное время и период мобилизации. Сведения по последним вопросам им не сообщали и тактично отмалчивались”^{*1}.

Последняя группа советских командиров в составе Левандовского, Примакова, Дубового, Урицкого, Левичева и Шнитмана,

---

^{*1} Ю.Л.Дьяков, Т.С.Бушуева. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992. с. 319.

практиковавшаяся в Германии в течение шести месяцев, возвратилась в Москву в середине июля 1933 года. С лета же, по свидетельству Дирксена, начался разрыв военных отношений между СССР и Германией. Советское военное руководство потребовало, чтобы рейхсвер прекратил осуществление всех своих мероприятий в СССР. 1 августа 1933 года Дирксен посетил заместителя наркома иностранных дел СССР Н.Н.Крестинского и выразил неудовольствие тем, что в "Красной звезде" 23 июля была напечатана статья, приводящая сравнительные цифры в армиях всех стран. Там было сказано, что "Германия в 1925 г. обладала армией в 100000 человек, а сейчас численность германской армии доходит до 400—450 тыс. человек".

В связи с обострением политических отношений между Советским Союзом и Германией дружбе армий настал конец. 29 сентября 1933 г. фон Бломберг сообщил Ворошилову, что "Ликвидация трех опытных станций 15 сентября закончена. С тем долготелний период тесной и дружественной совместной работы пришел к заключению, которая, наверное, не останется без постоянной пользы для армий обоих государств"*1.

И вот уже с этого времени, когда Германия встала на путь усиленной милитаризации страны, у Советского руководства были основания для увеличения численности вооружения. Однако делалось это не всегда продуманно. Выпуская сотни танков и самолетов, не заботились об их оснащении радиосредствами и другими необходимыми приборами, как в Германии, увлечение строительством танковых и авиационных заводов не позволило расширить сеть автомобильных предприятий, что крайне отрицательно сказалось на моторизации армии и ее маневренности. Если немецкие танки и самолеты оснащались надежно работающими ультракоротковолновыми приемо-передатчиками, чем обеспечивалось гибкое управление боевыми машинами на земле и в воздухе, то у нас их не было. Для пехоты и артиллерии немцы создавали портативные радиопередатчики и радиотелефонные аппараты, которые имели большое преимущество по сравнению с чувствительной к обстрелу проволочной связью, состоящей на оснащении советских войск. Более того, даже перед самым началом советско-германской войны, наша авиация отставала от германской в оснащении радиостанциями, радионавигационными приборами и радиолокационными станциями. В истребительской авиации приемо-передающие радиостанции ставились только на самолете командира эс-

---

*1 Ю.Л.Дьяков, Т.С.Бушуева. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992, с. 337.

кадрильи. К тому же они были невысокого качества и летчики мало пользовались ими. Основным средством связи в воздухе были ракеты и покачивание ("эволюции") крыльями. Наземных радиостанций хорошего качества в авиации также не было. На земле управление осуществлялось, в основном, с помощью телеграфа и телефона. Средства связи Красной Армии в предвоенный период и в начале войны вообще не удовлетворяли требованиям, предъявляемым к поддержанию непрерывности и надежности управления войсками в маневренной войне. Промышленность средств связи была слабо развита и не обеспечивала войска новейшей аппаратурой. Даже появившимися к началу войны радиостанциями многие генералы и офицеры не умели пользоваться. Учитывая их сложность и недостаточную надежность, они предпочитали использовать проводные и подвижные средства связи, которые в начале войны оказались недееспособными.

На основе роста технической оснащенности армии совершенствовалась и ее организация. Этому учил Ленин. "Мы живем не только в государстве, — указывал он, — но и в системе государств. и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. (И в этом высказывании имеется в виду мировая революция.— В.А.) В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией"*1.

Следуя Ленину и вере в неизбежность войны, Сталин настойчиво требовал от военного ведомства непрерывно и новаторски. как ему представлялось, совершенствовать организацию Красной Армии. В этом деле он нашел сильную опору в лице того же Тухачевского. Организационная структура вооруженных сил в 30-е годы совершенствовалась на основе роста их технической оснащенности, выводов из опыта первой мировой и гражданской войн, а также взглядов на характер будущей войны. Советские государственные и военные деятели, определяя структуру вооруженных сил, исходили из того, что победа в современной войне достигается совместными усилиями всех видов их. Однако, учитывая, что вооруженная борьба будет вестись в основном на суше, так как вероятный противник — фашистская Германия — континенталь-

---

*1 Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т. 38 С. 139.

ная держава, решающую роль они справедливо отводили сухопутным войском и военно-воздушным силам.

Наряду с существованием классических родов войск: пехоты, кавалерии, артиллерии, в Красной Армии, раньше, чем в других странах возникли крупные танковые и авиационные соединения, а также воздушно-десантные войска. Новые рода войск получили наибольшее развитие. Но создание их проходило в острой борьбе со старыми взглядами и ошибочными “волевыми” решениями, отрицательно сказавшимися на их готовности к началу войны. Особенно это отразилось на военно-воздушных силах, бронетанковых и воздушно-десантных войсках.

Большую настойчивость в создании новых родов войск проявлял Тухачевский. Он неоднократно вносил проекты реорганизации вооруженных сил. Не добившись решения того или иного вопроса в наркомате обороны, обращался непосредственно к Сталину, о чем свидетельствуют его многочисленные записки. В неустойчивости и настойчивости ему не откажешь. Эти качества он проявил еще в годы гражданской войны и при подавлении так называемых антоновского и кронштадтских “мятежей”, а по существу крестьянских восстаний против большевистских советов.

Прежде чем вносить какое-либо предложение по вопросам вооружения или организации армии для реализации, Тухачевский доказывал его необходимость. “Если недоучет артиллерийской проблемы до империалистической войны, — указывал он в 1932 г., — послужил причиной тяжелых потрясений на фронтах почти для всех стран, вступивших в войну, то недоучет новых возможностей в области вооружения самолетами, танками, химией, радиосредствами и т. д. может послужить причиной еще больших потрясений и поражений в будущей войне”^{*1}.

В решении проблемы создания танковых войск Тухачевскому и его сторонникам пришлось преодолевать сопротивление Ворошилова, Буденного и некоторых других, которые, идеализируя опыт гражданской войны, сильно преувеличивали роль конницы в будущих сражениях. “Нам пришлось столкнуться писал Тухачевский за полмесяца до своего ареста, — с теорией “особенной” маневренности Красной Армии — теорией, основанной не на изучении и учете нового вооружения как в руках наших возможных врагов, так и в руках советского бойца, а на одних лишь уроках гражданской войны, на взглядах более навеянных героикой гражданской войны, чем обоснованных ростом могущества, культуры, ростом крупной индустрии социалистического государства, а также

---

^{*1} Военно-исторический журнал, 1962, № 2, с. 64.

ростом вооружений армий наших возможных противников из капиталистического лагеря". Некоторые даже утверждали, подчеркивал он в этой статье, что "для подготовки атаки бойца Красной Армии можно израсходовать меньше артиллерийских снарядов, чем для подготовки атаки солдата капиталистической армии, объясняя это превосходством духа красноармейца. На самом деле эта самовлюбленность могла бы повлечь напрасные кровавые потери в боях и крупнейшие неудачи". Горько признавать, но так оно и получилось в начале войны*1.

Несмотря на консерватизм и отсталость взглядов отдельных руководящих лиц наркомата обороны, передовое пробивало себе дорогу. В 1932 г., значительно раньше, чем в Германии и других странах, в Красной Армии были сформированы два крупных танковых соединения: 11-й механизированный корпус в Ленинградском и 45-й механизированный корпус в Киевском военных округах. В 1933 и 1934 годах были созданы еще два таких же корпуса.

В дальнейшем, вместо того чтобы совершенствовать способы применения танковых войск и развивать их организацию, руководитель наркомата обороны всячески тормозил решение этих вопросов. Ворошилов выступал против создания крупных танковых соединений. "Для меня, — заявил он на заседании Военного совета при наркоме обороны в 1934 г., — является почти аксиомой, что такое крупное соединение, как танковый корпус, дело надуманное и придется, очевидно, от него отказаться"*2.

Вследствие этого, формирование новых механизированных корпусов было прекращено. Но организацию и вооружение существующих продолжали совершенствовать. Механизированные корпуса были реорганизованы и переименованы в танковые. 10-й танковый корпус дислоцировался в Ленинградском военном округе, 15-й — в Белорусском, 25-й — в Киевском и 20-й в Забайкальском. Весьма совершенной была их организация и оптимальный для крупного подвижного соединения — численный состав боевых машин. Танковые корпуса имели по две танковые и одной моторизованной бригаде. По штату в корпусе числилось 490 танков. Танковые соединения такого состава являлись мощным средством в руках командующего фронтом для развития успеха в наступательной операции. К этому времени ни в одной другой армии мира не было еще подобных формирований танковых войск. В Германии лишь после изучения нашего опыта приступили к созданию моторизованных корпусов примерно такого же состава.

---

*1 "Красная звезда", 6 мая 1937 г.

*2 ЦАМО РФ, Ф. 1, оп. 2091, д. 66, л. 24.

Большое внимание в общей системе строительства вооруженных сил в первой половине 30-х годов уделялось авиации. Многие военачальники правильно оценивали ее роль в будущей войне. Они считали, что основной задачей военно-воздушных сил будет содействие наземным войскам в достижении целей операции. Вместе с тем предусматривались и самостоятельные действия авиалинии для завоевания господства в воздухе и нанесения бомбовых ударов по стратегическим объектам в тылу противника. Тухачевский, например, отводил самостоятельным действиям авиации, главную роль. "Военные воздушные силы, — указывал он в 1932 г., — выросли в настоящее время в столь могущественный боевой фактор, что их совместные действия с сухопутной армией, или морским флотом, которые были основным видом действий во время империалистической (первой мировой, — В.А.) войны, в будущем явятся лишь вспомогательными. Решающее значение, — справедливо подчеркивал он, — будут иметь так называемые самостоятельные действия воздушных сил во взаимодействии с сухопутными или морскими силами в более широком масштабе"*1.

При наличии необходимой материальной части и соответствующих формирований авиации такое решение проблемы массированного применения военно-воздушных сил в наступательных операциях являлось безусловно прогрессивным.

Существенное влияние на организационную структуру военно-воздушных сил должна была оказать также правильно ставившаяся теоретически и подкреплявшаяся опытом маневров проблема борьбы за господство в воздухе, также исходившая из принципа массированного применения авиации. Военные маневры в Белоруссии в 1936 г. показали, что "борьба с авиацией противника, обладающей большим радиусом действий и возможностями маневрировать по аэродромам по фронту и в глубину, не может быть решена только в рамках одного фронта и требуется организация взаимодействия между фронтами. Очевидно это взаимодействие должно быть организовано не в порядке согласования действий фронтов, а в порядке постановки задач Главным командованием"*2.

По своему предназначению военно-воздушные силы делились на авиацию Главного командования и фронтовую. По выполняемым задачам они подразделялись на дальнебомбардировочную, ближнебомбардировочную, истребительскую и разведывательную. До 1938 г. военно-воздушные силы Красной Армии состояли в ос-

---

*1 Военно-исторический журнал, 1962, № 2, с. 66.

*2 ЦАМО РФ, Ф. 35, оп. 29327, у. 16, д. 110.

новном из отдельных авиационных корпусов трехбригадного состава. Авиация Главного командования была объединена даже в составе трех авиационных армий особого назначения, сформированных в 1936 г. Такая организационная структура авиации позволяла успешно вести борьбу за господство в воздухе, наносить массированные удары по оперативным и стратегическим резервам противника и его тыловым объектам, осуществлять взаимодействие с наземными войсками на поле боя и обеспечивать высадку воздушных десантов.

Одними из перспективных родов войск, на которые было обращено также большое внимание, являлись воздушно-десантные войска. Тухачевский, Якир, Уборевич и другие военачальники проявили новаторство и на основе научного предвидения характера будущей войны впервые в мировой военной истории приступили к созданию парашютно-десантных частей. Сначала это были отдельные батальоны, потом полки, а с 1936 г. — бригады.

Первые воздушные десанты участвовали на учениях Красной Армии в 1930 г. В 1935 г. во время маневров на Украине, которыми руководил командующий Киевским военным округом И.Э.Якир, воздушно-десантные войска применялись в более крупных размерах. Под Киевом с транспортных самолетов было десантировано 1200 парашютистов, которые после приземления организовали круговую оборону с целью обеспечения взлетно-посадочной полосы для посадки самолетов. Вскоре несколько групп самолетов высадили еще 2500 человек с вооружением и боевой техникой. В 1936 г. на маневрах в Белорусском военном округе под руководством командующего И.П.Уборевича был высажен еще более крупный десант в районе Минска. Очевидец этих маневров английский генерал (позднее фельдмаршал) Уэйвелл, докладывая своему правительству о выброске воздушного десанта отмечал: "Если бы я сам не был свидетелем этого, я бы никогда не поверил, что подобная операция вообще возможна"*1.

Но самые крупные предвоенные маневры были проведены в том же Белорусском военном округе осенью 1937 г. Округом командовал командарм 1-го ранга И.П.Белов, а Уборевич был в июне расстрелян. Через год постигнет та же участь и Белова. На этих маневрах на стороне "красных", наступавших от Бобруйска к Днепру (с запада на восток) против оборонявшихся западнее Рогачева и Жлобина "синих", участвовала целая армия. По достижении "красными" рубежа Жлобин—Рогачев с целью развития прорыва в "бой" вводилась подвижная группа в составе кавале-

---

*1 А.Гоге. Внимание, парашютисты! Перевод с немецкого. М., 1957, с. 26.

рийского и танкового корпусов. Для совместных действий с ПГ планировалась (я действительно осуществлялась) выброска на противоположный берег Днепра двух воздушно-десантных бригад. На маневрах были представители ЦК ВКП(б), Ворошилов с заместителями наркома, многочисленные военные миссии. Последние видели, какой мощной силой обладал в то время Советский Союз.

Одновременно проводились учения меньшего масштаба, на которых отрабатывались вопросы взаимодействия танковых и воздушно-десантных войск. Маневры и учения, проведенные в первой половине 30-х годов, позволили дать теоретическое обоснование действиям воздушных десантов и внести новые положения в наши уставы. Так в "Полевом уставе" 1936 г. было записано: "Статья 7. Парашютно-десантные части являются действенным средством для дезорганизации управления и работы тыла противника. Во взаимодействии с войсками, наступающими с фронта, парашютно-десантные части могут оказать решающее влияние на полный разгром противника на данном направлении".

Опыт развития и применения на маневрах Красной Армии воздушно-десантных войск, был взят на вооружение немцами. Подводя итоги первого года второй мировой войны в Европе, американский военный обозреватель Г.Россинский 19 мая 1940 г. в газете "Нью-Йорк Таймс" писал: "Сочетание парашютных десантов (немецких), захватывающих аэродромы, с посадочными десантами, использующими их, является страницей, вырванной из книги о Красной Армии, которая первой продемонстрировала эти методы в широких масштабах на маневрах 1936 года".

Мы остановились на развитии авиации, танковых и воздушно-десантных войск только для того, чтобы показать как создавались и совершенствовались новые виды вооруженных сил и рода войск, которые должны были играть решающую роль на сухопутных театрах войны. Этот краткий экскурс в прошлое убедительно свидетельствует, что Советский Союз в строительстве Красной Армии шел, как правило, впереди других армий мира. Немецкая армия — сильнейшая армия Западной Европы заимствовала наш опыт в создании крупных танковых соединений, воздушно-десантных войск и авиационных объединений. Об этом свидетельствуют как иностранные наблюдатели, так и советские военачальники. На декабрьском (1940 г.) совещании высшего командного состава командующий войсками Западного особого военного округа генерал-полковник Д.Г.Павлов заметил: "в Красной Армии считали, что танки должны сводиться в крупные соединения с целью ведения самостоятельного наступления в оперативной глубине и, кроме того, должны быть танки, которые предназначены для совместных действий с пехотой. Наши взгляды в отношении применения танков, — заключил он, — оказались наиболее правильными и нашли

себе подтверждение в действиях немецких танковых соединений в Польше и на Западе. Немцы ничего не выдумали, они взяли то, что у нас было”.

В середине 30-х годов Красная Армия как с точки зрения организационной, так и количественной бесспорно была сильнейшей в мире. В ней насчитывалось около 1,5 млн. солдат и офицеров, до 5 тыс. танков и свыше 6 тыс. самолетов. Сейчас смешными кажутся слова широко известной тогда песни: “В целом мире нигде нету силы такой, чтобы нашу страну сокрушило...”, но они отражали действительное положение Советского Союза в то время.

2. ПОДГОТОВКА КАДРОВ

Одной из узловых проблем строительства Красной Армии наряду с техническим оснащением и выработкой ее организационной структуры являлась проблема подготовки кадров. 5 июня 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление “О командном и политическом составе РККА”. “ЦК считает основной, решающей сейчас задачей в деле дальнейшего повышения боеспособности армии, — подчеркивалось в нем, — решительное повышение военно-технических знаний начсостава, овладение им в совершенстве боевой техникой и сложными формами современного боя”.

В целях решения этой проблемы ЦК предложил коренным образом улучшить работу военно-учебных заведений, укрепив их преподавательскими кадрами и усилив материально-техническую базу в них новейшей боевой техникой. “Военно-учебные заведения, военные школы, курсы усовершенствования и академии, — указывалось в постановлении ЦК, — должны стать для всей армии подлинно ведущими центрами в боевой и политической подготовке, в овладении техникой, в военно-научной работе и обеспечивать полностью потребность армии в высококвалифицированном и в военно-техническом и политическом отношении начсоставе”^{*1}.

Во исполнение постановления ЦК была значительно расширена сеть средних и высших военно-учебных заведений. Уже в начале 30-х годов не только каждый вид вооруженных сил, но и рода войск имели “свою” военную академию. К 1937 г. насчитывалось 13 военных академий и 75 училищ и школ. К этому времени 79,6% командного состава имели законченное среднее и высшее военное образование, а в бронетанковых войсках — 96,8%, в авиации — 98,9%, на флоте — 98,2%^{*2}.

---

*1 КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза... С. 326—327.

*2 ЦАМО РФ, Ф. 32, оп. 1637, д. 1968, л. 79—80.

Как и вся жизнь народа и армии кадровая проблема связывалась тогда с именем Сталина. "На протяжении более 20 лет существования Красной Армии и Флота, — писал Ворошилов в "Правде" 21 декабря 1939 г. в статье, посвященной 60-летию Сталина. — разрешению проблемы командно-политических кадров Красной Армии Сталин уделял и уделяет исключительное внимание... Сталин неоднократно говорит о летчиках, что их жизнь надо всемерно оберегать, что жизнь летчика "дороже нам любой машины". — лебезит Ворошилов. — Не мало заботы уделено Сталиным артиллерийским кадрам Красной Армии. Сталин любит авиацию и ее крылатых людей, высоко ценит танковых войска и танкистов. но он лучше, чем кто либо знает, какую огромную роль по-прежнему играет в войне артиллерия. Поэтому вопрос о квалифицированных артиллерийских кадрах был всегда и в последние годы особенно тем вопросом, которым Сталин занимался по-сталински вплотную", — заключил "стрелок" Ворошилов.

Свой знаменитый лозунг "Кадры решают все!" Сталин сформулировал в мае 1935 г. на приеме в Кремле выпускников военных академий. "...Если наша армия, — сказал он тогда, — будет иметь в достаточном количестве настоящие закаленные кадры, она будет непобедима"*1. Выпускников военных академий Сталин чтит особо. Только их ежегодно удостоивал приема. Перед ними "изливал душу" до самого последнего предвоенного месяца, о чем мы подробнее скажем в V главе.

Для подготовки высшего командного состава в 1936 г. была создана Академия Генерального штаба, которой, по иронии судьбы, было присвоено имя "первого маршала", как величали тогда Ворошилова. Слушателями первого набора в эту Академию были тогда полковники, впоследствии военачальники А.М.Василевский, И.Х.Баграмян, Л.А.Говоров, М.В.Захаров, Н.Ф.Ватутин, А.И.Антонов, П.В.Курочкин, М.И.Казаков, В.В.Курасов, Г.К.Маландин, А.П.Покровский, Л.М.Сандалов, А.И.Гастилевич и др., ставшие в годы войны начальниками Генерального штаба, командующими войсками фронтов и армий, начальниками штабов фронтов.

Наряду с подготовкой командного состава большое внимание уделялось боевой и политической подготовке войск. В течение длительного времени в основу обучения и воспитания войск был положен опыт гражданской и первой мировой войн. И в этом не было бы ничего предосудительного, если бы этот опыт Ворошилов и его сторонники не фетишизировали в ущерб изменившимся условиям ведения боевых действий в связи с появлением новых

---

*1 Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, с. 492.

средств борьбы как в Красной Армии, так и у вероятных противников. "Нельзя не отметить громадного влияния прошлого боевого опыта на постановку обучения армии, — указывал Тухачевский в 1932 г. — Одновременно можно отметить немало фактов, когда прошлый опыт, выработанный в победоносных войнах, сказался не благоприятно, а отрицательно на организацию боевой подготовки"*1.

В связи с этим опытные и наиболее талантливые военачальники, стоявшие во главе военных округов, такие как И.Э.Якир (Киевский), И.П.Уборович (Белорусский), Б.М.Шапошников (Ленинградский), И.П.Белов (Северо-Кавказский), В.К.Блюхер (Дальневосточный фронт), Н.В.Куйбышев (Закавказский) и др. учили войска тому, что нужно на войне, учитывая при этом новые средства борьбы и взгляды на характер начального периода будущей войны. Именно этим вопросам в то время отводилось одно из главных мест в советской военной теории.

Проблема научного предвидения характера начального периода войны привлекала к себе внимание военных теоретиков как у нас в стране, так и за рубежом, с середины 20-х годов. Правильное решение ее имело огромное практическое значение в определении удельного веса видов вооруженных сил и родов войск, численного состава вооруженных сил вообще, их боевой подготовки и других вопросов.

Как же решалась эта проблема в Красной Армии? Одной из первых работ о "Начальном периоде войны" была статья Я.И.Алксниса, (с 1931 г. начальник управления ВВС, член Реввоенсовета СССР), опубликованная в 1929 г. в журнале "Война и революция", являвшемся, по словам его главного редактора Р.П.Эйдемана, "центром военно-научной мысли". Уже данная статья была шагом вперед в разработке этого вопроса по сравнению с первой мировой войной. Тогда под начальным периодом понимали период от объявления войны до вступления в сражение основной массы вооруженных сил. Основным содержанием начального периода была по существу не вооруженная борьба, а отмобилизование, сосредоточение и развертывание сил на театрах военных действий, то есть, главным образом, подготовка к ней.

В своей статье Алкснис отмечает, что "Вопрос о начальном периоде современной войны стал настолько сложным, что он требует специального исследования. Между тем начальный период войны пока еще изучен весьма слабо. И не даром наш единственный толстый журнал по военно-политическим вопросам "Война и ре-

---

*1 Военно-исторический журнал, 1962, № 2, с. 70.

волюция” (обратим внимание читателя на тот факт, что в названии журнала выражена ставка на мировую революцию, средством достижения которой является война. — Прим. наше) в программе на текущий год особое внимание уделил именно вопросам начального периода войны”^{*1}.

Необходимость этого вытекала из оценки характера будущей войны — войны длительной, напряженной, в которой будут участвовать с обеих сторон миллионные армии и огромное количество боевой техники. Отсюда совершенно ясно, указывал автор, что более или менее тщательно можно изучить и спланировать только начало будущей войны; более или менее тщательно можно подготовиться только к ее начальному периоду. О том, что понимал автор под начальным периодом и какое содержание вкладывал в это определение видно из следующей фразы: “План начального периода: план мобилизации армии, план сосредоточения и развертывания армии, план прикрытия мобилизации и план первой операции”^{*2}. Таким образом, в отличие от прежних определений Алкснис включает в содержание начального периода войны не только период от объявления войны до завершения развертывания главных сил, но и первую операцию, проводимую ими.

Особое внимание в статье Алкснис как специалист естественно уделил вопросу использования авиации в начальном периоде войны. “В этот период, когда сухопутная армия еще мобилизуется, готовится к обороне, — отметил он, — действия авиации должны быть особенно плодотворными... Если подходить к использованию авиации с узкой военной точки зрения, то есть если иметь в виду одни военные победы и поражения, забывая о политических победах и поражениях, весьма выгодным представляется проявить инициативу и первому напасть на врага. Проявивший инициативу нападением воздушного флота на аэродромы и ангары своего врага может потом рассчитывать на господство в воздухе”^{*3}. (22 июня 1941 г. Германия начала войну против СССР точно по Алкснису).

О “действиях авиации в начальном периоде войны” в этом же журнале, но на несколько месяцев раньше была напечатана статья В.Новицкого. “В начальном периоде войны, — заметил он, — перед авиацией открывается чрезвычайно широкое поле деятельности”^{*4}.

В 1931 г. в журнале “Война и революция” в порядке обсуж-

---

^{*1} Война и революция. Книга девятая, 1929, с. 7.

^{*2} Там же.

^{*3} Там же.

^{*4} Там же, с. 55.

дения была напечатана статья “К вопросу о характере начального периода войны” Эйдемана, являвшегося в это время начальником Военной академии имени Фрунзе. Содержание этой статьи свидетельствовало о значительном шаге вперед на пути к теоретической разработке проблем начального периода войны. “Вовсе не случайно, — указал автор, — что буржуазная и наша военнотеоретическая мысль пылко стремится обрисовать именно облик первого периода войны... Качественные показатели, отличающие армии 1930 г. от армий 1914 г., естественно, внесут изменения в военно-технический характер самой завязки войны. Тот, кто этого не учтет, будет жестоко наказан”^{*1}. Поистине, как в воду глядел!

Эйдеман, также как и Алкснис, указывал на важную роль авиации и танковых войск в начальном периоде войны. Первые же часы войны ознаменуются открытием ожесточенной воздушной войны. Дополняя действия авиации и взаимодействуя с нею, писал он, границу перейдут легкие, подвижные, но в огневом отношении сильные мотомехвойска, глубоко вторгаясь в страну противника. Таков, по мнению Эйдемана, должен был быть характер борьбы, под прикрытием которой отобилизовывался и вводился в сражение для достижения дальнейших решительных целей первый стратегический эшелон. Эйдеман сделал пророческий вывод: “Самое худшее в современных условиях — это стремление в начальный период войны придерживаться тактики выжидания. Такая тактика при активном противнике, подготовившем свой воздушный флот и подвижные наземные войска для активных действий уже в начальный период войны, приведет к тому, что авиация обороняющегося, будучи принуждена распылять свои усилия по всему пространству обороняемой территории, неизбежно понесет в этой борьбе крупные потери и вступит в конечном счете в решающий фазис войны достаточно измотанной и морально подавленной”^{*2}.

Особое внимание автор уделял подготовке войск прикрытия. “Если твердо установить (и не только установить, но упорно и целеустремленно к этому идти, что начальный период будет отличаться высокой маневренностью, подвижностью фронтов и участков, — указывал он, — то задача сведется к тому, чтобы тренировать войска в упорном стремлении искать фланги противника и уметь направить все силы современной техники для осуществления смелых, сокрушающих охватов и обходов”^{*3}.

---

*1 Война и революция. Книга восьмая, 1931, с. 11.

*2 Там же, с. 13—14.

*3 Там же, с. 16.

Так характеризовал начальный период войны за десять лет до начала советско-германской войны Эйдеман.

Значительный шаг вперед на пути к теоретической разработке проблем начального периода войны в 1933 г. сделал начальник кафедры Военной академии имени Фрунзе Е.А.Шиловский. В этом году в журнале "Война и революция" была напечатана его статья "Начальный период войны". После краткого экскурса в историю, он поставил вопрос: "Каким может быть начальный период в будущей войне?" и ответил: "Даже при поверхностном обзоре современной политической ситуации и состояния военной техники (особенно развития авиации и мото-механизированных войск) ясно, что начальный период будущей войны будет резко отличаться от такового в 1914 г. Он будет совсем другой как по своему содержанию, так и по формам военных действий. В определенных случаях его даже может и не быть в прежнем понимании как четко ограниченного отрезка времени: он, с одной стороны, может раствориться в длительно проводимых мероприятиях подготовительного порядка, а с другой — незаметно перейти в ведение операций..."*1.

Ссылаясь на решения XII пленума исполнительного комитета Коминтерна (1932 г.), вскрывшего тенденцию к "вползанию в войну", автор убедительно показывает вероятность начала будущей войны без ее объявления. "Новый термин "вползание в войну", — заметил он, — подразумевает скрытые методы подготовки к войне и фактическое начало военных действий без официального объявления войны, чтобы замаскировать, скрыть от народных масс момент возникновения новой империалистической мировой войны"*2. При этом мобилизация будет проводиться постепенно, а сосредоточение и развертывание армии вторжения также могут осуществляться постепенно, маскируясь различными предложениями (сборы, маневры, учения). Говоря о характере вооруженной борьбы в начальном периоде войны, Шиловский указывал, что "в будущей войне ожесточенная борьба... развернется с первых же часов военных действий на большом пространстве театра военных действий по фронту, в глубину и в воздухе... При этом следует рассчитывать не на молниеносный разгром армий классовых врагов, а готовиться к упорной и ожесточенной борьбе, которая даст нам окончательную победу" (эту мысль повторит маршал С.К.Тимошенко в заклю-

---

*1 Война и революция. Сентябрь—октябрь, 1933, с. 4.

*2 Там же, с. 5.

чительной речи на декабрьском (1940 г.) совещании высшего командного состава Красной Армии)*1.

Анализируя различные точки зрения зарубежных военных теоретиков, он приходит к подтвердившемуся впоследствии выводу о том, что новые рода войск (авиация, бронетанковые соединения), которые полностью будут введены в действие в начале войны, "могут настолько сильно потрясти противника, что результат их действий скажется решающим образом на ходе последующих операций и возможно даже на исходе войны"*2. Характерно, что точка зрения Шиловского на использование авиации в начальном периоде, да и в ходе всей войны, больше отвечала требованиям современной войны, чем наши официальные взгляды накануне вторжения немецкой армии. Он, в частности, рекомендовал основные силы авиации объединять в руках главного и фронтового командования и использовать их массированно.

Научно обосновав решающее влияние операций начального периода на ход и исход войны, Шиловский пишет в заключение о необходимости такой подготовки страны и вооруженных сил к войне, которая позволила бы вести наступательные операции с решительной целью с самого ее начала. "Отсюда большое значение такой подготовки страны и вооруженных сил, — подытоживает он, — которые предусматривают не только возможность развертывания в течение определенного срока массовой армии, оснащенной современной техникой, но и обеспеченность и успешность проведения боевых операций в начальный период с первого ее дня"*3.

Осенью 1934 г. журнал "Война и революция" опубликовал статью другого начальника кафедры Военной академии имени Фрунзе Л.С.Амирагова "О характере будущей войны". Автор указал, что в будущей войне против СССР выступит коалиция государств. "На сегодня, — заметил он, — такая коалиция складывается в лице Германии и Японии как государств, наиболее заинтересованных в новом переделе мира и поэтому главных носителей открытой империалистической экспансии на современном этапе"*4.

Не подлежит сомнению, отмечал Амирагов, что коалиция государств, начав войну против СССР, будет стремиться закончить

---

*1 Война и революция. Сентябрь—октябрь, 1933, с. 7—8.

*2 Там же, с. 9.

*3 Там же с. 11.

*4 Там же, с. 6.

ее в короткий срок. “Краткосрочность войны, — указывал он, — выгодна буржуазии и в том отношении, что она позволит ей иметь армию военного времени, более подготовленную в военнотехническом отношении, чем при войне длительной”^{*1}.

Агрессивные государства, по мнению автора, будут развязывать войны без объявления. В этом отношении пример Японии в войне с Китаем станет для других стран достойным подражания, ибо подобное начало войны имеет для нападающей страны целый ряд военных преимуществ. В этом случае сосредоточение и фактическое развертывание армии проводятся раньше противника и до момента возникновения враждебных действий с его стороны. Вползание в войну имеет не менее важное значение и в том отношении, что оно есть одна из форм осуществления принципа внезапности со всеми вытекающими последствиями. “Современные буржуазные государства и, в частности, готовящие на нас нападение — Германия и Япония, — подчеркнул Амирагов, — не могут не прельститься этими преимуществами”. Агрессоры будут стремиться “придать начальному периоду войны решающее значение, что, в свою очередь, предполагает широкое пользование маневренными формами борьбы”^{*2}.

В такой войне, развязанной против СССР агрессорами, и для нас, по заключению автора, начальный период будет иметь особо важное значение. Мы, так же как и противник, должны будем развернуть к началу войны главные свои силы и ввести их в сражение, чтобы сломить сопротивление вторгшегося агрессора и разгромить его. “Мы заинтересованы (это вытекает из установки на мировую революцию. — Прим. авт.) в развертывании решающих операций в начальном периоде войны и с той целью, — подчеркивает он, — чтобы не дать нашим противникам возможности до конца использовать все мобилизованные ими к началу войны средства борьбы как против нас, так и в борьбе с революционным движением внутри своих стран. В развитии операций, в подавлении экономических центров и живой силы противников, — отмечается в статье, — особо важную роль будет играть авиация и мото-мехсилы. Авиация вместе с мото-мехсоединениями начнет войну, она же придаст начальному периоду исключительно важное, а быть может и решающее значение”^{*3}.

Исследование Амирагова внесло некоторый вклад в определение характера будущей войны и ее начального периода. Уже

---

*1 Война и революция, сентябрь—октябрь 1934, с. 15.

*2 Там же, с. 15.

*3 Там же, с. 17.

в 1934 году он назвал наших вероятных противников, которые к началу войны полностью подготовят свои армии, сосредоточат и развернут их вдоль границ, а затем, используя внезапность, нападут на нас.

Большой интерес представляет также напечатанная в этом номере журнала статья Д.Закутного под названием "Внезапность". В ней идет речь о роли внезапности в начале войны, о заблаговременном отмобилизовании вооруженных сил и их постоянной боевой готовности. "Авиация и быстроходные танки, — указывает автор, — по своей природе являются оружием внезапности. Полный эффект (и вообще успех) от этих средств борьбы можно получить лишь при условии внезапного их применения"*1.

Одним из важнейших элементов внезапности, по утверждению автора, является быстрота маневра. Войска и командиры, воспитанные на активности и инициативе и приученные к подвижности, всегда будут иметь шансы на успех, даже меньшими силами (как это сделали немцы при вторжении в СССР. — Прим. наше), тщательно подготавливаясь к использованию выгод внезапного нападения. "Внезапность приобретает особенно большое значение и дает большие плоды побед, — справедливо отмечает Закутный, — когда рассчитана на использование слабых сторон противника"*2. (Заметим, что германское командование, развязывая войну против Советского Союза, как раз и рассчитывало на незавершенность перевооружения и организационной перестройки Советских вооруженных сил.). Давая определение оперативно-стратегической внезапности, он отмечает, что она состоит не только в подготовке и проведении операции. "В настоящее время это понятие расширяется до организации, мобилизации и сосредоточения. Таких спокойных и планомерных организаций, сосредоточения и развертывания армий, как были в 1914 году, надо полагать, в будущем не будет". Доминирующее значение, обращает он внимание читателя, получит метод "мирных" мобилизаций и сосредоточения войск под предлогом частных сборов, маневров и т. п. Для скрытия сосредоточения и достижения внезапности наступления, по предположению Закутного, будут широко использованы маскировочные мероприятия и демонстративные действия: усиленное железнодорожное движение и имитация высадок на второстепенных направлениях (именно так обманули Сталина немцы, имитируя высадку в Англию в 1941 году. — Прим. наше.), сильная защита этих районов средствами противовоздушной обороны, интенсивная ра-

---

*1 Война и революция, сентябрь—октябрь 1934, с. 20.

*2 Там же, с. 22.

бота радиостанций и т. п. создадут видимость жизни этих районов, внешне ничем не разнящихся с районами, где происходит сосредоточение главных сил.

Закутный, не ведая того, начертил сценарий для немцев по достижению внезапности вторжения в СССР. “Творческая и разумная инициатива в рамках директив вышестоящего командования, — пишет он в заключение, — знание тактики противника, хорошая постановка разведки, охранения, общая бдительность войск, достижение превосходства средств и полноты подготовки являются главными условиями для успеха внезапных действий и предотвращения их со стороны противника”^{*1}.

В 1935 году этот журнал, на страницах которого отражалась передовая военно-теоретическая мысль, по указанию Сталина был закрыт. Подводя итоги анализа статей журнала “Война и революция”, можно констатировать, что к середине 30-х годов военная теория значительно шагнула вперед в решении проблем будущей войны и, в особенности, ее начального периода. Военные теоретики обосновали необходимость в условиях угрозы нападения заблаговременного отмобилизования, сосредоточения и развертывания значительной части вооруженных сил и поддержания их в боевой готовности к отпору агрессии. Они предсказали, что будущая война начнется без объявления, внезапно. Операции с самого начала приобретут напряженный характер. В сражение сразу же бросят крупные силы и поэтому, в отличие от первой мировой войны, они окажут огромное влияние на ход и исход войны. Решающую роль в начале войны, по их заключению, будут играть авиация и танковые войска.

Но на этом советская военная мысль еще не застыла. 20 мая 1936 г. даже орган ЦК ВКП(б) газета “Правда” опубликовала статью сотрудника Генерального штаба комбрига С.Н.Красильникова под заголовком “Начальный период будущей войны”. Объясняя повышенный интерес общественности к проблемам будущей войны и, в частности, к ее начальному периоду, автор указывал, что военно-техническая база современных массовых армий сильно изменилась по сравнению с первой мировой войной. Новые средства нападения (бомбардировщики, крупные механизированные соединения) меняют характер первых операций, они дают возможность по-новому ставить проблему завязки будущей войны. Рассматривая взгляды зарубежных военных теоретиков, автор подчеркивал, что особую роль они отводят стратегической внезапности, инициативе в открытии военных действий, дающей огромные выгоды для на-

---

^{*1} Война и революция, сентябрь—октябрь 1934, с. 23.

падающего. Как пишет генерал Шварте, отмечает Красильников: "Грохот авиационных бомб и треск танков будут объявлением войны завтрашнего дня". Исходя из опыта японской агрессии в Китае и итальянской — в Абиссинии, Красильников пришел к выводу, что "боевые действия в будущей войне... начнутся внезапным вторжением, без формального объявления войны". Авиация нападающего нанесет крупное поражение противнику, а подвижные соединения будут бить его собирающиеся войска по частям, внося панику и смятение в передовой зоне театра военных действий.

"Таким образом, — заключает он, — завязка войны мыслится, как внезапное нападение тяжелой бомбардировочной авиации с воздуха на жизненные центры страны, соединенное с глубоким вторжением крупных мото-механизированных или конных масс, поддержанный действиями легкой боевой авиации по железным дорогам и транспортным средствам, необходимым для сосредоточения боевых сил".

Таковы были взгляды на характер будущей войны и ее начальный период к 1937 году, когда их дальнейшее развитие было прекращено в связи с тем, что по этим вопросам указания мог давать только "непревзойденный" военный мыслитель — Сталин. Все остальные политические и военные деятели, теоретики и практики военного дела могли только повторять его "мудрые" высказывания и лакейски комментировать их.

Без вмешательства Сталина не публиковалась в открытой печати ни одна сколько-нибудь серьезная статья. Так, например, еще в 1935 г. Сталин подверг существенной правке статью М.Н. Тухачевского "Военные планы Гитлера", напечатанную в "Правде" 31 мая под заголовком, вписанным Сталиным, "Военные планы нынешней Германии". Материалы этой, большой по объему статьи не только свидетельствуют о размахе подготовки Германии к агрессии, но и вскрывают "Германские взгляды на ведение современной войны". Надо заметить, что они по-существу были такими же, как и в Красной Армии. В этом нет ничего удивительного, так как до 1933 г. командный состав Советского Союза и Германии обучался и готовился по существу совместно. Тухачевский пишет, что в книге "Современная военная наука", изданной в 1934 г., "генерал Мецш утверждает, что стратегическая цель сильно вооруженного государства заключается в перенесении военных действий на территорию противника, чтобы с самого начала войны расстроить его военную организацию. Для этой цели должны быть, прежде всего, применены воздушные, затем быстроподвижные, т.е. в первую очередь моторизованные силы". Высказываний в этом духе, указывает Тухачевский, мы находим в германской военной литературе сколько угодно. "Новая германская военная доктрина

кристаллизуется, а теперь обеспечивается и материально", — отмечает он.

Тухачевский приводит оценку германской военной доктрины маршалом Франции Петеном. В журнале "Revue des deux Mondes" от 1 марта сего года, последний, характеризуя германскую военную доктрину, говорит, что "появление нового вооружения может придать борьбе совершенно иной оборот. В настоящее время, — продолжает Петен, — можно представить себе войну внезапно начинающуюся приемами, способными уничтожить первый эшелон военных сил противника, дезорганизуящими его мобилизацию и разрушающими жизненные центры его мощи".

"Итак, — подытоживает Тухачевский, — Германия организует громадные вооруженные силы и в первую очередь готовит те из них, которые могут составить могучую армию вторжения".

Заключительную часть статьи написал Сталин. "Таким образом, — указал он, — для осуществления своих реваншистских и захватнических планов, Германия будет иметь к лету этого года армию минимум 849000 человек, т.е. армию большую на 40 проц., чем Франция, и почти такую же по численности как СССР (у СССР 940 тысяч человек, считая все рода войск). И это несмотря на то, что СССР имеет в 2,5 раза больше населения и в десятки раз больше территории, чем Германия. Так выглядит на деле, так называемое, равноправие в вооружениях".

Статья Тухачевского в соавторстве со Сталиным явилась открытым отражением происходившей с момента прихода Гитлера к власти гонки вооружений в Германии и Советском Союзе. Именно 1935 г. показал силы Красной Армии, искусство ее военачальников и боевое мастерство войск. Осенью этого года на полях Киевщины во время маневров во всей широте впервые в Европе проверялась теория глубокой операции, родоначальником которой в Советском Союзе явился начальник оперативного отдела штаба Красной Армии В.К.Триандафиллов, трагически погибший при авиационной катастрофе в 1931 г.

Глубокая операция имела в виду наличие большого количества авиации, танков и воздушно-десантных войск. Она разворачивалась на больших пространствах при участии огромных масс людей. На киевских маневрах сторону "синих" возглавлял командующий войсками Харьковского военного округа И.Н.Дубовой. "Красными" командовал его заместитель С.А.Туrowsкий, который в годы гражданской войны был помощником В.М.Примакова — создателя украинской конницы — Червонного казачества.

Большие киевские маневры, помимо чисто военного аспекта, имели, главным образом, политическую цель — показать всему миру, что Советский Союз не страшится угроз фашистской Германии. Поэтому на маневры пригласили многочисленные иностран-

ные делегации, в том числе и военных атташе посольств всех стран, аккредитованных в Москве, сопровождаемых представителем штаба РККА А.И.Седякиным. Среди иностранных гостей были: французский генерал Луазо и чехословацкий генерал Крейчи. С Францией и Чехословакией был подписан к тому времени договор о взаимной помощи.

В глубокой операции предусматривалось синхронно накрыть всю оборону врага всем арсеналом средств: грузом авиабомб, шквальным огнем пушек, ударом танков, высадкой воздушных десантов, атаками пехоты, конницы и еще пропагандистскими листовками.

Одну из бригад возглавлял Д.А.Шмидт, которого в 1937 г. обвинял в руководстве “заговором” с целью убийства Ворошилова на этих маневрах и расстреляют. Открыл “военные действия” 12 сентября 1935 г. Дубовой. “Синие” оттеснили части прикрытия “красных” к переднему краю, боем уточнили систему обороны и изготовились к ее преодолению. На следующий день, рано утром эшелонированные в глубину пехота и танки, сопровождаемые “мощным” огнем валом, сломили сопротивление “красных”. В прорыв двинулись танки и конница. С бреющего полета на разомкнутые линии кавалерии обрушились вереницы самолетов-штурмовиков.

14 сентября Дубовой обрушил с воздуха на тылы “противника” невиданный по своим масштабам мощный десант. Сначала свыше тысячи парашютистов, а потом под их прикрытием самолеты с пехотой, пушками, танками. Но и “красные” не дремали. Туровский двинул против десантников свой резерв. Завязался бой в глубине, к востоку от Киева, вскоре нейтрализовавший успех воздушного десанта.

15 сентября, в самый напряженный день маневров, с раннего утра пришли в движение огромные массы войск. Туровский, отбивая яростный натиск на линии реки Ирпень гарнизоном Киевского укрепленного района (кстати, на этом же рубеже отражали натиск немцев летом 1941 г.), двинул в обход свой мощный резерв — мото-механизированную группу. Но над ее флангом вскоре навис 2-й конный корпус под командованием Н.Н.Криворучко, усиленный танками. В эти критические для “красных” минуты, во фланг конному корпусу нанесла удар 9-я кавалерийская дивизия, также, как и Криворучко, широко известного в Красной Армии кавалериста К.А.Ушакова, который, как и Криворучко, в 1937 г. будет расстрелян.

В полдень разгорелось напряженное сражение крупных сил пехоты, конницы, танков. Густая пыль, поднятая гусеницами и копытами, превратила день в ночь. Более того, заработали еще дымопуски тяжелых танков батальона Б.Петрицы. Прикрытые ды-

мовой завесой, они мощным тараном обрушились на боевые порядки “синих”. Подоспевший танковый резерв Туровского, поддержанный с воздуха штурмовиками, довершил окружение конного корпуса. Загрели трубы, означавшие окончание маневров.

Отзывы иностранцев о маневрах, появившиеся на страницах прессы были высокими. “В отношении танков я полагал бы правильным, — указал генерал Луазо, — считать Армию Советского Союза на первом месте”. Ему вторил генерал Крейчи: “Наиболее характерным считаю массовое применение больших моторизованных соединений и новую интересную тактику”. А итальянский генерал Монти был “в восторге от применения воздушного десанта”.

Киевские маневры, а в следующем году Белорусские, показали высокую боевую мощь Красной Армии, хорошую выучку красноармейцев и навыки командного состава. Учения 1935—1937 годов продемонстрировали передовой характер военного искусства Красной Армии, которая в те годы успешно решала вопросы организации и применения на поле боя новых средств вооруженной борьбы, в частности, крупных механизированных, танковых и военно-воздушных соединений.

До 1937 г. Красная Армия превосходила вермахт (рейхсвер), в количественном и качественном отношениях. Главную роль в реорганизации Красной Армии сыграл М.Н.Тухачевский и его сторонники, которых было подавляющее большинство. Весной 1937 г. фактически все высшие командные и штабные должности занимали крупные специалисты, уровень образования офицеров был высоким. Один Ворошилов оставался во главе армии в качестве “парадного генерала”. Вокруг него “крутились” Буденный, Кулик и Щаденко, к которым примкнет позже Мехлис.

Тем, что Красная Армия к середине 30-х годов стала хорошо организованной и могучей силой, Сталин был обязан больше всего Тухачевскому. Архивные материалы убедительно свидетельствуют о том, что все сколько-нибудь крупные вопросы, связанные с организацией и вооружением Красной Армии, ставились и проводились в жизнь именно им. По его совету Сталин устранил дуализм (командир-комиссар) в Красной Армии, так сильно мешавший командованию. Это “устранение” политики в пользу военной квалификации в руководстве Красной Армии, должно было, как этого небезосновательно опасались, натолкнуться на сопротивление радикальных элементов, а также на противодействие тех, кто в переходе к строго дисциплинированной армии усматривал признак контрреволюции по образцу Наполеона. Во главе этих лиц встал Л.М.Каганович, которому Сталин в то время беспредельно доверял. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что “Постановление Комитета обороны М-8” (мобилизационный план

на 1937—39 гг.) был подписан Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым.

Еще в то время, когда Сталин сохранял полное доверие к Тухачевскому и строил на основе созданной им армии свои планы на будущее, ему уже около года тому назад Каганович нашептывал, что, возможно, придется испытать жестокое разочарование в Тухачевском, которому, по его мнению, была предоставлена диктаторская власть в военных делах. Кагановичу удалось убедить вождя, что такое руководство армией представляет огромную опасность. Когда после этого новый руководитель НКВД Н.И.Ежов сообщил о раскрытии широкоразветвленной контрреволюционной организации, а Л.Д.Троцкий “подлил масла в огонь” тем, что написал о наличии в СССР сил во главе с военными, способными ликвидировать сталинский режим, судьба армии и ее руководства была predetermined.

Так закончился период взлета Красной Армии. Военная квалификация была принесена в жертву безопасности тоталитарной системы.

Глава II

КРУШЕНИЕ

1. ОБЕЗГЛАВЛИВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

20 марта 1964 г. К.М.Симонов прислал мне "Роман-газету", в которой была опубликована первая часть повести "Солдатами не рождаются". Дарственная надпись гласила: "Через несколько месяцев пришло Вам и вторую книгу, одно из самых важных мест которой не могло бы быть написано, не прочти я Вашего интереснейшего исследования о начальном периоде Великой Отечественной войны".

Во время встречи он сообщил мне, что из моей книги "Начало Великой Отечественной войны" взял для романа материал о репрессиях военных кадров. "В результате этого, — говорится в ней, — на командные должности были вынуждены выдвигать молодых, недостаточно подготовленных офицеров. Осенняя (1940 г.) проверка, проведенная генерал-инспектором пехоты, показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, ни одного человека не оказалось с академическим образованием, 25 окончили военные училища, а остальные 200 — лишь курсы младших лейтенантов"¹.

Обменявшись мнениями по этому вопросу, мы заключили, что если бы не было кровавого 1937 г., не было бы и трагического сорок первого.

В Европе, да и в США, мало кто верил в то время в советскую военную мощь, учитывая масштабы "большого террора" в вооруженных силах. Весной 1938 г. президент Чехословакии Э.Бенеш признал, что он "более не считает советскую армию способной к эффективным действиям на Западе"².

---

*1 ЦАМО РФ. Ф.2, оп.75593, д.49, л.63

*2 Советская внешняя политика 1917—1945 гг. М., 1992. с. 151.

В середине мая того же года германский посол в Москве ф.Шуленбург сообщил в Берлин, что репрессии "настолько уменьшили вес Советского Союза в мировых делах, что любая попытка Литвинова (нарком иностранных дел СССР — В.А.) заручиться поддержкой других стран с самого начала обречена на провал"¹.

В Берлине учитывали это, готовя нападение на Советский Союз.

"Вопрос о гегемонии в Европе решится в борьбе против России, — заявил Гитлер на совещании с руководителями вермахта 5 декабря 1940 г. — ... Опыт прежних военных кампаний показывает, что наступление должно начинаться в соответствующий благоприятный момент. Выбор благоприятного времени, — указал он, — зависит не только от погоды, но и от соотношения сил сторон, вооружения и т. д. Русские уступают нам в вооружении... Основная масса русских танков имеет плохую броню... Армия не имеет настоящих командиров, — подчеркнул Гитлер. — Смогли ли они за последнее время серьезно внедрить правильные принципы военного руководства в армии — более чем сомнительно. Начатая реорганизация русской армии к весне еще не сделает ее лучше. Весной мы будем иметь явное превосходство в командном составе, материальной части, войсках. У русских все это будет, несомненно, более низкого качества. Если по такой армии нанести мощный удар, — заключил он, — ее разгром неминуем"².

Начальник генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Ф.Гальдер, выслушав возвращавшегося из Москвы полковника Кребса, который временно замещал военного атташе генерала Кестринга, 5 мая записал в своем служебном дневнике: "Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 г. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня (впечатление Кребса)"³.

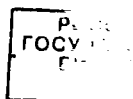
Почему подобное стало возможным? В чем причины этого? Как обезглавливалась армия? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, как учит Козьма Прутков, "зреть в корень". Этот "корень" указал В.И.Ленин в "Письме к съезду", записанном с его слов в конце 1922 — начале 1923 годов. "Я думаю, — говорилось в нем, — что основным в вопросе устойчивости... являются... Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему,

---

*1 Советская внешняя политика 1917—1945 гг. М., 1992. с. 151.

*2 Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. с. 280, 282.

*3 Там же, с. 504.

составляют большую половину опасности... Троцкий..., пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК... Сталин слишком груб, — отмечает Ленин. — ... Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения... о взаимоотношении Сталина и Троцкого... это такая мелочь, которая может получить решающее значение”^{*1}.

Отрицательными качествами Сталина были не только грубость, резкость и раздражительность, но и скрытность, слежка, залезание в душу, ложь, издевательство, жестокость, болезненная подозрительность, страх, злоба и ненависть. Мог ли он, жаждущий власти, не возненавидеть действительно самого способного человека в тогдашнем руководстве и не вести борьбу с ним до конца, не считаясь ни с чем? Как показала жизнь — не мог. Эта борьба Сталина с Троцким и привела в конце концов к многочисленным жертвам. Характерно, ведь “что всем процессам, которые проводились в СССР в 20-е и 30-е годы, навешивался ярлык “троцкистских”. К сожалению, Троцкий вольно или невольно систематически “подливал горячее в пылающий костер”. В открытых письмах из-за рубежа, статьях, книгах он клеймил Сталина и призывал отстранить его от власти. Он указывал, что людей, в том числе и военных, готовых сделать это, в стране немало. Троцкий без устали призывал к этому, заявляя, что оппозиция Сталину растет. К тому же, в своих книгах, изданных в 1936 г. и начале следующего года, он подчеркивал, что Советский Союз едва ли выстоит, если Германия развяжет войну против него, и тогда Сталин сойдет со сцены.

Сталин кипел от злости и решил “обезопасить” себя и страну гибелью десятков тысяч человек. С этой целью был проведен февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. — одна из самых позорных страниц нашей истории. Согласно режиссуры Сталина по первому вопросу: “Дело Бухарина и Рыкова” с докладом выступал народный комиссар внутренних дел Н.И.Ежов, “Они, — заявил он, — считают первым и основным долгом свержение сталинского режима... Это уничтожение может произойти... 1) в результате внешнего удара, т. е. в результате наступательной войны Германии и Японии на СССР. 2) В результате дворцового переворота или военного переворота, могущего быть совершенным одним из красных генералов”^{*2}.

Сам Сталин выступил с докладом “О недостатках партийной

---

*1 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45, с. 344—346.

*2 Вопросы истории. 1922. № 4—5, с. 10.

работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников". "Современный троцкизм это оголтелая банда... фашистских вредителей..., — заявил он. — Реставрация капитализма. территориальное расчленение Советского Союза (Украину — немцам. Приморье — японцам); в случае нападения врагов — вредительство, террор. Это все платформа троцкизма"*1.

Председательствовавший на пленуме В.И.Молотов в заключительном слове сказал: "Было вначале предложение по военному ведомству здесь особый доклад заслушать, потом мы отказались от этого... Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители. можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей. Это было бы нелепо... Военное ведомство — очень большое дело. проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко".

Решения февральско-мартовского пленума, требования Сталина и Молотова о "проверке" военного ведомства были восприняты органами НКВД как прямая директива по массовой чистке кадров армии и флота от имевшихся якобы там вредителей. К этому времени они располагали материалами о существовании в армии военно-троцкистской организации. Они "добыты" были путем истязаний "участников" так называемого "параллельного троцкистского центра". По показаниям Е.А.Дрейцера, С.В.Мрачковского и И.И.Рейнгольда, в нее входили, в частности, заместитель командующего Ленинградским военным округом комкор В.М.Примаков и военный атташе при полпредстве СССР в Англии комкор В.К.Путна. 14 августа 1936 г. арестован первый из них, а 20 августа — второй. На всех допросах вплоть до мая 1937 г. Примаков категорически отрицал свое участие в какой-либо контрреволюционной деятельности. В письме к Сталину от 16 октября 1936 г. он признался лишь в том, что враждебно высказался о С.М.Буденном и К.Е.Ворошилове. Путна же 31 августа дал показания о своем совместно с Примаковым участии в военной организации троцкистов.

Ежов, по указанию Сталина, стремился любыми путями добиться от арестованных военачальников и бывших сотрудников НКВД показаний о существовании "военно-троцкистской организации" в армии и о том, что во главе ее стоят Маршал Советского Союза М.Н.Тухачевский и другие видные военные деятели. Их глубокий профессионализм, независимость в суждениях, открытая критика и ирония в адрес выдвиженцев Сталина — К.Е.Ворошилова, С.М.Буденного, Г.И.Кулика, Е.А.Щаденко и других, не по-

---

*1 ЦПА ИМЛ. Ф.17. оп.2, д.612, л.12.

нимавших необходимости создания крупных танковых, авиационных и воздушнодесантных соединений, — вызывали у него раздражение, подозрительность и опасения, что армия не поддержит проводимый им курс и в случае войны изменит ему. Отсюда стремление убрать из армии всех вызывавших хоть малейшее подозрение.

Но для этого нужно было еще “выбивать” компромат. В конце апреля 1937 г. от бывших заместителя наркома внутренних дел Г.Е.Прокофьева и начальника Особого отдела НКВД М.И.Гая были получены “показания” о преступных связях М.Н.Тухачевского, И.Э.Якира, И.П.Уборевича, А.И.Корка, Б.М.Шапошникова, Р.П.Эйдмана и других с бывшим наркомом внутренних дел Г.Г.Ягодой. Это дало основание Сталину после Первомайского парада на обеде в квартире Ворошилова заявить, что враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднять тост за тех, кто достойно займет свое место за славным столом в октябрьскую годовщину.

“Добыча” разоблачителей врагов продолжалась. 6 мая 1937 г. был арестован комбриг запаса М.Е.Медведев, бывший до 1934 г. начальником ПВО Красной Армии. На допросе 10 мая он рассказал о существовании в Красной Армии “военной контрреволюционной организации”, ставившей своей задачей свержение советской власти, чему должна была предшествовать вооруженная помощь интервентов, и установление военной диктатуры. В состав центра во главе с Тухачевским входили Якир, Путьна, Примаков, Корк.

8 мая президент Чехословакии Э.Бенеш переслал Сталину в виде личного секретного послания досье с материалами о “военном заговоре” в СССР. Это досье, как выяснилось позже, состоявшее из документов — “доказательств” заговора, возглавляемого Тухачевским и другими видными военачальниками, было сфабриковано в Германии по указанию Гитлера и подброшено в Чехословакию, находившуюся в дружественных отношениях с Советским Союзом. Оно преследовало цель сыграть на отрицательных качествах Сталина, его мнительности, подозрительности, жестокости и таким образом ослабить Красную Армию. И оно, безусловно, сыграло в этом определенную роль.

Не выдержав пыток в тот же день, 8 мая, начал “признаваться” и Примаков об участии в троцкистской контрреволюционной организации. Вскоре он стал называть “участников” ее. 14 мая заявил о Якире, как наиболее подходящем кандидате на пост наркома обороны вместо Ворошилова. Через неделю от него было получено показание о том, что во главе заговора стоит Тухачевский, который, как и Якир, был связан с Троцким. Он назвал в тот день около сорока “участников” заговора, среди которых были Б.М.Шапошников, С.С.Каменев, Я.Б.Гамарник, П.Е.Дыбенко, Б.М.Фельдман и другие.

Подвергнутый мучительному допросу, Путья 14 мая также дал показания на Тухачевского и других военачальников как участников "военной антисоветской троцкистской организации". Арестованный в тот же день начальник Военной академии имени Фрунзе командарм 2-го ранга А.И. Корк 16 мая под пытками "признался", что был участником военной организации, основная задача которой состояла в проведении военного переворота в Кремле. Возглавлял организацию, по его словам, штаб во главе с Тухачевским, Путьей и им — Корком.

15 мая был арестован заместитель командующего войсками Московского военного округа комкор Б.М. Фельдман. Вскоре он также вынужден был "давать" подобные же показания. Представляя 20 мая Сталину протокол допроса Фельдмана, Ежов просит обсудить вопрос об аресте "остальных участников заговора". Но нарком внутренних дел не знал, что сценарий ареста уже был разработан. По указанию Сталина, 9 мая Ворошилов, не любивший своего заместителя потому, что завидовал его таланту и широкой образованности, обратился в Политбюро с письмом о подтверждении новых назначений. на следующий день было решено освободить Тухачевского от обязанностей первого заместителя наркома обороны и назначить командующим Приволжским военным округом: Якира освободить с поста командующего Киевским военным округом и назначить командующим Ленинградским военным округом.

13 мая, как свидетельствует книга регистраций, Тухачевского принимал Сталин, по-видимому, объяснивший ему причину перевода из Москвы в Куйбышев. Она, по рассказу бывшего члена ВЦИК П.Н. Кулябко, рекомендовавшего Тухачевского в партию и поддерживавшему с ним дружеские связи, заключалась якобы в том, что его знакомая и порученец оказались шпионами и были арестованы.

Но судьба Тухачевского была уже решена. Для ареста крупных военачальников работники НКВД по указанию Сталина, как об этом он оговорился 3 августа 1937 г. на совещании политработников Красной Армии, проводили специальные "операции", в которых определенная роль отводилась наркому обороны Ворошилову. Одних он вызывал в Москву на совещание, как, например, Якира и Уборевича, предлагая под разными предлогами ехать непременно только поездом. Других, служивших в центральном аппарате, направлял к новому месту службы в какой-либо округ. Аресты осуществлялись, как правило, во время остановок поездов в пути следования или по прибытии, как было с Тухачевским.

Его арестовали 22 мая в Куйбышеве, куда он только что прибыл из Москвы на новую должность. Семья Тухачевского не успела даже переехать в квартиру. Обыск проводился в вагоне, где находилась жена маршала, а сам Тухачевский был препре-

вожден обратно в столицу. Только привезли его 24 мая не в здание наркомата обороны, а в Лефортовскую тюрьму. Начались пытки и допросы, очные ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом. Вначале он все отрицал, потом сломился и 26 мая в заявлении на имя Ежова признал наличие антисоветского заговора, во главе которого он якобы стоял.

Последний допросил его через три дня и получил "признательные показания". Тухачевский заявил: "Еще в 1928 г. я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 г. я лично связался с Бухариным, с немцами я установил шпионскую связь с 1925 г., когда я ездил в Германию на учения и маневры... При поездке в 1936 г. в Лондон Путня устроил мне свидание с Седовым (сыном Л.Д.Троцкого — В.А.)... Я был связан по заговору с Фельдманом, Камневым С.С., Якиром, Эйдемано, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым И.Н., Ягодой, Осипяном и рядом других"*1. Характерно, что на отдельных листах показаний Тухачевского имеются пятна крови, свидетельствующие о том, как "выбивались" они.

Председатель Центрального совета Осоавиахима комкор Р.П.Эйдеман был арестован в тот же день, что и Тухачевский. Судя по тому, что 25 мая появилось и его заявление на имя Ежова, в котором сообщалось о согласии "помочь следствию" в раскрытии "преступления", можно представить, каким пыткам подвергались они. Во время допроса Эйдемана и из соседних кабинетов доносились крики, стоны людей и шум.

Любопытнейшие "метаморфозы" были осуществлены Сталиным и Ворошиловым с Якиром до дня его ареста. Как отмечалось выше, 10 мая его назначили командующим Ленинградским округом. Однако вскоре передумали и издали новый приказ о назначении его с 20 мая командующим Закавказским военным округом. Но ни в Ленинграде, ни в Тбилиси ему побывать не удалось. Почти до конца мая он передавал дела своему заместителю, командарму 2-го ранга И.Ф.Федько, которого через год постигла такая же участь. 12 лет Якир бессменно командовал Киевским военным округом, пользовался большим авторитетом в войсках и среди гражданского населения Украины. В 1933 г., когда там разразился голод, Якир вместе с рядом ответственных партийных работников подписал письмо в Москву с предложением о мерах борьбы с голодом. Сталин был очень недоволен этим, заявив, что военные должны заниматься своим делом, а не кооперацией. Его настой-

---

*1 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С.50.

чивость и упорство не нравились не только Сталину, но и Ворошилову.

28 мая 1937 г. он позвонил в Киев и приказал Якиру срочно выехать поездом в Москву на заседание Военного совета. Ночью в салон-вагоне поезда, который был отцеплен в Брянске, его арестовали прибывшие из Москвы сотрудники НКВД. Уже находясь в заключении, он обратился к Сталину с письмом, текст которого и вопиющая резолюция на нем были оглашены на XXII съезде КПСС в 1961 г. “Я честный и преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы, — писал он. ... Я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, к партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма”. На письме Сталин начертал: “Подлец и проститутка”, а Ворошилов добавил: “Совершенно точное определение”^{*1}.

В тот же день, как и Якир, был арестован И.П.Уборевич. О его чести, достоинстве и мужестве свидетельствует тот факт, что только он да Акулов пожали руку Н.И.Бухарину, когда тот, к тому времени уже затравленный, не прекращая голодовки, бледный и осунувшийся явился на февральско-мартовский пленум. Мог ли Сталин забыть и простить ему этот “дерзкий” поступок?

Вначале Уборевич категорически отрицал свое участие в “заговоре”. Но физическими методами были “выбиты” и из него “признательные показания”.

1 июня опросом членов ЦК было оформлено и подписано Сталиным постановление: “...ввиду поступивших в ЦК ВКП(б) данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистском правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии, Польши исключить из рядов ВКП(б) и передать их дела в Наркомвнудел”.

Накануне покончил с собой начальник Политуправления РККА Я.Б.Гамарник, который 30 мая решением Политбюро был снят со своего поста за связь с Якиром. В связи с болезнью он находился дома. Приказ Ворошилова об увольнении его из рядов РККА ему объявили на квартире. Сразу же после ухода посланцев наркома он застрелился. 1 июня в центральных газетах было опубликовано сообщение: “Бывший член ЦК ВКП(б) Я.Б.Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством”.

В тот же день, 1 июня в Кремле открылось расширенное

---

^{*1} XXII съезд КПСС. 17—31 октября 1961 г.: Стенографический отчет. Т.II — М., 1962. С.403.

заседание военного совета с участием членов Политбюро, длившееся до 4 июня. На нем обсуждался доклад Ворошилова "О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА". Перед началом работы все его участники были ознакомлены с показаниями "заговорщиков". Эти люди, сказал нарком, были между собой близки. "В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии тт. Сталина, Молотова и многих других, в том, — заметил Ворошилов, — что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т. д.... Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание Политбюро... Группа Якира и Уборевича на этом заседании вела себя в отношении меня, — разъяснял Ворошилов, — довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно". Он представил этот факт как заговор против наркома. Всю суть этого "заговора" против него изложил на судебном заседании 11 июня Уборевич. "Мы шли на Политбюро ставить вопрос о Ворошилове, по существу договорившись с Гамарником, что тот резко выступит против наркома", — заявил он. Можно ли квалифицировать как заговор выступления авторитетнейших военачальников против наркома, несоответствовавшего занимаемой должности по деловым качествам? Такое мнение о нем тогда разделяли многие. Еще в ходе следствия Примаков показал, что "Ворошилов, кроме стрельбы из нагана, ничем не интересуется. Ему нужны либо холоуи вроде Хмельницкого (помощник по особым поручениям), либо дураки вроде Кулика. Ворошилов не понимает современной армии, не понимает значения танков и авиации", — заключил он.

Мог ли Сталин быть равнодушным к подобного рода суждениям о своем "дитяти", который с 1924 г. служил ему военной опорой в борьбе с левыми и правыми? Если они помышляли отстранить от должности Ворошилова, так могли замахнуться и на него самого, вероятно думал он. Поэтому, выступая 2 июня на Военном Совете, Сталин сделал вывод, что в стране был "военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансируемый германскими фашистами". Руководителями заговора он назвал Троцкого, Рыкова, Бухарина, Я.Э. Радзутака, Л.М. Карахана (посол СССР в Турции — В.А.), А.С. Енукидзе, Ягodu, а по военной линии — Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Гамарника. "Это — ядро военно-политического заговора, — указал Сталин, — ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов". Говоря о Тухачевском, он заявил: "Он оперативный план наш, оперативный план —

наше святое святых — передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион".

И хотя в судебных делах и во время процесса не фигурировала сфабрикованная немецкой контрразведкой фальшивка, переданная Сталину через Бенеша, ее смысл именно в этом его выступлении.

Сообщив, что по военной линии уже арестовано 300—400 человек, Сталин бросил упрек в том, что дело о военном заговоре "прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных". Требуя усиления "разоблачения", он заявил: "Если будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб"*1. Эта "правда" привела к тому, что из 42 выступавших по докладу Ворошилова на совете, 34 были вскоре арестованы как "заговорщики".

По завершении работы Военного совета Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Ежов из большой группы арестованных отобрали для судебного процесса о "военном заговоре" группу лиц. Примакова и Путну включили в нее потому, что они до 1927 г. действительно разделяли взгляды Троцкого. Приказом № 072 от 7 июня 1937 г. Ворошилов поспешил объявить Тухачевского, Гамарника, Якира, Уборевича и других военачальников участниками военно-фашистского заговора.

Подготовкой процесса и его однодневным ходом дирижировал сам Сталин. В обвинительном заключении утверждалось, что в апреле—мае 1937 г. органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в городе Москве военно-троцкистский заговор. Военно-троцкистская организация, в которую вступили обвиняемые, образовалась в 1932—33 гг. по прямым указаниям германского штаба и Троцкого. Она занималась вредительством, диверсиями, террором и готовила свержение правительства и захват власти в целях реставрации капитализма в СССР.

Для рассмотрения этого дела было образовано специальное присутствие Верховного суда СССР. По инициативе Сталина, в его состав включили известных в стране военачальников: заместителя наркома обороны Я.И.Алксниса, командующего Дальневосточной армией В.К.Блюхера, командующего Московским военным округом С.М.Буденного, начальника Генерального штаба РККА Б.М.Шапошникова, командующего Белорусским военным округом И.П.Белова, командующего Северо-Кавказским военным округом Н.Д.Каширина. Об этом свидетельствует и приводимая телеграмма:

"Нац. ЦК, крайкомам, обкомам.

В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями

---

*1 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. с. 54.

В результате этого, а также сталинского указания о "пятипроцентной правде" ряды "врагов народа" за счет военных кадров непрерывно пополнялись. Уже через девять дней после суда были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников. Это превратилось в широкую кампанию, подогреваемую призывами к повышению политической бдительности. Дело дошло до того, что не могло быть ни одной воинской части, в которой не было бы хоть одного заговорщика. 21 июня Ворошилов и Ежов подписали совместный приказ № 082, в котором указывали: "Добровольно явившихся и без утаек рассказавших обо всем, как ими совершенном так и назвавших всех сообщников и единомышленников — задержанию и аресту не подвергать и против них уголовного преследования не возбуждать"*1. Но клонуть на эту приманку никто не пожелал. "Показания" продолжали усиленно "выбивать" физическими методами.

Не трудно догадаться, каких размеров достигли репрессии. Об этом убедительно свидетельствует совещание политработников РККА, проводившееся 3—4 августа 1937 г. с целью призыва их к дальнейшему развертыванию кампании по разоблачению "заговорщиков", на котором присутствовали Сталин, Молотов и Ворошилов*2. С докладом выступил начальник Политического управления РККА армейский комиссар 2-го ранга П.А.Смирнов, которому пришлось недолго пребывать в этой должности и оказаться в тех же "заговорщиках" и быть расстрелянным. Он отметил, что в армии "есть очень много отрицательных и прямо контрреволюционных высказываний. Эти настроения идут главным образом по линии разговоров о подрыве авторитета руководителей партии и правительства, о подрыве авторитета огульно командирского состава... Элементы растерянности захватили некоторую часть руководителей, которые потеряли волю и выпустили вожжи из рук. Есть некоторый упадок дисциплины, много происшествий, аварий. самоубийств, поджогов, увечья людей".

В ходе обсуждения доклада Сталин неоднократно бросал реплики.

— А как красноармейцы относятся к тому, что были командиры, им доверяли и вдруг их хлопнули, арестовали? Как они к этому относятся? — спросил он выступающего начальника политуправления Северо-Кавказского военного округа А.П.Прокофьева, которого вскоре постигла та же участь, что и Смирнова.

— Я докладывал, товарищ Сталин, что в первый период у ряда красноармейцев были такие соображения, причем они вы-

---

*1 ЦГАРА. Ф. 35879, оп. 2, д. 155, л. 32.

*2 Там же, ф. 9, оп. 29, д. 318.

сказывали сомнения. что такие люди как Гамарник и Якир, которым партия доверяла на протяжении ряда лет большие посты, оказались предателями народа, предателями партии, — ответил Прокофьев.

— Ну, да, партия тут прозевала, — заметил Сталин.

— Да, партия мол прозевала, — согласился выступающий.

— Имеются ли тут факты потери авторитета партии, авторитета военного руководства? Скажет так: черт вас разберет, вы сегодня даете такого-то, потом арестовываете его. Бог вас разберет, кому верить? — продолжал вопрошать Сталин.

— Такие разговоры действительно были. И записки такие подавали, — раздался голос с места.

Выступивший вслед за Прокофьевым начальник политуправления Ленинградского военного округа М.П.Магер заявил: “И комиссарский состав, и парторганизации потеряли то качество большевиков, которым они обладали в годы гражданской войны. Потеряли — и это, несомненно, есть старание врага”.

— Нет, это то, что мы институт военных советов и комиссаров отменили и бывших более самостоятельных работников взяли помполитами. Это тоже благоприятствовало потере остроты, — заметил Сталин.

— Правильно, — подтвердил Магер.

— Это была большая ошибка наша, — подчеркнул Сталин. (Заметим, что ЦИК и СНК СССР 15 августа 1937 г. утвердили “Положение о военных комиссарах РККА, а в округах, на флотах и в армиях были вновь созданы военные советы еще 10 мая 1937 г.).

“Мы были тупицами, если бы не научились на этих фактах. Нас многому научил ваш основной доклад на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), — заявил, обращаясь к Сталину, начальник политотдела ОКДВА, дивизионный комиссар И.Д.Вайнерос.

Сталин: “Что доклад. До доклада. Мы были новичками в военном деле, вот с Ворошиловым вместе сидели в Царицыне. Был там совет округа (Военный совет Северо-Кавказского военного округа в июне—сентябре 1918 г. — В.А.), который был организован по заданию Краснова, казачьего генерала. Мы об этом не знали, по работе судили, проверяли людей. Как только пришли в военный совет нас провели, его и меня. Недели только оказалось достаточно для того, чтобы присмотреться. Ковалев там был, Носович, Снесарев — все три генерала и не генералы. В недельный срок мы их разоблачили. Военным делом не владели, но потому что присматривались, по делам проверяли. Если бы наши политработники по делам проверяли некоторых политических и командных работников, они бы быстро вскрыли, независимо от того, коммунист он или не коммунист. Видимо, не было такого дела”.

Сталин не сказал о том, что разногласия командующего ок-

ругом генерал-лейтенанта российской армии А.Е.Снесарева произошли с ними потому, что он разглядел в бойком партийном функционере Ворошилове человека не очень глубокого ума, не знавшего военного дела, с неоправданным апломбом и вопиющей недисциплинированностью, что привело к гибели нескольких тысяч людей. Будучи освобожденным от должности по доносу Сталина. Снесарев впоследствии занимал ряд видных постов — от командарма до начальника Академии Генерального штаба. В 1928 г. он был удостоен почетного звания “Герой труда”. Но через два года после этого Сталин с Ворошиловым все-таки его “достали”. Он был арестован и осужден на десять лет якобы за “создание контрреволюционной монархической организации”. По болезни был освобожден досрочно, а 4 декабря 1937 года скончался.

Вопиющим по содержанию на августовском совещании политработников было выступление ближайшего из подручных Сталина и Ворошилова армейского комиссара 2-го ранга Е.А.Щаденко. После ареста Якира он был направлен лично Сталиным в начале июня в Киев членом Военного совета округа.

О результатах своей двухмесячной работы он и докладывал. “Военный совет обратил исключительное внимание на разъяснение политических событий, ибо в нашем округе это имело особое значение. Якир пользовался определенным ореолом, доверием: умел, как говорили, к массам подходить, умел обманывать тонко, артистически, умел вовлекать и проводил свою вредительскую работу, — говорил Щаденко. — Поэтому Военному совету предстояло провести ряд разъяснительных собраний... В Новгород-Волынске имелись два выступления неправильных, направленных на то, чтобы впечатление, которое было создано на собрании, смазать каверзными вопросами.

Сталин: Осадили?

Щаденко: Нет, мы не осаживали, но человек, выступавший оказался врагом.

Сталин: Разъяснили?

Щаденко: Да, разъяснили.

Сталин: Просто или боролись?

Щаденко: Нет, конечно, просто в беседе... В военкомате сидят почти сплошь враги.

Буденный: Это верно.

Щаденко: По складам мы очень много изъяли людей, по некоторым почти 100%. Нас нарком предупреждал и говорил нам — вы тут смелее действуйте, это очень опасный участок. Корпусное звено на сегодняшний день поражено у нас на 90% с лишним даже. Укрепрайоны тоже примерно к такой цифре подходят, окказавшись в руках враждебных людей. В дивизионном звене меньше 70%, причем тут не только командиры и политработники,

в большинстве на пару работали, а иногда и втроем вроде пищевого блока: командир, политработник и начальник штаба. До полкового звена, товарищи, мы еще не добрались по-настоящему... Мы нашли списки распределения денег или вернее дележки последних остатков и нашли списки представленных к наградам, к орденам. Товарищ Сталин, мы не то что нажимали на Особый отдел, но независимо от этого почти все люди, бывшие в этих списках, оказались арестованными (то есть, лучшие командиры и политработники лучшего в Красной Армии военного округа были арестованы, а многие из них — расстреляны — В.А.).

Сталин: Где нашли?

Щаденко: У него в сейфе.

Сталин: Сейф у него остался? А вы знаете, что Якир и Балицкий (В.А.Балицкий был наркомом внутренних дел УССР — В.А.) в день, когда они получили постановление правительства о том, что оба они отзываются с Украины, говорят, три дня жгли какие-то бумаги. Вам это известно?

Щаденко: Известно.

Сталин: А сейф остался?

Щаденко: Сейф нельзя сжечь... Комиссар 7-го кавкорпуса буквально на глазах самокритики тает.

Сталин: Тает?

Щаденко: Да, тает. Он пришел и говорит, что я должен с Вами поговорить. Я говорю: открывай навигацию (имеется в виду "добровольное признание" в соответствии с приказом Ворошилова и Ежова от 21 июня 1937 г. — В.А.). Он уехал, очевидно, с кем-то поговорил (командир корпуса Григорьев был уже арестован. — В.А.), потом пишет автобиографию и клянется, что он хороший человек. Но теперь мы видим, что враги крепко за него говорят.

Голос с места: Значит не открыл навигации?

Щаденко: Нет.

Сталин: И вы с этим примирились?

Щаденко: Мы уже соответствующим образом реагировали на это дело.

Сталин: Ах, реагировали, тогда извиняюсь.

"Ретивость" Щаденко понравилась Сталину и Ворошилову. Вскоре он становится заместителем последнего по кадрам. Именно он в октябре 1937 г. препроводил на Лубянку, к счастью, не расстрелянного и ставшего в годы войны одним из прославленных командармов, А.В.Горбатова.

Среди последних на этом совещании выступил главный редактор газеты "Красная звезда" М.М.Ланда. "Я думаю так, товарищи, — сказал он, — члены военных советов, начальники политуправлений округов, весь политаппарат сейчас кровно за-

интересованы в том, чтобы в кратчайший срок реализовать директиву товарища Сталина, которую он дал на февральском пленуме ЦК — восстановить значение большевистского печатного слова". Сталину не понравилась эта трактовка его доклада на пленуме и он сказал: "Слабо, слабо". Этой реплики оказалось достаточно, чтобы потом арестовать Ланду, а затем и расстрелять.

Этапным событием подведения итогов разоблачения "заговорщиков" явилось заседание Военного совета при НКО, проходившее в период с 21 по 27 ноября 1937 г.^{*1} После вступительной речи Ворошилова первым вышел на трибуну, ставший уже членом Военного совета Ленинградского округа Магер. "Товарищи, выполняя решения февральско-мартовского пленума ЦК и указания народного комиссара обороны, особенно данные на последнем заседании Военного совета в июне-месяце, Военный совет Ленинградского округа, реализуя эти указания, — заявил он, — продолжал, нужно сказать, огромную работу по части очистки округа от враждебных элементов". Эта "огромная работа" вскоре смела в небытие и самого Магера.

След за ним выступил командующий Закавказским военным округом комкор Н.В.Куйбышев (брат известного государственного деятеля В.В.Куйбышева — В.А.), для которого эта речь явилась также "лебединой песней".

Куйбышев: "Подытоживая результаты инспекторских смотров, окружных учений, Военный совет округа оценил военную подготовку войск ЗакВО как стоящую на неудовлетворительном уровне. Основная причина того, что мы не изжили всех этих недостатков, заключается в том, что у нас округ обескровлен очень сильно.

Ворошилов: Не больше, чем у других.

Куйбышев: А вот я вам приведу факты. На сегодня у нас тремя дивизиями командуют капитаны. Но дело не в звании, а в том, товарищ народный комиссар, что, скажем Армянской дивизией командует капитан, который до этого не командовал не только полком, но и батальоном, он командовал только артиллерийской батареей.

Ворошилов: Зачем же вы его поставили?

Куйбышев: Почему мы его назначили? Я заверяю, товарищ народный комиссар, что лучшего мы не нашли. У нас командует Азербайджанской дивизией майор. Он до этого времени не командовал ни полком, ни батальоном и в течение шести последних лет являлся преподавателем военного училища. (Эти слова были восприняты участниками совещания смехом).

---

*1 Отд. хр. док. ИН. ОП. 796, д. 74.

Голос с места: Куда же девались командиры?

Куйбышев: Все остальные переведены в ведомство Наркомвнудела без занятия определенных должностей... Я думаю, что это не их вина, а их беда. что они не имеют опыта. Откуда может быть хорошим командир Грузинской дивизии Дзабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал только ротой и больше никакого командного стажа не имеет.

Буденный: За год можно подучить.

Ворошилов: Семен Михайлович считает, что если ротой умеет хорошо командовать, то и армией может.

Весьма показательным примером того, как проводилось "выявление" "врагов народа" является выступление члена Военного совета Харьковского военного округа Озолина, также будущего "заговорщика" с трагическим концом: "Товарищ кародный комиссар, при решении вашей задачи о кадрах мы попали в оригинальное положение, когда командующий войсками, начальник штаба и два начальника политотдела (после ареста первого назначили второго, а затем успели арестовать и его — В.А.) округа были арестованы как враги народа. В то же время были представлены к увольнению из Красной Армии 1644 человека. При обстановке, когда командиры дивизий, командиры полков совершенно затронуты не были. У нас встал вопрос: неужели при наличии этого вражеского фашистского руководства они не пытались расставить свои кадры в полках, дивизиях, корпусах?

Чтобы вскрыть этот вопрос мы не могли ориентироваться на основе документации, имеющейся в личных делах того или иного командира, поскольку все аттестации в основном были подписаны врагами народа. Поэтому при помощи только что организованного в округе особого отдела мы выехали на места для того, чтобы путем партсобраний, комсомольских собраний, собраний беспартийного командного состава и данных особого отдела вскрыть лицо командного и политического состава. Что мы имеем в итоге? За время пребывания в 30, 23, 80, 3 и 41-й СД нам удалось, в основном, выявить, что главное звено, которое было втянуто в военно-фашистский заговор в частях состоит почти из всех командиров дивизий, комиссара 7-го корпуса и абсолютного большинства командиров и военкомов полков. В итоге этой работы на сегодняшний день в части выявления участников военно-фашистского заговора, троцкистов, зиновьевцев и т. п., нами выявлено и уволено из РККА 995 человек командного и 118 человек политического состава. Что касается остальных людей, которых мы выявили, то нам нужно основательно прорабатывать и мы думаем, что в течение месячного срока, согласно ваших указаний, товарищ народный комиссар, мы этот вопрос решим".

Аналогичным по содержанию было и выступление команду-

ющего Сибирским военным округом комкора Антонова, которого в недалеком будущем постигнет та же участь, как и предшествующих выступающих — расстрел. “В Сибирском военном округе, как и в других округах, — заявил он, — враги народа, шпионы, вредители крепко приложили свою руку, чтобы подорвать боеспособность войск. Нет ни одной отрасли работы, товарищ народный комиссар, где бы не было вредительства. Чем глубже копнешь, тем больше находишь и тем скорее изживаешь в практической работе все это вредительство”.

Иначе, как омерзительным и подлым, заключительное слово Ворошилова на этом совете не назовешь:

“Я убежден, если бы мы всю эту сволочь, извиняюсь за грубое выражение, произнесенное здесь, но совершенно подходящее, если бы мы всю эту мерзость не раскрыли, мы имели бы войну. Все это велось к войне. И Якир, и Гамарник, и последующие всякие мерзавцы, которых оказалось громадное количество — они готовились к измене, к удару в тыл нашей армии в начале войны... Война сорвалась... Войну нам сейчас не навяжут, потому что сейчас мы вычистили этих господ. Изменники в наших рядах еще есть, но осталось значительно меньше и качеством пониже. Всю эту верхушечную дрянь мы вычистили сейчас. .. Мы думали, что у нас своя армия. К сожалению, оказалось — в этой своей армии много чужих элементов и не просто чужих, попутчиков, а чужих, подлых предателей, которые сидели в печенках у нас. .. Все подлое, все враждебное, всякая мерзость будет уничтожена. Мы будем корчевать и уничтожать без остатков как нарост, как гниль, как всякую дрянь, которая мешает здоровому организму жить и радоваться”.

И “корчевание” командного состава Красной Армии по-прежнему продолжалось. На заседании Военного совета при НКО 29 ноября 1938 г. этот кровавый маньяк, иначе его не назовешь, заявил: “Когда в прошлом году была раскрыта группа презренных изменников во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, что эта мерзость, эта гниль так широко засела в Армии. Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма до живого, здорового мяса, очищаясь от мерзостей, предательской гнили... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя с самых верхов и кончая низами. За все время мы вычистили больше 50 тысяч человек. Эта цифра внушительная. Мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки”¹.

---

¹ Отд.хр.док.ИН. Оп. 1855, д.3.

В результате практических шагов по “ликвидации заговора” в Красной Армии подверглись репрессиям и в большинстве своем были расстреляны около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов, все командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий, бригад, полков, несколько заместителей наркома обороны, почти все начальники главных управлений наркомата обороны и Генерального штаба, все начальники военных академий, многие преподаватели высших и средних учебных заведений и другие категории военнослужащих.

В 1936 г. в Красной Армии насчитывалось пять Маршалов Советского Союза, пять командармов 1-го ранга и 10 командармов 2-го ранга, 62 комкора, 201 комдив, 474 комбрига, 1713 полковников, 5501 майор, 14369 капитанов, 26082 старших лейтенанта и 58582 лейтенанта^{*1}. Почти весь верхний эшелон командного состава Красной Армии, за редким исключением, был репрессирован и в подавляющем большинстве уничтожен.

Примерно то же самое “творилось” и в Военно-Морском Флоте. В результате Советские Вооруженные Силы, в полном смысле этого слова, были обезглавлены.

Впервые последствия репрессий командного состав весьма отрицательно сказались в организации боевых действий в районе озера Хасан летом 1938 г. Кстати, вторым вопросом повестки дня Военного совета при НКО, проходившего с 21 по 29 ноября 1938 г., был: “О событиях в районе озера Хасан”. Во время выступления начальника Политического управления Л.З.Мехлиса, критиковавшего деятельность командующего 1-й Краснознаменной армии комдива Подласа, Сталин бросил реплику с любопытным признанием: “Мне, грешному человеку, может быть, я слишком груб и резок, но мне кажется, что может быть он и честный человек, однако, зная положение частей, решил самоустраниться и не отвечать”.

В заключение по этому вопросу Ворошилов говорил о плохой организации боев Маршалом Советского Союза В.К.Блюхером. На голос с места: “Я предлагаю отдать под суд и Блюхера”, он ответил: “К вашему сведению, он уже находится в соответствующем месте и пытался уже несколько раз покончить с собой. Его выдал его родной брат. Сейчас Блюхер уже признает, что он враг и заговорщик, а его родной брат говорит, что Блюхер не только заговорщик и враг советской власти, но что он пытался в самый

---

^{*1} ЦГАРА. Ф.33987, оп.3, д.1024, л.9; д.1185, л.9.

последний момент, когда мы его вызвали к себе, улететь с братом к японцам. Вот кто такой Блюхер. Это конченная сволочь”.

Еще во вступительном слове на этом заседании совета при НКО Ворошилов сообщил, что в марте 1938 г. создан Главный военный совет, в состав которого вошли Ворошилов (председатель), Сталин, Молотов, Буденный, Мехлис, Кулик, Федько, Шапошников и Щаденко. Именно на этом совете 31 марта обсуждали поведение Блюхера во время боев у озера Хасан. Сталин сказал тогда: “Люди на Востоке были хорошие, а за Блюхером не заметили особого рвения”^{*1}.

Молотов пошел еще дальше: “Блюхер работал безобразно плохо. Думали, что если в мирное время работал плохо, то во время войны будет работать хорошо. События показали — командующий растерялся, как тряпка, ничего не может сделать. Простой человек лучше справится. С командующим может быть много церемонимся. В действиях Блюхера политическая имеется подкладка”. Свои “политические сомнения” он подкрепил “плохой оборонительной системой района Посъета”.

Церемониться с Блюхером больше не стали. 4 сентября Ворошилов издал приказ, в котором Блюхер был обвинен в том, что не вел активной борьбы с “многочисленными врагами народа” в частях Дальневосточной армии и в пораженческих настроениях. Его отстранили от должности и передали в руки наркомвнудела, в застенках которого он и погиб в ноябре.

Еще раньше, 28 мая 1938 г. на заседании Главного Военного совета обсуждали вопрос о командных и политических кадрах Красной Армии. В отношении высшего и старшего командного состава Сталин указал, что “лучше всех обновить, так как старые, которые были слегка замешаны — боятся”. А когда обсуждали положение дел в политических органах, он желчно бросил такую фразу: “Тут было много сволочи”^{*2}.

Уничтожив самых талантливых, теоретически подготовленных и опытных командиров и военачальников — цвет армии, государственные и военные руководители позволяли себе еще делать заливхватки заявления. Так, 6 ноября 1938 г. в докладе о XXI годовщине Октябрьской революции Молотов сказал: “Мы ответим на каждый удар двойным и тройным ударом по поджигателям и провокаторам войны”^{*3}.

---

*1 Отд. хр. док. ИЛ. Оп. 1710, д. 2.

*2 Там же. Тет. № 4 (книга записей протоколов заседания...)

*3 Правда. 7 ноября 1938 г.

Ему вторил Ворошилов. В речи на параде на Красной площади на следующий день он открыто заявил: "Пусть помнят те, кому забывать не следует, что мы совсем не обязаны всегда ограничивать действия наших войск районом, на который воровски и нагло нападает враг. Наоборот, нам сподручнее и легче громить врага на его территории. Так оно и будет"*1.

В закрытой же речи перед военными делегатами, которых пригласил он 23 марта после окончания XVIII съезда ВКП(б), он и вовсе расхвастался. "Мы в основном уже очистились от шпионской мрази, но у нас еще агенты гестапо имеются и даже в рядах нашей армии. Если эти агенты будут доносить своим господам, что у большевиков дело спорится, части учатся, армия крепнет, совершенствуется, то немцы не скоро на нас рискнут напасть, а если полезут, то получают должное. Мы им набьем при всех обстоятельствах, в этом я не сомневаюсь... В 19 часов вам комбриг Калмыков (командир кавалерийской бригады, дислоцировавшейся в Хамовнических казармах — В.А.) у себя в манеже покажет штыковой бой. Это уже относится к компетенции Семена Михайловича"*2.

Вместо того, чтобы направить военачальников и командиров на танкодром или аэродром, для показа танкового или воздушного боя, Ворошилов по-прежнему придавая особое значение кавалерии, отправил их с Буденным в манеж.

Разработанные Тухачевским и его соратниками и проверенные в 30-е годы на маневрах основы ведения крупных операций в условиях "машинной войны" были подвергнуты ostrакизму и отброшены прочь. Более того, решением Главного военного совета в это же время были расформированы танковые и воздушно-десантные корпуса и авиационные армии, считавшиеся порождением все тех же "заговорщиков" — врагов народа. Прозрение наступит потом, но будет слишком поздно.

Свою слабость "обновленная" Красная Армия убедительно продемонстрировала в так называемых "освободительных походах" и, особенно, в советско-финляндской войне. Чтобы судить о бое-способности ее к началу Великой Отечественной войны достаточно хотя бы указать, что после ареста Якира и Уборевича в конце мая 1937 г. в Киевском военном округе сменилось за четыре года четыре командующих (И.Ф.Федько, С.К.Тимошенко, Г.К.Жуков, М.П.Кирпонос), а в Западном — три (И.П.Белов, М.П.Ковалев, Д.Г.Павлов). А ведь в этих округах были сосредоточены главные

---

*1 Правда. 9 ноября 1938 г.

*2 Отд.хр.док.ИЛ. Оп.796, д.75, л.48—49.

силы Красной Армии. Могли ли быть хорошо обученными и подготовленными Военно-Воздушные силы, если в них за неполных четыре года сменилось, после ареста и расстрела в 1938 году командарма 2-го ранга Я.И.Алксниса, три начальника (генерал-полковник А.Д.Локтионов, генерал-лейтенант авиации Я.В.Смушкевич, генерал-лейтенант авиации П.В.Рычагов и все трое были без суда и следствия расстреляны в октябре 1941 г.).

Последствия обезглавливания Советских Вооруженных Сил не могли не привести к трагедии 1941 года.

Тем, что Красная Армия в середине 30-х годов представляла собой могучую силу, "Сталин, — справедливо отмечалось в немецкой газете "Дойче Вер" 24 июня 1937 г., — обязан одному лишь Тухачевскому" и его сторонникам, противостоявшим Ворошилову и его окружению, которые приведут Красную Армию в конце концов к развалу.

2. РАЗВАЛ И ЗАБВЕНИЕ

"Сталинский ураган" смел почти всех наиболее подготовленных военачальников и в первую очередь тех, кто имел отношение к сотрудничеству с рейхсвером и хорошо знал военное искусство будущего противника. "В противовес краткой эре Тухачевского, — справедливо отмечалось в немецком журнале "Верфронт" в 1937 г., — снова выступили на первый план парадные генералы и герои гражданской войны. Вместе с этим путем восстановления военных советов и значительного усиления политического аппарата восстановлен дуализм, устраненный в интересах боеспособности армии расстрелянным маршалом Тухачевским"*1.

В мае 1937 г. ЦК ВКП(б) принял решение о военных советах в округах, армиях, на флотах и флотилиях, а 15 августа утвердил "Положение о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии". Комиссары, как свидетельствуют материалы августовского совещания 1937 г., по замыслу Сталина, должны были стать своего рода агентурой по разоблачению, "врагов народа", "фашистских наймитов" в войсках. По иронии судьбы, одна волна "разоблачителей" смывалась другой, пока не была истреблена большая часть командного и политического состава в Красной Армии. Во исполнение указаний Сталина и Ворошилова в частях и соединениях проводились партийные, комсомольские собрания и собрания беспартийных, на которых "вскрывалось лицо" командного и политического состава. Кроме репрессий это приводило к подрыву

---

*1 ЦГАР. Ф. 33987, оп. 3, д. 1080, л. 7.

основ воинской дисциплины, потому что в эти годы от командиров, политработников и даже рядовых красноармейцев требовали, чтобы они присматривались друг к другу как к замаскировавшимся врагам.

Подозрительность и недоверие Сталина к военным деятелям привели к тому, что все важнейшие решения по вопросам обороноспособности страны и расстановки военных кадров он принимал единолично. Подготовленные Главным военным советом, который был образован 13 марта 1938 г., постановления направлялись к Сталину с просьбой “утвердить”, хотя он был не председателем, а лишь членом этого совета. Даже включение его в состав Главного военного совета, созданного для рассмотрения основных вопросов строительства армии и флота, расценивалось как “замечательное мероприятие партии и правительства, поднявшее на еще большую высоту задачу обороны нашей родины”^{*1}.

Культ личности Сталина создал благоприятную почву для таких отрицательных явлений, как карьеризм и угодничество, подозрительность, недоверие, ожидание указаний сверху, хвастовство. “Полная победа наших вооруженных сил в борьбе с любым врагом обеспечена, — говорилось в редакционной статье “Правды” 20 декабря 1939 г., — потому что каждый боец, командир и политработник хорошо знают повседневную сталинскую заботу о его социалистической родине и Красной Армии. Каждый боец, командир и политработник мыслями и душой всегда со Сталиным. По его зову каждый готов без колебаний отдать все свои силы, если нужно, и свою жизнь во имя славы и могущества Родины, во имя коммунизма”.

Все это привело к падению дисциплины и подрыву инициативы у командного состава в принятии каких-либо решений. Эти пороки вскрылись в ходе локальных войн и особенно советско-финляндской.

Массовые репрессии в 1937—1938 гг. коснулись не только военных, но и других категорий граждан СССР, в том числе инженерно-технического состава. Это весьма отрицательно сказалось на работе оборонной промышленности. Многие конструкторы, директора заводов были арестованы. Новые образцы военной техники и вооружения создавались и внедрялись в производство медленно. Поэтому военные заводы длительное время выпускали старые образцы вооружения. В результате этого Красная Армия стала отставать от немецкой не только в кадровом, но и в материальном отношении. Это убедительно показал уже завершающий этап гражданской войны в Испании, земля и воздушное пространство которой

---

^{*1} Военно-исторический журнал, 1940, № 2, с. 16.

явились своего рода лабораторией для испытания боевых свойств советских и немецких танков и самолетов.

Особенно отставала в выполнении государственных заданий авиационная промышленность. С 1938 по 1940 гг. выпуск боевых самолетов увеличился всего на 19%. При этом выпускали в основном самолеты старых конструкций. Новые образцы пробивали себе дорогу с трудом. Так, бронированный штурмовик конструкции С.В.Ильюшина (Ил-2), какого не имела ни одна армия в мире, был создан в 1939 г., а в войска стал поступать только в 1941 г.

“Материальная часть ВВС Красной Армии в своем развитии за последние три года отстает по скоростям, дальностям, мощностям моторов и вооружению самолетов от авиации передовых армий других стран, — отмечалось в “Акте о приеме наркомата обороны Союза ССР т.Тимошенко С.К. от т.Ворошилова К.Е. — Наркомат обороны (Управление ВВС) не проявил достаточной инициативы и настойчивости по внедрению более современных типов самолетов. Управление Военно-Воздушных Сил не определяло направления развития военной авиации... Отработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно... Организация военно-воздушных сил в связи со значительным ростом авиации устарела и требует пересмотра и объединения в более крупные авиационные соединения (дивизии)... Аварийность и катастрофы в авиации продолжают оставаться высокими вследствие слабой подготовки летного состава, незнания им материальной части, низкой дисциплинированности, неорганизованности летной работы и безответственности командиров частей и бригад за происшедшие аварии и катастрофы”^{*1}.

Аналогичное положение наблюдалось и в танковой промышленности. Конструкторы М.И.Кошкин, А.А.Морозов, Н.А.Кучеренко в 1937 г. создали лучший в мире танк Т-34, однако на вооружение он был принят только в конце 1939 г. В 1940 г. планировалось выпустить 600 танков, однако произвели только 115^{*2}. “Вооружение танковых частей в своем развитии отстает от современных требований, — указывалось в “Акте...”, — вследствие того, что современные толстобронные танки внедрены на вооружение с опозданием”.

Истребление кадров и развал Красной Армии происходили в условиях необходимости ее укрепления. Об этом говорил сам Сталин. В феврале 1939 г. было опубликовано в “Правде” и получившее тогда широкую известность “Письмо т.Иванова и ответ

---

^{*1} Известия ЦК КПСС, 1990, № 1, с. 200.

^{*2} ЦАМО РФ. Ф. 38/39, оп. 40983, д. 1, л. 3—5.

т.Сталина". В своем ответе Сталин указывал, что победа социализма в СССР не является окончательной, а поэтому "нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную Армию, Красный флот, Красную авиацию, Осоавиахим. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая "случайность" и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох". Люди, утверждавшие, что мы имеем полную гарантию от интервенции, продолжал Сталин, "если они субъективно даже преданы нашему, объективно опасны для нашего дела, ибо они своим хвастовством вольно или невольно (это все равно!) усыпляют наш народ, демобилизуют рабочих и крестьян и помогают врагам застигнуть нас врасплох в случае международных осложнений"*1.

К таким людям следует отнести прежде всего самого Сталина, позволившего немцам застигнуть нас врасплох.

После расправы над Тухачевским при поддержке Сталина руководящее положение в Красной Армии заняли сторонники Ворошилова. Буденного, для военной поддержки, на всякий случай, Сталин поставил во главе Московского военного округа. С 1937 г. на парадах на Красной площади на конях красовались первый и второй маршалы. Ворошилов, несмотря на бурное развитие военной техники, изменившиеся взгляды на характер будущей войны, все еще продолжал отводить большое значение в наступательных операциях коннице. "Конница, — заявил он в докладе о 20-лети РККА в 1938 г., — во всех армиях мира переживает, вернее уже пережила, кризис и во многих армиях почти что сошла на нет... Мы стоим на иной точке зрения... Мы убеждены, что наша доблестная конница еще не раз заставит о себе говорить, как о мощной и победоносной Красной кавалерии... Красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооруженной силой и может и будет решать большие задачи на всех боевых фронтах"*2.

Формирование новых механизированных корпусов "кавалеристы" прекратили, а участь танковых — была предreshена. Постановлением Главного военного совета от 21 ноября 1939 г. танковые корпуса были расформированы. Принятию этого нелепого решения предшествовало специальное совещание, на котором присутствовали заместители наркома обороны армейские комиссары 1 ранга Л.З.Мехлис, Е.А.Щаденко и командарм 1 ранга Г.И.Кулик, на-

---

*1 "Письмо т.Ивановы и ответ т.Сталина". М., 1940, с. 4. 13—14.

*2 Ворошилов К.Е. XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. М., 1938, с. 14

чальник Автобронетанкового управления комкор Д.Г.Павлов, помощник начальника Генерального штаба комбриг М.В.Захаров, старшие преподаватели Академии Генерального штаба комбриги А.В.Кирпичников и С.Н.Красильников, а также другие лица.

Чтобы обосновать решение о расформировании крупных танковых соединений, заместители наркома и Павлов приводили выводы из опыта войны в Испании, походов в Западную Белоруссию и Западную Украину, а также из опыта учений. Выступавшие за ликвидацию танковых корпусов не считались с тем, что боевые действия в Испании разворачивались в городах и в гористой местности, где применение больших масс танков безусловно было невозможно. Они не принимали во внимание и тот факт, что подвижные соединения в походе в Польшу плохо обеспечивались в инженерном и материальном отношении. Мехлис, Шаденко и Кулик не хотели брать в расчет то обстоятельство, что из-за частой смены командиров всех степеней, в связи с массовыми репрессиями, управление подвижными соединениями и частями как в боевых условиях, так и на маневрах осуществлялось не организовано, а порой просто плохо. Поэтому, объяснять расформирование танковых корпусов якобы слабой маневренностью их и трудностями управления было по меньшей мере неразумно.

Против расформирования танковых корпусов выступали Захаров, Красильников и Кирпичников. Они говорили о том, что в современной войне это крупное подвижное соединение является единственным средством развития успеха в наступательной операции фронта, что без него немыслима глубокая операция, которая отработывалась и изучалась в Академии Генерального штаба. Все они обосновывали необходимость дальнейшего совершенствования организационной структуры крупных танковых соединений и протестовали по поводу предложений о их расформировании. Но к этим страстным выступлениям не прислушался нарком обороны Ворошилов, руководствовавшийся в этом случае, по-видимому, советом одного из героев бессмертной комедии А.С.Грибоедова "Горе от ума": "Уж коли зло пресечь, забрать все книги бы да сжечь".

Итак, "надуманное", по словам Ворошилова, соединение было ликвидировано. Танковые корпуса прекратили свое существование. Этот шаг явился одной из грубейших ошибок предвоенного строительства Красной Армии, которая дорого стоила Советскому Союзу в начале Великой Отечественной войны. Поистине пророческим оказалось предупреждение Эйдемана, высказанное им еще в 1931 г. "Было бы величайшей бедой для армии, — указывал он, — если бы личная склонность и любовь того или другого старшего начальника к определенному виду боя определяли центральное со-

держание боевой подготовки того или другого соединения войск, той или другой школы, того или другого рода войск"*1.

Подобные же метаморфозы произошли и в военно-воздушных силах. Не успев встать на ноги, три авиационные армии — мощное стратегическое средство Главного командования — были расформированы. Авиация Главного командования состояла уже из отдельных бомбардировочных корпусов и дивизий. Фронтовая авиация была переведена на бригадную и полковую организацию. Несколько позже произошло дальнейшее дробление организации ВВС. Появилась армейская авиация в виде смешанных авиационных дивизий и даже войсковая (одна авиаэскадрилья в корпусе). Такое распыление военно-воздушных сил затрудняло, если вовсе не исключало, массированное применение ее для завоевания господства в воздухе и нанесения мощных бомбовых ударов по объектам оперативного и стратегического тыла противника.

Всвязи с бурным развитием авиации в других странах, особенно в Германии, большое внимание следовало бы уделить организации противовоздушной обороны. Однако, как указывалось в "Акте" приема-сдачи: "Противовоздушная оборона войск и охраняемых пунктов находится в состоянии полной запущенности. Существующее состояние ПВО не отвечает современным требованиям". Созданию и производству зенитной артиллерии не уделялось должного внимания. Совершенно недостаточна была обеспеченность приборами управления зенитной артиллерии. Дальнометы, состоявшие на вооружении, не обеспечивали стрельбу на высотах более 6 километров. "Подготовка зенитных частей, — отмечалось в документе, — неудовлетворительная и тренировка их ведется с устаревшими типами самолетов".

Служба воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) была организована плохо, слабо подготовлена и плохо вооружена. Она не могла обеспечить своевременного обнаружения самолетов противника и оповещения. Радиоперехватывающие средства имелись только в образцах. "При существующем состоянии руководства и организации ПВО, — отмечалось в заключении, — должная защита от воздушного нападения не обеспечивается". Вот почему в начале войны мы понесли огромные потери от бомбовых ударов противника.

Организационно разрушены были в 1938—1939 гг. и воздушно-десантные войска, отстававшие уже в своем развитии от германских. Создание и применение воздушно-десантных войск на маневрах было связано с именами Тухачевского, Якира, Уборевича,

---

*1 Война и революция. Книга восьмая. 1931., с. 16.

Алксниса, и поэтому было объявлено враждебным и предано забвению.

Красная Армия с лета 1937 г. по 1940 г. утратила многое из того, что было достигнуто в предшествующие годы. Это наглядно показали бои в районе озера Хасан, на реке Халхин-Гол, военные походы в Польшу и, особенно, советско-финляндская война.

Очень плохо обстояло дело в эти годы с подготовкой военных кадров. Передовые достижения военно-теоретической и военно-исторической мысли не только не развивались, но были отброшены как “враждебные” в связи с тем, что их творцы были объявлены фашистскими шпионами и расстреляны. “Враги народа всячески мешали развитию военно-исторических знаний, — подчеркивалось в 1-м номере “Военно-исторического журнала”, начавшего свое существование по решению ЦК ВКП(б) в августе 1939 г. ... Они извращали опыт победоносной гражданской войны в СССР, затушевывая основную и руководящую роль большевистской партии в создании и организации побед Рабоче-Крестьянской Красной Армии... Эта вражеская деятельность презренных наймитов фашистских разведок была вовремя пресечена партией и органами советской разведки”.

В передовой статье журнала говорилось о необходимости глубокого изучения военной истории высшими звеньями командных кадров. Учиться этому, призывал журнал, надо у Сталина, который “очень часто использует примеры военной истории, особенно примеры гражданской войны. Так, классическое (!) определение законов наступления, данное товарищем Сталиным в статье “Ответ товарищам колхозникам”, иллюстрируется ярким примером из войны с белополяками в 1920 г. В этом “классическом определении” всего-то лишь речь шла о необходимости своевременного подтягивания тылов и закрепления завоеванных позиций, чтобы противник не вынудил к отступлению.

Авторы передовицы призывали усиленно изучать опыт гражданской войны. “Условия, в которых боролась Советская страна в годы гражданской войны, естественно, не могут повториться в будущих войнах, — отмечали они. —... Но, тем не менее, опыт гражданской войны имеет и будет иметь колоссальное (!) значение как для РККА, так и для трудящихся капиталистических стран... Наша военная история, должна, черпая опыт прошлого, освещать нам дорогу в будущее. Лишь тогда она сыграет свою практическую, полезную роль, облегчив претворение в жизнь советской военной

доктрины: бить врага на его территории, добиваясь победы малой кровью наших бойцов”^{*1}.

Условия деятельности военно-учебных заведений в эти годы были чрезвычайно сложными и напряженными. Все представлялось и дышало “враждебностью” и недоверием. Все начальники военных академий, многие профессора и преподаватели попали в разряд фашистской агентуры. Учебные программы в академиях и училищах составлялись некомпетентными людьми. О неудовлетворительном состоянии подготовки офицерских кадров говорил на декабрьском (1940) г. совещании высшего командного состава начальник Генерального штаба генерал армии К.А.Мерецков: “Из наших вузов и академий выходят кадры недостаточно овладевшие знаниями и практическими навыками по боевому использованию родов войск и современных средств боя”^{*2}. Так, из 3352 учебных часов в пехотном училище на изучение артиллерии отводилось только 90 часов, бронетанковых войск — лишь 50, а на получение хотя бы элементарных сведений об авиации своей и противника не отводилось ни одного часа.

Вместо организации и осуществления подлинно научного и повседневного руководства деятельностью военно-учебных заведений Ворошилов занимался политической трескотней и славословием Сталина. “Сталин неоднократно говорит о летчиках, что их жизнь надо всемерно оберегать, что жизнь летчика “дороже нам любой машины”, — утверждал нарком обороны в “Правде” 21 декабря 1939 г. — Не мало заботы уделено Сталиным артиллерийским кадрам Красной Армии. Сталин любит авиацию и ее крылатых людей, высоко ценит танковые войска и танкистов, но он лучше чем кто-либо, знает, какую огромную роль по-прежнему играет в войне артиллерия. Поэтому, — подчеркивает Ворошилов, — вопрос о квалифицированных артиллерийских кадрах был всегда, и в последние годы, особенно тем вопросом, которым Сталин занимался по-сталински вплотную”.

“По-сталински вплотную” — означало вмешиваться, часто весьма некомпетентно, в любой вопрос, связанный с вооружением и обучением. Никаких замечаний и нежелательных реплик в свой адрес он не терпел. Стоило перед самой войной начальнику Главного управления ВВС генералу Рычагову сказать, в связи с упреком Сталина в его адрес о больших катастрофах в авиации, что “вы заставляете нас летать на гробах”, как через несколько дней он

---

^{*1} Военно-исторический журнал, 1939, № 1, с. 8.

^{*2} ЦАМО РФ, Ф. 2, оп. 75593, д. 49, л. 36.

вместе со своими предшественниками был арестован, а затем расстрелян.

Занятия по тактике велись главным образом в классе, на ящике с песком. Саперному делу, т.е. устройству окопов, блиндажей обучали на чертежах, нарисованных мелом на доске. Курсанты училищ оставались без должной полевой практики и выучки. “В училищах, как теперь выясилось, — писал в справке Щаденко 20 марта 1940 г., — преступно растрачивалось учебное время, только 66% выделялось на обучение и необходимые виды работ, остальное время (127 дней в году) уходило на отсутствие организованности, перерывы, отпуска и праздники”.

Не лучше обстояло дело с учебными программами и в военных академиях. За весь трехлетний период обучения в академии имени Фрунзе на изучение артиллерии было отведено 88 часов, бронетанковых войск — 77 часов, авиации — 48 часов, инженерных войск — 41 час и войск противохимической защиты — 33 часа. Такого количества учебного времени было явно недостаточно для глубокого изучения общевоинскими командирами боевой техники и возможностей родов войск. Зато сотни часов поглощала марксистско-ленинская подготовка.

О плачевном состоянии кадров Красной Армии говорится в справке-докладе начальника управления по начальствующему составу РККА Е.А.Щаденко секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову 20 марта 1940 г. В ней указано, что в 1937—1938 гг. было арестовано 35000 человек, в том числе 5000 политсостава. Из этого состава 12000 командиров было возвращено в армию. Но для покрытия некомплекта пришлось призывать в армию офицеров запаса. Опыт боев на Хасане, Халхин-Голе, в Западной Белоруссии и Западной Украине и на финляндском фронте показал очень низкое качество их подготовки. 73% командиров запаса имеют лишь краткосрочную подготовку. Чтобы изжить некомплект и обеспечить полное развертывание Красной Армии, Щаденко предложил провести в жизнь 3-летний (1940—1942 гг.) план подготовки кадрового командного состава и запаса. На численность их он не скупился и цифрами манипулировал с необычайной легкостью: “Если обстановка потребует в 1940—1941 годах полного отмобилизования армии, для этого потребуется 290000, кроме того на покрытие боевых потерь года войны еще 309000 и на восполнение текущей потребности — 75000; итого 674000, а за вычетом реально имеющегося запаса (195000) всего потребуется 480000 человек”. Вот какой вывод сделал руководитель кадров Красной Армии из кровавой “бани” советско-финляндской войны.

Он не упомянул в справке, что собой представлял запас военнообязанных рядовых солдат. В “Акте” же приема-сдачи наркомата обороны указано, что в числе военнообязанных запаса

состоит 3155000 необученных людей". Вот с каким контингентом запаса офицеров и рядовых мы вступали потом в войну с Германией.

"Мы считаем, — говорил Мерецков, — что именно отсюда идет корень тех ошибок, которые допускаются в организации взаимодействия. Кадры, не знающие боевой техники, не смогут правильно организовать взаимодействие родов войск. Из других академий, — продолжил он, — выходят командиры-специалисты своего рода войск, но с недостаточными знаниями характера современного боя и использования других родов войск".

На это же обратил внимание участников совещания генерал-инспектор пехоты генерал-лейтенант А.К.Смирнов. "Во что упирается управление боем?, — ставит он вопрос и отвечает: — Оно упирается в слабое знание техники нашим комсоставом, той техники, которая состоит на вооружении... Без знания техники, без знания того, что можно потребовать от этой техники, мы не создадим сознательного тактика"*1.

В связи с репрессиями усиленно продолжались перемещения командиров с одной должности на другую. К началу 1940 г. свыше 70% командиров дивизий и полков работало в этих должностях не более года. Причем на эти должности назначались совершенно неподготовленные люди. Об этом также говорили на декабрьском совещании. Так, командующий Забайкальским военным округом генерал-лейтенант И.С.Конеv заявил тогда, что он считает совершенно недопустимым при всей той нужде в кадрах, какая имеет место, чтобы на должности командиров дивизий назначались лица, не командовавшие полком.

Недостатки, а точнее отсутствие необходимой подготовки отмечались не только у командиров низшего, среднего и старшего звена, но и у высшего начальствующего состава. На сегодня оперативная подготовка высшего командного состава, отмечал нарком обороны Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко на декабрьском совещании не достигает требуемой высоты и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Необходимо всем нам в вопросах личной военной подкованности, подчеркнул он, со всей решительностью изжить вредное чванство и самодовольную успокоенность. Нужно признать, заявил нарком, что некоторым товарищам (надо было сказать — всем. Прим. наше.) надо еще оправдывать звание генерала и высокую должность неустанным трудом над собой, кропотливо изучая теорию военного дела и осваивая опыт вождения войск в современном бою. У некоторых наших генералов, отметил

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 2, оп. 75593, д. 49, л. 50.

маршал, слаба база знаний, отсутствует способность глубокого анализа перспектив развития современной операции.

Неоднократно заменялось руководство родами войск и видами вооруженных сил. Особенно "не повезло" авиации. До начала войны последовательно были репрессированы четыре начальника Главного управления ВВС: Я.И.Алкснис, А.Д.Локтионов, Я.В.Смушкевич и П.В.Рычагов. Все командующие ВВС военных округов и командиры авиационных соединений были также репрессированы. На руководящие должности в ВВС были выдвинуты, в основном участники боев в Испании, 30-летние командиры авиационных звеньев и эскадрилей, ставшие генералами. Эти храбрые, мужественные люди, героически сражавшиеся с фашистскими летчиками, заслуживали уважения и высоких правительственных наград. Однако назначить их на должность командующего ВВС военного округа, как это было с генералом И.И.Копцом, или командира авиационной дивизии, как генерала С.А.Черных, не следовало.

Чтобы судить о подготовке и возможностях офицеров самого многочисленного вида вооруженных сил — сухопутных войск, укажем, что около 85% из них были в возрасте до 35 лет. Высшее военное образование имели лишь 4%, среднее — 46%, а половина всего офицерского состава сухопутных войск прошла ускоренную военную подготовку, либо вовсе не имела военного образования.

В основу обучения и воспитания войск Ворошилов и Буденный положили свой личный опыт. В этом возможно не было бы ничего предосудительного, если бы этот опыт не фетишизировали в ущерб изменившимся условиям ведения боевых действий в связи с появлением новых средств борьбы. "Нельзя не отметить громадного влияния прошлого боевого опыта на постановку обучения армии, — указывал в 1932 г. Тухачевский. — Одновременно можно отметить, немало фактов, когда прошлый опыт, выработанный в победоносных войнах, сказался не благоприятно, а отрицательно на организации боевой подготовки"*1.

Так оно и случилось. Как показал опыт боев на Хасане, у Халхин-Гола, в Западной Белоруссии и Западной Украине, а также на Финляндском фронте, качество подготовки командного состава очень низкое. "Всем известно, — говорил Мерецков на декабрьском совещании, — что наша армия до войны с белофиннами воспитывалась на опыте борьбы в период гражданской войны... Методы обучения не способствовали росту и не давали представления о характере современного боя. Было много демократизма и теплич-

---

*1 Военно-исторический журнал, 1962, № 2, с. 70.

ного подхода к бойцу (это происходило потому, что командир боялся потребовать от рядового солдата выполнения приказа, так как тот мог донести на него, как на “врага народа”. — В.А.), что привело к неправильным представлениям о суровых требованиях, предъявляемых ходом войны”^{*1}.

Об этом же говорил в своей заключительной речи 31 декабря 1940 г. Тимошенко: “Война с белофиннами выявила всю пагубность нашей системы боевой подготовки — проводить занятия на условностях, кабинетным методом. Наши командиры и штабы, не имея практического опыта, не умели по-настоящему организовать усилия родов войск и тесного взаимодействия, а главное — не умели по-настоящему командовать. Младший командный состав и красноармейцы учились всему условно — и атаке, и наступлению и форсированию рек. На деле оказалось, что нужны не условности и не рассказы о войне, а требуется умение по настоящему, серьезно воевать”^{*2}.

В подготовке войск Красной Армии в конце 30-х годов очень мало уделялось внимания обороне, потому что рассчитывали на легкую и быструю победу ведением сокрушительного наступления. В выступлениях Молотова, Ворошилова и ряда других деятелей, публиковавшихся в печати звучал хвастливый тон: если враг нападет на советскую землю, то мы ответим на удар врага тройным ударом, войну будем вести на территории противника и выиграем ее малой кровью. Исходя из политических установок, в армии недооценивалась оборона, а об отступлении и речи не могло быть.

Об этом убедительно свидетельствует декабрьское совещание, на котором с докладом “О характере современной оборонительной операции” выступил командующий Московским военным округом генерал армии И.В.Тюленев. “Этот вопрос, отражающий одну из форм ведения войны, нигде не освещен в полном объеме, — сказал он во вступлении. — Мы не имеем современной, обоснованной теории обороны, которую могли бы противопоставить современной теории и практике глубокой наступательной операции. В военной литературе нет капитального труда, в котором бы были полно изложены основы оборонительных действий войск”.

О недооценке обороны говорилось на сборе начальников инженерных войск, проходившем в январе 1941 г. Полковник А.И.Прошляков (впоследствии маршал инженерных войск), руководивший игрой по теме “оборонительная операция”, отмечал в

---

*1 ЦАМО РФ Ф.2, оп. 75593, д. 49, л. 41—42.

*2 Там же, ф. 4, оп. 14, д. 2747, л. 45.

итоговом докладе, что “способы работы начальника инженеров армии в оборонительной операции явились новыми и не освоенными. В войсках занимаются до сих пор почти исключительно наступлением”^{*1}. Слабое знание вопросов обороны все участники сбора объяснили тем, что в войсках — на играх и полевых учениях они занимались только наступлением, а обороне не уделялось достаточного внимания.

В связи с этим не уделялось должного внимания развитию инженерных войск, которые по своей организации и вооружению отставали даже от общего развития других родов войск. Инженерные части слабо были обеспечены основными видами вооружения. Новейшие средства инженерной техники: окопкопатели, дорожные машины и др. — имелись только в образцах. Переправочных средств было недостаточно. “Совершенно неотработанными, — записано в “Акте”, — остаются вопросы использования и применения пехотных и противотанковых мин. Производство и изготовление этих мин не организовано и имеются только опытные образцы”. Эту проблему по-настоящему так и не удалось решить к началу войны.

Общевойсковые командиры недооценивали противотанковые и противопехотные заграждения и считали, что их успешно можно устраивать только в лесу. “Устройство заграждений, — отмечал начальник Генерального штаба на декабрьском совещании, — целиком передается саперным начальникам, а последние, не зная тактических решений, строят заграждения самостоятельно и тактически неправильно, в связи с чем заграждения теряют свой смысл, легко обходятся и быстро преодолеваются...Мы даже не определили практически кто будет иметь дело с минами на поле боя в этот период”^{*2}.

Слабее всех других родов войск была подготовлена пехота. Должного внимания вопросам организации, вооружения и подготовки ее не уделялось. Пехотное вооружение отставало от современных требований боя и не обеспечено минометами и автоматами. Наркомат обороны с опозданием и крайне медленно проводил внедрение современных образцов стрелкового вооружения: пистолеты-пулеметы и самозарядные винтовки.

Этот недостаток так и не был устранен до начала Великой Отечественной войны и весьма отрицательно сказался на ходе оборонительных действий в начальном периоде.

С 1937 по 1939 гг. по существу ничего нового в разработку

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 69, оп. 14065, д. 46, л. 150.

*2 Там же, д. 49, л. 9 и 28.

проблемы начального периода войны внесено не было. Нет ни одной статьи на эту или даже близкую к ней тему. Произошло это, видимо, не только потому, что видные военные руководители и теоретики были репрессированы, но и по причине монопольного права Сталина заниматься вопросами теории по всем общественным и многим специальным наукам, в том числе и военной. Но в этом вопросе дальше повторения вывода о том, что войны теперь не объявляются, а просто начинаются, сделанного еще в 1932 г. XII пленумом Коминтерна, он не пошел.

Обильную пищу для размышлений дала военным теоретикам начавшаяся в Европе вторая мировая война. Быстро откликнулись на нее ученые Академии Генерального штаба. "Дерзнул" открыто высказать свое мнение о характере начавшейся войны комбриг Г.С.Иссерсон. В 1940 г. вышла в свет его книга под названием "Новые формы борьбы (опыт исследования современных войн)".

Говоря о характере развязывания войны, он отметил, что "в этом отношении германо-польская война представляет собой новое явление в истории"*1. Нападение полностью развернутых сил Германии на Польшу явилось для последней стратегической внезапностью. "Никто не может теперь сказать, — указывал автор, — когда же произошли мобилизация, сосредоточение и развертывание — акты, которые по примеру прошлых войн и, в частности, первой империалистической войны обозначены вполне определенными рамками во времени. Германо-польская война началась самым фактом вооруженного вторжения Германии на земле и в воздухе". Повторив тезис о том, что война теперь не объявляется, она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами, Иссерсон констатирует, что мобилизация и сосредоточение относятся не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 году, а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого. "Разумеется полностью скрыть это невозможно, — справедливо заявляет он. — В тех или иных размерах о сосредоточении становится известным. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготавливается ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока, наконец, на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном масштабе"*2.

---

*1 Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. М., 1940, с. 28.

*2 Там же, с. 39.

По-видимому, эти смелые и правильные выводы Иссерсона были представлены Сталину как могущие осложнить взаимоотношения с Германией и спровоцировать ее на войну с Советским Союзом, так как автор вскоре после создания книги был репрессирован, просидел в тюрьмах и лагерях пятнадцать лет, а его справедливые заключения не были приняты во внимание.

Руководство оперативной подготовкой высшего начальствующего состава и штабов выражалось лишь в планировании и даче директив. С 1938 г. Ворошилов, а следовательно и начальник Генерального штаба Б.М.Шапошников, полностью зависящий от него, сами занятий с высшим командным составом не проводили. Контроль за оперативной подготовкой в военных округах почти отсутствовал.

В разработке вопросов оперативного использования родов войск в современной войне, в отличие от прошлых лет, руководство Красной Армии сильно отставало. Основные уставы: полевой службы, внутренней службы, дисциплинарный и некоторые боевые уставы родов войск устарели. Отсутствовали наставления по вождению крупных войсковых объединений (армий), наставление для действий войск в горах и др. Имелось много приказов, требующих своей отмены или переработки как устаревших и затрудняющих руководство войсками. Не было со стороны руководства Наркомата обороны, как в прошлом, живого действенного руководства обучением войск. Никаких маневров и учений Ворошилов не проводил, так как не умел и не знал как это делать без Тухачевского и его коллег.

"К моменту приема и сдачи Наркомата обороны, указывалось в "Акте", — оперативного плана войны не было, не разработаны и отсутствуют оперативные планы, как общий, так и частные. Генштаб не имеет данных о состоянии прикрытия границ. Решения Военных Советов Округов, армий и фронта по этому вопросу Генштабу неизвестны".

Вот до какого плачевного состояния Ворошилов со товарищи под "мудрым" руководством Сталина довел Красную Армию и обороноспособность страны с 1937 до весны 1940 года.

Глава III

КРОВАВОЕ ПРОЗРЕНИЕ

1. УРОКИ ВОЙНЫ С ФИНЛЯДИЕЙ

23 августа 1939 г. мировое сообщество было взбудоражено вестью о заключении договора о ненападении между фашистской Германией и Советским Союзом. Никому тогда еще не было известно о том, что к договору приложен секретный протокол, согласно которому Восточная Европа была поделена на сферы влияния. Заключение этого договора подавалось советскому народу как стремление обеспечить мир и устранить угрозу войны между Германией и СССР. Указывалось, что несмотря на различие мировоззрений и политических систем, советское правительство всегда стремилось поддерживать нормальные деловые и политические отношения с Германией.

Эта акция фальшиво преподносилась как свидетельство “блестящего оправдания” исторического предвидения Сталина, высказанного им на XVIII съезде партии. Он якобы тогда еще поставил вопрос о возможности добрососедских отношений с Германией, в которой правильно поняли это заявление и сделали из этого практические выводы.

“Практические выводы” Германии заключались в том, чтобы безнаказанно и без опасности возможного вмешательства со стороны СССР нанести удар по Польше и разгромить ее армию. 1 сентября 1939 г. германская армия вступила на польскую землю. Во избежание неприятностей со стороны Германии и проявляя недоверие к заключенному с ней договору, советское руководство в тот же день приняло закон о всеобщей воинской обязанности, отказавшись от территориально-милиционной системы комплектования Красной Армии, и начало проводить частичный призыв запасных на Украине, в Белоруссии и еще в четырех военных округах.

В связи с быстрым разгромом польской армии Председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел, СССР В.М.Молотов 17 сентября утром вручили польскому послу в Москве ноту, в которой заявил, что советское правительство отдало рас-

поряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Советское правительство фальшиво заявило также в этой ноте, что оно намерено принять все меры к тому, чтобы, "вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью". Действительную же суть этой военной акции советского правительства раскрыл Молотов, выступая по радио в тот же день. "В Польше создалось положение, требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства, — заявил он. — Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создававшемуся положению"*¹. Перед советским правительством встали острые вопросы безопасности нашего государства.

Да, несмотря на заключенный договор, советское руководство не исключало возможности продолжения германскими войсками уже в то время "похода на Восток". Кичась своим участием в разгроме Польши, Молотов в докладе на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. (беспардонно) заявил: "оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора..."*².

При продвижении частей Красной Армии, говорил Молотов, "были местами серьезные стычки с польскими частями, а, стало быть, были и жертвы... На Белорусском фронте (командующий — командарм 2 ранга М.П.Ковалев. — В.А.) в частях Красной Армии, считая начальствующий и рядовой состав, мы имели убитых 246 и раненых — 503, а всего — 749. На Украинском фронте (командующий — командарм 1 ранга С.К.Тимошенко — В.А.) мы имели убитых из начальствующего и рядового состава — 491 и раненых — 1359, и всего — 1850. Следовательно, общее количество жертв... — 2599 человек"*³.

Уже в этом так называемом "освободительном походе" Красная Армия продемонстрировала свои "незаурядные" боевые качества, о которых говорилось в предыдущей главе. Если бы не предре-

---

*¹ Военно-исторический журнал, 1939, № 3, с. 3.

*² Там же, № 4, с. 3.

*³ Там же, с. 7.

шенный Германией сокрушительный разгром польской армии, то она нанесла бы Красной Армии значительно больший урон, да и боевые действия тянулись бы долго.

Начавшаяся в Европе вторая мировая война внесла коренные изменения во всю международную обстановку. В этих условиях советское руководство стремилось расширить зону своих интересов в соответствии с секретным протоколом к августовскому договору с Германией. Оно провело дипломатические переговоры с предателями Эстонии, Латвии и Литвы, в результате которых в конце сентября 1939 г. были подписаны в Москве договоры. Они основаны были на взаимопомощи между Советским Союзом, — с одной стороны, Эстонией, Латвией и Литвой — с другой стороны, включая и военную помощь друг другу в случае нападения на кого-либо из них. В соответствии с этими договорами Советский Союз ввел на территорию этих государств по одному стрелковому корпусу. Ему были предоставлены аэродромы и военно-морские базы.

Теперь дело оставалось за Финляндией, которая согласно секретному протоколу также входила в зону интересов Советского Союза. "Те же вопросы обеспечения безопасности Советского Союза и, особенно, Ленинграда, которые стояли в переговорах с Эстонией, — сказал Молотов 31 октября, — стоят и в переговорах с Финляндией. Можно сказать, что в некотором отношении вопросы безопасности для Советского Союза здесь стоят даже острее, поскольку главный, после Москвы, город советского государства — Ленинград, находится всего в 32 километрах от границы Финляндии. Это значит, что Ленинград находится от границы другого государства на расстоянии меньшем, чем это нужно для артиллерийского обстрела из современных дальнобойных орудий".

Переговоры начались в начале октября по инициативе Советского правительства в Москве с Паасикиви и Таннером. Им предложили заключить пакт по типу пактов взаимопомощи с другими прибалтийскими государствами. Финны отклонили это предложение под предлогом позиции нейтралитета. Тогда советское руководство предложило финнам отодвинуть на север от Ленинграда на несколько десятков километров советско-финскую границу на Карельском перешейке. Взамен этого было предложено передать Финляндии часть территории Советской Карелии, превышающую в два раза территорию передаваемую финнами.

Однако Финляндия не соглашалась на эти предложения, хотя и шла на некоторые территориальные уступки. О нажиме советского правительства на Финляндию стало известно другим странам. 12 октября президент США Ф.Рузвельт обратился со специальным посланием к Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калинину, в котором выразил надежду на сохранение и раз-

витие дружеских и мирных отношений между Советским Союзом и Финляндией. В ответном послании Калинина указано: "Считаю уместным напомнить Вам, господин президент, что государственная независимость Финляндской республики была признана свободным волеизъявлением Советского Правительства 31 декабря 1917 года. и что суверенитет Финляндии обеспечен за нею мирным договором между РСФСР и Финляндией от 14 октября 1920 года... Вопреки тенденциозным версиям, распространяемым кругами, очевидно, не заинтересованными в европейском мире, единственной целью указанных переговоров является упрочение взаимоотношений между Советским Союзом и Финляндией и укрепление дружественного сотрудничества обеих стран в деле обеспечения безопасности Советского Союза и Финляндии"*1.

Как же "обеспечил" Сталин суверенитет и безопасность Финляндии после такого ответа Калинина Рузвельту? До конца ноября шли переговоры. Из этих переговоров, по версии советского руководства, ничего не вышло.

"Решение вопроса перешло на поля войны, — заявил Молотов на заседании Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. — Можно с уверенностью сказать, что если бы в отношении Финляндии не было внешних влияний, если бы в отношении Финляндии было меньше подстрекательств к враждебной Советскому Союзу политике со стороны некоторых третьих государств, то Советский Союз и Финляндия уже осенью прошлого года мирно договорились бы между собою и дело обошлось бы без войны. Но несмотря на то, что свои пожелания советское правительство свело к минимуму, дело не удалось кончить дипломатическим путем".

Конечно, если бы не было заявлений о моральной и материальной поддержке Финляндии со стороны США, Англии и Франции. то она согласилась бы под давлением возможной угрозы силой со стороны СССР на любые условия. Но так как этого не произошло, то вместо дипломатов заговорили пушки. Войска Ленинградского военного округа по заранее разработанному плану 30 ноября 1939 г. начали боевые действия с целью прорыва "линии Маннергейма" на Карельском перешейке. Но "орешек" этот оказался очень крепким. Примерно через полмесяца они перешли к обороне. Пришлось создавать специальный фронт под командованием С.К.Тимошенко и сосредоточивать здесь крупные силы из Московского, Прибалтийского, Белорусского и Киевского военных округов. Более того в Московском военном округе были сформированы две дивизии из добровольцев и отправлены на фронт.

---

*1 Военно-исторический журнал, 1939, № 4, с. 11

Для руководства военными действиями в начале декабря была образована Ставка Главного Военного Совета Красной Армии. В состав Ставки входили: К.Е.Ворошилов, И.В.Сталин, начальник Генерального штаба Б.М.Шапошников и нарком Военно-Морского флота Н.Г.Кузнецов. Сталин рассчитывал на установление в Финляндии Советской республики, которая бы вошла в состав Советского Союза. С этой целью было создано и подготовлено "правительство" Финляндии во главе с О.В.Куусиненом. Но "воцариться" ему так и не удалось.

Война приняла затяжной, кровопролитный для Красной Армии характер. Мощные укрепления, неблагоприятные условия местности, сильные морозы, достигавшие 45 градусов, до крайности затрудняли боевые действия. А главное — полная неготовность советских войск к ведению военных действий да еще в столь сложных условиях. Поэтому оборонительные рубежи уже после сосредоточения крупных сил прогрызались метрами, при этом части Красной Армии несли очень большие потери. "Будучи на войне, — говорил впоследствии, став уже наркомом обороны, Тимошенко, — мне, как командующему фронтом, человеку что называется с железным сердцем, приходилось переживать тяжелое состояние, когда масса бойцов и командиров зря проливали кровь и только потому, что не умели правильно действовать в боевых условиях"¹. О "кровавых боях", об "огромных потерях" он неоднократно говорил на разборах смотровых тактических учений войск осенью 1940 г. По далеко неполным данным боевые потери Красной Армии в этой войне составили 95348 человек².

"Война с Финляндией продолжалась 104 с половиной дня и носила чрезвычайно ожесточенный характер, — говорил в докладе на мартовском (1940 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Ворошилов. — Должен сказать, что ни я, нарком обороны, ни Генштаб, ни командование Ленинградского военного округа вначале совершенно не представляли себе всех особенностей и трудностей, связанных с этой войной. Объясняется это прежде всего тем, что Военвед не имел хорошо организованной разведки, и следовательно, и необходимых данных о противнике, те скудные сведения, которыми мы располагали о Финляндии, ее вооруженных и укрепленных районах, не были достаточно изучены и обработаны и не могли

---

¹ ЦАМО РФ. Ф.31983, оп. 2, д. 651, л. 68.

² "Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах", М., 1993, с. 101.

быть использованы для дела. Военное ведомство подошло к подготовке войны в Финляндии недостаточно серьезно"*1.

Ну что ж, весьма самокритично и, надо сказать, справедливо оценены действия военного руководства по подготовке этой несправедливой войны. "На протяжении ряда лет во всех наших оперативных планах, — говорил Ворошилов, — мы рассматривали Финляндию как второстепенное направление, и в соответствии с этим силы и средства, предназначавшиеся для этого участка, были способны вести только оборонительные действия. Отсюда — недостаточно внимательное и серьезное отношение к Финляндскому театру вообще и недопустимо слабое знание его специфических особенностей"*2.

В результате плохо поставленного дела военной разведки Наркомат обороны и Генеральный штаб к началу войны с Финляндией не располагали сколько-нибудь точными данными о силах и средствах противника, качестве войск, их вооружении, особенно плохо были осведомлены о действительном состоянии "линии Маннергейма".

Предполагалось, что война с финнами будет скоротечной и не представит больших трудностей для Красной Армии. К началу войны советские войска не имели пистолета-пулемета, которым войска хорошо снабжены финны. В Советском Союзе пистолет-пулемет Дегтярева выпускался и был на вооружении частей НКВД и милиции. В Красной Армии его не было потому, что ведавший вопросами вооружения Кулик считал, что "автомат — это оружие полиции". Почти в таком же положении Красная Армия оказалась и в отношении минометного вооружения по вине того же Кулика, который сопротивлялся внедрению этого вида оружия.

Экипировка войск, в первую очередь, стрелковых, не соответствовала условиям зимы, да еще такой суровой, как истекшая. Мало было валенок, не хватало полушубков, рукавиц. Старый шлем, который носили раньше красноармейцы, оказался непригодным для носки в холодное время и его требовалось заменить на шапку-ушанку.

Молодые, недавно развернутые до штата военного времени стрелковые дивизии, имевшие и без того слабые кадры были пополнены призванным из запаса начальствующим составом, который еще больше ослабил командный состав советских войск. Поэтому дивизии, полки, батальоны и роты становились боеспособными

---

*1 Военно-исторический журнал, 1993 г., № 4, с. 11.

*2 Там же, № 5, с. 46.

только в процессе боевых действий, приобретая опыт потоками крови и потерей человеческих жизней.

Штабы, сформированные в ходе войны, от фронтовых до дивизионных, за редким исключением, были плохо подготовлены и не могли квалифицированно руководить вверенными им войсками, не были способны быстро реагировать на изменявшуюся обстановку. Не лучше действовали и командиры всех степеней. Ставка Главного военного совета вынуждена была снять многих высших командиров и начальников штабов, так как их руководство было признано вредным.

Дисциплина в войсках в первое время боевых действий почти повсюду была слабой. Многие командиры и политработники, плохо ориентируясь в обстановке, а часто просто растерявшись, были малоспособными следить за своими частями, организовать бой, наводить порядок и блюсти строгую воинскую дисциплину.

В этих сложных условиях Ставка Главного военного совета приняла ряд радикальных мер, направленных к ликвидации вскрывшихся недостатков. Сталин свирепствовал и жестоко карал тех, кто, по его мнению, повинен был в тех или иных ошибках. Вот еще когда он приобрел "опыт" руководства вооруженной борьбой, использованный им в 1941 году. Он считал, что войск мало для того, чтобы усеять Карельский перешеек трупами. Поэтому приказал подготовить необходимое количество стрелковых дивизий и других частей, которые в срочном порядке железнодорожным транспортом были направлены на соответствующие участки боевых действий. В ход пошла даже кавалерия, которую пришлось использовать в спешном строю.

Сталин поднял всех и все на ноги и заставил восстановить производство пистолетов-пулеметов Дегтярева. Этот пистолет имел обойму всего лишь на 25 патронов. Сталин потребовал от наркома вооружения Б.Л.Ванникова и его конструкторов дать магазин такой же, как у финского пистолета на 70—72 патрона. В течение двух недель промышленность освоила пистолет и новый магазин на 70 патронов. Тогда Сталиным, по словам Ворошилова, "был круто поставлен вопрос о быстром повышении производства минометов и мин".

Серьезные меры были приняты и в деле экипировки войск. Сталин поручил секретарям ЦК ВКП(б) А.А.Андрееву и Г.М.Маленкову включиться вплотную в это дело и оказывать повседневную помощь начальнику снабжения Красной Армии А.В.Хрулеву. А.И.Микоян, по указанию Сталина, развернул в больших размерах производство сухарей и различных концентратов. Для подогрева и повышения калорийности питания было принято решение выдавать всему личному составу 100 граммов водки в сутки.

В результате перечисленных мер войскам Красной Армии уда-

лось сломить сопротивление финнов и продвинуться в глубь страны. Финляндия была вынуждена заключить мир. Договор был подписан 12 марта 1940 г.

Красная Армия одержала “пиррову” победу. “В условиях исключительно суровой зимы, — говорил с бахвальством в заключение своего доклада на Пленуме Ворошилов, — наша армия разгромила финскую армию в ее современной и действительно сильной крепости, каковой является так называемая линия Маннергейма. Красная армия с честью (хороша честь! — В.А.) оправдала сталинские слова: “Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики”. Эту свою победу Красная Армия одержала сравнительно быстро прежде всего потому, что с момента возникновения войны и до ее победного конца, — лакейски заявил нарком, — фактически руководство войной взял на себя тов. Сталин. Созданная Ставка Главного военного совета под руководством и по инициативе тов. Сталина не только повседневно и конкретно руководила действующими армиями, но одновременно осуществляла огромную организационную работу по обеспечению успехов нашей армии и безопасности государства в целом”^{*1}.

В славословии “достигнутой победы” Молотов на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. пошел еще дальше Ворошилова. “Красная Армия не только сокрушила “линию Маннергейма” и тем покрыла себя славой, как первая армия, в труднейших условиях проложившая путь через большую мощную полосу вполне современных военных укреплений, — под аплодисменты заявил он, — Красная Армия вместе с Красным Флотом не только сокрушила финляндский военный плацдарм, подготовленный для нападения на Ленинград, но и ликвидировала кое-какие антисоветские планы, взлелеянные на протяжении последних лет некоторыми третьими странами”^{*2}. В этом заявлении допущены не только переоценка действий Красной Армии, но и политический просчет. Военные круги Германии вскоре приступили к подготовке там плацдарма для нападения на СССР. С осени 1940 г. правящие круги Финляндии при поддержке Германии прививали народным массам лозунг: “Тот не финн, кто примирился с советско-финским договором 12 марта”.

Для Сталина ход советско-финляндской войны явился холодным душем. Он увидел полную несостоятельность военного руководства страны и слабость Красной Армии. В конце марта был создан специальный пленум ЦК, на котором остро и непредвзято,

---

*1 Военно-исторический журнал, 1993, № 7, с. 37.

*2 Там же.

кроме доклада Ворошилова, были обсуждены ход и итоги этой войны. Сталин предложил создать комиссию по проверке деятельности Наркомата обороны, Генерального штаба и центральных управлений. Эта комиссия работала около месяца.

7 мая 1940 г. Указами Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов был снят с поста наркома обороны и назначен заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и председателем Комитета обороны при СНК, а наркомом обороны назначен Тимошенко. Накануне ему, Шапошникову и, как ни странно, Кулику, было присвоено звание "Маршал Советского Союза". В целях поднятия авторитета командного состава были учреждены и присвоены большому количеству лиц генеральские звания. Самое высшее генеральское звание "генерал армии" было присвоено трем лицам: Г.К.Жукову, К.А.Мерецкову и И.В.Тюленеву. В августе Мерецков был назначен начальником Генерального штаба.

12 августа 1940 г. по предложению Тимошенко второй раз в жизни Красной Армии был упразднен институт военных комиссаров. В Указе Президиума Верховного Совета СССР "Об укреплении единоначалия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте" говорилось: "В связи с тем, что институт комиссаров уже выполнил свои основные задачи, что командные кадры Красной Армии и Военно-Морского Флота за последние годы серьезно окрепли (?), а также в целях осуществления в частях и соединениях полного единоначалия и дальнейшего повышения авторитета командира... отменить "Положение о военных комиссарах...", ввести ... институт заместителей командиров по политической части". (Года не пройдет, как институт военных комиссаров вновь потребует Сталину!).

8 мая Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о необходимости "произвести сдачу и приемку дел по НКО в течение не более 10 дней". В тот же день подобное решение принял и СНК СССР. Во исполнение этого постановления при приемке Наркомата обороны Тимошенко от Ворошилова в присутствии А.А.Жданова, Г.М.Маленкова и Н.А.Вознесенского были заслушаны доклады начальников центральных управлений. На основе результатов работы комиссии и заслушанных докладов был составлен "Акт", подписанный Ворошиловым, Тимошенко, Жуковым, Маленковым и Вознесенским. Так позорно завершилась деятельность Ворошилова на посту Наркома обороны.

Тимошенко же пришлось разгребать те завалы в Красной Армии, которые образовались при предшественнике. И надо отдать должное ему, взялся он за это дело горячо. Через неделю после вступления на пост Наркома обороны Тимошенко отдал приказ № 120, в котором были подведены итоги боевой деятельности войск и поставлены задачи по боевой подготовке на летний период

обучения. В нем указана необходимость приближения повседневной учебы к боевой действительности. “Учить войска только тому, — требовал нарком, — что нужно на войне, и только так, как делается на войне”.

Тимошенко и его заместители проводили совещания, выезжали в войска на учения, продолжая анализировать опыт советско-финляндской войны и извлекать из него уроки. “Опыт войны в Финляндии показал, — отметил нарком на разборе командно-штабного учения в Западном особом военном округе 3 сентября 1940 г., — что наши командиры соединений и частей... имели только некоторое представление о вождении войск в условиях войны... Не имея практического опыта современной войны, они не умели по-настоящему организовать усилия родов войск и тесного взаимодействия, а главное не умели по-настоящему ими командовать. Наши штабы, — подчеркнул Тимошенко, — жили, очевидно, приобретенным опытом гражданской войны, которая не имела на поле боя того огромного оснащения армии, что мы имеем сегодня... Нам нужно решительно переключиться на опыт войны, которая показала применение как с той, так и с другой стороны современной оснащенной армии”^{*1}.

К вопросу о применении боевой техники в бою и операции Тимошенко возвратился 7 сентября и на разборе тактического учения 6-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в районе Бреста. “На войне мы увидели, — сказал он, — что как только начали снаряды бить по нам, а мы к этому не были по-настоящему подготовлены (не удивительно ли? — В.А.), мы привыкли пугать своей техникой (!), и получилось не совсем ладно. Нужно хорошо уяснить задачу своей техники, что от нее требуется, то, что техники очень много — это очень хорошо, но эту технику нужно по-настоящему знать, уметь ею хорошо управлять, приспособлять к нужному месту, ясно представлять ее задачи на поле боя и лучше учитывать возможности ее использования. Вот эти привычки нам нужно выработать в себе, — заключил нарком. — Нужно уметь искусно применять и использовать технику на поле боя, а не только дома, в казарме”^{*2}.

Конечно, так применять оружие вряд ли целесообразно, как это рекомендовал нарком на основе опыта войны. “Артиллерийская подготовка должна быть более продолжительной и грамотно обставленной, — сказал он. — Например, перед Выборгом на ар-

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 31983, оп. 2, д. 651, л. 35.

^{*2} Там же, л. 59.

тподготовку я определил не несколько часов, а сутки, а из Москвы лично товарищ Сталин приказал на артподготовку отвести не менее 48 часов"*1.

В начале октября Тимошенко присутствовал на тактическом учении 70-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа, которая участвовала в войне, была награждена орденом Ленина, а ее командир М.П.Кирпонос был удостоен звания Героя Советского Союза, получил генеральское звание и назначен командующим этого округа. И здесь нарком говорил о необходимости лучшего освоения боевой техники. "Нам нужно помнить, — заявил он, что с той мощной техникой, которой вооружена наша армия, в борьбе с белофиннами нужно было иметь потерь меньше и победить действительно малой кровью. Но не вышло так. Оказывается, говорить — победить малой кровью — одно, а делать малой кровью — другое. Для того, чтобы побеждать малой кровью, нужно хорошо и правильно воспитывать свои кадры и всю армию в целом. Чтобы этого не повторилось в будущем, мы с вами обязаны воспринять и целиком провести в жизнь требования нашего Правительства и указания товарища Сталина. Эти требования выражены в моем приказе № 120. Приказ этот довольно резкий и строгий. Мы не хотим с вами повторять ошибок прошлых лет. И раньше, — заметил Тимошенко, — приказы, я бы сказал, были не такие уж приятные в отношении поблажек и умиротворения... Вся беда заключалась в том, что мы с самого высшего и до низшего звена требовали очень мирного (!) выполнения отдаваемых приказов... Проверяли выполнение приказов, примерно, так: осенью на Главном военном совете Народный комиссар заслушивал от командующих о выполнении отданных им приказов и тут же вырисовывался приказ на будущее, который в основном начинался словами — в связи с тем, что задачи, поставленные на текущий год, полностью не выполнены, они остаются основными для доработки и на будущий год"*2.

Большое место уроки советско-финляндской войны заняли в речи наркома и на разборе тактического учения 41-й стрелковой дивизии Киевского военного округа, которым командовал в это время и присутствовал на учениях генерал армии Г.К.Жуков, сменивший на этом посту Тимошенко. "Опыт, который извлекла Красная Армия за последнее время и, особенно, в кровавых боях с белофиннами, — начал нарком, — совершенно ясно показал нам, что мы с вами в течение продолжительного времени допускали

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 31983, оп. 2, д. 651, л. 120.

*2 Там же, л. 129.

большую оплошность, которую ни в коем случае в дальнейшем допускать нельзя... Та неприятность, которая выразилась в огромных потерях Красной Армии, имела место лишь потому, что мы в период мирной учебы воспитывали себя с мала до велика на условных положениях, т.е. сами себя ставили в ложное положение и этим самым ложно воспитывали и обучали наших бойцов. Прививалась мода, — подчеркнул Тимошенко, — угождать старшим начальникам, и последние, в свою очередь, нередко не замечали за собой больших ошибок и промахов в своей работе. Приезжает бывало, кажется, объективный начальник, который должен был бы глубоко взглянуть в основы работы, определить ее качество и недостатки, выявить — почему получаются хорошие и плохие дела, в чем их причина?... Но этого как раз и не делалось. Если плохо преподана работа, проверяющий старший начальник разгромит тебя... Если же работа преподана хорошо — благодарил за службу, все были рады и довольны, поблагодарили и даже наградили. Этот обман, — указал нарком, — двуличие и лицемерие нужно крепко зажать в свих руках и выбросить вон”^{*1}.

Акцентируя внимание на необходимость глубокого изучения опыта войны, Тимошенко неоднократно говорил о больших потерях, вызванных неумением воевать или выполнением грубейших ошибок наших предвоенных уставов. “На финском фронте, — говорил он, — нередко было, когда наступает рота, батальон, а нам приходилось посылать дивизию или корпус против одного финского батальона”^{*2}. “Посмотрите на ваши боевые порядки, — заметил Тимошенко на учениях 6-й дивизии, — люди лежат скученно, командир роты, как правило, находится впереди (так требовал боевой устав. — В.А.), командир батальона старается быть не во втором эшелоне, а поближе к первому. Стремление быть впереди — хорошо, но, товарищи, нужно иметь в виду и с этим нужно считаться, что командир является целью для противника и вы не будете выполнять своей основной задачи, если так просто и неумно будете подставлять себя под пулю противника. Опыт войны показал, что первыми убивали не красноармейца, а командира, а кому это нужно, чтобы командир — руководитель подразделения погибал первым... Если вы этого не поймете и будете постоянно лезть в переднюю шеренгу, уверяю вас, в боевой обстановке ползете не на передний край, а в могилу, если будете придерживаться

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 31983, оп. 2, д. 651, л. 76.

^{*2} Там же, л. 129.

старого принципа... Мы не должны равнодушно относиться к этому шаблону и глупостям, — заключил нарком, — которые у нас имеются, мы не можем допускать огромных потерь командного и политического состава из-за шаблона”^{*1}.

В этой связи нельзя не указать на комичный эпизод, происшедший с командующим войсками Московского военного округа Маршалом Советского Союза С.М.Буденным на учениях 137-й стрелковой дивизии в августе 1940 г. Во время боя с “противником” Буденному доложили, что танки пошли в атаку. Он вскочил в головной танк, чтобы самому возглавить наступление. Водитель растерялся и танк чуть было не свалился в овраг, заполненный водой. Тимошенко видел все это. На разборе учения он сказал: “Вам, Семен Михайлович, советую садиться не в танк, а быть на командном пункте и управлять войсками. Это в гражданскую войну с шашкой наголо мы мчались в атаку (Тимошенко был командиром кавалерийской дивизии в Первой конной армии Буденного. — В.А.), но те времена давно прошли, да и танк не лошадь”. Вскоре Буденный был освобожден с поста командующего округом и назначен на почетную должность первого заместителя наркома обороны.

Во время поездок в войска на учения нарком обороны стремился вскрыть корень всей порочной практики обучения и воспитания войск, которая привела к трагедии и позору Красную Армию в советско-финляндской войне. “В нашей системе подготовки много недостатков, — сказал он на учениях в Западном округе. — Мы обязаны их не скрывать, а выявлять, немедленно перестраивать свою работу, изыскивать мероприятия, которые давали бы возможность в самое ближайшее время ликвидировать те грехи, которые у нас имеются. У нас еще много брехни, — констатировал он. — Бывают случаи, когда набрешет много, а на самом деле, если коснуться глубже в существо дела, то там многое не так, о чем тебе докладывали. Я думаю, что этот род брехни у нас еще живет, но корень ее не в самых людях, люди у нас хорошие, прекрасные люди, а в нашей системе. Вот за перестройку этой системы мы и должны сейчас взяться, воспитать в себе нетерпимое отношение к любому, даже малейшему недостатку. Нужно всегда разумно и вдумчиво, — указал Тимошенко, — подходить к оценке того или иного момента, учитывая всесторонние обстоятельства, наладить настоящий деловой контроль и тогда этой брехни у нас не будет”^{*2}.

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 31983, оп. 2, д. 651, л. 70—71.

^{*2} Там же, л. 53.

Эту же тему он продолжал развивать на учениях 99-й стрелковой дивизии во второй половине сентября 1940 г. Дивизия за успешные показатели в боевой подготовке была удостоена тогда переходящего "Красного знамени", а командир дивизии генерал-майор А.А.Власов получил за учения от наркома золотые именные часы.

"Основные причины наших бед, — сказал Тимошенко на разборе 27 сентября, — которые образно нарисовались после проведенной нами последней войны, сказались в том, совершенно неправильном методе нашей работы, которую мы проводили сверху донизу. Мы слишком упрощенно вели себя на всех должностях и во всех звеньях нашей Красной Армии, не представляя себе в своем сознании всего того, что может случиться и произойти на войне. Мы облегчали себя в условиях, в труде, а следовательно ограничивали себя абсолютно в качестве и напряженности той работы, которую должны были с вами выполнять. Допуская массу условностей, красноармейцы, младшие командиры и командиры всех степеней привыкали к условностям. Все условно, все небоеое, а что боеое, ответа никто не давал. Имея нашу армию с такими колоссальными средствами борьбы, но обученную на условном поведении бойцов и младших командиров, мы этим самым допускали преступление. Условность является самым тяжким преступлением в нашей работе. А в своем содержании, — заметил маршал, — это означает, что мы учим армию так, как нужно помирять, а не...побеждать... Надо сейчас же, не откладывая на долгое время, всем вам, как это поступлено мною, ... переключиться на конкретное руководство боевой подготовкой и самим конкретно показать и доказать, что ты обучаешь массу и учишься у нее... У нас отпадет тогда гнусная отсебятина, которая долгие годы нам мозолила глаза и проедала уши, и вся эта чепуха, которая граничила с преступлением, происходила как раз оттого, что каждый из нас не знает своего дела полностью. От этого незнания выявлялась в огромных массах наших кадров отсебятина. Люди стремились так подстроиться под начальство, угадывали его, этого начальника, слабые стороны и действовали в этом направлении. Эти действия, безусловно, неправильные. Меньше всего, товарищи, нужно бояться таких ретивых начальников, надо бояться, главным образом, своих собственных грехов", — подытожил нарком*1.

В своих многочисленных речах Тимошенко коснулся и опыта немецких войск в ходе войны в Западной Европе. "Возникает вопрос, — спрашивает он, — когда пехота должна занять исходное

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 31983, оп. 2, д. 651, л. 102, 108.

положение для атаки — вечером под прикрытием темноты, или в период артподготовки и действия авиации, под грохот разрывов и шум моторов? Определенного, необходимого на каждый случай жизни рецепта для исходного положения дать нельзя, все будет зависеть от сложившейся обстановки. Немцы применяют, главным образом, вот этот последний способ, они на исходном положении отрыывают окопы, окопываются, обеспечивают себя огневыми средствами, противотанковыми пушками и пулеметами, а наступающую пехоту держат также окопанной, замаскированной в балках и других укрытых местах... Правда, они все время готовились воевать с очень серьезным противником и, видимо, боясь французской артиллерии, отрабатывали больше этот способ. Спрашивается, а почему мы должны рассчитывать на арапа. Ведь не всегда же так легко удастся, как это было в Польше, когда делали по 70—100 км в сутки. Нам нужно готовиться к более серьезному противнику, брать за основу — победу малой кровью. А чтобы эту задачу решить в бою, — потребовал нарком, — нужно сейчас учить себя на более сложном^{*1}.

Из начального опыта войны с Финляндией Сталин и Тимошенко сделали вывод, что главным недостатком Красной Армии является слабая подготовка подразделений и частей. Они не вскрыли другого не менее существенного недостатка — чрезвычайно плохой организации взаимодействия в бою и операции пехоты, танков и авиации. Вследствие этого главные усилия в подготовке войск к войне были направлены на обучение роты, батальона и полка. «На протяжении многих лет, — заметил нарком 22 августа на учениях в Московском военном округе, — когда дело доходило до тактических учений, то вместо того, чтобы отрабатывать боевые действия роты, батальона и полка, на маневры выводились целые корпуса и армии. Маневры эти проводились главным образом с той целью, чтобы посмотреть и проверить действия больших войсковых соединений, а те звенья, из которых слагаются эти войсковые соединения, т.е. рота, батальон и полк, оставались в стороне, вне поля зрения... Учтя опыт последних войн, — указал маршал, — наше Правительство, партия и товарищ Сталин потребовали от нас в этом году перестроить работу так, чтобы она выражалась в конкретной деятельности каждого, начиная от самого младшего и кончая старшим. Это требование совершенно правильное и оно будет мною проводиться в жизнь со всей настойчивостью. Мы должны довести до сознания каждого командира и политработника,

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 31983, оп. 2, д. 651, л. 95—96.

что основной нашей задачей в текущем году и долгом каждого из нас является поднять и сделать сильными взвод, роту, батальон и полк”^{*1}.

Тимошенко признал, что командиры долгое время находились в классах, привыкли учить красноармейцев путем словесных объяснений, не утруждая себя сложными условиями боевой обстановки. словом всем тем, что ложится на плечи бойца в бою во время войны. Многие командиры считали, что если они освобождают бойца от рытья окопа, от передвижения ползком, то делают доброе дело, дают ему облегчение, а на войне, мол, все будет по-иному. (Командиры боялись солдат, чтобы те не донесли о них, уличая во “враждебной” деятельности). В действительности же, это наносило огромный вред делу боевой готовности войск. “Наши бойцы и командиры — храбрый и замечательный народ, — справедливо указывал нарком обороны, — у них нет недостатка в мужестве и преданности Родине. Но эти качества нужно дополнить упорным, конкретным обучением, чтобы они в совершенстве овладели искусством воевать в сложных условиях современной войны. Это, в первую очередь, относится к обучению людей в масштабе взвода, роты, батальона и полка”^{*2}.

Итак, крен в подготовке войск к войне сделан на подразделения и части. О подготовке соединений, в масштабе которых отрабатывались бы вопросы взаимодействия родов войск, речь не идет, так как механизированных корпусов пока еще не было. Некоторые военные деятели, в том числе маршал Б.М.Шапошников, профессора Академии Генерального штаба вновь поставили вопрос о формировании крупных соединений авиации, танковых и воздушно-десантных войск, а также необходимости проведения больших войсковых учений и маневров. “Очень многие почтенные и важные люди, — заметил Тимошенко 8 октября на учениях в Ленинградском военном округе, — и в этом году отвлекали Народного комиссара мыслью, что нам надо и теперь выходить в поле с большим количеством войск. Но мы правильно взяли упор на роту, батальон и полк, чтобы создать именно эти единицы боевыми. Сейчас дело не в крупных учениях”^{*3}.

Так отреагировал нарком на весьма правильный, нужный и важный совет. Следствием этой реакции и явилась полная беспомощность нашего командования в организации взаимодействия

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 31983, оп. 2, д. 651, л. 2, 3.

*2 Там же, л. 4

*3 Там же, л. 131.

родов войск в бою и операции в начальный период Великой Отечественной войны.

На все мероприятия, проводившиеся военным ведомством летом и осенью 1940 г., кроме уроков войны с Финляндией, решающее влияние оказывала международная и внутривнутриполитическая обстановка. В это время немецкие войска разгромили в молниеносных операциях западно-европейские армии и стяжали себе славу "непобедимости". Германия под предлогом создания "нового порядка" в Западной Европе по существу установила там свое господство. "В этих условиях, — заявил Молотов на заседании Верховного Совета СССР 1 августа, — Советский Союз должен проявить усиленную бдительность к делу своей внешней безопасности, к укреплению всех своих внутренних и внешних позиций. Мы провели переход с 7-часового на 8-часовой рабочий день и другие мероприятия, считаясь с тем, что мы обязаны обеспечить дальнейший и еще более мощный подъем оборонной и хозяйственной мощи страны, обеспечить серьезное укрепление дисциплины среди всех трудящихся, усиленно работать над поднятием производительности труда в нашей стране. Мы имеем немалые новые успехи, но мы не собираемся успокоиться на достигнутом, — высокомерно указал председатель Совнаркома и министр иностранных дел. — Чтобы обеспечить нужные нам дальнейшие успехи Советского Союза, мы должны всегда помнить слова товарища Сталина о том, что "нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая "случайность" и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох". Если все мы будем помнить об этой святой нашей обязанности, то никакие события нас не застанут врасплох и мы добьемся новых и еще более славных успехов Советского Союза", — под бурные аплодисменты заключил он^{*1}.

Но слова — словами, а дела — делами. Казалось, что действительно многое делалось с целью повышения обороноспособности страны и укрепления боеспособности вооруженных сил. С лета 1940 г. в войсках развернулась напряженная боевая учеба, в соответствии с требованиями приказа наркома обороны № 120. Занятия проводились днем и ночью. Войска обязаны были в короткие сроки овладеть новыми образцами вооружения и боевой техники. В обучении личного состава всех родов войск учитывался опыт советско-финляндской войны и войны в Западной Европе. Нашему командованию, требовал Тимошенко, надлежит зорко следить за

---

^{*1} Военно-исторический журнал, 1940, № 8, л. 9.

всеми новшествами на Западе и извлекать для себя все полезное. Пытливая мысль командира в этом отношении должна всемерно поощряться.

В летний (1940 г.) период наметился перелом в обучении и воспитании войск Красной Армии, которые стали проводиться в условиях, приближающихся к боевым. Главное внимание со стороны военного руководства было обращено на подготовку стрелковых войск. "Нам пришлось на своем собственном опыте убедиться, — говорил Тимошенко, — что без хорошей пехоты в современной войне победы не достигнешь. Отличную пехоту нужно иметь не на словах, и на деле. Нужно со всей решительностью поднять теперь же значение и авторитет нашей пехоты, поставив ее в центр внимания всей работы". Делая упор на подготовку стрелковых войск, нарком обороны недооценивал роль и значение других родов войск в бою и операции.

На летний период стрелковые соединения были выведены в лагерь. Пехоту обучали скоростным маршам с мерами безопасности в любых условиях обстановки, с постоянной готовностью к бою; гибкому и быстрому маневрированию на поле боя; упорству и бесстрашию в борьбе, несмотря ни на какие лишения и трудности. В масштабе дивизии и полка пехоту готовили к совместным действиям при прорыве обороны противника с танками, артиллерией и авиацией.

В целях повышения боевой готовности в стрелковых полках и дивизиях проводились учебно-боевые тревоги. Лагерный период завершился учениями и инспекторскими смотрами. 25 июля нарком обороны уведомил командующих военными округами о том, что в августе и сентябре он выедет в войска и будет присутствовать на учениях. При этом будут предъявлены следующие требования: максимальное приближение к боевой обстановке; местность должна быть укреплена оборонительными сооружениями и заграждениями.

В сентябре на Яворовском полигоне Киевского военного округа было проведено показательное учение 99-й стрелковой дивизии на тему: "Прорыв подготовленной обороны противника". На учении применялась боевая стрельба артиллерии и бомбометание авиации. Во взаимодействии с другими родами войск пехота "успешно" прорвала оборону "противника" на всю тактическую глубину. Присутствовавшие на учениях Тимошенко и Жуков высоко оценили выучку частей этого соединения, о чем мы уже писали выше.

Подобные учения проводились и в других приграничных, а также Московском военных округах. В основном, стрелковые части показывали, как официально считалось, удовлетворительную выучку. Однако в действительности подготовка стрелковых войск была слабой. В подготовке одиночного бойца и мелких подразделений были вскрыты факты неумелых действий при ведении ближ-

него боя, блокировке дотов и дзотов и преодолении заграждений. Бойцы пренебрегали самоокапыванием и маскировкой на поле боя*1.

Об итогах боевой подготовки войск за летний период обучения обстоятельно говорил начальник Генерального штаба генерал армии К.А.Мерецков на декабрьском совещании. Рассматривая наступательный бой, он отмечал, что "войска, преодолев предполье, не всегда ясно представляли себе, что надо делать для того, чтобы быстро проникнуть через заграждения и достигнуть переднего края обороны... На учениях, как только войска сталкивались с действительными заграждениями, оказывалось, что они не имеют практики и сноровки для их преодоления. Выявилось неумение применяться к местности и правильно использовать местные предметы для укрытия бойцов"*2. Были случаи, когда занятия и учения по-прежнему проводились с условностями, а штабы не организовывали взаимодействие родов войск. Но главный недостаток в боевой подготовке войск состоял в недооценке обороны. Этому вопросу в летний (1940 г.) период обучения не уделили достаточного внимания. Из кровавого опыта войны с Финляндией извлекли уроки главным образом относящиеся к организации наступления. На то обстоятельство, что войска Красной Армии не умеют и обороняться, до конца года, т.е. до декабрьского совещания, не обратили должного внимания.

На крупные пробелы в обучении стрелковых войск указал на декабрьском совещании начальник управления боевой подготовки Красной Армии генерал-лейтенант В.Н.Курдюмов. Он, в частности, указал, что войска не умеют организовать и вести разведку, обеспечивать фланги и стыки, оборонять и атаковать укрепленные районы, оборонять и преодолевать крупные водные преграды*3. Причины этого он видел в значительном отрыве личного состава на хозяйственные работы и оборонительное строительство, что было вызвано передислокацией войск в новые районы в связи с перенесением границ. "Планы боевой подготовки, — констатировал Курдюмов, — во всех военных округах систематически не выполнялись".

Все это привело к тому, что существенных сдвигов в боевой подготовке войск Красной Армии не произошло, да и не могло произойти в короткое время с малоопытным, если не безграмотным

---

*1 ЦАМО РФ, Ф. 52, оп. 21803, д. 18, л. 276.

*2 Там же, оп. 75593, д. 49, л. 10—11.

*3 Там же, л. 68.

в военном отношении командным составом. “Красная Армия в течение летнего периода 1940 г., — подытоживалось на декабрьском совещании, — благодаря усилиям всего личного состава, провела большую работу по перестройке быта, жизни, боевой подготовки и общей готовности войск к войне. Но эта перестройка только началась и требования, поставленные наркомом обороны еще не выполнены”^{*1}.

Так обстояло дело в Вооруженных Силах СССР на самом деле. Зато на весь мир трезвонили, что “от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее”. “Центральный Комитет ВКП(б) и советское правительство, — заявлялось в редакционной статье январского (1941 г.) номера “Военно-исторического журнала”, озаглавленной “По ленинскому пути”, — поставили перед Красной Армией ответственные задачи, потребовали перестройки форм и методов боевой подготовки и воспитания войск с учетом опыта современных войн. Наша славная армия под руководством Народного Комиссара Обороны СССР Героя и Маршала Советского Союза товарища С.К.Тимошенко с успехом решает поставленные перед ней задачи и готова в любой момент нанести сокрушающие удары по врагу”^{*2}.

Но так заявлялось только открыто. В действительности же не только военные руководители, но и Сталин видел, что представляла собой в то время Красная Армия. “Мальчики кровавые”. перефразируя поэта, с финских полей не исчезали из глаз. Прозрение наступило, да поздно. К тому же и в этот короткий, отпущенный историей отрезок времени, было допущено много ошибок.

2. ВОЗВРАТ К ПРОШЛОМУ

Добытая чрезвычайно дорогой ценой “победа” над Финляндией, с одной стороны, ошеломляющие действия немецких танковых соединений, десантных войск и авиации в Европе, с другой, привели советское военное руководство к выводу о необходимости организационной перестройки Красной Армии, а по существу — к возврату на прежний путь организации армии. Об этом на декабрьском совещании говорил Д.Г.Павлов — один из “разрушителей” танковых корпусов в 1939 г. “У нас в Красной Армии считали, — сказал он, — что танки должны сводиться в крупные танковые соединения для самостоятельных действий... Наши взгля-

---

^{*1} ЦАМО РФ, Ф. 2, оп. 75593, д. 49, л. 44.

^{*2} Военно-исторический журнал, 1941, № 1, с. 10.

ды в отношении применения танков оказались наиболее правильными и нашли себе подтверждение в действиях немецких танковых соединений в Польше и на Западе. Немцы ничего нового не выдумали. Они взяли то, что у нас было, немножко улучшили и применили", — справедливо указал он.

Решение этой задачи связывалось с ростом материально-технической базы. Благодаря колоссальному напряжению сил всего народа, после спада промышленного производства в 1937—1938 гг., вызванного массовыми репрессиями, тяжелая индустрия вновь пошла на подъем. В 1940 г. было выплавлено свыше 18 млн. тонн стали и 15 млн. тонн чугуна, добыто 31 млн. тонн нефти и 166 млн. тонн угля. Производство электроэнергии составило более 48 млрд. киловатт-часов. Эти показатели по выплавке металла и выработке электроэнергии уступают германским, но по добыче нефти — превосходят.

Учитывая, что промышленность в значительной мере переводилась на военные рельсы, эти ресурсы при рациональном их использовании позволяли вооружить Красную Армию к началу войны новой боевой техникой. Тем не менее этого не произошло. Причин этому несколько. Прежде всего необходимо отметить нарушение установленных в 1939 г. сроков строительства новых и реконструкции старых военных заводов. Вследствие этого длительное время производились устаревшие образцы танков и самолетов, а новые начали выпускать лишь накануне войны.

Нередко выпуск боевой техники тормозился из-за того, что заводы-смежники не обеспечивали своевременно головные предприятия различными узлами и деталями. Несмотря на то, что конструкторские бюро, работавшие по указанию Сталина под неусыпным оком Берии, кто в лабораториях, а кто в лагерях, изготовили много замечательных образцов боевой техники и оружия, но их освоение промышленностью шло слишком медленно. Истребитель конструкции А.С.Яковлева (Як-1), развивавший скорость до 572 км в час, был принят к серийному производству в начале 1940 г. В течение года было выпущено только 64 самолета, а в войска они поступили лишь в 1941 г. В 1940 г. было произведено 20 истребителей конструкции А.И.Микояна и М.И.Гуревича (МиГ-3), имевших по тому времени очень большую скорость — до 620 км в час. В последнем предвоенном году появилось два замечательных пикирующих бомбардировщика выдающегося конструктора В.М.Петлякова, развивавших скорость до 540 км в час. С 1936 г. выпускался его же тихоходный бомбардировщик ТБ-3, а в 1940 г. был запущен в серийное производство самолет ТБ-7, имевший скорость на высоте 427 км в час, максимальный потолок от 8 до 10 км и дальность полета до 4700 км. Потолок немецких истребителей в это время также достигал 10200 метров.

Запоздалый перевод авиационной промышленности на производство новых самолетов привел к тому, что советские военно-воздушные силы имели на вооружении преимущественно старые типы самолетов, боевые и тактические свойства которых значительно уступали немецким самолетам. Так, истребитель И-16, любовно называемый летчиками "ишаком", развивал максимальную скорость до 462 км в час, уступая в ней даже немецким бомбардировщикам. Дальность полета его составляла всего лишь 625 км, т.е. этот истребитель мог находиться в воздухе около часа с четвертью. Скоростной бомбардировщик СБ имел максимальную скорость 445 км в час, дальность полета — 1000 км и бомбовую нагрузку до 1500 кг.

Более того, наша авиация отставала от германской в оснащении радиостанциями, радионавигационными приборами и радиолокационными станциями. В истребительной авиации приемо-передающие радиостанции ставились только на самолете командира эскадрильи. К тому же они были невысокого качества и летчики мало пользовались ими. Основным средством связи в воздухе были ракеты и покачивание крыльями. Наземных радиостанций хорошего качества в авиации также не было. На земле управление осуществлялось с помощью телеграфа и телефона. Единичные образцы радиолокационных станций были лишь в системе противовоздушной обороны страны. Все это сильно затрудняло управление авиацией.

И не только авиацией. Средства связи Красной Армии вообще не удовлетворяли требованиям, предъявляемым к поддержанию непрерывности и надежности управления войсками в маневренной войне. Промышленность средств связи по объективным и субъективным причинам не обеспечила войска новейшей аппаратурой. К тому же многие офицеры и генералы не умели управлять войсками в бою с помощью радио и, учитывая сложность и недостаточную надежность радиоаппаратуры, предпочитали использовать проводные и подвижные средства связи.

Материалы декабрьского совещания, на котором мы остановимся ниже, дали Сталину богатую пищу для размышлений о вооружении нашей армии, в том числе и авиацией. Он спохватился. Директора заводов, конструкторы, наркомы стали частыми гостями в его кабинете. Действуя кнутом и пряником, он стремился наверстать упущенное. В новогодних номерах центральных газет был опубликован Указ Президиума Верховного Совета о награждении авиазавода № 1 орденом Ленина "за успешное выполнение задания правительства по освоению в производстве новых образцов вооружения". Публиковался также указ о награждении орденами Ленина главного конструктора А.И.Микояна, заместителя главного конструктора М.И.Гуревича и начальника цеха завода № 1

И.И.Гладкова. Всего другими орденами и медалями было награждено 87 человек.

О необходимости повышения роста военного производства говорилось в докладе секретаря ЦК и МГК ВКП(б) А.С.Щербакова на торжественно-траурном заседании в Большом театре 21 января 1941 г., посвященном 27-й годовщине со дня смерти Ленина. В президиуме находились все члены Политбюро во главе со Сталиным. "Опираясь на свою хозяйственную и оборонную мощь, — сказал любимец Сталина. — СССР ведет ни от кого независимую политику, которая исходит только из интересов страны. (Тем самым показывается дистанционирование от устремлений Германии. — В.А.) Чтобы обезопасить нашу родину от опасности военного нападения — следуя завету Ленина — Советская власть создала могучую Красную Армию, оснастила ее новейшей техникой (к сожалению, этого не было еще. — В.А.) и обеспечила советскому народу мирный труд... Но страна социализма растет и развивается в условиях капиталистического окружения. Мы не можем смотреть безучастно на то, что происходит за советскими рубежами. Международная обстановка сейчас особенно сложна и чревата всякими неожиданностями, — подчеркнул докладчик. — В этих условиях необходимо проявить усиленную бдительность к делу внешней безопасности и к укреплению всех наших позиций. Поэтому интересы обороны страны во всей нашей работе должны стоять на первом месте. (Это, безусловно, требование самого Сталина, а не точка зрения Щербакова. — В.А.).

Изучая опыт первой империалистической войны, — продолжал он, — Ленин говорил: "Ведь война многому научила, не только тому, что люди страдали, но и тому, что берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины; этому научила война и прекрасно, что научила. Учиться надо тому, что без машины, без дисциплины жить в современном обществе нельзя, — или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным". Эти слова были сказаны почти 23 года назад, но они не потеряли своего значения, и сегодня звучат столь же остро, как и тогда. Вот почему никто не имеет права самоуспокаиваться, быть беспечным, "почивать на лаврах", — заключил сталинскими словами Щербаков*1.

В обстановке возросшей угрозы нападения со стороны фашистской Германии, а это уже было ясно, требовалось значительно повышать темпы военного производства. Для руководства всей производственной деятельностью на нужды обороны страны был

---

*1 Правда, 1941 г., 22 января

создан Хозяйственный совет оборонной промышленности, председателем которого назначили Н.А.Вознесенского. На XVIII партийной конференции, состоявшейся в феврале, он сделал доклад о работе промышленности. На основе его был принят народнохозяйственный план на 1941 год, рассчитанный на значительное усиление обороноспособности страны.

Последние предвоенные месяцы проходили в напряженной борьбе за высокие темпы развития оборонной промышленности. Результаты этого не замедлили сказаться. Танковая промышленность ежемесячно производила около 300 танков, а всего в течение полугодия выпустила 1684 танка, из которых около полутора тысяч Т-34 и КВ^{*1}. Но до начала войны многие из этих танков еще не поступили в войска, а полученные — не были надлежащим образом освоены. На вооружении танковых частей и соединений были в основном устаревшие боевые машины Т-26 и БТ. боевые и технические данные которых были ниже основной массы немецких танков.

Большое внимание Сталин уделял развитию артиллерии. Он неоднократно повторял известное изречение: "Артиллерия — бог войны". Она совершенствовалась на основе новейших достижений науки и техники. Имевшиеся в войсках основные средства артиллерийского вооружения были одними из лучших в мире. 76-миллиметровая пушка образца 1939 г. конструкции В.Г.Грабина по боевым и эксплуатационным качествам являлась первоклассной пушкой. В танковом варианте она превосходила пушки немецких танков. Вполне удовлетворительными были 122-миллиметровая гаубица образца 1938 г. и 152-миллиметровая гаубица — пушка образца 1937 г. Эффективным еще против состоявших в то время на вооружении немецких танков было и 45-миллиметровое орудие.

Однако, как ни странно к началу войны Красная Армия была недостаточно обеспечена противотанковой артиллерией. Причиной этого явилось снятие с производства 76 и 45-миллиметровых пушек, а также противотанковых ружей. "В начале 1941 года, — вспоминает бывший нарком вооружения Б.Л.Ванников, — начальник ГАУ (Главное артиллерийское управление) Г.И.Кулик сообщил мне, что, по данным разведки, немецкая армия проводит в ускоренном темпе перевооружение своих бронетанковых войск танками с броней увеличенной толщины и повышенного качества и вся наша артиллерия 45—76-мм калибра окажется против них неэффективной. К тому же они якобы будут иметь пушки калибром

---

^{*1} ЦАМО РФ Ф. 38—406 оп. 80030, д. 15, л. 51.

более 100 мм. В связи с этим был поставлен вопрос о прекращении производства пушек калибра 45—76-мм всех вариантов. Освободившиеся производственные мощности предлагалось загрузить производством пушек калибра 107-мм в первую очередь в танковом варианте^{*1}.

Так как в достоверность этого сообщения трудно было поверить, и снятие с производства 45—76-мм пушек в условиях когда война стучалась в дверь, было связано с большим риском, Ванников решил было не принимать во внимание это предложение. Но тут строгий сигнал прозвучал от Сталина. Он заявил, что “эти пушки очень хорошие, я знаю их по гражданской войне”. Во время обороны Царицина в 1918 г., когда Сталин был членом реввоенсовета Северо-Кавказского фронта, Кулик являлся начальником артиллерии 10-й армии, в которой имелось несколько 107-миллиметровых орудий. Согласно решению Сталина, эту пушку поставили на конвейер, а оборудование для производства 76 и 45-мм орудий вывезли из цехов. Ванникова за непослушание посадили в тюрьму, к счастью, еще не расстреляли. Это “мудрое” решение имело для армии весьма тяжелые последствия.

Немалые препятствия были и на пути минометного вооружения. Оно не было вначале должным образом оценено. Еще в 1936 г. конструкторское бюро Б.И.Шавырина под предлогом неадекватности было закрыто. До советско-финляндской войны минометное вооружение считалось второсортным. Лишь финские минометы “раскрыли” глаза нашим руководителям.

И вот тут-то, желая, как это делалось всегда, замести следы просчетов “хозяина”, Берия состряпал “дело” на Шавырина. Его обвинили во вредительстве, в злостном, преднамеренном срыве создания минометного вооружения. Ванников, будучи еще на свободе, выступил в защиту конструктора. Но и эта строптивость наркома не осталась без внимания. Ее пристегнули ему к “делу” о 107-миллиметровых пушках.

Хотя и с большими трудностями, но минометы в конце концов “пробили” себе дорогу, и их запустили в серийное производство. Но к началу войны имелось всего лишь 14200 82-миллиметровых и 3800 120-миллиметровых минометов.

Кроме ствольной артиллерии накануне войны осваивалось реактивное оружие. Реактивные снаряды (РС), устанавливаемые на самолете-штурмовике ИЛ-2, применялись еще на Халхин-Голе и в войне с Финляндией. К началу войны с Германией конструктором А.Г.Костиковым были изготовлены опытные образцы реактивных

---

^{*1} Военно-исторический журнал, 1962, № 2, с. 79—80.

минометных установок, которые впервые были применены в середине июля 1941 г. под Оршей.

В целом наша артиллерия была не плохой, но в ней было одно весьма уязвимое место, существенно снижавшее ее боевые возможности. Этой слабостью было явно недостаточное обеспечение артиллерии средствами механической тяги. Потребность в специальных артиллерийских тягачах была удовлетворена лишь на 20%. Основную массу тягачей составляли тихоходные тракторы, но даже и их не доставало. Это серьезно снижало подвижность и маневренность нашей артиллерии по сравнению с немецкой.

В канун войны оборонная промышленность работала с большим перенапряжением и не могла удовлетворить всех потребностей значительно увеличившейся армии. Особенно сильно ощущалась нехватка металла, без которого в деле повышения обороноспособности нельзя было ступить и шагу. Большое количество металла, кроме производства танков, самолетов, орудий и минометов, требовалось на оборудование укрепленных районов. Строительство дотов тормозилось из-за отсутствия коробов амбразур и вооружения. Только Западному военному округу промышленность не поставила в апреле 924 тонны металла, а в мае ряд заводов вообще ничего не дал.

К началу войны Красная Армия была значительно хуже моторизована, по сравнению с немецкой. При заблаговременном и разумном принятии мер это отставание, если и не ликвидировать, то можно было сократить. Для этого были возможности. В 1940 г. наши автозаводы выпустили 145 тыс. автомобилей, из них 136 тыс. грузовых.

Все вышеизложенное, безусловно, сильно осложнило подготовку Красной Армии. Советский Союз был вынужден вступать в войну, когда перевооружение армии по существу только началось. Устаревшие типы самолетов и танков снимались с производства, а выпуск новых — только налаживался. Темпы переключения промышленности на военные рельсы оказались медленными и не обеспечивали потребностей численно возраставших вооруженных сил. Пагубно сказался на перевооружении армии произвол и злоупотребление властью. Несправедливые аресты конструкторов и инженеров, частая смена руководящих кадров на заводах порождали неуверенность и обезличку, снижали ответственность и дисциплину, отрицательно влияли на сроки работ и качество продукции.

К сожалению, большие возможности, которыми располагал Советский Союз, не были реализованы. Если бы достаточно эффективные меры по перестройке предприятий на военное производство были приняты раньше, то Красная Армия была бы оснащена к началу войны достаточным количеством новейшей военной тех-

ники, успела бы ее более или менее освоить, и имела бы необходимые запасы для формирования новых соединений и восполнения потерь.

На основе роста технической оснащенности и опыта последних войн стали возвращаться к прежней организации танковых и воздушно-десантных войск, авиации. Крупные танковые соединения вновь получили путевку в жизнь.

Недостатки в организации танковых войск следовало устранить в короткие сроки, так как война уже стучалась в дверь. В июне-июле нарком обороны отдает директивы на формирование восьми механизированных корпусов, а осенью — еще на один. Эти корпуса в 1940 г. в основном были сформированы, хотя до укомплектования личным составом и материальной частью было еще далеко. Но вместо того, чтобы полностью укомплектовать и хорошо подготовить эти соединения, по указанию Сталина в феврале 1941 г. решили сформировать еще двадцать механизированных корпусов в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий в каждом. Это неразумное решение иначе, как проявлением сталинской гигантомании, не назовешь.

В связи с тем, что танков Т-34 и КВ было мало, механизированные корпуса вооружили танками Т-26 и БТ, имевшими слабую броневую защиту, маломощное вооружение и ограниченный запас моторесурса (75—100 моточасов). Но и этими танками к началу войны их не удалось укомплектовать. Почти все новые танки были в западных приграничных округах: Т-34 — 967 танков и КВ — 508 танков^{*1}. Боевой техникой, хотя и не полностью, были укомплектованы лишь 1, 4, 5, 6, 7 и 8-й механизированные корпуса. К началу войны они были более или менее подготовлены. Что же касается остальных, то они находились лишь в стадии формирования.

Время было упущено по вине бездарных людей, руководивших вооруженными силами долгие годы. Вместо того, чтобы вступить в войну с отлично подготовленными, полностью укомплектованными и сколоченными танковыми корпусами, Красная Армия была вынуждена вести боевые действия в условиях незавершенности организационных мероприятий в крупных подвижных соединениях. Поэтому они не в состоянии были выполнить задачи, вставшие перед ними в начале войны. В этом кроется одна из серьезных причин наших неудач в начальный период войны.

Существенные организационные меры были приняты и в военно-воздушных силах Красной Армии. С бригадной и полковой

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 2, оп. 75593, д. 13, л. 25.

организации в округах и армиях она была переведена на дивизионную. Фронтовая авиация состояла из ближнебомбардировочных и истребительных дивизий, а армейская — из смешанных дивизий. Кроме того, была создана войсковая авиация, состоявшая из отдельных авиационных эскадрилий, подчиненных командирам стрелковых корпусов.

Разделение авиации на фронтовую, армейскую и войсковую было вызвано стремлением обеспечить наиболее тесное взаимодействие с наземными войсками на поле боя. Но такая организация военно-воздушных сил неизбежно приводила к распылению усилий авиации и не обеспечивала достаточно массированного использования ее в борьбе за господство в воздухе. Кстати сказать, проблеме борьбы за господство в воздухе было уделено большое внимание на декабрьском совещании. Начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант П.В.Рычагов сказал, что старая организация себя изжила. Сейчас нам нужен массовый воздушный флот, хорошо организованный и подвижный. Весьма убедительно на эту тему высказался командующий 1-й Краснознаменной армии генерал-лейтенант М.М.Попов. В войне с Францией и Англией, отметил он, немцы наносили с воздуха мощные удары по аэродромам и поддерживали систематически господство в воздухе. Эффекты таких налетов на аэродромы будут зависеть от того, насколько они внезапны. На начальном этапе войны, продолжал Попов, подобные удары будут давать колоссальные результаты.

В целях успешного решения этой задачи организационная структура авиации должна была позволять Главному командованию централизованно управлять ею. Для этого военно-воздушные силы не следовало бы распылять по армиям и стрелковым корпусам. Они должны были находиться в руках Главного командования и командующих фронтами. Ожидалось, что именно такое решение примет нарком обороны. Однако, энергично взявшийся за реорганизацию и обучение Красной Армии Тимошенко, в этом вопросе допустил серьезную ошибку. В заключительном слове на декабрьском совещании он сказал, что борьба за господство в воздухе должна осуществляться в рамках фронтовой и армейской операции. Это решение также не могло не обусловить наши неудачи в начале войны.

Что же касается авиации Главного командования, то она организационно оставалась в составе отдельных дальнебомбардировочных корпусов и дивизий. В авиационные армии, как это было разумно до 1939 г., она не сводилась.

Накануне войны стали воссоздавать воздушно-десантные войска, глядя на то, как использовали наш опыт немцы в ходе военных действий в Западной Европе. Воздушно-десантные войска рассматривались как средство Главного командования для решения

важнейших задач в тылу противника и содействия сухопутным войскам в разгроме противостоящих им группировок врага. К началу войны в Красной Армии имелось пять воздушно-десантных корпусов, штатной численностью 10419 человек каждый. Кроме того, имела еще одна отдельная воздушно-десантная бригада.

Но и десантные корпуса, так же как и механизированные, к началу войны не были укомплектованы, обучены и сколочены. Они представляли собой скорее стрелковые соединения, нежели воздушно-десантные, способные решать присущие им задачи.

В связи с угрозой нападения Германии на Советский Союз взятые темпы перевооружения и реорганизации Красной Армии не могли обеспечить ее надлежащую готовность к отражению агрессии в соответствии с предложениями советской военной доктрины. Она требовала от Красной Армии величайшей активности. "Всякое нападение на СССР, — подчеркивалось в ней, — будет отбито всей мощью его вооруженных сил, причем военные действия будут вестись на уничтожение и на той территории, откуда враг попытается напасть. Цель эта может быть достигнута только наступлением при условии решительного превосходства над противником"*1.

Поэтому советское правительство в феврале 1941 г. утвердило план строительства вооруженных сил на 1941 год. Согласно плану намечалось сформировать, перевооружить, подготовить и развернуть такое количество соединений всех родов войск, какое необходимо было для разгрома агрессоров как на Западе, так и на Востоке. Если к январю 1939 г. вооруженные силы имели 1943 тыс. человек, на 1 июня 1940 г. их состав был доведен до 3602,3 тыс. человек, то на 1 июня 1941 г. — свыше 5 млн. человек*2. Непосредственное руководство вооруженными силами, за исключением морского флота, осуществлял нарком обороны Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко. Начальником Генерального штаба с 1938 г. по 18 августа 1940 г. был Маршал Советского Союза Б.М.Шапошников. Его сменил генерал армии К.А.Мерецков, а 1 февраля 1941 г. на этот пост вступил генерал армии Г.К.Жуков. Народным комиссаром Военно-Морского Флота был адмирал Н.Г.Кузнецов, а начальником главного штаба — адмирал И.С.Исаков.

Увеличение численности вооруженных сил вызвало значительное увеличение ассигнований на военное производство: с 26% в 1939 г. до 43% в 1941 г. Это позволило наращивать мощности

---

*1 Военно-исторический журнал, 1940, № 1, с. 32.

*2 ЦАМО РФ. Ф. 15А, оп. 2245, д. 83, л. 1.

оборонной промышленности. Правда, выпускалось еще в основном оружие и боевая техника устаревших типов.

Что же представляла собой Красная Армия в организационном отношении накануне вторжения немцев? Основным видом вооруженных сил считались сухопутные войска — до 73%. На них возлагалось решение главных стратегических задач в будущей войне. При этом повышался удельный вес танковых, артиллерийских и воздушно-десантных соединений и частей.

Главные силы сухопутных войск, предназначавшиеся для действий на важнейших стратегических направлениях, объединялись во фронты и армии. Каждый из фронтов должен был иметь от 3 до 8 общевойсковых армий, фронтовую авиацию*¹. Накануне дня начала войны решено было создать пять фронтовых управлений: Ленинградского, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. На востоке страны был развернут еще раньше — Дальневосточный фронт. К началу войны было создано 20 армейских управлений, укомплектованность большинства которых была неполной, а готовность к выполнению предстоящих задач, явно недостаточной.

К началу войны было образовано 62 управления стрелковых корпусов, 198 стрелковых дивизий (из них 19 горнострелковых и две мотострелковых) и три стрелковые бригады. Некомплект личного состава в них составлял от 20 до 40%, автомобилей и тракторов — 50% и более, не хватало полевых и зенитных орудий, а пистолеты-пулеметы исчислялись единицами. Стрелковые войска в целом к моменту вторжения противника не были подготовлены надлежащим образом. Осенью 1940 г. значительная часть рядового и младшего командного состава была уволена в запас. Им на смену пришло новое пополнение. Таким образом, к началу войны наша пехота не являлась “царицей полей”.

Еще в более худшем состоянии находились автобронетанковые войска, начальником управления которых был генерал-лейтенант Я.Н.Федоренко. Новых танков Т-34 и КВ удалось выпустить перед войной около 1800 боевых машин. Из общего количества танков (свыше 23 тыс.) более 70% старых образцов нуждались в капитальном и среднем ремонте. Вновь создаваемые механизированные корпуса были более громоздкими и трудноуправляемыми, чем ранее существовавшие танковые. Это делало их удобной мишенью для немецкой авиации. Зенитной артиллерии в таковых и моторизованных дивизиях было мало (от 4 до 12 орудий на дивизию), к тому же слабой по своей огневой мощи. Зенитная артиллерия

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 15А, оп. 2154, д. 4, л. 199.

дивизии не могла обеспечить сколько-нибудь безопасный маневр танков в случае появления в воздухе авиации противника.

Укомплектованность корпусов командным составом составляла от 20 до 40%. Пришедшие из стрелковых и кавалерийских соединений командиры не имели практического опыта по боевому использованию танковых войск.

Важное место в системе строительства сухопутных войск отводилось артиллерии. Она подразделялась на войсковую и резерва Главного командования. При организационном строительстве артиллерии исходили из следующих принципов. Во-первых, все действия артиллерии должны осуществляться в интересах пехоты и танков на всю глубину выполняемых ими задач и при тесном взаимодействии с ними и авиацией. Во-вторых, артиллерия должна применяться массированно путем гибкого маневрирования частями и соединениями с одного участка фронта на другой и маневра огнем на поле боя.

На 22 июня 1941 г. во всех военных округах имелось 91493 исправных орудия и миномета. Наиболее многочисленной была войсковая артиллерия, на долю которой приходилось около 92% орудий и минометов. Войсковая артиллерия приграничных военных округов была, как правило, укомплектована и представляла собой мощную огневую силу соединений и частей. Однако в артиллерийских частях стрелковых войск более половины орудий оставалось на конной тяге, что значительно снижало ее маневренные возможности.

На основе опыта войны с Финляндией и первого периода второй мировой войны большие организационные мероприятия были проведены в артиллерии РК. Это привело к количественному увеличению ее и повышению удельного веса, который достиг 7% от общей численности артиллерии сухопутных войск.

Руководство артиллерией РК осуществляло Главное артиллерийское управление, которое возглавлял заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Г.И.Кулик. Его заместителем был генерал-полковник Н.Н.Воронов. 14 июня 1941 г. начальником ГАУ был назначен генерал-полковник Н.Ф.Яковлев.

Организационно артиллерия РК состояла из пушечных и гаубичных полков, отдельных дивизионов большой мощности и противотанковых артиллерийских бригад. Пушечных артиллерийских полков имелось 14, в каждом из которых насчитывалось 48 122-миллиметровых пушек и 152-миллиметровых гаубиц-пушек. В 60 гаубичных полках имелось по 48 152-миллиметровых гаубиц. На вооружении отдельных дивизионов большой мощности (по 6 орудий в каждом) состояли 210-миллиметровые пушки, 280-миллиметровые мортиры и 305-миллиметровые гаубицы.

В связи с массированным применением немцами в ходе войны

в Европе танков по предложению Г.К.Жукова в апреле 1941 г. было принято решение о формировании 10 противотанковых бригад РГК в составе двух артиллерийских полков, минно-саперного и автотранспортного батальонов. По штату в бригаде должно было быть 120 противотанковых орудий, 28 зенитных пулеметов, 4800 противотанковых и 1000 противотанковых мин. Противотанковая бригада такой организации, занимая заранее подготовленный рубеж или район, могла создать достаточно плотную систему противотанковой обороны на фронте 4—5 км, т.е. успешно отразить атаку 1—2 танковых дивизий. Наличие штатного саперного батальона обеспечивало сочетание огня с системой противотанковых заграждений, что является неременным условием устойчивости обороны. Однако в связи с запоздалым принятием решения о формировании противотанковых бригад претворить его в жизнь до начала войны не удалось.

В предвоенные годы недооценено было значение полевой реактивной артиллерии. Поэтому к началу войны было создано только несколько боевых машин в виде образцов.

В целом же артиллерия представляла мощное огневое средство в руках командования и при умелом, организованном использовании ее могла успешно решить возложенные на нее задачи. Вместе с тем недостаточное количество артиллерии РГК, а также низкая подвижность, лишали ее возможности осуществления маневра в ходе боев и операций.

Удельный вес кавалерии в сухопутных войсках накануне войны заметно снизился и составлял около 2,5%. Организационно она состояла из 13 дивизий, 8 из которых входили в состав 4 кавалерийских корпусов. В кавалерийской дивизии имелось 4 кавалерийских и один танковый полк. Кроме 7940 лошадей, в штатах дивизии числилось 64 легких танка, 18 бронемашин и 132 орудия и миномета. Это давало возможность кавалерийской дивизии вести бой в спешенном строю, как обычной стрелковой дивизии. Кавалерийская дивизия были укомплектованы и содержались по штатам, близким к военным, однако зенитных средств имели мало, поэтому были сильноуязвимы от авиации противника.

Из специальных родов войск Красной Армии рассмотрим лишь кратко инженерные войска и войска связи. Начальником инженерных войск с 20 марта был генерал-майор Л.З.Котляр. Его назначению предшествовал следующий эпизод. Накануне нарком Тимошенко был вызван к Сталину с начальником инженерных войск генерал-майором А.Ф.Хреновым и начальником управления оборонительного строительства (УОС) Котляром. Они докладывали ему о ходе строительства укрепленных районов. Доклад Хренова не понравился Сталину, а Котляр произвел на него хорошее впечатление. Оставив в кабинете одного Тимошенко, Сталин спросил

его: "Кто из них первый (в смысле вышестоящий начальник. — В.А.), а кто второй?" Получив ответ, сказал: "Сделайте наоборот".

Хренов, получивший за руководство инженерными войсками в ходе войны с Финляндией звание "Героя Советского Союза" попытался было апеллировать к А.А.Жданову, но разве кто мог возразить Сталину.

Инженерные войска состояли из войсковых частей и частей резерва Главного командования. В стрелковых корпусах и дивизиях имелись саперные батальоны, в танковых дивизиях — понтонные батальоны. В резерве Главного командования, а к ним специальной директивой были отнесены и армейские части, было 18 инженерных и 16 понтонных полков. Однако на случай войны инженерные войска РКК предусматривалось применять не в полковой организации, а в батальонной. Это решение было ошибочным. Разделение полков на батальоны затрудняло массированное использование инженерных войск на решающих направлениях.

Многие образцы инженерных машин, состоявших на вооружении войск, были очень тяжелыми и малоподвижными. Они не были приспособлены к маневренным условиям ведения войны. Опыт войны с Финляндией и "освободительного" похода в Польшу убедительно показал это. Но особенно плохо обстояло дело с минно-взрывными заграждениями, так как обороняться-то Сталин и его приспешники рассчитывали день-два, а затем переходить в решительное контрнаступление.

Но обеспеченность даже громоздкой и устаревшей инженерной техникой находилась в пределах 50%, а средствами минирования и заграждения и того меньше: противотанковыми минами — 28%, а противопехотными — 12%. Положение усугублялось еще и тем, что к началу войны большая часть саперных батальонов западных приграничных округов находилась на оборонительном строительстве. Там же был 41 саперный батальон из внутренних военных округов. Вследствие этого уровень боевой подготовки и готовности инженерных частей был низким. В результате всего этого в начальном периоде войны инженерными войсками не были решены важнейшие задачи по минированию местности, разрушению мостов и путепроводов на направлениях ударов танковых соединений противника, а также не были обеспечены контрудары механизированных корпусов и созданы оборонительные рубежи в тылу.

Аналогичное положение было и в войсках связи, управление которыми возглавлял генерал-майор Н.И.Гапич, который в начале войны был репрессирован, как один из "стрелочников" наших неудач. В войсках связи к началу войны насчитывалось 42384 человека, входивших в состав 19 полков связи, 25 отдельных батальонов связи, 16 отдельных радиодивизионов и 4 отдельных рот.

Несмотря на то что к началу войны начали поступать новые образцы радиостанций и более совершенная аппаратура, это не поправило общего неблагоприятного положения дел в данном роде войск, так как основная часть средств связи оставалась устаревшей, и имела низкие технические характеристики. Укомплектованность средствами связи составляла: радиостанциями в звене Генеральный штаб — фронт — до 35%, в звене армия — корпус — 11%, в дивизиях 62%.

Среди командиров и штабов была укоренившаяся недооценка роли радио как основного средства управления в бою. Личный состав частей связи был недостаточно подготовлен к эксплуатации радиосредств. Если основным средством управления в немецкой армии было радио, то наши штабы при организации управления были вынуждены ориентироваться в основном на телеграфные и телефонные линии наркомата связи СССР. Такая организация связи не отвечала требованиям маневренной войны.

Существенным недостатком войск связи было также и то, что они не располагали ни радиорелейными станциями, ни аппаратурой высокочастотного телефонирования и тонального телеграфирования, ни УКВ радиостанциями, ни кабелями дальней связи, в то время как в войсках Германии подобные средства уже не являлись новинкой. Результатом недооценки роли и значения войск связи в надвигающейся войне явился горький опыт сражений начального периода, когда большинство командующих фронтов и армий оказались в критическом положении, лишившись связи как с подчиненными войсками, так и с вышестоящим командованием, не имея сил и средств восстановить ее.

Характеризуя в целом организацию сухопутных войск к началу войны, нужно отметить также большой некомплект в войсках автотранспортных средств. В западных приграничных округах имелось лишь около 120 тыс. автомашин, в то время как в немецкой армии вторжения их насчитывалось около 600 тыс. Степень моторизации советских войск была значительно ниже, чем немецкой армии. Недостаток автотранспорта сильно снижал подвижность и маневренность войск, резко ограничивал подвоз боеприпасов и горючего. Из-за ограниченных транспортных возможностей сухопутных войск не могли быть использованы в полной мере имеющиеся у них большие силы и средства.

Выше мы рассмотрели предназначение военно-воздушных сил и их организационное построение. За несколько дней до начала войны был арестован, а в октябре расстрелян вместе с женой и другими военачальниками начальник Главного управления ВВС генерал-лейтенант П.В.Рычагов. На этот пост был назначен генерал-лейтенант П.Ф.Жигарев. По удельному весу в составе вооруженных сил СССР авиация занимала второе место — 9,5%.

В общей программе строительства вооруженных сил на третью пятилетку развитию ВВС уделялось особое внимание. В 1940 г. ассигнования на развитие авиации составили 40% военного бюджета. К этому времени была создана мощная авиационная промышленность, которая создавала условия для резкого увеличения выпуска самолетов.

К началу войны в составе дальнебомбардировочной авиации Главного командования и авиации военных округов имелось 15599 боевых самолетов, из них 8472 самолета (54%) находилось в ВВС западных приграничных округов и в соединениях дальнебомбардировочной авиации, базировавшихся в европейской части СССР*¹. Германия вместе с союзниками имела на восточном фронте около 5000 самолетов. Однако по качеству материальной части советские ВВС значительно уступали германским. Состав немецкой авиации был представлен в основном новыми типами самолетов ("юнкеры", "мессершмидты", "фокке-вульфы"), в то же время в ВВС приграничных округов новые самолеты (Як-1, МиГ-1, ЛАГГ-3 и МиГ-3, Ил-2 и Пе-2) составляли всего лишь не более 20%.

Наибольшее количество боевых самолетов — 1913 — находилось в Киевском военном округе, 1789 самолетов — в Западном военном округе. В общем составе ВВС преобладали истребители — до 59%. Штурмовиков было всего лишь 317 самолетов и то устаревших конструкций (И-15, И-153). Бомбардировщиков в приграничных округах имелось только 2212 самолетов (31%). На вооружении 48 бомбардировочных полков состояли старые самолеты типа СБ и ограниченное количество новых. В составе разведывательной авиации имелось 378 самолетов (5%) в основном устаревших типов. К тому же к ведению воздушной разведки было подготовлено только 50% экипажей-разведчиков, и то в простых условиях. Это характеризует низкую подготовку разведывательной авиации перед войной и, следовательно, недооценку ее значения.

В ВВС приграничных военных округов имелось 5937 боеготовых экипажей, что значительно меньше боевых машин. Поэтому по тревоге на боевое задание нельзя было поднять в воздух все самолеты. В Западном военном округе некомплект составлял 446 экипажей. Это объяснялось наличием в ряде полков двух комплектов самолетов (старых и новых типов), нахождением некоторой части летного состава на переподготовке (на 1 июня 1941 г. — 1177 экипажей)*². На новые 1448 самолетов переучилось всего

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 35, оп. 107599, д. 5, л. 159.

*2 Там же, оп. 107559, д. 5, т. 1, л. 116—207.

208 экипажей. Лишь 18% экипажей были подготовлены к ночным действиям в простых метеоусловиях и только 0,7% — в сложных.

В составе дальнебомбардировочной авиации, предназначенной для действий на Западном театре военных действий имелось 4 авиационных корпуса и одна дивизия. Всего в них насчитывалось 1339 самолетов, в том числе 171 неисправный. Основу парка составляли самолеты ДБ-3, ДБ-3Ф и ТБ-3, которые имели низкие летно-технические характеристики и потому с началом войны несли большие потери от истребителей противника. Современных тяжелых бомбардировщиков ТБ-7(Пе-8) было всего 11, они запущены были в производство в 1940 г.

Несовершенной была, как уже отмечалось, организационная структура авиации. Распыление военно-воздушных сил не давало возможности массированного применения ее на решающем направлении. Этот недостаток особенно сильно проявился в начале войны.

В феврале 1941 г., как и в других родах войск, было принято решение сформировать в ВВС дополнительно 106 авиаполков и 25 управлений дивизий, но намеченные мероприятия были выполнены лишь частично. С развертыванием авиационной группировки на Западном театре военных действий расширялась и аэродромная сеть. Всего на 116 авиаполков ВВС приграничных округов имелось 477 постоянных и оперативных аэродромов. Ряд аэродромов, и прежде всего для истребителей, находились в непосредственной близости от госграницы, в пределах досягаемости огня артиллерии противника. Например, аэродром Долубово (126 ИАП 9 САД) находился в 10 км, Чунев (28 ИАП 15 САД) — в 15 км, Черновцы (149 ИАП 64 ИАД) — в 20 км от границы. Почти на всех этих аэродромах базировалось по 80—100 и более самолетов новых и старых типов, в том числе на аэродромах: Долубово — 73 (50 МиГ-3 и 23 И-16); Чунев — 83 (63 МиГ-3 и 20 И-16), Черновцы — 131 (67 И-16 и И-153, 64 МиГ-3); Бельцы — 116 (62- МиГ-3, 54 И-16 и И-153). Таким образом, только на указанных аэродромах под прицельным артиллерийским огнем немцев находилось 403 истребителя и почти все они были уничтожены в начале войны. Командир 9-й САД генерал-майор авиации С.А. Черных был настолько потрясен потерей авиации, что бежал с фронта, 26 июня найден в Брянске, арестован, а затем судим и расстрелян.

На передовых аэродромах находилась большая часть самолетов новых типов, на которых личный состав только приступил к переучиванию. К тому же в каждом полку был один комплект летного состава на два комплекта самолетов. Это явилось одной из причин больших потерь нашей авиации в первый день войны на аэродромах. Самолеты на аэродромах были не рассредоточены и не замаскированы.

Командные кадры ВВС в массе своей были молодые, неопытные, с недостаточной теоретической подготовкой. Командующий ВВС Западного военного округа генерал-майор авиации И.И.Копец, как и Черных, был в возрасте 32 лет и окончил только авиационное училище. Перед войной 43% командиров всех степеней находились на занимаемых должностях менее полугода. Более 91% командиров авиационных соединений командовали ими также менее 6 месяцев.

Боевую деятельность авиации осложняли неустроенность тыловых органов. На 22 июня обеспеченность штатной потребности ВВС по автозаправщикам составляла всего 28%, по автоцистернам — 36%.

Все вышеуказанные недостатки в авиации обрекали ее на уничтожение в первые же дни войны.

Военно-Морской Флот по удельному весу в составе Вооруженных Сил СССР стоял на третьем месте (8%). Начатое в 1935 г. строительство большого количества кораблей различных классов было рассчитано на несколько лет. Создавался надводный флот. Большое внимание уделялось развитию подводного флота. В течение 1940—1941 гг. несколько кораблей вступило в строй, но многие еще находились на стапелях.

В составе ВМФ имелось четыре флота: Северный, Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский, а также несколько озерных и речных флотилий. На всех флотах формировались соединения эскадренных миноносцев, подводных лодок, торпедных катеров, а также части береговой и противовоздушной обороны. В целях освоения водных районов Балтийского моря и рассредоточения сил Краснознаменного Балтийского флота создавались новые военно-морские базы на территории Прибалтийских республик. Благодаря выходу соединений флота на просторы Балтийского моря обстановка на Балтике изменилась.

Военно-Морской Флот имел собственные военно-воздушные силы. Например, Балтийский флот имел 3 авиационных бригады, один полк и 7 отдельных эскадрилий, а Черноморский — 2 бригады, один полк и 11 эскадрилий. К началу войны ВВС флота состояли на 45% из истребительной авиации, на 14% — из бомбардировочной, на 10% — из торпедоносной, на 25% — из разведывательной и 6% из авиации специального назначения.

Несмотря на незавершенность строительства Военно-Морской Флот СССР был в состоянии защищать морские границы страны и в случае войны — оказывать содействие сухопутным войскам на приморских направлениях.

Войска противовоздушной обороны страны создавались буквально накануне войны. Их удельный вес составлял 3,5% от общего состава вооруженных сил. Начальником Главного управления ПВО в октябре 1940 г. был назначен генерал-лейтенант Д.Т.Козлов, с

именем которого в начале 1942 г. будет связан провал Крымской операции и пленение 140 тыс. советских воинов. 19 марта 1941 г. его сменил генерал-полковник Г.М. Штерн, бывший командующий Дальневосточным фронтом после ареста В.К.Блюхера. В июне арестуют, а в октябре расстреляют и самого Штерна. С 19 июня 1941 г. начальником Главного управления ПВО становится генерал Н.Н.Воронов, которому суждено будет также недолго пребывать на этом посту.

Опыт применения немецкой авиации в Европе показал необходимость создания и развития системы ПВО страны. Мощные удары германских ВВС позволяли нарушать управление войсками, подрывать моральный дух населения и в конечном счете обеспечивать успешное наступление сухопутных войск*¹. Однако Ворошилов с Куликом считали, что такой способ применения авиации против сильного государства, каким являлся Советский Союз, имевший якобы высокую боевую готовность войск, несостоятелен. Среди прежнего руководства Наркомата обороны и Генерального штаба проявлялась недооценка ПВО страны, поэтому надежной ее системы к началу войны создано не было. Оценивая состояние ПВО государства, Тимошенко в октябре 1940 г. признал ее неудовлетворительной*².

В связи с этим Главный военный совет принимает постановление "Об усилении противовоздушной обороны СССР". Согласно этому постановлению начала осуществляться коренная перестройка системы управления войсками ПВО. Были созданы Главное управление ПВО и штат войск ПВО, при котором создавался Центральный пост ВНОС (войска наблюдения, оповещения, связи).

Вся территория страны делилась на 13 зон ПВО, в состав которых входили соединения и части ПВО. Была определена угрожаемая территория на важнейших направлениях (до 1200 км в глубь страны). За противовоздушную оборону объектов и войск на территории военного округа отвечал командующий округом. В наркомате обороны ответственность за противовоздушную оборону территории СССР была возложена на Главное управление ПВО Красной Армии.

Однако с образованием этих органов обеспечить единое руководство системой ПВО как в центре, так и на местах не удалось. Истребительная авиация подчинялась начальнику ВВС Красной Армии и командующим ВВС военных округов. Зенитная артиллерия в вопросах огневой подготовки и обеспеченности была подчинена

---

*¹ ЦАМО РФ. Ф. 72, оп. 173022, д. 3, л. 8.

*² Там же, Ф. 8, оп. 11627, д. 14, л. 33.

командованию артиллерии. Такое подчинение приводило к обезличиванию и безответственности руководства технической оснащённостью и построением системы ПВО страны и войск.

Система управления ПВО в приграничных военных округах в основном опиралась на проводные воздушные линии связи. Круглосуточного дежурства на узлах связи не было. Части ВНОС приграничных округов были обеспечены телефонными средствами на 70—75%, прямыми линиями связи на 15—20%, а радиосредствами — на 20—25%. Личный состав радиосвязью пользоваться не умел. Не были продуманы опознавание, наведение и взаимодействие в системе ВНОС. В подготовке всех подразделений, частей и соединений ПВО отмечался главный недостаток: неподготовленность отражению внезапных действий противника.

На вооружении зенитных частей преобладали боевые средства, которые не позволяли вести эффективную борьбу с авиацией противника (37-миллиметровая пушка и пулемет Максима с малой досягаемостью стрельбы). К началу войны части ВНОС фактически не имели радиолокационных станций, обладавших способностью обнаруживать цели на большом удалении. Обнаружение самолетов велось визуально и акустически.

Летный состав действиям в ночных условиях был обучен слабо. Основными недостатками в боеготовности и боеспособности авиационных частей, выделенных для выполнения задач ПВО, являлись: двойное подчинение, низкий процент укомплектованности техникой (около 60%), преобладание устаревшего самолетного парка (И-16, И-15, И-153), значительная удаленность аэродромов от прикрываемых объектов.

Все недостатки, которые были присущи войскам ПВО не могли не сказаться весьма пагубно в начале войны.

Развитие тыла вооруженных сил осуществлялось в соответствии с требованиями военной доктрины и экономическими возможностями государства. В основе его развития было централизованное обеспечение войск через специально созданные органы, которые являлись неотъемлемой составной частью объединений и соединений.

Накануне войны силы и средства тыла содержались в сокращенном составе. Фронтового и армейского тыла создано не было. Их предполагалось развернуть в так называемый “угрожаемый период” на 15-е сутки мобилизации. В этот период намечалось отмобилизовать во фронте 400—500, а в армии — более 100 частей и учреждений тыла.

Общее руководство организацией тыла вооруженных сил осуществляло Управление устройства тыла и снабжения Красной Армии, начальником которого был генерал-лейтенант А.В.Хрулев. Но службы снабжения подчинялись не управлению, а наркому

обороны или его заместителям. Единого органа, возглавлявшего все службы снабжения в центре, не было.

В подготовке тыла к войне большое место занимали вопросы мобилизационного планирования, включая и планы развертывания тыла. Размер мобилизационных запасов определялся на трехмесячную потребность фронтов и флотов. По некоторым видам, в частности по продовольствию и фуражу, запасы обеспечивали ведение войны до 4—6 месяцев, и запасы по вещевому имуществу достигали 140—160% мобилизационной потребности. Однако в приграничных военных округах накопление запасов лимитировалось недостатком складской площади. Запасы боеприпасов и горючего там обеспечивали только месячную потребность.

В дислоцировании и размещении запасов проявлялась тенденция приближения их к войскам. «Еще в 1940 году, — вспоминал Хрулев, — в правительстве рассматривался вопрос о том, где сосредоточивать мобилизационные запасы. Военные работники предлагали разместить их за Волгой. Но этому воспротивился Нарком госконтроля Л.З.Мехлис. (В связи с упразднением института военных комиссаров Мехлиса Сталин освободил с поста начальника Главпура и назначил наркомом учрежденного только что «государственного контроля». Начальником Главпура стал А.И.Запорожец. Однако в первый же день войны Мехлис вновь занял прежний пост — В.А.). Он настаивал, чтобы их накапливать в пограничных районах, даже вблизи от вероятного противника. В любом возражении против этого Мехлис видел вредительство...И.В.Сталин, — продолжает Хрулев, — поддался уговорам Мехлиса и принял его точку зрения. Впоследствии нам пришлось за это жестоко расплачиваться. Много материальных средств было либо уничтожено нашими войсками при отходе, либо захвачено врагом»^{*1}.

Многие виды запасов размещались в западных пограничных округах. На 1 июня 1941 г. из 887 стационарных складов и баз Красной Армии 340 (41%) находились в этих округах. Здесь же располагались и некоторые центральные склады, нефтебазы Главнефтеснаба.

На центральных базах и складах ГАУ хранилось 20% общих ресурсов артиллерийских снарядов и 9% мин. Военные округа большую часть этих баз и складов расположили в приграничной зоне. Желание максимально приблизить запасы боеприпасов к границе привели к тому, что более 30 млн. снарядов и мин оказались в угрожаемой приграничной зоне. Большая часть их впоследствии была потеряна.

---

^{*1} Военно-исторический журнал, 1961, № 6, с. 65—66.

Войсковой тыл накануне войны был укомплектован на 25—30% к штатам военного времени. Развертывание его предполагалось осуществить на 2—3 суток после объявления мобилизации. Однако этого не удалось сделать. Армии прикрытия по существу остались в начале войны без тыловых органов.

Сложности усугублялись большим недостатком автотранспорта (в войсковом звене — 50—60%, в армейском — 79—90% и фронтовом — 70—80%), а также отсутствием отлаженной системы подвоза материальных средств войскам^{*1}. Войсковой и армейский тыл был громоздким и уязвимым от авиации противника. Не организована была система снабжения горючим, служба ремонта и восстановления боевой техники. В начале войны было потеряно большое количество танков из-за несвоевременного подвоза горючего и неорганизованной эвакуации получивших небольшие повреждения танков.

Вся координация деятельности довольствующих тыловых служб возлагалась в центре на Генеральный штаб, а во фронтах, армиях и соединениях — на общевойсковые штабы, в составе которых создавались специальные отделы. Однако в боевых условиях общевойсковые штабы, будучи перегружены оперативной деятельностью, были не в состоянии организовать бесперебойное снабжение войск.

В целом тыл вооруженных сил оказался плохо подготовленным к большой войне. Наспех сколоченные и неукомплектованные транспортом части и учреждения тыла не могли в начале войны в полной мере выполнять функции снабжения войск, особенно в условиях их отхода и тем более окружения.

Таким образом, приход новых лиц к руководству вооруженными силами и их попытка возродить передовые достижения прошлого с учетом опыта последних войн позволили произвести определенный сдвиг в их подготовке к будущей войне. Но это было лишь начало перелома. Существенных изменений в короткий срок осуществить не представлялось возможным. К тому же и новые руководители наркомата обороны и Генерального штаба были не без греха. В их деятельности были и ошибки, в том числе, если иметь в виду хотя бы организацию и боевое применение авиации, весьма существенные.

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 208, оп. 2862, д. 8, л. 10.

3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Война с Финляндией, как и другие локальные войны, вскрыли серьезнейшие недостатки во всей системе подготовки Красной Армии. Особенно плохо обстояло дело с командными кадрами. Объяснялось это, главным образом, двумя причинами: во-первых, частой сменой командиров в связи с репрессиями и численным ростом вооруженных сил и, во-вторых, крупными недостатками в обучении в военно-учебных заведениях и командирской подготовке в войсках. По мнению Тимошенко, значительная часть командного состава оставалась на уровне опыта гражданской войны и пыталась перенести его на современность.

Поэтому проблема подготовки кадров была одной из острейших в строительстве вооруженных сил в то время. Ее значение возросло еще и в связи с повышением удельного веса технических и специальных родов войск. Существовавшая к весне 1940 г. сеть военно-учебных заведений (16 академий, 10 факультетов в гражданских институтах, 132 сухопутных военных училища и школы, и 52 авиационных и авиатехнических училища и школы) не обеспечивала подготовку требуемого количества командных и инженерно-технических кадров. По предложению наркомата обороны, правительство приняло решение о расширении сети военно-учебных заведений и увеличении приема в них.

Но несмотря на, казалось бы, большой размах работы по подготовке военных кадров, их комплект продолжал существовать. К началу 1941 г. он снизился до 19%, что в численном выражении составляло 80830 человек*¹.

На 1 января 1941 г. численность командно-начальствующего состава вооруженных сил составила 579581 человек, из которых проходили службу в сухопутных войсках 426942 человека, в авиации — 113086 человек и на флоте — 39533 человека. Уровень военного образования характеризовался следующими данными: 7% командно-начальствующего состава имели высшее образование, 60% — среднее, 25% — ускоренное и 12% не имели военного образования.

Непоправимый вред командным кадрам нанесли репрессии. Хотя число репрессированных не превышало 7% от списочного состава, ущерб оказался колоссальным, так как уничтожены были наиболее опытные, как правило, с высшим образованием люди. Все это негативно отразилось не только на состоянии и боеспо-

---

*1 РГВА, Ф. 4, оп. 14, д. 2781, л. 119.

способности войск, но и на уровне подготовки новых командных кадров.

Большинство командиров не имело боевого опыта. К 1941 г. осталось лишь 6% участников гражданской войны, а 30% командно-начальствующего состава имело боевой опыт войн 1938—1940 гг. Основную часть составляли молодые командиры и начальники. В возрасте до 25 лет было 29%, от 26 до 35 лет — 57, от 36 до 45 лет — 13 и лишь 1% — старше 45 лет^{*1}.

Единицы опытных и всесторонне грамотных в военном отношении педагогов, подавляюще низкий общеобразовательный и технический уровень большинства отобранных курсантов и слушателей, скудная, устаревшая учебная материальная база, перенасыщенность учебных программ второстепенными предметами являлись характерными чертами военных училищ и академий той поры. Обо всем этом весьма обстоятельно говорилось на совещании высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г.

Совещание открыл нарком обороны. Обращаясь к присутствующим, Тимошенко сказал: "Лучше повести нам работу так, чтобы хотя бы вкратце выявить действительное положение итогов на сегодняшний день и, главным образом, чтобы вы сказали свое веское слово с мест — что же нам нужно сделать и как нам нужно сделать, чтобы в 1941 г. поднять нашу политическую и боевую подготовку на высший уровень... Скажем свое слово, — продолжал он, — как мы мыслим наступательную и оборонительную операции прорыва, использование моторизованных сил и авиации, как лучше организовать всю работу с тем, чтобы люди начали глубже думать и получить больший охват в работе"^{*2}.

С докладом об "Итогах и задачах боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего начсостава" выступил начальник Генерального штаба генерал армии К.А.Мерецков. "В то время, когда воюющие народы терпят неизмеримые страдания, наш могучий народ под руководством великого вождя товарища Сталина благодаря его мудрой стратегии, — высокопарно заявил он, — продолжает оставаться вне войны и по-прежнему уверенно идет к своей цели, улучшая свое материальное благосостояние и приумножая мощь вооруженных сил нашей страны.

Попытки со стороны империалистов испытать наше могущество и втянуть в войну были неоднократно и жестоко отбивались, — хвастливо продолжал Мерецков, — это получило особенно яркое

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 32, оп. 15823, д. 547, л. 444.

^{*2} РГВА. Ф. 4 оп. 18, д. 55, л. 1—2.

выражение во время боев на Дальнем Востоке и на северо-западной границе нашего государства"*1. Уж кому-кому, а ему бывшему командующему войсками Ленинградского военного округа, начавшего вторжение в Финляндию, хорошо было известно, что эта маленькая страна не пыталась испытывать наше могущество и втягивать нас в войну.

Эта война, по признанию начальника Генштаба, выявила много недостатков в Красной Армии. Штабы оказались слабо подготовленными к практическому руководству войсками и неудовлетворительно руководили тылом. Плохо показал себя и командный состав. Вскрывшиеся недостатки были указаны в приказе наркома № 120. Этот приказ требовал коренной перестройки в обучении войск.

25 июля Тимошенко послал директиву командующим войсками округов о том, что в августе-сентябре будут проводиться смотровые тактические учения. "Нарком взял на себя проверку войсковых соединений Западного и Московского округов, в остальных округах приказал провести проверку своим заместителям, кроме того, — командующим войсками округов, — заметил Мерецков. — В результате не осталось ни одного соединения, которое бы не было проверено осенью этого года. И с этого момента началась действительная перестройка боевой подготовки Красной Армии".

Проверка показала, что высший командный состав не занимается боевой подготовкой сухопутных войск, а низкие звенья допускают много серьезных ошибок. Самым главным недостатком является то, подчеркнул докладчик, что командиры подразделений в ходе боя не оценивают обстановки, не отдают себе отчета в том, что представляет собой противник, какова система его заграждений, не определяют, где находится передний край и какими силами он обороняется.

Основной недочет в действиях танков заключался в том, что они плохо взаимодействуют с пехотой: часть танков отстает во время атаки, а другие далеко отрываются вперед.

Много недостатков вскрылось в авиации. Главный из них заключался в том, что летчики были плохо подготовлены к полетам в сложных метеорологических условиях и на большой высоте. Штабы авиационных соединений не перешли к нормальным занятиям и как органы управления были еще слабы.

"Опыт последних войн, учений и полевых поездок, — указал Мерецков, — показал недостаточную оперативную подготовленность и военную культуру высшего командного состава, войсковых

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 55, л.3—4

штабов, армейских, фронтовых и особенно авиационных штабов. Этим вопросом раньше не занимались. Основной тормоз в том, что в течение многих лет отсутствовали указания по вождению крупных современных соединений, по вводу в бой вместе авиации и танков. Неясно было, как требуется применять крупные авиационные и механизированные соединения, куда направлять главные усилия авиации — на обеспечение ли войск или на самостоятельную операцию, или то и другое делать в меру необходимости. Теория вождения авиационных, механизированных соединений не разработана”.

Вот к чему привели репрессии талантливейших военачальников и уничтожение их теоретического наследия. Ими все эти проблемы были в свое время разработаны и освещены.

Для того, чтобы этот большой недостаток выправить, сказал Мерецков, необходимо в первую очередь решить все эти принципиальные вопросы. С этой целью нарком обороны и потребовал от участников совещания разработать теоретические вопросы с тем, чтобы в конце совещания дать указания по ведению современных операций. Кроме того, проверками в округах и в ходе смотровых учений установлено, что высший командный состав и штабы не работают над собой, не работают над повышением своего оперативного кругозора и над перестройкой своей работы в соответствии с требованиями наркома обороны. “Работать по старинке — засело крепко в головах командиров и политработников. Пора понять, — указал начальник Генерального штаба, — что перестроить работу — значит не только самому работать, но и учить подчиненных”. Отмечены случаи противодействия перестройке. “Как же иначе понять факты рукоприкладства со стороны политруков, — заметил он. — В 17-й армии имел место случай, когда заместитель по политчасти, не прочитав Дисциплинарного устава, стал разъяснять, что теперь можно бить красноармейца чем попало, даже указывал — ломом, топором и т.д. Было два случая рукоприкладства. Это является не только противодействием, но прямой провокацией, стремлением сорвать требование Народного комиссара”.

Дисциплинарный устав Красной Армии был введен в действие 12 октября 1940 г. Статья 6 устава гласила: “Подчиненные обязаны беспрекословно повиноваться своим командирам и начальникам. В случае неповиновения, открытого сопротивления или злого нарушения дисциплины и порядка командир имеет право принять все меры принуждения, вплоть до применения силы и оружия”. В статье 7 говорилось, что командир, “не принявший всех мер к выполнению приказа, предается суду военного трибунала”.

”Красная Армия в течение летнего периода 1940 года, — отметил Мерецков, — благодаря усилиям всего личного состава ар-

мии провела большую работу по перестройке быта, жизни, боевой подготовки и общей готовности войск к войне. Но эта перестройка только началась и требования, поставленные народным комиссаром обороны..., еще не выполнены... В настоящее время правительство и партия, обеспечивая нашу армию всем необходимым, требуют, чтобы мы были всегда в боевой готовности. Мы ни на одну минуту не должны забывать с вами, что живем и работаем, когда идет война, и не можем терять ни одного часа, используя каждую минуту, должны совершенствовать нашу готовность.

Мы должны, — заключил Мерецков, — ... в кратчайший срок перестроить нашу армию, действительно довести ее до высокой боевой готовности, добиться такого положения, чтобы мы постоянно по требованию правительства в любое время могли выступить в поход"*1.

По докладу начальника Генерального штаба выступило несколько человек. "Мы сейчас проводим сборы командного состава пехоты, — сказал генерал-лейтенант А.К.Смирнов. — ...Нужно отметить, что командиры дивизий не поняли существа так называемой начальной подготовки бойца. Командиры дивизий не поняли того, что если боец не будет поставлен в строй подготовленным, то мы можем опять получить неуправляемые взводы, роты и батальоны. Одиночная подготовка в ряде дивизий (особенно новобранцев), я бы сказал, проводится самотеком. В ряде частей она отдана на откуп командирам рот. Причем молодой командный состав, не имеющий программ, принужденный работать в обстановке, когда мы не имеем уставов Красной Армии, не имеем наставлений, со своей задачей не справляется"*2.

Важность рассматриваемой Смирновым проблемы заключалась в том, что осенью 1940 г. значительная часть сержантского и рядового состава, после окончания срока действительной службы, была уволена в запас. Им на смену пришло новое пополнение.

Чтобы поднять начальную выучку нашего бойца, предложил он, нужно повернуть к нему внимание всего командного состава. Вторая задача — это подготовка младшего командира. Неподготовленный младший командир нам не создаст бойца.

На этой же проблеме остановился и начальник Управления боевой подготовки Красной Армии генерал-лейтенант В.Н.Курдюмов. "В ряде проверенных уже в начале нового учебного года частей и соединений, — сказал он, — оказалось, что прибывшим

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 55, л. 44—45.

*2 Там же, л. 47—48.

новобранцам длительное время не выдавалось оружие. Это, товарищ Народный комиссар, при наличии Вашего приказа № 0226 (от 19 сентября 1940 г. "О порядке увольнения старослужащих и приема нового пополнения в войсковых частях Красной Армии"), которым Вы требовали немедленно приступить к плановой учебе с новобранцами"*1.

Говоря о перестановках командных кадров, Курдюмов отметил, что большинство начальствующего состава в частях не имело должной подготовки и практического опыта в обучении войск. Так, в Приволжском военном округе 70% среднего командного состава имеют практический стаж от 5 месяцев до года. В этом же округе все командиры полков, кроме одного, командуют частями первый год. Командный состав мало работает над повышением своего общего культурного уровня и развития. Военную, политическую и художественную литературу командиры читают нерегулярно. Недостаточно изучают армии вероятных противников и театры военных действий. В заключение он предложил: "Старшему и среднему командному составу, не имеющему законченного военного образования, к 1 января 1942 года сдать экстерном экзамен за полный курс военных училищ"*2.

Удручающим было выступление о положении в танковых войсках начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенанта Я.Н.Федоренко. "Механизированные соединения, — констатировал он, — еще не отработали взаимодействия внутри себя, не отработали даже взаимодействия с мотопехотой и артиллерией, которые входят в состав механизированных корпусов и дивизий. В этом отношении только есть попытки. В этом году корпуса и дивизии отрабатывали вопросы вхождения в прорыв и наступление, но это только ознакомление, никакого боевого взаимодействия и сплоченности в этих вопросах еще нет"*3.

Один из видов боевой подготовки — поднятие и выход по тревоге, также остался недоработанным, сказал он. Поднятие по тревоге соединения показало, когда отъедешь на 30—40 км от расположения части, то нужно пять дней ездить обратно и забирать нужное, но не взятое, и отвозить взятое, но ненужное.

Особенно плохо обстоит дело с разведкой. "Пустишь танк в разведку, он пройдет вокруг леса, болота, экипаж выйдет и не знает, где юг, где север, — с горечью сказал он. — У нас карты

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 55, л. 58.

*2 Там же, л. 63.

*3 Там же, л. 73.

имеет, как правило, только командир роты, а командир взвода и экипаж карт не имеют”.

И последний вопрос, обратился Федоренко. Я хочу просить высший командный состав о том, чтобы принять все меры к тому, чтобы сберечь материальную часть. В этом году выбыли из строя масса боевых и вспомогательных машин. “21000 машин по заявкам округов, — указал он, — требует капитального ремонта, а когда проверишь, многие машины требуют всего двух часов времени, за которые их можно привести в порядок”^{*1}.

О состоянии политической работы говорил член Военного совета Киевского особого военного округа корпусной комиссар Н.Н.Вашугин, который не смог перенести поражения советских войск в начале войны и 28 июня 1941 г. застрелился. “Товарищ Народный комиссар, проводимая Вами по указанию т.Сталина перестройка системы обучения и воспитания Красной Армии основными кадрами Киевского особого военного округа встречена с огромным удовлетворением, — с пафосом произнес он. — Среди войск Киевского округа имеется много частей и соединений, участвовавших в войне с белофиннами. При проведении боевых операций командиры и красноармейский состав чувствовали и на собственном опыте испытывали результаты порочных методов подготовки, которые длительное время практиковались в Красной Армии”^{*2}.

Основное внимание в своем выступлении он сосредоточил на случаях нарушения воинской дисциплины, количество которых “продолжает оставаться все еще очень большим”. В частях округа имели место случаи измены Родине и ухода за границу. Большую роль в повышении воинской дисциплины сыграл Дисциплинарный устав. Проводится он в жизнь правильно и правильно понимается, заметил Вашугин. Но есть отдельные лица, которые “статью 6” пытаются истолковать, как право избивать красноармейцев. Полковник Матевосян говорит: “Применяй силу оружия, иначе сам будешь отвечать”. А на совещании младших командиров он конкретизировал это указание: “Видишь, что койка не заправлена, вызови этого красноармейца и дай ему в зубы”. Помощник старшины первой роты этого полка довел это указание до красноармейцев, а первая рота, как известно, укомплектована красноармейцами с высшим образованием; Он построил их и заявил: “Хотя вы и с высшим образованием, но если не будете делать то, что я приказываю, будете получать в зубы”. И на вечерней проверке

---

^{*1} РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 55, л. 78.

^{*2} Там же, л. 116.

он ударил одного из красноармейцев за то, что тот пошевелился в строю.

Было бы совершенно неправильно отказаться от борьбы с этими извращениями в дисциплинарной практике, продолжал выступающий. У нас на партийной конференции один из командиров — генерал-майор Шмыров потребовал, чтобы мы не говорили об этих фактах, так как эти разговоры якобы размагничивают волю командиров. Свое выступление он построил примерно так: раньше политотдельщики мешали воспитывать волю командирам. Только командир начинает вводить дисциплину, может быть допускающий некоторые ошибки (человеку ведь свойственно ошибаться), а тут придет инструктор и начинает выискивать случаи извращений. После этого начинают “бить” командира, а красноармеец, нарушивший дисциплину, превращается якобы в героя. Я не думаю, чтобы человек, который получил в зубы, мог считать себя героем.

“Должен отметить, — сказал в заключение Вашугин, — что ни в одном из выступлений на конференции тов. Шмыров не нашел поддержки и, наоборот, должный отпор он получил, в особенности от генерала армии тов. Жукова”^{*1}.

Откликнулся на доклад начальника Генерального штаба и командир 99-й стрелковой дивизии этого округа генерал-майор А.А.Власов. “На что мы обращали внимание в основном в части подготовки одиночного бойца? — ставит он вопрос и отвечает. — Большую дисциплинарную роль играет строевая подготовка... Иы живем на границе (под Перемышлем), каждый день видим немцев. Куда бы ни шел немецкий взвод, они идут исключительно четко, одеты все однообразно. Я указывал своим бойцам: “Вот капиталистическая армия, а мы должны добиться результатов в 10 раз больше”. И бойцы обращали внимание. Ведь за 100 м мы хорошо видим друг друга и, наблюдая немецкие взводы, наши взводы стали крепко подтягиваться... Были случаи, когда немецкий офицер нас четко приветствовал, а наши — не приветствовали. Тогда мы говорили, что дружественную сторону нужно приветствовать и теперь стали неплохо приветствовать”^{*2}.

Не эти ли “приветствия” и “наблюдения”, а может быть и знакомство, привели впоследствии Власова к измене Родине в 1942 г.

Начальник штаба Западного особого военного округа генерал-майор В.В.Климовских остановился на вопросе подготовки комсостава и штабов. Прежде всего он отметил, что в батальонах округа

---

^{*1} РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 55, л. 120.

^{*2} Там же, л. 133.

штаба нет: "На бумаге числится, а в жизни встретить не удастся. За зиму мы должны во всех батальонах подготовить штабы". Подготовку как командиров, так и штабов следовало бы строить в такой последовательности. Прежде всего необходимо изучить уставы. Это сейчас у нас слабое место. Многие командиры, надо прямо сказать, уставов не знают и не знают те рода войск, с которыми им придется действовать в бою... Опыт говорит, что находясь рядом, сидя, что называется, бок о бок, командир стрелкового корпуса не знал, что делается у командира механизированного корпуса и, наоборот, командир механизированного корпуса не знал, что делается в соединениях стрелкового корпуса", — констатировал прискорбный факт Климовских.

"Надо командный состав и штабы стабилизировать, с тем чтобы у нас не было такого положения, когда командиры в частях и в штабах сидят всего по несколько месяцев... Стабилизация на более длительный срок должна быть обязательно", — заключил он^{*1}. К сожалению, самого его расстреляли вместе с Павловым 22 июля 1941 г.

О необходимости упорной работы по подготовке командных кадров говорил и командующий 1-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта генерал-майор М.М.Попов. "Сборы, которые проводились, — отметил он, — показали всю вопиющую неграмотность нашего начальствующего состава и, очевидно, лечить эту неграмотность окриком, взысканиями нам нельзя, стыдно и бесцельно. Над начальствующим составом надо крепко работать, его надо учить"^{*2}.

"Командирская подготовка в войсках неудовлетворительна, — продолжая эту тему, заявил командующий войсками Забайкальского военного округа генерал-лейтенант И.С.Конев. — Особенно слаба постановка командирской подготовки в частях авиации. Здесь дальше так называемой предполетной подготовки командирская подготовка никуда не пошла"^{*3}. У нас все хотят предусмотреть, хотят забежать вперед на несколько лет, — какая-то излишняя "ученость", а нет боевого устава пехоты, нет полевого устава, — все это сказывается на подготовке нашего командного состава, на подготовке войск.

Мы много говорим, продолжал он, что у нас молодые кадры, и мы должны им помочь разобраться и понять современные требования. Мы должны дать какой-то тактический справочник, где

---

^{*1} РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 55, л. 158.

^{*2} Там же, л. 177.

^{*3} Там же, л. 188

была бы показана современная техника, современные рода войск. Не решен такой вопрос, как полевое управление армией. У нас нет положения для штабов округа, фронта, армии. Мы говорим, что кадры в высших штабах у нас молодые. Но мы им должны помочь и дать эти положения о штабе фронта, о штабе округа, о штабе корпуса. Я считаю, что с изданием уставов дальше нельзя так вести дело.

Особое внимание Конев уделил изучению марксизма-ленинизма. "Изучение истории партии, изучение марксизма-ленинизма, — сказал он, — является государственной доктриной и обязательным для всех нас"*1.

Значительную часть выступления Конев посвятил вопросу о единоначалии. "Известно, что коллегиальное управление частями в бою, — подчеркнул он, — к добру не приведет и что, следовательно, единоначалие — как целесообразный принцип управления и по своей природе присущ армии... Командир является полновластным руководителем своей части: руководит политаппаратом, партийно-комсомольскими организациями, укрепляет и насаждает дисциплину, ведет дело боевой подготовки. Таким образом, задача заключается в том, что надо работать, товарищи политработники, под руководством своих командиров, не ждать положений, а командирам — смелее и полнее ставить свои требования перед политработниками", — заключил он*2.

О работе политработников говорил Член Военного совета Закавказского военного округа корпусной комиссар Я.А.Доронин. "Многие политработники сидят еще и сейчас в кабинетах, пишут бумаги, прикладывают печати, в частях появляются как редкие гости и их красноармейцы не знают", — заявил он. "... Есть такой Енукидзе — человек с академическим образованием. Мы его судили судом чести за нежелание работать. У него в полку в течение долгого времени пропагандировали религиозные убеждения, цитировали Коран и т.д., — возмущался Доронин, — а заместитель командира полка узнает об этом последним. Суд чести вынес решение снизить в должности".

Рассказал корпусной комиссар и о случаях мордобития, которые имеются и в войсках Закавказского округа.

В появлении мордобоя в армии заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Г.И.Кулик обвинил самих политработников. "Я слушал выступления политработников и несколько их не понял, — заметил он. — В своих выступлениях они остано-

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 55, л. 193.

*2 Там же, л. 198.

ливались на отдельных случаях недисциплинированности или перегивов в применении дисциплинарных прав. Такой-то выпил, а выступлений можно было понять, что если бы не было нового Дисциплинарного устава с его статьей, разрешающей командиру применять силу и оружие, то не было бы никаких перегивов. Выходит, что нам нужно ревизовать этот устав. Политорганы и политруководители не умеют правильно объяснить устав, правильный комиссар"*1.

Рьяно отстаивал сталинское указание, выраженное в 6-й статье Дисциплинарного устава Кулик — сподвижник и выдвиженец вождя, но карающая десница настигла и его самого. В 1946 г. он был репрессирован, а в 1950 году, будучи в заключении вместе с генерал-полковником Гордовым допустили в беседе непечатные выражения в адрес "хозяина", за что и были оба расстреляны.

О драконовских методах дисциплинарной практики считал необходимым сказать в заключительном слове начальник Генерального штаба, которого в июне 1941 г. вместе с Рычаговым, Штерном и другими военачальниками также посадили в Лефортовскую тюрьму, но, к счастью, не расстреляли как их, хотя и покатечили. "Товарищ народный комиссар, — зачитывает Мерецков телеграмму, поступившую в наркомат обороны, — у нас был такой случай, что начальник политотдела спецчастей выступил с разъяснением Вашего приказа и объяснил так, что нужно теперь бойца лупить, не стесняясь, а что касается рабочих батальонов, то людей в них можно бить и ломом и топором. Мы, говорит, приняли строгие меры, когда проверили в чем дело".

Содержание этой телеграммы не понравилось ему. Он весьма критически отозвался о ее авторе. "Выступления ряда товарищей по этим вопросам, — заключил он эту тему, — я считаю неправильным, кроме выступления члена Военного совета Одесского военного округа А.Ф. Колобякова. мы с ним старые приятели, в одной дивизии работали"*2.

Выступление "старого приятеля" понравилось Мерецкову, по-видимому, потому, что он ни одного факта нарушения дисциплинарной практики в войсках Одесского военного округа не привел.

Обсуждение доклада начальника Генерального штаба убедительно показало, в каком плачевном состоянии находилась Красная Армия к началу 1941 г. В течение полугодия до начала войны

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 55, л. 223.

*2 Там же, л. 266.

улучшить ее боеспособность не представлялось возможным. Прав был Георгий Константинович Жуков, сказав мне в мае 1965 г., что немецкая армия по своей боеспособности была на "голову выше" нашей армии.

Вторая часть декабрьского совещания была посвящена проблемам военного искусства.

Первым с докладом о "Характере современной наступательной операции" выступил командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Г.К.Жуков.

"Прежде всего, чему учит опыт проведения больших и малых операций, локальных и больших войн? — задается он вопросом. — Опыт учит прежде всего тому, что развитие современных операций и совершенствование их оперативно-тактического искусства происходит неравномерно. Там, где экономические условия позволяют, там, где военная мысль и воспитание армии чужды консерватизму, там развитие и совершенствование армии проходит более быстрыми темпами и эти армии в современном сражении оказались способными вести успешно современные войны, современные операции, современные сражения. Там, где этих условий не было, армии оказались неспособными противостоять уничтожающему удару современного подготовленного противника"*1.

Жуков весьма основательно анализирует далее вопрос развития вооруженных сил передовых в техническом отношении стран. Главные усилия передовых армий, указывает он, шли по линии создания наступательных средств ведения войны, т.е. развитие шло и идет как в количественном, так и особенно в качественном отношении на создание крупных военно-воздушных сил, бронетанковых соединений, развитие механизированной артиллерии и, наконец, моторизации армии. В результате широкого внедрения в армии современных технических средств, т.е. развития военно-воздушных сил, бронетанковых соединений, механизации артиллерии и моторизации армии, оперативное искусство получило такие могучие факторы, подчеркивает полководец, как скорость и сила удара.

Быстрота развития операций, как показали последние опыты сражений, достигается главным образом благодаря внезапному, смелому и массовому применению авиации, авиадесантов, танковых и моторизованных соединений. Наличие технических средств в массовом количестве позволило главному командованию, продолжал докладчик, не только окружать и уничтожать противника в условиях маневренной войны, но и уничтожать, прорывая, сильные укрепления и развитые на большую глубину полосы. Успешное

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 1.

развитие прорыва, перерастание его из оперативного успеха в успех стратегический стало возможным также благодаря современной технике, применяемой в массовом масштабе.

Читаешь это и невольно думаешь: как же Жуков, будучи перед войной начальником Генштаба мог допускать наличие начального периода, как он сам признает это, в ходе которого будут вести боевые действия лишь армии прикрытия и будет производиться мобилизация армии, а затем вступление в вооруженную борьбу главных сил?

Рассмотрев опыт боев на р.Халхин-Гол в период с 20 по 29 августа, он ставит вопрос: "Что необходимо отметить характерного и поучительного в этой операции? Это, прежде всего, вопрос внезапности. Вопрос внезапности, вопрос маскировки был, есть и будет главным элементом в победе как в операции, так и в бою... Была принята особая осторожность при донесении в Москву в Генеральный штаб плана операции, а срок удара был донесен, по существу, накануне самой операции".

И снова мысленно задаешь вопрос: как тот же самый Жуков мог позволить немцам нанести по нам внезапный удар 22 июня 1941 г.?

Говоря о войне с Финляндией, он подчеркнул, что мы из этой войны должны сделать очень серьезный урок. Наша обязанность со всей правдивостью и честностью сделать для себя вывод и подготовиться к сокрушительным, уничтожающим и организованным действиям нашей армии несмотря на то, в какие условия (маневренного, позиционного или иного характера) наша армия будет поставлена.

Разгром Голландии, Бельгии, английского экспедиционного корпуса, Франции, указал он, характерен прежде всего своей внезапностью и мощностью удара на всю глубину фронтовой операции. Подчеркнув умение немцев организовать непрерывность операций, Жуков заключил, что современные условия характеризуются наличием мощных технических средств борьбы, позволяющих наступать:

1. В тесном взаимодействии авиации, танковых частей, артиллерии и стрелковых войск уничтожить не только полевую оборону, но и, как это показано на деле, прорвать современную укрепленную полосу.

2. Прорвав тактическую оборону, введя мощную подвижную группу, нанести решительное поражение оперативным резервам и развить успех оперативный в успех стратегический.

3. Мощным и внезапным ударом разгромить авиацию противника на всю глубину оперативно-стратегического удара и завоевать господство в воздухе.

Вопросы, вопросы и вопросы. Все Жуков теоретически пред-

видел, а на практике вместе с Тимошенко позволил противнику достичь внезапности не только в смысле неожиданности удара, но и мощи его. Жуков признался мне, что силу удара немцев такой, какой она обрушилась на нас 22 июня 1941 г. не предвидели. Что касается времени удара, то, по его словам, доверились мудрости Сталина, полагая, что он найдет какой-то выход из положения, а он, Сталин, перемудрил не Гитлера, а самого себя.

Рассматривая характер современной наступательной операции, он отметил, что она может рассчитывать на успех лишь в том случае, если удар будет нанесен в нескольких решающих направлениях, на всю глубину оперативного построения, с выброской крупных подвижных сил на фланг и в тыл основной группировки противника. Одновременно с действиями на решающих направлениях наступательным и вспомогательными ударами противник должен быть деморализован на возможно широком фронте. Только такая наступательная операция может в относительно короткие сроки привести к окружению и разгрому основной массы сил противника на всем фронте предпринимаемого наступления.

В заключение Жуков сказал: "Красной Армии, где бы ее части в настоящее время ни дислоцировались, нужно быть готовой драться с искусным и технически оснащенным противником... При равных силах и средствах победу обеспечит за собой та сторона, которая более искусна в управлении и создании условий внезапности в использовании этих сил и средств. Внезапность современной операции является одним из решающих факторов победы. Для того, чтобы успешно вести современные наступательные операции, необходимо иметь отлично подготовленные войска, командиров и штабы. Современные операции, развивающиеся быстрыми темпами, требуют исключительной слаженности, маневренности и гибкости. Войска, не обладающие этими способностями, не могут рассчитывать на успех"*1.

Первым в обсуждении доклада Жукова принял участие начальник штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенант П.С.Кленов. Он привлек внимание участников совещания к проблеме, которой докладчик вовсе не касался. Он говорил о начальном периоде войны. "Мне хотелось бы, товарищи, остановиться на одном очень ответственном вопросе. Исследуя все материалы, которые мы имеем непосредственно по операциям Германии и Польши, мы видим одно разительное начало во всех этих действиях, — начал он. — В 16 дней Германия расправилась с Польшей, с ее вооруженными силами, нарушила стратегическое

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 51—52.

развертывание Польши. Из этого напрашивается один вывод об особых наступательных операциях. Тов. Жуков брал пример операции безотносительно от периода войны. Она могла быть одной из последовательных операций. Так вот, я беру пример, когда эта операция начинается в начальный период войны и невольно возникает вопрос о том, как противник будет воздействовать в этот период на мероприятия, связанные со стратегическим развертыванием, т.е. на от мобилизацию, подачу по железным дорогам мобресурсов, сосредоточение и развертывание. Этот начальный период войны явится наиболее ответственным с точки зрения влияния противника на то, чтобы не дать возможность планомерно его провести"*1.

Из этого выступления следует, что Кленов вкладывал в понятие начального периода войны то же содержание, как это было в годы первой мировой войны. Об этом свидетельствует и последующая часть его речи. "Я этот вопрос, товарищи, поднимаю потому, что порой сталкиваешься с некоторыми выводами, по-прежнему, очень поспешными. Я просмотрел недавно книгу Иссерсона "Новые формы борьбы". Там даются поспешные выводы, базируясь на войне немцев с Польшей, что начального периода войны не будет, что война на сегодня разрешается просто — вторжением готовых сил. Как это было проделано немцами в Польше, развернувшими полтора миллиона людей. Я считаю подобный вывод преждевременным. Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск. Каждое уважающее себя государство, конечно постарается этот начальный период использовать в своих собственных интересах для того, чтобы разведать, что делает противник, как он группируется, каковы его намерения, и помешать ему в этом".

Никто из участников совещания, в том числе Жуков и Тимошенко, не возразили ошибочному суждению Кленова. Это свидетельствует о том, что никто из них не принимал совершенно правильных выводов Иссерсона, о которых мы говорили во второй главе. Невольно задумываешься над тем, что уж не выступление ли Кленова ускорило арест Иссерсона. А сам Кленов, испытав действительную силу немецкого удара в начальный период Великой Отечественной войны, 7 июля 1948 г. скоропостижно скончался.

Единственным из всех участников совещания человеком, который отрицательно оценил доклад Жукова, был командир 1-го

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 55.

механизированного корпуса генерал-лейтенант П.Л.Романенко. "Товарищи, я позволю себе высказать сомнение в отношении разработанного характера операции и движущих сил современных операций, — сказал он. — Я, товарищи, считаю, что разработанная операция отражает насыщенность техническими средствами и военную мысль периода 1932—1934 гг. С того времени прошло, как вы знаете, достаточно лет. Кроме того, мы имеем опыт на Западе. Верно было указано, что германская армия решила операцию на Западе в основном механизированными и авиационными соединениями, но не было в достаточной мере разобрано, как решалось здесь дело... Я считаю необходимым сделать вывод, — продолжал Романенко, — что немцы, располагая значительно меньшим числом танков, нежели мы, учли, что ударная сила в современной войне составляется из механизированных и авиационных соединений, и все свои танки собрали в оперативные соединения, массировали и возлагали на них решающие самостоятельные операции"*1.

Непонятно, что оспаривает выступающий, так как докладчик, как явствует из вышеизложенного, сделал такое же заключение из опыта войны на Западе. Затем Романенко поставил вопрос "о разработке ударной армии в составе 4—5 механизированных корпусов, 3—4 авиационных корпусов, 1—2 авиадесантных дивизий и 9—12 артиллерийских полков". Кроме как усмешки у участников совещания это предложение вызвать не могло.

"Я как участник совещания должен высказать большое удовлетворение докладом генерала армии тов. Жукова, как охватом вопроса, так и учетом последнего боевого опыта собственной армии и армии немецкой, — сказал заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Ф.И.Голиков. — ... Я имею целью высказать несколько замечаний по ряду вопросов доклада, исходя из собственного командного опыта. Но прежде всего должен привести, как фактический материал, справку в ответ, пусть меня извинит генерал-лейтенант Романенко, на его абсурдное утверждение, что доклад о наступательной операции армии построен на базе возможностей, теорий и взглядов 1932 г. Эта фактическая справка заключается в характеристике сил, сосредоточенных главным немецким командованием против франко-англо-бельгийско-голландского блока к 10 мая 1940 г., в размахе операции, в распределении по глубине и по плотности сил, предназначенных для выполнения этой операции, огромной важности стратегической опе-

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 59—60.

рации, в соотношении родов войск, взятых в состав основных ударных сил”^{*1}.

Раскрыв действия танковых групп генералов Гудериана, Гота и Клейста, Голиков, по-видимому, для того, чтобы не обвинили его в преклонении перед иностранщиной заявил: “Я хочу предостеречь при изучении опыта иностранных армий избежать преувеличения и преклонения перед успехами этих армий. Для примера могу привести такой случай, имевший место в этой войне. 71-я пехотная немецкая дивизия должна была взять в течение 19 мая высоту 505, на которой было несколько бетонированных огневых точек. Дивизия вела два дня артподготовку, имея 300 орудий на 2,5—3 км. А в конечном счете оказалось, что эта высота 505 была взята к вечеру 20 мая не 71-й пехотной дивизией, а саперами, приданными этой дивизии. Предупреждаю, — еще раз подчеркивает в заключение своего выступления Голиков, — от преувеличения успехов иностранных армий, так как это вредно отражается на нашем воспитании”^{*2}.

Как предупреждал Голиков Сталина мы расскажем в 4-й главе, а как его “предупреждения” сказались в начале войны — в 5-й.

О войне в Западной Европе, о массированном применении немцами танковых войск и авиации в сочетании с выброской воздушных десантов говорили многие участники совещания. “Если посмотреть на план немцев в 1940 г., — сказал начальник штаба Дальневосточного фронта генерал-майор М.А.Кузнецов, — то увидим, что они выделили на направление главного удара свыше 100 дивизий. огромное количество танков и авиации. Операции немцев в Бельгии и Франции были расчленены на два этапа: первый удар — в Голландии, Бельгии и Северной Франции и второй удар — прорыв на р.Сена, обход Парижа, окружение главных сил французской армии, разгром ее по частям”^{*3}.

Характерно, заметил Кузнецов, что операции переросли одна в другую без оперативной паузы. План Шлиффена в 1940 г. претерпел значительные изменения. Противник громил их по частям, причем превосходство сил на стороне немцев было небольшое, но преимущество состояло в том, что голландские, французские, бельгийские и английские части не были подготовлены для действий по одному общему оперативному плану. Голландцы быстро капитулировали, бельгийцы отошли без особо упорных боев, а та часть сил англо-французов, которую успели перебросить против немцев,

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 85.

*2 Там же, л. 92.

*3 Там же, л. 95.

попала под удар танкового кулака немцев и была прижата к морю и окружена в Дюнкерке.

"Почему стала возможна такая молниеносная операция в Северной Франции? — ставит вопрос выступающий. — Потому что появился новый род войск — это танковые мотомехсоединения, это танки плюс моторизованная пехота, это танки плюс артиллерия, это танки плюс мощная авиация. Все это является теми средствами, которые позволяют проводить молниеносную войну, быстротечные решающие сражения, операции. Вот то новое, — подчеркнул он, — чего не было у французов и англичан, этого преимущества мотомехсоединений, способных самостоятельно прорывать фронт. Это и решило молниеносную войну в Польше и во Франции. Вот таким образом за 16—18 дней распалась польская армия. Так была окончена операция в Северной Франции и таким образом была разбита французская армия"*1.

Из этого явствует, что командование Красной Армии делало совершенно правильные выводы из опыта действий германской армии.

С докладом на тему: "Военно-Воздушные Силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе" выступил начальник Главного управления ВВС генерал-лейтенант авиации П.В.Рычагов. Так же, как и Жуков, он констатирует, что развитие и совершенствование авиации, танков и авиадесантных средств и организационное оформление их в крупные соединения дали в руки командованию такое средство, при помощи которого командование в состоянии не только развить тактический прорыв в оперативный, но и превратить последний в маневренную войну, одновременно воздействуя на жизненные центры страны. Этому мы являлись свидетелями в только что минувшие польско-германскую и франко-германскую войны, где немцы, имея все современные оперативные средства, быстро взломали тактическую оборону и перешли к маневренным действиям.

"Характерными чертами современной наступательной операции, — указывает Рычагов, — являются: одновременное воздействие на всю оперативную глубину обороны противника; сочетание атаки с фронта с действиями по глубине расположения противника авиацией и воздушными десантами; глубокое проникновение подвижных войск в тыл противника; одновременная изоляция стратегических резервов от фронта авиацией и дезорганизация сю

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 96.

тыла воюющей страны. Все это осуществляется при обязательном условии завоевания господства в воздухе"*1.

Исходя из характера наступательной операции, докладчик правильно, на наш взгляд, определил задачи авиации:

- 1) завоевание господства в воздухе;
- 2) взаимодействие с войсками на поле боя;
- 3) прикрытие войск и отдельных районов;
- 4) действия по оперативным и стратегическим резервам и по войсковому и оперативному тылу противника;
- 5) воздушная разведка;
- 6) обеспечение и высадка воздушных десантов, если они будут применены;

7) питание по воздуху войск, далеко оторвавшихся от своих тылов или имеющих нарушенное снабжение. Это может потребоваться для мотомехчастей, рейдирующей конницы и десантных частей.

Справедливо он говорит и о том, что господство в воздухе может быть стратегическое и оперативное. Стратегическое господство, по его мнению, достигается операциями по уничтожению действующей авиации противника, разрушением авиапромышленности, уничтожением запасов материальной части и горючего. В оперативном масштабе господство в воздухе завоевывается только на период определенной операции и в ее районе.

"Следовательно, — заключает Рычагов, — завоевание господства в воздухе является необходимым условием, обеспечивающим плановость и успешность развития наземной наступательной операции фронта и поэтому вовлечение в нее армейской и фронтовой авиации обязательно"*2.

Из этого вывода следует, что начальник Главного управления ВВС, так же, как и нарком Тимошенко, допускал деление авиации на фронтовую и армейскую, что являлось серьезной ошибкой, которая привела к распылению авиации, и затруднило массированное использование ее в борьбе с воздушным противником.

Более того, он говорил о необходимости поддержки фронтовой авиацией общевойсковых армий на период проведения ими наступательной операции для завоевания господства в воздухе. Это утверждение вызвало серьезное возражение со стороны начальника Главного управления противовоздушной обороны (ПВО) Красной Армии генерал-лейтенанта Д.Т.Козлова. "В армейской операции ВВС едва ли будут иметь задачу завоевания господства в воздухе.

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 56, д. 57, л. 8.

*2 Там же, д. 57, л. 12.

Задачу завоевания господства в воздухе современная авиация будет иметь только во фронтовом масштабе, — заметил он, на что Рычагов бросил реплику: “А на поле боя может не господствовать?” Козлов отреагировал так — Вы послушайте, тов. генерал-лейтенант, я обо всем доложу. Бесспорно известно, что до тех пор, пока авиация противника господствует в воздухе или пользуется равными шансами, рассчитывать на положительный исход борьбы на земле мы не можем. Поэтому одной из основных целей фронтовой операции должна быть цель завоевания господства в воздухе путем уничтожения или нейтрализации ВВС противной стороны. Выполнение этой задачи, как правило, повлечет за собой проведение самостоятельной воздушной операции”^{*1}.

При организации воздушной операции, подчеркнул он, необходимо всеми силами избегать распыления авиации. Стремление охватить все задачи и все цели приводит к распылению сил, а основная задача может быть не решена. Если авиации недостаточно, необходимо выбирать основные аэродромы и по этим аэродромам бить, при этом соблюдать последовательность и сосредоточение удара как на земле, так и в воздухе. Распыление сил пользы никакой не принесет.

Немцы при нападении на Советский Союз действовали точно по-козловски, а наша авиация так — от чего он предостерегал.

Естественно, начальник управления ПВО коснулся и своих вопросов. “Современная воздушная оборона, я бы так назвал, потому что нам надо обороняться в воздухе, а не наоборот, — не без основания заметил он, — помогает действиям войск. Поэтому-то организацию обороны в воздухе нужно называть воздушной обороной”^{*2}.

Он справедливо говорил о необходимости разделения, выражаясь его языком “воздушной обороны”, на войсковую и ПВО страны. “Для воздушной обороны глубины территории должна быть отдельная организация, имеющая в своем распоряжении наземные и воздушные средства. — указал Козлов. — Опыт войны в Германии и Англии показывает, что объединение в одних руках обороны войск и страны пользы не принесет”^{*3}.

Выступление Козлова по вопросу завоевания господства в воздухе поддержал генерал-лейтенант М.М.Попов. “Стратегическое превосходство военно-воздушных сил, как здесь было положено тов.Рычаговым, — сказал он, — можно добыть разгромом воен-

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 57, л. 26.

*2 Там же, л. 29.

*3 Там же, л. 30.

но-воздушных сил противника, авиапромышленности, учебных центров, ремонтных баз и исключением подвоза извне. Вместе с тем мы должны учитывать, что при вооруженном столкновении вооруженных государств, располагающих хотя бы относительно равными военно-воздушными силами, относительно равным военным потенциалом, рассчитывать на легкое завоевание стратегического господства в воздухе не приходится. Ясно, что стратегическое господство может быть добыто только в результате длительной и упорной борьбы, — развивает он дальше эту проблему, — которая выразится в виде мощных воздушных налетов на экономические и политические центры противника, на воздействие по сухопутным и морским коммуникациям, наконец, путем создания внешней политической изоляции. Эта борьба за абсолютное господство в воздухе требует решительного перевеса сил и будет вестись бесспорно мощными воздушными соединениями. Я согласен в этой части с генерал-лейтенантом Козловым, что для этой цели следует иметь самостоятельные подготовленные и обученные соединения авиации, состоящие в распоряжении фронтовых штабов или Главного командования"*1.

Все это свидетельствует о том, справедливо заключил Попов, что борьба за стратегическое господство в воздухе является делом чрезвычайно трудным, тяжелым, важным и серьезным, является одним из решающих факторов современной войны. К этой борьбе должны готовиться государства в целом, их промышленность и ВВС.

Командующий ВВС Прибалтийским особым военным округом генерал-лейтенант авиации Г.П.Кравченко сосредоточил внимание участников совещания также на вопросе централизации воздушных сил. Если мы начнем вскрывать причины поражения воздушных сил Франции, Польши, то возникает вопрос о том, что в их организации воздушных сил не было единого централизованного руководства, т.е. не было одного, у кого были бы все нити этих воздушных сил, чтобы ими можно было быстро маневрировать в тот или иной ответственный момент. Вторая сторона — организационная. Если взять Германию, тут действительно было централизованное управление воздушными силами и в нужный решающий момент все воздушные силы направлялись в ту или другую сторону, на тот или другой участок. "Я считаю, момент децентрализации воздушных сил, на что сейчас у нас многие склоняются (на раздачу авиации и прикрепление по корпусам), — заявил прославленный в боях в Испании и на реке Халхин-Гол летчик,

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 57, л. 31.

дважды Герой Советского Союза, — неправильным, я не склонен даже к дивизиям закреплять. Здесь нужно усмотреть следующее: основная сила авиации в том, что она может быть быстро, оперативно переброшена или может быть переброшен ее удар порядка на 300—200 км, чего наземные части, конечно, сделать не смогут. И эту силу авиации, ее качества нужно учитывать при организации воздушных сил, — заключил он^{*1}.

Во время войны с Финляндией, как впоследствии и в годы Великой Отечественной войны, летчики иногда наносили удары по своим войскам. О необходимости тщательной организации взаимодействия авиационных начальников с командованием сухопутных войск говорил командующий ВВС Забайкальского военного округа генерал-майор авиации Т.Ф.Куцевалов. “Одним из не отработанных вопросов тесного взаимодействия с наземными частями является то, что штабы и командиры авиации оторваны от наземных командиров, — сказал он. — Я считаю, что авиационные штабы должны действовать плечом к плечу со штабами наземными. В такие ответственные моменты, как удар по переднему краю, как обеспечение развития успеха эшелона прорыва действия авиации должны всегда проводиться после предварительной рекогносцировки того места, куда именно надо наносить удар”. На реплику “С земли или с воздуха?” Куцевалов ответил: “И с земли и с воздуха. Тогда мы будем способны наносить удар и не будем бить по своим”^{*2}.

Ошибочное, по сравнению с другими выступавшими, мнение по вопросам завоевания господства в воздухе и боевого применения авиации высказал также боевой летчик, участник боев в Испании и в районе реки Халхин-Гол, дважды Герой Советского Союза помощник начальника Генерального штаба по ВВС генерал-лейтенант авиации Я.В.Смушкевич, который впоследствии был арестован и в октябре 1941 г. с Рычаговым и Штерном был расстрелян. “Относительно господства в воздухе, — заметил он, — я не понимаю, как можно стратегическое господство в воздухе завоевать. Если мы будем воевать с таким противником как финны, то это господство можно завоевать, но если будет более или менее равный противник, господство в воздухе во всей стране завоевать нельзя. Только путем правильной организации тыла, хорошей подготовки летного состава, наличия достаточной сети аэродромов и связи, боеприпасов, горючего, путем умения маневрировать и очень часто

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 57, л. 47.

*2 Там же, л. 52.

путем того, чтобы обмануть противника, мы можем добиться преобладающего господства в воздухе на определенных направлениях. на определенных участках и только на определенное время"*1.

"Теперь уже ясно, — продолжает усугублять свою ошибку Смушкевич, — что только тесное взаимодействие всех войск под руководством общевойсковых командиров фронта и армий решает успех операции и войны и поэтому место авиации только в общевойсковых боях и операциях. Все дальние полеты, — неправильно заключает он, — должны вытекать из задач армейских и фронтовых операций"*2.

С интересом было выслушано выступление командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Ф.И.Кузнецова. Вполне возможно, что оно предопределило его назначение сразу же после совещания и оперативно-стратегических игр на картах командующим Прибалтийским особым военным округом и повышение в воинском звании. "Докладчик (Рычагов) охарактеризовал состояние военно-воздушных сил Германии и Англии в таком положении, — указал он, — что несмотря на то, что почти полтора года идет война, однако роста ВВС этих воюющих сторон якобы не видно. Едва ли можно согласиться с таким положением. Это противоречит фактическому состоянию военно-воздушных сил воюющих сторон... Германия в 1940 г. производит ежемесячно 2000 самолетов... В августе 1940 г. Черчилль утверждал, что Англия догнала Германию по производству самолетов в месяц"*3.

Эти факты показывают, продолжал он, что когда ведут вооруженную борьбу две стороны, имеющие мощные вооруженные силы, и если одна из сторон в какой либо степени хотя и уступает своему противнику (как, например, Англия в 1939 г. и первой половине 1940 г.), но когда борьба ведется со всей решительностью, расчеты на молниеносную войну не всегда оправдываются. "Нам нужно в современной войне строить расчеты на то, чтобы завоевать господство в воздухе, — решительно заявил он. — Это несомненно решающий фактор. В войне между Германией и Англией, которая ведется ВВС и на море с неослабным напряжением, трудно сказать, когда и в какой обстановке эта война кончится"*4.

Какие задачи будут решать военно-воздушные силы в борьбе за господство в воздухе? — ставится им вопрос. Это несомненно

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 57, л. 55.

*2 Там же, л. 56.

*3 Там же, л. 61.

*4 Там же, л. 62.

основная задача и, естественно, она в докладе и во всех выступлениях привлекает наибольшее внимание. Завоевать господство в воздухе — это значит лишить противника возможности вести боевые действия своими ВВС.

Развивая этот вопрос, Кузнецов замечает, что если будет вестись только воздушная война, то трудно будет рассчитывать на победу. В то же время надо учитывать, что без достижения превосходства в воздухе, без подавления авиации противника на какой-то определенный срок, в течение которого надо провести решительные операции наземными войсками, без достижения этого трудно рассчитывать на успех. "Поэтому, — заключает он, — война должна вестись и в воздухе, и на земле; и только та сторона, которая будет иметь превосходство и в воздухе, и та сторона, которая будет иметь наиболее сильно подготовленную и оснащенную наземную армию, та сторона несомненно может получить решительную победу над сильным противником".

Кузнецов, как и некоторые другие военачальники решительно был настроен против распыления действий авиации. Здесь, сказал он, товарищи приводили пример, когда немецкая авиация появлялась на поле боя по вызову командира роты. Но это противоречит системе, по которой немцы используют свою авиацию. Немцы централизуют свои ВВС. Они находятся в руках главного командования военно-воздушных сил и даже фронт не имеет в своем распоряжении ВВС. Вместе с тем, он осудил чрезмерную централизацию ВВС. "Главное командование, — заключил он, — должно иметь сильную авиационную группу в своем распоряжении — 9—12 авиадивизий. Основная группировка ВВС должна быть передана фронту и армиям. Ниже армии дробить ВВС нецелесообразно, ибо это приведет к распылению авиации"*1.

Противоположную и неправильную точку зрения по этому вопросу высказал начальник штаба Киевского особого военного округа генерал-лейтенант М.А.Пуркаев. "Я сторонник того, чтобы уже ко времени, когда потребуются действия командира стрелкового корпуса, — сказал он, — в его руках должны быть средства борьбы и в виде авиации. Мы не можем его лишить этого современного острого оружия. Поэтому было бы неплохо восстановить в нашей армии положение, что корпус, решающий задачу на главном направлении, будет иметь свою авиационную группу...

Мне кажется, — продолжал он эту ошибочную трактовку, — что и современный механизированный корпус также нуждается в

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 57, л. 64.

усилении его такими средствами, как авиация. И должен иметь такую авиацию, с которой он достаточно плотно сработан. Так как авиация будет действовать с подразделениями корпуса (с дивизией, полком), а это очень сложная задача, поэтому необходима сработанность, договоренность"*1.

Заместитель генерал-инспектора ВВС Красной Армии генерал-майор авиации Т.Т.Хрюкин призвал изучать опыт применения авиации немцами и применять его у себя. Мы имеем опыт немецкого командования по взаимодействию с танковыми частями. После того, как танковые части прорвались в тыл на 70—80 км. задачу авиация получает не на аэродроме, а в воздухе. т.е. тот командир, который руководит прорвавшимся танковым соединением, и авиационный командир указывают цели авиации путем радиосвязи. Авиация по радиосигналу уничтожает узлы сопротивления перед танками — тогда она приносит своевременный и удачный эффект.

"Очень большое значение имеет радиосвязь наземного командования с авиацией, — сказал Хрюкин. — Ее нужно иметь авиационному командованию и наземному. Связь необходима, а как таковая она у нас даже по штату отсутствует. Сейчас связь должна быть обязательна и именно радиосвязь. Это самое главное"*2.

Очень важный вопрос в своем выступлении, который впоследствии весьма отрицательно сказался в действиях нашей авиации. Хрюкин поднял о многотипности самолетного парка. Одной из причин поражения французской авиации была ее многотипность, отметил он. Французская авиация имела до 30 типов самолетов. Это приводило к тому, что авиацию трудно было снабжать запасными частями, горючим и прочим снаряжением. В противовес ей возьмите немецкую авиацию. Она имеет один тип одноместного истребителя, один тип многоместного, один тип бомбардировщика и два типа пикирующих самолетов. Это имеет, подчеркнул выступающий, решающее и колоссальное значение и в смысле снабжения авиации, и в смысле обучения летного состава воздушным боям. Нам надо это учесть и добиться такого положения, чтобы у нас была однотипность наших самолетов.

К сожалению, этот правильный вывод не учли, да и времени уже не оставалось для его реализации. Поэтому мы вступили в войну, как и французы, с различными типами всех видов авиации.

В заключение Хрюкин остановился на оперативно-стратегической игре на местности осенью 1940 г., которой руководил первый

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 57, л. 67—68.

*2 Там же, л. 72.

заместитель начальника Генерального штаба Н.Ф.Ватутин. В ходе этой игры отрабатывались вопросы начального периода войны. И, следует отметить, провел Ватутин эту игру блестяще, создав условия близкие к тем, в которых несколько месяцев спустя началась действительная война. “На фронтовых учениях в Западном особом военном округе, возле Лиды, на участке 13-й армии, — сказал Хрюкин, — была дана вводная генерал-лейтенанта Ватутина о прорыве танкового корпуса и о прохождении его в тыл на 80 км. Это была, конечно, игра, товарищ Народный комиссар обороны. Оказалось, что при всех расчетах у командующего армией было недостаточно сил в тылу, чтобы парализовать действия этих танков. Мы стали подсчитывать, что же может дать авиация. Оказалось, что мы бросили на 500—600 танков 6 авиационных полков... В результате действия этих 6 полков, по нашим скромным подсчетам, получается, что мы только сможем вывести из строя 110 танков. Почему получается такой плохой результат? Потому что мы имеем на вооружении пушку 20-мм, она имеет очень маленький калибр и мало пробивает, если считать калибр снаряда на толщину брони”^{*1}. Поэтому, сделал он вывод, самыми эффективными самолетами в борьбе с танками должны быть штурмовики и истребители, вооруженные пушкой 37-мм калибра.

С большой заключительной речью по обсуждавшимся в его докладе проблемам выступил Рычагов. “Сейчас Германия в войне с Англией отделена большим водным пространством, — указал он. — Условия войны, как мы видим, своеобразные. В будущей войне мы подобного положения иметь не будем. Наша основная задача учить авиацию действовать совместно с войсками в бою и операции. Многое будет зависеть от качества этого обучения и организации боя как в воздухе, так и на земле. С задачей, о которой я говорю, — заявил начальник Главного управления ВВС, — мы должны справиться в 1941 году.

В 1941 году мы получаем большое количество самолетов — пикировщиков и штурмовиков. Нужно будет как следует обучить наш летный состав владеть этими машинами и применять их на поле боя, — продолжал он, — С этой задачей мы справимся, так как важность взаимодействия авиации с наземными войсками понимается всеми командирами. Мы хорошо понимаем, что одними разрушениями в тылу противника победы на фронте не добьешься”.

Заканчивая свое выступление Рычагов заявил: “Приказом Народного комиссара обороны № 0362, одобренным правительством,

---

^{*1} РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 57, л. 73

кладется начало организованному Воздушному флоту. Старая организация Воздушного флота себя изжила. Сейчас нам нужен массовый Воздушный флот, хорошо организованный и подвижный. В старой организации ВВС мы этого не имели"*1.

Итак, из заключения Рычагова следует, что военно-воздушные силы Красной Армии находились к концу 1941 г. в стадии перевооружения, реорганизации и обучения. Рассчитывали достичь коренного перелома в решении этих проблем в 1941 году.

Командующий войсками Московского военного округа генерал армии И.В.Тюленев выступил с докладом на тему: "Характер современной оборонительной операции". Прежде всего он указал, что эта тема является "весьма актуальной" и в то же время "этот вопрос, отражающий одну из основных форм ведения войны, нигде не освещен в полном его объеме"*2. Оборона, заметил докладчик, явится необходимой формой боевых действий на отдельных второстепенных направлениях в силу экономии общих сил для наступательного действия и изготовления для удара.

В подкрепление своих доводов, Тюленев сослался на "мудрые" указания по этому вопросу самого Сталина: "В статье "Ответ товарищам колхозникам" товарищ Сталин писал: "что... наступление без закрепления завоеванных позиций есть наступление, обреченное на провал. Когда может быть наступление успешным, скажем, в области военного дела? Когда люди не ограничиваются огульным продвижением вперед, а стараются вместе с тем закрепить захваченные позиции, перегруппировать свои силы сообразно с изменившейся обстановкой, подтянуть тылы, подвести резервы. Для чего все это нужно? Для того, чтобы гарантировать себя от неожиданностей, ликвидировать отдельные прорывы, от которых не гарантировано ни одно наступление, и подготовить, таким образом, полную ликвидацию врага. Ошибка польских войск в 1920 году, если взять только военную сторону дела, состояла в том, что они пренебрегли этим правилом. Этим, между прочим, и объясняется, что докатившись огулом до Киева, они вынуждены были потом, также огулом, откатиться до Варшавы. Ошибка советских войск в 1920 г., если взять опять-таки только военную сторону дела, состояла в том, что они повторили ошибку поляков при своем наступлении на Варшаву"*3.

"Конечно, в свете разоблаченных предательских фактов, —

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 57, л. 81.

*2 Там же, д. 58, л. 1

*3 Сталин И.В. Собр. соч. Т. 12, с. 215—216.

не преминул Тюленев облить грязью так называемых “фашистских наймитов”, — мы знаем, что не малую, а весьма большую роль в этом отношении сыграла контрреволюция иуды Троцкого, Тухачевского и других мерзавцев”^{*1}. Справедливости ради, надо заметить, что главным виновником поражения войск Западного фронта в советско-польской войне 1920 г. был Сталин, не выполнивший указания Главкома С.С.Каменева о переброске 1-й конной армии Буденного с Юго-Западного фронта на Западный.

Общей целью оборонительной операции, указал докладчик, является поражение противника. Частные цели будут:

1. Экономия сил на одном более широком участке общего фронта, чтобы организовать главный удар на решающем направлении.

2. Выигрыш времени для группировки сил и нанесение решающего удара на главном направлении.

3. Прикрытие жизненно важных государственных, политических и экономических центров.

“Оборонительная операция, — подчеркнул Тюленев, — должна быть проникнута величайшим духом активности, вытекающей из основной цели — нанести поражение противнику, навязать ему свою волю. Ярким примером такой оборонительной операции является оборона Царицина, которой руководил великий Сталин”^{*2}.

Как раз, наоборот, эта операция явилась примером дезорганизации и произвола со стороны члена военного совета Северо-Кавказского фронта Сталина и командующего 10-й армией Ворошилова.

“Пассивная оборона, — продолжал он, — смерти подобна, учил нас т.Ленин и учит т.Сталин. Отсюда — каждая оборонительная операция должна таить в себе элементы наступления и в конечном счете перерасти в свою противоположность, т.е. наступление для окончательного поражения противника”.

В заключение Тюленев поставил вопрос о создании противотанковых артиллерийских частей резерва Главного командования. Именно на основе его предложения вскоре было принято решение о формировании истребительно-противотанковых бригад (ИПТАБр) РКК.

Выступив по докладу Тюленева, генерал Климовских поставил вопрос о внезапности в обороне. “Мне думается, вспоминая доклад генерала армии Жукова по наступательной операции, когда силой внезапности решалась операция на Халхин-Голе, — сказал он, —

---

^{*1} РГВА, Ф.4, оп.18, д.58, л.4

^{*2} Там же, л. 43.

то в обороне эта внезапность, пожалуй, получает еще большее значение. Это положение, высказанное т. Жуковым, заставило меня вчера еще раз тщательно и внимательно пересмотреть, что мы в этом отношении имеем и, действительно, у Клаузевица я нашел, что "...внезапность лежит более или менее в основе всех предприятий, ибо без нее численное превосходство на решительном пункте, собственно, является немислимым". На нее Клаузевиц смотрел, как на самостоятельный принцип, дающий моральное воздействие. "В тех случаях, когда внезапность достигается в высокой степени, последствиями ее является смятение и упадок духа противника". Дальше он добавляет: "Здесь, собственно, речь идет не о внезапном нападении, которое относится к тактике, но о стремлении вообще заставить своими мероприятиями противника врасплох, а в особенности поразить его внезапностью распределения наших сил, что в одинаковой мере мыслимо и при обороне, а в обороне тактической играет особенно важную роль"*1.

Внезапность, продолжал Климовских, порождает эффективность действия войск, она увеличивает силу удара и приводит к крупным результатам, тем более, что состояние производственных возможностей сегодняшнего дня, современная техника способны дать и уже давали новые средства борьбы, которые будучи применены в массовом масштабе, позволяют рассчитывать на еще большую внезапность и эффективность действий. "Достичь внезапности, — заключил он, — конечно, не легко, но опыт войны, образцы лучших мастеров военного дела говорят за то, что к ней стремились и многого добились. Достаточно вспомнить Суворова. Его — "удивить и победить", "быстрота и внезапность заменят число" — правила, которыми Суворов добивался победы... Мне представляется, что упор в обороне на внезапность должен быть применен в достаточной полноте. Отскоки, выжидание, ввод в действие новых или хорошо забытых старых средств борьбы в этом отношении даст значительное превосходство обороняющимся"*2.

Командующий Ленинградским военным округом генерал-лейтенант М.П.Карпонос поставил на обсуждение вопрос о контрподготовке в оборонительной операции, какую советские войска провели в последствии в Курской битве 1943 г. "Этот вопрос, — сказал он, — играет исключительно большую роль. Обороняющийся должен обязательно располагать авиацией и дальнобойной артиллерией, чтобы обрушиться на наступающего когда еще он только

---

*1 Клаузевиц К. О войне Т. I 3-е изд. М., 1936, с. 216—217.

*2 РГВА, Ф. 4, оп. 18, д. 58, л. 52.

подходит к нашей зоне заграждения... и наносит ему поражение, изматывая противника материально и морально и тем самым подготавливая разгром его перед передним краем основной оборонительной полосы. Кроме того, обороняющийся должен подготовить проведение контрподготовки в период, когда наступающий будет готовиться к проведению артподготовки и к атаке. В этих условиях обороняющийся должен будет обрушиться своим артиллерийским огнем, минометами и авиацией по огневым артпозициям и наблюдательным пунктам противника, а также и по его пехоте, занимающей исходное положение для атаки"*1.

Согласно поговорке "У кого что болит, тот про то и говорит", генерал-инспектор кавалерии Красной Армии, бывший командир дивизии в Конной армии Буденного, исполнявший обязанности командующего 2-й Конной армии в годы гражданской войны генерал-полковник О.И.Городовиков говорил о роли кавалерии в обороне. "Инспекция кавалерии, — заявил он, — в данный момент разрабатывает использование крупных соединений конницы в современной войне, поэтому я хотел коротко остановиться, как представляется возможность приспособить крупную конницу к операциям обороны. Современная оборона принимает все меры не допустить проникновения в глубину обороны противника: такими возможностями, мы считаем, располагают танковые и моторизованные части и крупные кавалерийские силы со стороны наступающего и в глубине постоянной зоны заграждения системы противотанковых районов, задерживает, расстраивает прорвавшегося в глубину подвижного противника. Специально предназначенные подвижные фронтовые или армейские танковые корпуса, усиленные моточастями и кавалерийскими соединениями во взаимодействии должны уничтожить прорвавшиеся подвижные рода войск противника"*2.

Если в западных армиях роль кавалерии была сведена по существу на-нет, у нас, как явствует из выступления Городовикова, Буденного и других, ей продолжают отводить видное место. Влияние Ворошиловского взгляда продолжает жить.

Интересную мысль высказал начальник Военной академии имени М.В.Фрунзе генерал-лейтенант М.С.Хозин. "Инженерное оборудование армейского района обороны вытекает из оперативного замысла, — сказал он, — и является как бы инженерным выражением этого замысла. Попытка оторвать инженерное оборудование от оперативного замысла, усиливать местность независимо от задач,

---

*1 РГВА, Ф. 4, оп. 18, д. 58, л. 59.

*2 Там же, л. 60—61.

которые будут решаться на этой местности, будет наподобие того, что вы пришиваете кафтан к пуговице, а не делаете обратное. В русской армии в 1914—18 гг. такой подход к инженерному оборудованию местности привел к такому положению, когда войска переходя к обороне, вынуждены были обороняться на заранее оборудованных позициях, тактически неудобных, по инженерно-техническому оборудованию плохо подготовленных”^{*1}.

Забегая вперед укажем, что это напоминание было не лишним. Подобные случаи в 1941 году были частыми. А почему напоминание? Потому что эта мысль не нова. Еще за сто лет до этого выдающийся русский военный инженер А.З.Теляковский в труде “Фортификация”, удостоенном Демидовской премии, показывая организационную связь фортификации с тактикой и стратегией, сформулировали эту идею в противоположность взглядам французского маршала Вобина, господствовавшим тогда в Западной Европе.

Заместитель генерал-инспектора артиллерии генерал-майор артиллерии Л.А.Говоров сформулировал те принципы организации и ведения обороны, которые он в годы Великой Отечественной войны блестяще реализовал при обороне Ленинграда. “Сила современной обороны, — заключил будущий Маршал Советского Союза, — 1) в мощи огневого тактического фронта обороны, 2) в силе инженерных оборонных сооружений и препятствий, обеспечивающих устойчивость и эффективность огневого тактического фронта обороны и 3) в маневре подвижных оперативных резервов”^{*2}.

Смелым по тому времени, если учесть, что на совещании присутствовали постоянно А.А.Жданов и Г.М.Маленков, которые информировали Сталина о его ходе, было выступление начальника штаба Московского военного округа генерал-лейтенанта В.Д.Соколовского, заявившего, что “нельзя оборону рассматривать только под углом зрения защиты самой местности, что, к сожалению, у нас очень часто имеет место. Именно упорство боя заключается не в удержании каждой пяди земли, как говорится, каждого вершка земли. Должна быть тактическая гибкость обороны, целеустремленность ее должна сводиться не к удержанию каждой пяди земли, каждого вершка, а к нанесению максимально больших потерь противнику, используя и опираясь на местность, на инженерные сооружения”^{*3}. Оборонительное сражение, умело организованное на всю глубину обороны армии, должно морально и

---

^{*1} РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 58, л. 81.

^{*2} Там же, л. 89.

^{*3} Там же, л. 91.

материально истощить противника, обескровить его и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление, твердо и уверенно заявил он.

Полагали, как рассказывал мне маршал Жуков в 1965 г., что это выступление с точки зрения политической будет неправильно истолковано и на него последует резкая реакция Сталина. Но опасения оказались напрасными.

Нелогично, но факт, что доклад об "Использовании механизированных соединений в современной наступательной операции и вводе механизированного корпуса в прорыв" рассматривался после доклада о характере оборонительной, а не наступательной операции.

Сделал этот доклад, считавшийся специалистом в этом деле командующий войсками Западного особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д.Г.Павлов, до недавнего времени занимавший должность начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии. "В настоящее время, — сказал он, — на основе опыта и у нас, и в иностранных армиях нет сомнения в том, что механизированные войска в их массе, в их настоящем техническом состоянии способны решить самостоятельно крупные оперативные задачи, развивая этот успех в стратегический"*1.

Павлов проанализировал опыт применения танков немцами в Западной Европе. Операция в Северной Франции, указал он, началась прорывом линии Вейгана, состоящей из полевых оборонительных, наспех построенных сооружений. Подвижные группы, всего три (Гудериана, Гота и Клейста), в тесном взаимодействии с пехотой проникли в расположение французских войск на глубину 507 км. Всего участвовало при прорыве около 2000 танков или до 50 процентов всех танков, сосредоточенных на фронте. Только после прорыва линии Вейгана подвижные группы были брошены в прорыв и, опережая отходившие французские войска на реки Сена и Луара, не дали французам организовать на них оборону. Величина суточных переходов в этот период составляла 50—60 км, доходя в некоторые дни для отдельных групп до 100 км в сутки. За период с 5 по 22 июля, т.е. за 18 дней наступления немецкой армии механизированными частями, французская армия не была способна оказывать существенного сопротивления.

По иронии судьбы, аналогичные действия двух немецких танковых групп (Гота и Гудериана) Павлову пришлось испытать на себе в июне 1941 г.

"При освобождении западных областей Белоруссии и Украины

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 59, л. 2.

в 1939 году с нашей стороны участвовало 16 танковых и 2 мотострелковых бригады, — продолжал докладчик. — Все они как правило, действовали самостоятельно в отрыве от стрелковых войск, имея в отдельных случаях до батальона пехоты, посаженной на танки. Танковые бригады за время операции против поляков прошли от 600 до 1000 км, а среднесуточные переходы были от 50 до 100 км. Выдвижение танковых бригад вперед парализовало всякое организованное сопротивление со стороны поляков и дало возможность нашей армии в кратчайшее время выполнить поставленную задачу”^{*1}.

В обсуждении доклада Павлова первым выступил Буденный, как и ранее его в первую очередь интересовали вопросы применения в бою и операции конницы. Он осудил тех, кто отрицал ее значение. “Когда речь шла о коннице, — возмущался он, — то говорили, что мол, де, конница теперь отжила свой век, и она больше не нужна в современной войне. Этот вопрос дебатировали 1—2 года и потом решили, что все-таки авиация не враг конницы, она может ее поддерживать и что они могут совместно действовать. Врагом конницы, вопреки суждениям Буденного, считали не свою авиацию, а противника). Затем появились танкетки. Тут появляется мнение, что танкетки это враг конницы, они обязательно ее уничтожат. Теория Фуллера вклинилась в мозги некоторым людям нашей армии, а потом отказались и от этого”.

Плохо, что она не “вклинилась” в мозги самого Буденного до самой его смерти. Ведь если бы это произошло в 1940 г., то он не стал бы вместе с танками в состав эшелона развития прорыва включать “конные соединения”. “Допустим, — говорил он, — в прорыв брошен мехкорпус, затем брошен кавкорпус, и, наконец, корпус мотопехоты. Кто их будет объединять?... Мне кажется, что мы должны сейчас не рассуждать, а делать. Конница у нас есть, мотопехота есть, танки есть, мехкорпуса есть, авиация также есть... Мы должны объединить все подвижные рода войск: авиацию, конницу, танки, мотомехчасти. Их нужно не бросать для того, чтобы затыкать дыры, как раньше затыкали подвижными родами войск... Мне кажется, что командир кавалерийского корпуса, командир мехкорпуса, командир моторкорпуса или дивизии обязательно должны понимать друг друга”.

Все это свидетельствует о консерватизме и косности взглядов Буденного и его соратников по гражданской войне, от практики которой они так и не смогли оторваться даже в условиях, когда в воздухе господствовал самолет, а на земле — танк.

---

^{*1} РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 59, л. 7.

В обсуждении доклада Павлова принял участие командир 3-го механизированного корпуса генерал-лейтенант А.И.Еременко. По поводу своего выступления, будучи уже Маршалом Советского Союза в 1964 г. он написал: "Характерно, что ни Жуков, отказавшийся от заключительного слова, ни нарком обороны маршал С.К.Тимошенко ни слова не сказали о предложении Романенко (о создании механизированной армии, которое Голиков справедливо назвал абсурдным. — В.А.). Это значило, что те, кто стоял во главе вооруженных сил, не поняли до конца коренных изменений в методах вооруженной борьбы, происходивших в это время". Изложив далее содержание своего выступления на совещании, маршал Еременко заключает: "Говоря об этом, я стремился поддержать П.Л.Романенко и понудить наши высшие командные инстанции заняться вопросом массирования подвижных войск"*1.

В действительности же ничего подобного в выступлении Еременко не было. Наоборот, он подчеркнул, что "генерал армии тов. Жуков в своем замечательном докладе дал целый ряд оперативных расчетов насыщения танками и авиацией", а о выступлении Романенко даже и не заикался*2. В нашей военной истории, продолжал он, есть много примеров, когда замечательные полководцы Суворов, Кутузов, Багратион и современные полководцы всегда били противника путем окружения его, путем охвата, маневром, внезапно. Можно привести примеры из 1-й Конной армии, Халхин-Гола, на Карельском перешейке — везде и всегда окружали и били противника по частям.

"Я хочу подчеркнуть насчет управления, — сказал Еременко. — Правильно товарищ Маршал Советского Союза С.М.Буденный подчеркнул, что нужно его сейчас готовить, а то получится как у нас в Белоруссии, в Новогрудке и Волковыске, — везде была путаница при подходе в Белоруссию". Действительно, танковый полк кавалерийского корпуса Еременко застрял в болотах. Но он об этом, естественно, умолчал.

"Насчет снабжения бензином, — продолжал он. — Тут говорили насчет снабжения по воздуху. Немцы применяют это. Мы не пойдем, конечно, к ним на выучку (действительно, зачем преклоняться перед иностранщиной? — В.А.), у нас есть свой опыт и замечательные люди, у которых мы учимся и будем учиться. Нам нужна повозка, перевозящая 20 тонн бензина, это неплохо

---

*1 Еременко А.И. В начале войны. М., 1964, с. 38, 41.

*2 РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 59, л. 68

применяли немцы (тут уже, противореча вышесказанному, идет заимствование у иностранцев! — В.А.).

“Я считаю, — заключил Еременко тогда, — что это совещание, эти доклады, замечательные по своей глубине, по своей принципиальности и оперативному размаху, дали школу оперативного искусства, они послужат общим направлением, за которое мы будем драться крепко, чтобы сделать наши части боеспособными”^{*1}.

Выступая в обсуждении доклада Павлова последним, генерал Федоренко сделал два весьма существенных замечания, характеризующих возможности подготовки и боевых действий танковых войск. “В танковых войсках, — указал он, — самую главную роль играет огонь. Если личный состав плохо подготовлен, не может стрелять или стреляет плохо, то такие войска могут оказаться обузой, а не грозным оружием для врага. Поэтому, самое главное подготовить личный состав, чтобы он мог отлично владеть своим оружием. Как мы готовим сейчас танковые войска огневому делу? В настоящее время даже на 1941 г. намечается отпуск 6 снарядов на год на один танк, причем должны отработать восемь задач. А кроме того, инспекции и комиссии, проверяющие войска, проверяют огневую подготовку стрельбой, на что расходуют снаряды. Поэтому получается, что снарядов для подготовки экипажа нет, а это таит в себе большую опасность”^{*2}.

Говоря о боевых действиях механизированного корпуса, Федоренко заметил, что корпус “в прорыве действовать более 4—5 суток не сможет, потому что он израсходует 50 часов моторесурса, а после 50 часов машина потребует ремонта”. Учитывая, что наша ремонтная база оставляла желать много лучшего, этот факт вызывал большую тревогу.

Получив от “конников” нагоняй, генерал Павлов был вынужден в заключительном слове “исправлять” свою оплошность. “Мне из-за ограниченности времени не удалось развить вопрос использования конницы, — извиняясь сказал он, — за что получил справедливый и заслуженный упрек. Я считаю, что конница, пущенная вторым эшелоном за танковым корпусом, выполняет и обязана выполнять следующие задачи:

1) Она своими действиями, направленными вправо или влево от главного удара мехкорпуса для обеспечения его боевого порядка от фланговых ударов противника, сможет усилить дальнобойность механизированного корпуса. Это раз.

---

^{*1} РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 59, л. 73.

^{*2} Там же, л. 94.

2) Конница, пушенная (я на это особенно обращаю внимание) за мехкорпусами в прорыв, даже если по срокам не успеет выйти вместе с ними в глубину, то она сможет связать (мехкорпус) со стрелковыми корпусами, не допустить смыкания флангов и этим обеспечить нормальную работу мехкорпуса”^{*1}.

В связи с тем, что после нанесенного поражения Красной Армии в первые дни войны, 15 июля мехкорпуса были расформированы, эту “мудрую” теорию так и не пришлось воплотить в практику. Когда же мехкорпуса были образованы в 1942 г., то к этому времени влияние “конников” в армии было утрачено.

31 декабря, в канун Нового, как предполагалось уже, грозного 1941 года с большой заключительной речью на совещании выступил Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко. “Настоящее совещание, проведенное Главным военным советом, по своему содержанию и по своему значению является новым знаменательным этапом в жизни Красной Армии”, — указал он^{*2}.

Итоги совещания, продолжал нарком, прежде всего показывают, что мы начинаем создавать (правильнее было бы сказать — воссоздавать на новой основе теорию и практику первой половины 30-х годов. — В.А.). новые основы для дальнейшего роста Красной Армии, что мы углубляем и расширяем ту перестройку, которую стали осуществлять по директиве товарища Сталина полгода тому назад. Содержание работы совещания показало, что мы нашли новую базу для быстрого роста высшего командного состава и что мы добьемся поднятия на должную высоту руководства большими вооруженными силами страны.

В основном анализируя опыт последних войн, Тимошенко допустил ошибку, заявив, что “в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового”. Однобоко выглядит и его вывод из опыта войн о том, что “решающий эффект авиации достигается не в рейдах в далеком тылу, а в соединенных действиях с войсками на поле боя, в районе дивизии, армии”.

Надо сказать, что рассмотрение проблем вооруженной борьбы Народный комиссар начал не с наступления, а с обороны. Это является убедительным свидетельством того, что Красную Армию готовили не только наступать, а и обороняться с самого начала вероятной войны. Под обороной, сказал он, мы будем понимать совокупность боевых действий, применяемых для противодейст-

---

^{*1} РГВА. Ф. 4, оп. 18, д. 59, л. 101—102.

^{*2} Там же, л. 1.

вия наступлению противника. Основным соображением для применения обороны на второстепенных участках является экономия сил с целью создания крупной группировки для удара в решающем направлении. Но не только на второстепенных фронтах может иметь место оборона, заметил Тимошенко. В современной обстановке могут быть случаи, когда придется прибегать к обороне и на главных направлениях.

Это свидетельствовало о том, что новое руководство наркомата обороны, не в пример старому, не занималось “шапкозакидательством”.

К обороне предполагалось переходить:

— когда нужно выиграть время, необходимое для подготовки наступательной операции;

— когда нужно выждать время до исхода операций на других направлениях, фронтах или театре военных действий;

— когда выгодно предварительно расстроить или истощить наступающего противника с целью последующего перехода в наступление (так поступили летом 1943 г. в Курской битве, — В.А.).

Перейдя к анализу вопросов, связанных с наступлением, Тимошенко указал, что “в современную эпоху, при вооруженной борьбе большого масштаба, редко удается путем одной решительной операции сразу достичь конечной военной цели (цели войны или кампании). К достижению этой конечной стратегической цели, по большей части, предстоит идти путем достижения ряда промежуточных целей, из которых каждая может оказаться настолько значительной, что явится содержанием особой фронтовой операции — содержанием целого стратегического этапа”^{*1}.

Не повезло авиации в его речи. А это отразилось как на строительстве, так и подготовке ВВС к войне. “Переходя к рассмотрению вопроса о роли ВВС в современных операциях, необходимо подчеркнуть, что борьба за господство в воздухе, учитывая массовость авиации и согласованность с действиями пехоты — должна осуществляться в рамках фронтовой и армейской операции”, — заявил он. Учитывая массовость авиации следовало бы делать вывод о необходимости завоевания господства в воздухе не в рамках армии и даже фронта, а театра военных действий.

Не соответствовало духу времени, когда войны не объявлялись, а начинались заранее развернутыми группировками на земле и в воздухе, его заключение о том, что “борьба за господство в воздухе начинается с мирного времени”.

Допуская одну ошибку за другой по вопросам использования

---

^{*1} РГВА. Ф. 4, оп. 14, д. 2747, л. 13.

ВВС, нарком обороны заключает: “Последний опыт на Западе подтвердил необходимость наличия: войсковой авиации, авиации армейской и фронтовой — используемой по обстановке для обеспечения войск и для самостоятельных действий, а также авиации РГК”^{*1}.

В соответствии с этим решением в стрелковых и механизированных корпусах были авиационные эскадрильи, в армиях — смешанные авиационные дивизии, а во фронтах — истребительные и бомбардировочные дивизии. Это привело к распылению усилий нашей авиации и неуправляемости в начале войны.

Были в речи Тимошенко хорошо аргументированные выводы, которыми, к сожалению, в начале войны не смогли по разным причинам воспользоваться. “Массовое применение авиации и танков, — указал он, — потребовало особенно тщательной и искусной организации ПВО, ПТО и принятия мер маскировки, при всех действиях войск. Война потребовала исключительного внимания мотору как в воздухе, так и на земле, ввиду быстрого его появления и внезапного действия. Потребовалось зенитные средства, противотанковые орудия иметь в постоянной боевой готовности. Там, где этим пренебрегали — расплачивались кровью”, — заключил он^{*2}. Казалось бы, какой поучительный урок был извлечен, но и он не был претворен в жизнь.

В заключительной части речи народный комиссар обороны поставил задачи боевой подготовки войск Красной Армии на 1941 год. Большое внимание он уделил воспитанию войск. “Побежденной является не та сторона, которая понесла большие потери, — провидчески заявил он, — а та, у которой иссякли моральные силы”. Указав, что “без хорошей пехоты в современной войне победы не достигнешь”, нарком потребовал “со всей решительностью поднять теперь же значение и авторитет нашей пехоты, поставив ее в центре внимания всей работы... Нужно всем нам со всей отчетливостью осознать, что успех боя определяет пехота”.

В условиях войны моторов такой вывод по меньшей мере являлся странным. Вместо того, чтобы усилия высшего командного состава нацелить на подготовку формировавшихся в спешке механизированных корпусов, отработку вопросов их взаимодействия с авиацией и стрелковыми войсками нарком обороны сосредоточивает внимание на старой матушке пехоте, “царице полей”.

Не мог, конечно, бывший начальник дивизии в Конной армии Буденного не воздать должное кавалерии. “Конница в современной

---

*1 РГВА. Ф. 4, оп. 14, д. 2747, л. 20.

*2 Там же, л.22

войне занимает важное место среди основных родов войск, — вопреки здравому смыслу заявил он, — хотя о ней здесь, на нашем совещании, мало говорили (правильно поступали. — В.А.). На наших обширных театрах конница найдет широкое применение в решении важнейших задач развития успеха и преследования противника, после того как фронт прорван^{*1}.

Важное значение нарком обороны придал вопросу подготовки воздушно-десантных войск. “В этом вопросе, — заметил он, — нам нужно шагнуть дальше Запада, ибо опыт воздушных десантов немцы впервые позаимствовали у нас”.

В заключение маршал Тимошенко сказал: “Мы все, как один, должны запомнить, что чем выше и крепче моральные качества воиной Красной Армии, их политико-моральное состояние, тем сильнее и более могучей становится наша армия, тем скорее и лучше мы выполним задания, поставленные перед нами Правительством и Партией”.

После совещания со 2 по 11 января 1941 г. были проведены две оперативно-стратегические игры на картах. В перерывах между играми участникам совещания была показана новая боевая техника на танкодромах, полигонах и аэродромах.

На первой двухсторонней игре, проводившейся в период со 2 по 6 января под руководством Тимошенко и Мерецкова, подыгрывавших за юго-западное стратегическое направление, проверялся по существу план прикрытия советских войск на западном стратегическом направлении. Командующим Северо-Восточным фронтом (“синих”) со ставкой в Берлине был на игре генерал армии Г.К.Жуков. Командующим Северо-Западным (“красных”) являлся генерал-полковник Д.Г.Павлов. Согласно замыслу игры “красные” (свыше 50 дивизий) должны были отразить наступление “синих” (свыше 60 дивизий), поддерживаемых мощными воздушными силами, и создать условия для перехода в решительное наступление. Однако, вопреки замыслу игры “синие” нанесли три мощных удара по сходящимся направлениям, прорвали укрепленные районы, разгромили сувалкскую и белостокскую группировки “красных” и вышли к Лиде.

Изобразив эти удары на рукописи моей будущей книги “Бессмертный подвиг”, маршал Жуков сказал, что “эта игра явилась генеральной репетицией начала Великой Отечественной войны. К сожалению, из уроков ее не сделали должных выводов ни Павлов, ни мы с Тимошенко, ни Сталин”.

После окончания второй игры, “проводившейся” южнее По-

---

^{*1} РГВА. Ф. 4, оп. 14, д. 2747, л. 26.

лесья, состоялся разбор в Кремле в присутствии членов Политбюро. Во время разбора Сталин упрекнул Павлова за то, что он позволил Жукову "разгромить" его войска. Оправдываясь, Павлов сказал, что это он допустил только на игре. Смотри, сказал вождь, чтобы этого не произошло в действительности.

Сталин не доволен был итогами игры, вину за просчеты в которой возложил на Мерецкова и снял его с поста начальника Генерального штаба. Хорошее впечатление на него произвел Жуков, которого 15 января решением Политбюро назначили на освободившийся пост. 1 февраля приказом по Генштабу Жуков приступил к исполнению новых для него обязанностей. В Киевский округ из Ленинграда перемещался М.П.Кирпонос, получив одновременно звание генерал-полковника, на его место назначили М.М.Попова, которого заменил А.И.Еременко.

Значение декабрьского совещания и оперативно-стратегических игр нельзя недооценивать. Даже несмотря на то, что эти мероприятия были проведены всего за полгода до начала войны и не оказали влияния на ее начальный период, они тем не менее положительно сказались впоследствии. Именно на этом совещании было достигнуто единство взглядов по многим вопросам военного искусства. Подавляющее число участников совещания и игр, являясь живыми носителями этого коллективного творчества, стали впоследствии прославленными полководцами и видными военачальниками.

Результаты работы совещания нашли отражение в директиве Народного комиссара обороны от 25 января 1941 г. "Об оперативной подготовке высшего командного состава войсковых штабов, армейских и фронтовых управлений". В ней отмечалось, что самым слабым местом в оперативной подготовке командного состава и штабов являлась организация взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск, особенно между военно-воздушными силами и наземными войсками — в первую очередь между авиацией и танковыми соединениями. Неукомплектованные полностью и недостаточно подготовленные в оперативном отношении штабы механизированных корпусов и военно-воздушных сил армий и округов не овладели искусством четкого управления своими войсками и организации взаимодействия.

От этого в значительной степени зависели результаты боевых действий Красной Армии в начале войны. А времени для устранения этих недостатков уже не было.

Глава IV

РОКОВОЙ ПРОСЧЕТ

1. ПЛАНИРОВАНИЕ ВОЙНЫ

29 ноября 1937 г. Сталин, Молотов, Ворошилов и Каганович подписали “Постановление Комитета обороны М-8 (Мобилизационный план на 1937—39 гг.). В соответствии с ним начальнику Генерального штаба было поручено составить “Соображения о стратегическом развертывании вооруженных сил на случай войны”.

Стратегическое развертывание вооруженных сил является одним из основных звеньев плана войны, и оно находится на грани между оперативно-стратегическими замыслами плана войны, разрабатываемыми в мирное время, и первыми большими пограничными сражениями. “Стратегическое развертывание, — писал в 1939 г. один из видных военных теоретиков, профессор Академии Генерального штаба В.А.Меликов, — является сердцем плана войны”^{*1}.

В основу планирования были положены идеи советской военной доктрины, сущность которой состояла в том, что Советский Союз не собирался ни на кого нападать, но вместе с тем завоевания социалистической революции намеревался защищать со всей решительностью. Красная Армия, как армия государства диктатуры пролетариата исповедовала классовые формы ведения войны, что соответствовало природе революционного общественного строя, рассчитывавшего стать базой мировой пролетарской революции. В то же время социалистическое государство не могло на себя взять инициативу нанесения первого удара, т.е. формального развязывания войны.

В связи с этим перед Советскими Вооруженными Силами была поставлена двуединая задача: готовиться к отражению удара агрессора и одновременно к решительному разгрому его с пере-

---

^{*1} Меликов В.А. Стратегическое развертывание, М., 1936, с. 7.

несением военных действий на территорию врага. Считалось, что Красная Армия должна быть всегда готова ответить сокрушительным ударом на всякую внезапность со стороны врага. Эти положения были сформулированы в полевом уставе 1939 г. (статьи 1-я и 2-я).

Данное доктринальное положение имело принципиальное значение для определения и понимания начала вступления советского государства в войну. Во-первых, из него следовало, что для Красной Армии содержанием первых часов и дней войны должны стать сдерживающие боевые действия в строившихся для этой цели укрепленных районах и, во-вторых, внезапность нападения противника должна быть нейтрализована высокой боевой готовностью Красной Армии.

Все стратегические планы составлялись на основании взглядов на характер будущей войны. Считалось, что будущая война будет мировой, в которой Советскому Союзу будут противостоять не отдельные страны, а целая коалиция капиталистических государств.

Основные документы оперативного планирования разрабатывались и перерабатывались вначале под руководством начальника Генерального штаба командарма 1 ранга (с мая 1940 г. Маршала Советского Союза) Б.М.Шапошникова. К 24 марта 1938 г. в соответствии с вышеуказанным постановлением Комитета обороны им был разработан доклад народному комиссару обороны К.Е.Ворошилову "Об основах стратегического развертывания РККА". В нем предусматривались два варианта действий главных сил: к северу от Полесья и к югу от него. Главный военный совет изволил рассмотреть и одобрить план лишь 13 ноября 1938 г. Этот план был вскоре утвержден и Комитетом обороны.

Однако события 1939 — начала 1940 гг. коренным образом изменили стратегическую обстановку в Европе. Произошло перемещение войск Красной Армии, изменились государственная граница, боевой состав военных округов. В связи с этим прежний оперативный план оказался нереальным.

После окончания войны с Финляндией в Генеральном штабе под руководством Шапошникова начали разрабатывать новый документ — "Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.". Его составили к середине 1940 г. За подписями Тимошенко и Шапошникова он был представлен на рассмотрение Сталину и Молотову. "Сложившаяся политическая обстановка в Европе, — указывалось в документе, — создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах..., но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ. На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии,

то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу.

Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами — с целью реванша — Финляндию и Румынию, а возможно и Венгрию. При вероятном вооруженном нейтралитете Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Финляндией и Румынией, а возможно, и Турцией, и на востоке — против Японии как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение”^{*1}.

Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья реки Сан, составители плана предложили главные силы Красной Армии развернуть севернее Полесья. “Основной задачей наших войск, — указано в документе, — является нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировкам противника в районе Ивангород, Люблин, Грубешов, Томашов, Сандомир, для чего развернуть:

Северо-Западный фронт — основная задача — по сосредоточении атаковать противника с конечной целью совместно с Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней”.

Но пока этот план разрабатывался произошли новые события. В результате вхождения Прибалтийских республик в состав СССР соединения Красной Армии были введены в Прибалтику, а части Киевского военного округа вступили в Северную Буковину. Стратегические соображения вновь пришлось перерабатывать.

Решение об этом принял 16 августа Главный военный совет, на котором Б.М.Шапошников был освобожден с поста начальника Генерального штаба. Официальная версия этого акта — болезнь, а действительная, как свидетельствует Маршал Советского Союза А.М.Василевский — ученик Шапошникова, заключалась в том, что за “позорную” войну с Финляндией вместе со смещенным с поста Наркома Ворошиловым должен был нести моральную ответственность и начальник Генерального штаба. На этот пост назначался один из “героев” войны с Финляндией, бывший командующий Ленинградским военным округом (а в ходе войны — командующий 7-й армией) генерал армии К.А.Мерецков.

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2851, д. 239, л. 1—2.

Основы стратегического развертывания вооруженных сил дорабатывались уже под его руководством. Летом 1940 г. была разгромлена Франция. Многомиллионная, хорошо подготовленная немецкая армия оказалась, по существу, один на один с Красной Армией.

Разработка плана стратегического развертывания вооруженных сил СССР окончательно была завершена в сентябре 1940 г. Доклад "Об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Красной Армии на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг." за подписями народного комиссара обороны С.К.Тимошенко и начальника Генерального штаба К.А.Мерецкова был представлен 18 сентября 1940 г. на рассмотрение Сталина и Молотова. Документ, как и предшествующий, был подписан в одном экземпляре лично заместителем начальника оперативного управления А.М.Василевским.

Оценка вероятных противников была дана аналогична той, что и в предшествующем документе. Предполагалось, что они могли сосредоточить 280—290 дивизий, 11750 танков, 30 тыс. орудий и 18 тыс. самолетов. Не исключалось, что в сложившейся обстановке нападение Германии на СССР возможно еще до окончания войны с Англией.

Главным вопросом в оценке замыслов германского командования являлось определение возможного главного удара. Генеральный штаб правильно определил развертывание основных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан с целью нанесения главного удара в направлении на Ригу, Каунас и далее на Двинск. Полоцк или на Каунас, Вильнюс и далее на Минск. Считалось, что одновременно с главным ударом следует ожидать удара в тыл львовской группировке советских войск и овладения Западной Украиной. Не исключалась возможность главного удара противника на киевском направлении с целью захвата Украины. Однако в докладе подчеркивалось, что "наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий, т.е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан".

Надо указать, что несмотря на правильные взгляды на начальный период будущей войны, выработанные еще в первой половине 30-х годов, в Генеральном штабе не было твердой установки на него, вытекающей уже из опыта военных действий на Западе. Несмотря на то, что немцы начинали войны заранее развернутыми силами внезапно, в "Соображениях о стратегическом развертывании" указывалось, что противнику для сосредоточения и развертывания главных сил потребуется после начала войны 15 суток. Как отмечал позже Жуков, "Нарком обороны и Генштаб считали, что война... должна начаться по ранее существовавшей схеме:

главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений"^{*1}. Тем самым в оперативном плане войны была заложена серьезная ошибка в оценке способа военных действий противника.

Общий замысел боевого использования основных сил Красной Армии состоял в том, чтобы на первом этапе активной обороной в укрепленных районах прочно прикрыть границы в период сосредоточения войск и не допустить вторжения противника в пределы СССР. На втором этапе мощными ударами главных группировок войск фронтов нанести решительное поражение противнику и выйти на р. Висла, в дальнейшем развивать наступление на Краков, Бреслау и выйти к верхнему течению р. Одер.

В соответствии с оценкой противника и общим замыслом отражения его нападения намечалось два варианта стратегического развертывания главной группировки Красной Армии на Западе. В одном случае она могла быть развернута к югу от Брест-Литовска, а в другом — к северу от него. Все зависело от политической обстановки, которая могла сложиться непосредственно к началу войны.

5 октября Сталин и Молотов рассматривали представленный им 18 сентября доклад "Об основах стратегического развертывания". "Как нам рассказал К.А.Мерецков, — вспоминает А.М.Василевский, — при его рассмотрении И.В.Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на юго-западном направлении"^{*2}.

14 октября 1940 г. доработанный вариант плана "южный" был представлен на утверждение Сталину и Молотову. В нем главной группировке в составе Юго-Западного фронта ставилась задача по нанесению более мощного удара в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау^{*3}.

Планом предусматривалось к 1 октября 1941 г. развернуть два фронтовых и два армейских управления, довести численность

---

^{*1} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления т. 1, М., 1978, с. 217.

^{*2} Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974, с. 110.

^{*3} ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 242, л. 86.

авиации до 20 тыс. самолетов, сформировав 100 авиационных полков.

Одновременно было решено разработать и другой вариант ("северный"). По нему основная группировка войск должна была развертываться в полосе Западного и Северо-Западного фронтов.

Заложенные в оперативных планах концепции проверялись на двух январских оперативно-стратегических играх. Первая игра, как указывалось в предыдущей главе, обнажила слабость нашего западного направления. В связи с этим в оперативный план пришлось вносить коррективы.

Переломным моментом в строительстве вооруженных сил и оперативно стратегическом планировании их применения явился февраль 1941 г., когда Генеральный штаб возглавил Г.К.Жуков. С этого времени в Генеральном штабе разрабатывалась большая программа по составлению новых оперативно-мобилизационных планов. На основе указаний Жукова его первый заместитель генерал-лейтенант Н.Ф.Ватутин составил "План разработки оперативных планов", в соответствии с которым был разработан ряд важнейших документов. Одновременно Ватутин с Василевским внесли коррективы в план стратегического развертывания вооруженных сил с учетом новых разведывательных данных о противнике и ростом численного состава своих вооруженных сил.

11 марта 1941 г. Василевским был написан особой важности, совершенно секретный, единственный экземпляр только лично Сталину, Молотову документ с заделанными подписями наркома и начальника Генерального штаба, но ими не подписанного. "В связи с проводимыми в Красной Армии в 1941 году крупными организационными мероприятиями, — указывалось в нем, — докладываю на Ваше рассмотрение уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке"*1.

"Сложившаяся политическая обстановка в Европе, — говорится в документе, — заставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ... При условии окончания войны с Англией предположительно можно считать, что из имеющихся 260 дивизий... до 200 дивизий, из них до 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных, будут направлены против наших границ".

Заметив, что документальными данными об оперативных планах вероятных противников Генштаб не располагает, его руководство в то же время допускает серьезную ошибку в оценке

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 241, л. 1.

намерений противника. “Германия, — предполагают составители документа, — вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи”.

Для ведения операции на Западе выделялось 252 дивизии и две бригады. Что касается основ стратегического развертывания, то в данном документе указывается: “Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям”^{*1}. Из этого следует, что главные силы рекомендовалось, как это указывалось в октябрьских (1940 г.) “Соображениях” сосредоточить на юго-западном направлении. Прежняя ошибка не была исправлена до начала войны.

Месяц спустя, 10 апреля 1941 г. по указанию Жукова Василевским была составлена директива на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов. В частности, для Западного особого военного округа в ней определялось: “Основные задачи: с переходом ЮЗФ (Юго-Западного фронта) — ударом левого крыла Западного фронта в общем направлении на Седлец-Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла.

Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий”^{*2}.

Итак, в указаниях округам, отданных в апреле, по-прежнему главная группировка советских войск предусмотрена на юго-западном направлении в составе Киевского особого военного округа. Западный фронт должен был наступать совместно с Юго-Западным фронтом лишь частью сил левого крыла. Войска правого крыла и центра должны были готовиться к обороне.

Подписывая план “Барбаросса”, Гитлер назначил срок готовности нанести удар по СССР 15 мая 1941 г. К этому времени германское командование и готовило свои войска. Лишь война на Балканах вынудила немецкое руководство переносить вторжения на другие даты.

К середине мая руководство Генерального штаба сделало вывод,

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 241, л. 15.

^{*2} Там же, д. 237, л. 50.

что Германия полностью отмобилизовала свою армию, сосредоточила ее в основном у границ Советского Союза и развернула тылы. В этих условиях Нарком обороны и начальник Генерального штаба решили предложить Сталину проявить инициативу и нанести по готовящимся к вторжению в СССР немецким войскам упреждающий удар.

К этому их подтолкнуло и выступление Сталина на приеме выпускников военных академий 5 мая 1941 г. Торжественное собрание, состоявшееся в большом Кремлевском дворце открыл нарком обороны С.К.Тимошенко. С кратким докладом о выпускниках выступил начальник управления военно-учебных заведений Красной Армии генерал-лейтенант И.К.Смирнов. Затем выпускников приветствовал от имени Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калинин. После него от имени ЦК ВКП(б) и СНК выступил И.В.Сталин. Его речь продолжалась около 40 минут и была выслушана с исключительным вниманием. Он отметил глубокие изменения, произошедшие за последние годы в Красной Армии (следовало бы сказать не за годы, а за последний год) и подчеркнул, что на основе опыта современной войны Красная Армия перестроилась организационно (опять же не перестроилась, а только начала, по существу, перестраиваться) и серьезно перевооружилась (не перевооружилась, а начала перевооружаться на новую материальную часть). Учитывая это, сделал он вывод, она готова вести войну наступательно. Много места в его речи было отведено международной обстановке, идущей войне, положению Советского Союза в этих условиях и его внешней политике. Сложность и острота международной обстановки вынуждает Советское государство быть начеку, повышать свою боеспособность. Вооруженные силы призвал он находиться в постоянной готовности к отпору агрессии, откуда бы она ни исходила.

После торжественного собрания состоялся прием выпускников. Гости заполнили Георгиевский зал, Грановитую палату, Владимирский, Малый и Новый залы. Кроме выпускников присутствовали: члены ЦК ВКП(б), народные комиссары, депутаты Верховного Совета СССР, высшее командование армии и флота, Герои Советского Союза, Герои Социалистического труда, профессора и преподаватели военных академий.

Прием открылся краткой речью Тимошенко, затем с ответным словом выступило несколько выпускников. А затем началось море разливанное и бесконечные тосты, главным образом Сталина. прежде всего он провозгласил здравицу в честь руководящего и профессорско-преподавательского состава военных академий и выразил уверенность в том, что выпускники военных академий будут возвращаться в части вооруженными глубокими знаниями новой техники. Расхаживая с бокалом в руках по Георгиевскому залу он

говорил о значении различных родов войск, провозглашая здравицу в честь артиллеристов (его любимая фраза "артиллерия — бог войны" была произнесена им там), танкистов, летчиков, которых он упрекнул за то, что они учатся на старой материальной части. "Мы будем воевать на новой, изучайте ее", поздравил также кавалеристов, пехотинцев, инженеров, техников, саперов, связистов, самолетчиков, парашютистов, минометчиков.

Учитывая, что на следующий день, в мае Сталин был назначен председателем Совета Народных комиссаров СССР, этот прием говорил о многом.

Воодушевленные этим "воинственным" настроением Сталина и учитывая складывающуюся на границах обстановку, Тимошенко с Жуковым отдали распоряжение генерал-майору Василевскому подготовить новые "Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза". Вверху справа на документе, написанном от руки Василевским, указано: "Председателю Совета Народных Комиссаров от 15 мая 1941 г.". Внизу заделаны подписи наркома и начальника Генштаба, но они не поставлены.

"Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, — указывается в самом начале документа, — она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест-Демблин и выход к 30 дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью — наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага Центра и северного крыла Германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии"*1.

Главный удар, как и ранее, предполагалось нанести силами Юго-Западного фронта, а вспомогательный — левым крылом Западного фронта. Таким образом, делался вывод, Красная Армия начинает наступательные действия с фронта Чижев, Людовлено

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 1—2.

силами 152 дивизий против 100 германских, на других участках государственной границы предусматривается активная оборона.

С этим документом нарком и начальник Генштаба отправились к Сталину. О его реакции на это предложение военного руководства документальных материалов в архивах найти не удалось. А по словам Г.К. Жукова, сказанным автору этих строк, она была следующей: "Услышав о предупредительном ударе по немецким войскам, он буквально вышел из себя. "Вы что с ума сошли? Немцев хотите спровоцировать", — прошипел он. Мы сослались на складывающуюся у границ обстановку, на его выступление 5 мая перед выпускниками военных академий. "Так я сказал это, — услышали мы в ответ, — чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира".

Этот оперативный план он утверждать не стал, более того строго предупредил о том, чтобы не дать повода для провокации. Однако дух решительности и наступательности в войсках, судя по всему, поддерживался им. Не без его ведома, конечно, на заседании Главного военного совета, состоявшемся 4 июня 1941 г. в рассматриваемом проекте директивы "О задачах политической пропаганды Красной Армии на ближайшее время" было записано, что задачи, поставленные перед Красной Армией, требуют решительного поворота в пропагандистской работе в духе постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага*¹. В ходе ее обсуждения член Политбюро А.А. Жданов заявил: "Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики"*².

Учитывая возрастание угрозы агрессии и увеличение состава вооруженных сил, Генеральный штаб продолжал вносить коррективы в документы по стратегическому развертыванию. К середине июня в записке Василевского по стратегическому развертыванию вооруженных сил предусматривалось первый стратегический эшелон развернуть уже на основе существующих военных округов в составе 4 фронтов (189 дивизий и 2 бригады с учетом войск, расположенных в Крыму), что составляло более 60% всех соединений Красной Армии*³.

Наиболее сильная группировка предусматривалась в полосе Юго-Западного фронта (100 дивизий, в том числе 20 танковых

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 32, оп. 11302, д. 2, л. 47

*2 Там же, л. 84

*3 Там же, ф. 16, оп. 2951, д. 236, л. 63—69.

и 10 моторизованных), который за неделю до войны предусматривали формировать на базе двух военных округов: Киевского и Одесского. Лишь 21 июня на базе Одесского округа решили образовать Южный фронт.

Второй стратегический эшелон — резерв Главного командования — предполагалось создать из пяти армий (16, 19, 22, 24, 28-я) в составе 51 дивизии. Из них на Юго-Западном фронте сосредоточивались 23 дивизии, на Западном — 9. В районе Москвы предусматривалось развернуть две армии — 24-ю и 28-ю в составе 19 дивизий.

Всего на Запад вместе с резервом Главного командования предназначалось 240 дивизий, 159 авиационных полков, 5 воздушно-десантных корпусов, 10 противотанковых бригад. Для обороны дальневосточных границ выделялись 31 дивизия и две бригады, в Закавказье и Средней Азии — 31 дивизия и для прикрытия Беломорского побережья — одна дивизия.

Из общего количества авиационных дивизий фронтовой и дальнебомбардировочной авиации для западных округов выделялось 60%, для Дальнего Востока и Забайкалья -16% и во внутренние военные округа (в том числе в Закавказье и Среднюю Азию) — 24%. Основные силы Военно-Морского Флота также сосредотачивались на Западе в составе Северного, Балтийского и Черноморского флотов.

"Соображения" составили основу оперативного плана, но до конца их так и не удалось довести, так как началась война.

Важное место в планировании стратегического развертывания вооруженных сил занимала организация прикрытия государственной границы. Эта проблема решалась в зависимости от событий, происходивших в приграничных районах и роста возможностей вооруженных сил. Резкое изменение обстановки в 1939—1940 гг., вызванное появлением у границ СССР германских войск, потребовало коренного пересмотра концепции прикрытия границы.

Весь комплекс мероприятий по прикрытию границы осуществлялся на основе разработанного Генеральным штабом "Плана обороны государственной границы 1941 г.", который являлся составной частью плана стратегического развертывания вооруженных сил. Разработка планов прикрытия в округах проводилась на основании директивы наркома обороны.

В ходе нарастания угрозы войны, особенно после прихода в Генеральный штаб Жукова, шел сложный процесс корректировки планов прикрытия. Обстановка изменялась так быстро, что округа не успевали качественно разрабатывать документы, утверждать их и претворять в жизнь. Наиболее существенным изменениям подвергались планы прикрытия в Западном и Киевском особых военных округах.

Последние директивы на разработку окружных планов прикрытия были подписаны наркомом обороны в начале мая 1941 г. Ленинградскому, Западному и Киевскому округам директивы были направлены 5 мая, Одесскому — 6 мая, а Прибалтийскому — 14 мая.

Срок действия плана обороны был определен в течение 15 суток. За это время предполагалось отмотилизовать, сосредоточить и развернуть главные силы Красной Армии. Так, в директиве войскам Киевского военного округа указывалось: “быть готовым по указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей”. Представление окружных планов на утверждение в Генеральный штаб было определено 25 мая. Разработка планов прикрытия в округах сильно затянулась, так как явилась чрезвычайно сложным делом. Во-первых, требовалось выявить сосредоточение войск противостоящего противника; во-вторых, предусмотреть мероприятия с целью недопущения внезапного вторжения вражеских войск на свою территорию. Кроме этого упорной обороной в укрепленных районах предусмотреть надежное прикрытие отмотилизования, сосредоточения и развертывания войск, активными действиями авиации завоевание господства в воздухе, мощными ударами по коммуникациям и группировкам войск противника нарушение их выдвижения, недопущения высадки в тыл воздушных десантов и диверсионных групп. Из этого следует, что окружные планы прикрытия имели оборонительный характер.

В соответствии с требованиями директив Генерального штаба основу обороны по прикрытию государственной границы должны были составить укрепленные районы и полевые укрепления, строившиеся по линии государственной границы с использованием всех имеющихся сил и возможностей, при этом оборона войск должна была носить активный характер, с тем чтобы “всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно отражались контратаками корпусных и армейских резервов”^{*1}.

Укреплению государственных границ и инженерному оборудованию театра военных действий (ТВД) советское руководство, особенно в последние перед войной годы, придавало большое значение. Общей целью заблаговременной инженерной подготовки ТВД являлось обеспечение возможности успешного противодействия войск внезапному нападению превосходящих сил противника,

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 32, оп. 11302, д. 259, л. 1—6.

оснащенными мощными техническими средствами подавления и разрушения.

На основе опыта первой мировой войны было решено, что лучшей формой военно-инженерной подготовки приграничной полосы является система укрепленных районов (УР), прикрывающих важнейшие операционные направления, ведущие в глубь страны.

Опыт войны с Финляндией и войны в Западной Европе заставил внести существенные коррективы в систему укрепления границ. 12 октября 1940 г. начальник Главного военно-инженерного управления генерал-майор А.Ф.Хренов представил по этому вопросу доклад начальнику Генерального штаба. "Изучение и обследование состояния укрепления наших границ, — отмечал он, — показало, что система военно-инженерной подготовки ТВД недостаточно уяснена как по форме, так и по содержанию, что отсутствует единство взглядов по этому вопросу и в то же время наблюдается шаблонность приемов и форм укрепления границ... Главным же и основным недостатком укрепления наших границ является то, что основная вооруженная сила нашей страны — полевые войска остаются необеспеченной, а ТВД неподготовленным для действий полевых войск. Так было у нас на Карельском перешейке, так было, по всем данным, у бельгийцев и французов"¹.

В целях устранения недостатков Хренов предложил: во-первых, устраивать впереди укрепленных районов предполье, которое до 1939 г. отрицалось. Отказ от них позволяет наступающему действовать внезапно всей мощью современных средств и сил наступления и подавления непосредственно по всей глубине УР. Во-вторых, силы и средства обороны эшелонировать в глубину. Экономия сил за счет УР, указывал он, не должна переходить известного предела, после которого она становится опасной. На внезапность нападения оборона должна ответить внезапностью сопротивления, что возможно только при активной обороне. Активная оборона требует, чтобы контрудары проводились организованно, с определенной целью, при поддержке артиллерии, танков и авиации, а не разрозненно и впустую.

В связи с тем, что УР в прежнем понимании, как линии Мажино, Маннергейма себя изжил, Главное инженерное управление предложило значительно увеличить его глубину и одновременно с долговременными железобетонными сооружениями построить укрепления для полевых войск.

Предложения Хренова были учтены руководством наркомата обороны и Генерального штаба. Опыт боевых действий в совет-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 69, оп. 14065, д. 14, л. 16.

ско-финляндской войне и на Западе, указывалось в директиве наркома обороны военным советам приграничных округов от 20 февраля 1941 г., показывает, что при строительстве УР требуется увеличение глубины их до 30—50 км в зависимости от наличия и глубины предполья, а также увеличения толщины железобетонных сооружений и усиления плотности артиллерийско-пулеметного огня. УРы имеют свои специальные гарнизоны, численность которых определяется для каждого в отдельности. Полевые войска, подчеркивалось в этом руководящем документе, могут занять УРы лишь по специальному приказу командования фронтом в количестве, определяемом командованием фронта.

Впереди УР предлагалось строить предполье, состоящее из ряда оборонительных полос полевого типа. Однако заблаговременно в предполье разрешалось строить только основные типы сооружений и на важнейших направлениях фортификационные противотанковые заграждения. Минные и фугасные поля, завалы, волчьи ямы и другие виды легких заграждений и легкие постройки полевой фортификации, указывалось в директиве, строятся по особому распоряжению Народного комиссара обороны. Основой УР являются узлы обороны, которые должны иметь надежную круговую систему противотанковых и противопехотных заграждений, возводимых на важнейших направлениях в мирное время, а на остальных в мобилизационный период.

В соответствии с требованиями этой директивы, военным округам были отданы приказы о строительстве укрепленных районов, начатых в 1940 г., а также некоторых новых. Согласно плану, утвержденному Советом Народных комиссаров 12 февраля, на оборонительное строительство в 1941 г. было отпущено 930 млн. рублей. Из этой суммы Прибалтийскому округу предназначалось 459 млн. рублей, Западному — 222 млн. и Киевскому — 81 млн. рублей. Распределение денежных средств на оборонительное строительство, из которых 50% предназначалось Прибалтийскому округу, свидетельствует о том, что там намеревались вести оборону, а на юго-западном и левом участке западного направления рассчитывали, как и предусматривалось оперативным планом, после отражения вторжения противника — наступить. Военному совету Прибалтийского округа было указано, что строительство укрепленных районов является важнейшим правительственным заданием на 1941 год, на выполнение которого должны быть направлены основные усилия.

Войскам Прибалтийского и Западного военных округов приказывалось наиболее прочно прикрыть границу с Восточной Пруссией. Позже, в связи с вскрытием сосредоточения крупной группировки немецких войск южнее Полесья, Советское правительство, по представлению наркома обороны, 18 марта 1941 г. дополни-

тельно выделило Киевскому округу на строительство укрепленных районов 252 млн. рублей. 20 марта Тимошенко отдал директиву Военному совету этого округа об усилении темпов строительства и возведении ряда дополнительных узлов обороны. Строительство в Струмиловском и Рава-Русском укрепленных районах, указывалось в ней, является для округа важнейшим правительственным заданием на 1941 год. Поэтому мероприятия Военного совета округа и его ответственность должны быть направлены на выполнение поставленной задачи.

Строительство укрепленных районов вдоль новой государственной границы велось высокими темпами. Для организации и руководства оборонительными работами были сформированы управления начальника строительства (УНС) и 138 строительных участков. В целях обеспечения рабочей силой были сформированы 84 строительных батальона, 25 отдельных строительных рот и 17 автобатов. Кроме того, на строительство привлекли 160 инженерных и саперных батальонов приграничных округов и 41 батальон из внутренних округов. Вместе с этими инженерно-строительными частями с весны 1941 г. на строительстве находилось 17820 вольнонаемных рабочих.

Чтобы представить объем оборонительных работ достаточно указать, что на строительство сооружений в укрепленных районах Прибалтийского округа ежедневно выходило 57778 человек, Западного округа — 34930 человек и Киевского — 43006 человек. Для перевозки строительных материалов и оборудования военные советы округов и армий направили большое количество автомашин и тракторов-тягачей из артиллерийских частей. Вся эта масса безоружных людей 22 июня была поражена огнем артиллерии врага в приграничной полосе, в панике бежала на восток, внося дополнительную растерянность в ряды войск, застигнутых также врасплох.

Однако, если сил и транспортных средств было достаточно, то строительных материалов, оборудования и вооружения явно не хватало. В связи с этим тормозилось выполнение планов работ. При наличии в новых укрепленных районах около 2300 огневых точек (дотов) построенных к весне 1941 г., полностью было вооружено орудиями лишь около 1000 сооружений. Во всех остальных были установлены только станковые пулеметы. Чтобы вооружить построенные доты, военные советы округов с разрешения Главного военного совета были вынуждены принять решение о снятии с консервации и перевозке части орудий и пулеметов из укрепленных районов, построенных на старой границе.

На темпы строительства серьезное влияние оказывали и различного рода организационные неполадки. В связи с невыполнением плана строительства за первые четыре месяца 1941 г. нарком

обороны 16 мая строжайше предупредил военные советы округов об устранении имеющихся недостатков и увеличении размаха оборонительных работ.

Этот факт лишний раз подтверждает сказанное мне Г.К.Жуковым отрицательное отношение Сталина к "Соображениям" от 15 мая об упредительном ударе наших войск.

В результате принятых мер количество боеготовых сооружений к началу войны увеличилось. Тем не менее строительство укрепленных районов было далеко от завершения. В результате этого между УРами имелись неукрепленные участки местности шириной от 10 до 80 км и более. Чтобы представить, какова была готовность УРов, рассмотрим хотя бы состояние Гродненского УРа, которому в порядке важности обеспечения операционных направлений: Сувалки—Лида; Сувалки—Белосток; Сувалки—Гродно уделялось основное внимание Военного совета Западного округа. В этом укрепленном районе протяженностью 80 км к концу 1941 г. должно было быть возведено 373 сооружения. Но на 1 июня было построено только 165 огневых точек. Слабым местом в системе обороны этого УРа, как указывалось в докладе Военного совета округа Наркому обороны, был открытый правый фланг на участке р. Неман—Соничи. Для того чтобы ликвидировать этот недостаток и предупредить обход противником правого фланга УР, планировалось построить два опорных пункта с целью прострела промежутка до р. Неман и установления связи с участком обороны полевых войск на восточном берегу. Однако к этим работам так и не успели приступить, а именно здесь, на неукрепленном стыке Северо-Западного и Западного фронтов нанесла удар 3-я танковая группа генерала Гота.

Еще хуже обстояло дело с Брест-Литовским УР, строительство которого в 1941 г. было отнесено ко второй очереди, потому что здесь намечалось наносить по немцам вспомогательный удар совместно с войсками Юго-Западного фронта. В этом УРе, протяженность которого составляла 180 км, на 1 июня было забетонировано только 168 сооружений. В первой полосе его оставались большие разрывы и полностью неприкрытый железобетонными огневыми точками участок от Бреста до Влодивы. Правда, крепость Брест к северу и югу была прикрыта сооружениями полевого типа.

В целом УРы первой линии Западного военного округа на 1 июня имели всего лишь 193 вооруженных долговременных сооружения, 909 сооружений полевого типа и 193 закопанных танка, вооруженных 45 мм пушкой. При ширине полосы прикрытия округа 470 км это составляло общую оперативную плотность около трех огневых точек на один километр фронта,

Но и вооруженные сооружения, как указывал Тимошенко в

своей директиве от 11 июня 1941 г., не были приведены в боевое состояние. Сооружения, построенные в 1940 г., были захлаплены, и секторы амбразур у многих из них засыпаны отвалами земли. Нарком обороны приказал Военному совету Западного округа немедленно привести вооруженные сооружения в полную боевую готовность, а все имеющееся вооружение поставить в построенные сооружения не позднее 15 июля 1941 г.

В таком состоянии укрепленные районы Западного округа не могли служить надежным средством усиления войск прикрытия. Не лучше обстояло дело и в других приграничных округах. Боеготовность УРов снижалась из-за неукомплектованности постоянных гарнизонов, а также из-за того, что в мирное время части укрепленных районов не жили и не учились в дотах. Артиллерийско-пулеметные части УРов до 1940 г. содержались в составе 25% от штаба военного времени. Будучи укомплектованными офицерами из пехотных частей, они были плохо подготовлены к ведению огня.

Полевые войска могли занять УР лишь в случае угрожающего положения по специальному приказу командующего округом, который мог быть отдан только с разрешения наркома обороны.

Наряду со строительством дотов в приграничной полосе возводились различного рода укрепления для полевых войск. Согласно указаниям заместителя наркома обороны маршала Б.М. Шапошникова, который осуществлял общее руководство оборонительным строительством, полевые позиции возводились главным образом в предполье и частично между опорными пунктами УРов. В целях ускорения строительства полевых укреплений Нарком обороны обратился было с просьбой к Сталину разрешить привлечение на земляные работы гражданского населения. Однако он не разрешил это делать. Сообщая об этом 23 апреля в военные округа, Тимошенко разрешил использовать для этой цели в учебном порядке только стрелковые войска сроком на один месяц. На работы разрешалось одновременно выводить один батальон от стрелкового полка, но не больше.

Полевое оборонительное строительство в приграничной зоне с весны 1941 г. также получило широкий размах. Например, в Прибалтийском военном округе возводилось 164 батальонных района обороны. Большое количество их строилось также в Струмиловском и Рава-Русском УРах Киевского военного округа. К началу июня только в предполье было построено 18 батальонных районов и три отдельных ротных опорных пункта^{*1}.

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 9776, д. 27, л. 16.

Тыловые оборонительные рубежи за укрепленными районами первой линии не возводились. Они были запланированы, но их строительство предполагалось развернуть силами военно-строительных организаций и местного населения только в случае возникновения войны. Тыловым оборонительным рубежом оперативно-стратегического назначения могла стать лишь линия старых УР.

В соответствии с ранее отданными распоряжениями войска отрывали рвы, эскарпы, контрэскарпы, устраивали надолбы и другие препятствия, но минно-взрывные заграждения устанавливать не разрешалось. К началу войны противотанковых и противопехотных минных полей в приграничной полосе не было. Танки противника могли продвигаться, не встречая серьезных препятствий.

Анализ задач и общего замысла на прикрытие, а также состояния укрепленных районов показывает, что расчеты политического и военного руководства построить устойчивую оборону не подкреплялись реальными возможностями. Планируемые контрудары армейскими и фронтовыми резервами не были обеспечены реальными силами для их нанесения. Механизированные корпуса, которые должны были составлять основу контрударных группировок, не были укомплектованы и потому являлись лишь частично боеспособными. Артиллерийские противотанковые бригады, имея в основном штатную численность, были слабо подготовлены, чтобы вести борьбу с танками.

В основу организации планирования обороны государственной границы была положена жесткая централизация. Вышестоящие штабы определяли задачи войскам на две-три ступени ниже, что объясняется, по-видимому, стремлением сохранить в глубокой тайне все намечаемые мероприятия.

Разработка планов прикрытия штабами военных округов закончилась в последние перед войной дни, и поэтому они не были в достаточной степени освоены исполнителями. Генеральный штаб эти планы получил 10—20 июня. Рассмотреть и утвердить их времени уже не было. Однако это не означает, что войска вступили в войну, не имея конкретных боевых задач. Армейские планы прикрытия были в основном утверждены, задачи соединениям определены. Армейские районы прикрытия делились на участки, нарезаемые для корпусов, и под участки — для дивизий в соответствии с конкретными условиями.

Основой окружных планов обороны являлись планы прикрытия армий. Что собой представляли эти документы видно на примере 4-й армии Западного и 6-й армии Киевского военных округов, прикрывавших главные направления. 4-я армия в составе 28-го стрелкового (42, 6, 75 и 100 стрелковые дивизии) и 14-го механизированного (22-я и 30-я танковые и 205-я моторизованная

дивизии) корпусов, 62-го Брестского укрепленного района и 10-й смешанной авиационной дивизии прикрывала брестское направление, на котором группа армий "Центр" наносила главный удар. В директиве округа для армии были даны следующие указания: сроки подъема по тревоге и занятия оборонительных позиций для 6-й ед — 3—9 часов, 75-й ед — 4—10 часов, 42-й ед — 30 часов. 100-я ед перевозится автотранспортом и по железной дороге и сосредотачивается в район Черемха на "М-3". Далее в директиве округа указывалось, что "с началом боевой тревоги будет начата подготовка и оборудование тыловых оборонительных позиций, армейских и фронтовых. Рекогносцировка этих рубежей и составление плана работ на них будут произведены на полевой поездке в июле 1941 г. Материальное обеспечение войск: до 15-го дня мобилизации армии отпускается огнеприпасов — три боекомплекта (один в войсках, два в окружных складах), горючего для боевых машин — три заправки, для транспортных — пять заправок (две в войсках, три в окружных складах). "План прикрытия вводится в действие при получении шифротелеграммы за подписью командующего войсками, члена Военного совета и начальника штаба округа с условным содержанием: "Вскрыть "красный пакет" и приступить к действиям по плану" — указывалось в директиве Павлова.

В соответствии с этими указаниями и был разработан армейский план, который по существу повторял их. Основным недостатком армейского, как и окружного планов являлась их нерешительность. Недостатки решения командования округа автоматически были перенесены в армейский план прикрытия. На основе армейского плана были разработаны приказы всем соединениям, вложены в так называемые "красные пакеты" вместе с инструкциями для выхода войск по боевой тревоге и отправлены в опечатанных пакетах исполнителям.

6-я армия в составе 6-го стрелкового, 4-го и 15-го механизированных корпусов получила задачу прикрыть сосредоточение и развертывание войск и на львовском направлении не допустить прорыва противника на территорию СССР, а включившиеся части уничтожить.^{*1} Ширина полосы прикрытия армии составляла 165 км. Опорой ее являлись Струмиловский и Рава-Русский укрепленные районы.

Прикрытие границы планировалось организовать следующим образом. Пограничные отряды, а их в полосе 6-й армии было два (91 и 92), должны были поддерживать прочную связь с так на-

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 9776, д. 27, л. 6.

зываемыми отрядами поддержки, выделенными от дивизий первого эшелона. Всего в полосе армии было образовано 8 отрядов, каждый в составе одного усиленного стрелкового батальона. В случае нападения противника пограничники должны были вызвать отряды поддержки и совместно с ними в предполье уничтожить вражеские части. Тем временем должны были выдвигаться на полевые позиции основные силы первого эшелона и постоянные гарнизоны укрепленных районов (21, 36, 44, 140 и 141-й пулеметные батальоны). "Готовность обороны, — указывалось в плане, — через два часа после объявления войны"*1 (И это делается после того, как было доказано, что войны теперь не объявляются, а просто начинаются заблаговременно изготовившимся противником).

В случае прорыва противником предполья, отмечалось в документе, задача частей укрепленного района не допустить дальнейшего продвижения и во взаимодействии с полевыми войсками остановить вторгшегося врага. При вторжении крупной группировки в сражение должны были вводиться резервы района прикрытия (механизированные корпуса). С этой целью каждому механизированному корпусу было определено несколько направлений контрударов. Совместно с авиацией и артиллерийскими противотанковыми бригадами они должны были уничтожить вторгшегося агрессора.

Таковы, в основном, были задачи и других армий прикрытия.

Прикрытие западной границы Советского Союза, протяженность которой достигала 4520 км, возлагалась на войска пяти военных округов. Ленинградский округ войсками 14-й (командующий — генерал-лейтенант В.А.Фролов) и 7-й армии (командующий — генерал-лейтенант Ф.Д.Гореленко) должен был прикрывать 1000-километровый участок границы от Баренцева моря до Ладожского озера, а 23-й армией генерал-лейтенанта К.С.Пшеникова — от Ладожского озера до Финского залива.

8-ю (командующий — генерал-майор П.П.Собенников) и 11-ю (командующий — генерал-лейтенант В.И.Морозов) армии Прибалтийского особого военного округа планировалось развернуть на 300-километровом участке границы с Восточной Пруссией. Побережье Балтийского моря, острова Эзель и Даго должны были обороняться силами Балтийского флота, а также 67-й стрелковой и 3-й отдельной стрелковой бригадой 27-й армии генерал-майора Н.Э.Берзарина.

На 470-километровом участке западной границы Белоруссии развертывались 3-я (командующий — генерал-лейтенант В.И.Куз-

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 9776, д. 27, л. 29.

нецов), 10-я (командующий — генерал-майор К.Д.Голубев) и 4-я (командующий — генерал-майор А.А.Коробков) армии Западного особого военного округа.

Прикрытие Западной Украины от Влодавы до Липканы (865 км) должны были осуществлять армии (5-я — командующий — генерал-майор М.И.Потапов, 6-я — генерал-лейтенанта И.Н.Музыченко, 26-я — генерал-лейтенанта Ф.Я.Костенко и 12-я — генерал-майора П.Е.Понеделина) Киевского особого военного округа.

На участке от Липканы до Одессы (650 км) разворачивались войска Одесского военного округа. Оборона Крыма возлагалась на 9-й отдельный стрелковый корпус этого округа и силы Черноморского флота.

В первом эшелоне армий прикрытия планировалось развернуть 63 дивизии и 2 бригады. Во второй эшелон армий прикрытия выделялась 51 дивизия. Остальные 45 дивизий составляли резервы или вторые эшелоны округов. На 15—20-е сутки мобилизации при помощи местного населения должно быть оборудовано на глубине 100—150 км от границы до 4 фронтовых рубежей. Но рекогносцировка этих рубежей и составление плана работ к началу войны не были завершены. На случай вынужденного отхода предусматривалось создание системы заграждений, разрушение дорог, мостов, железнодорожных путей и других объектов. Однако команды подрывников заблаговременно подготовлены не были, взрывчатка — не завезена.

Построение обороны армий прикрытия имело существенные недостатки. Передний край большинства дивизий проходил по государственной границе и предполье (полоса обеспечения) здесь отсутствовало. На расположение войск Западного и Юго-Западного округов большое влияние оказал наступательный характер планируемых стратегических действий. С этой целью крупные силы сосредоточивались в белостокском и львовском выступлениях. В случае своевременного развертывания войск в районах прикрытия эти группировки, состоявшие в основном из подвижных соединений, могли сыграть большую роль в разгроме вторгшихся группировок противника. Но так как заблаговременно этого не было сделано, то эти войска при необеспеченности оснований указанных выступов сами могли оказаться в тяжелом положении, как это убедительно показала первая январская оперативно-стратегическая игра.

Противник как раз и планировал нанести свои главные удары под основания этих выступов, на стыках между военными округами, где оборона была наиболее слабой.

Значительное количество соединений, планируемых в состав войск прикрытия, находились в стадии формирования и имели низкую боевую готовность.

Крупный недостаток был и в организации противовоздушной обороны войск. Прикрываемая территория разделялась на районы и участки прикрытия. Однако единого управления истребительной авиацией и зенитной артиллерией организовано не было.

Группировка авиации создавалась таким образом, чтобы поддерживать Западный и Юго-Западный фронты при ведении ими наступательных операций, которые должны были начинаться после отражения вторжения. Этим обуславливалась ее дислокация вблизи государственной границы.

В планах прикрытия важное место отводилось последовательности сосредоточения войск. Первыми, через 45 минут после объявления тревоги, занимали оборону отряды поддержки. Далее под прикрытием боевого охранения, должны были выдвигаться части дивизий первого эшелона армий прикрытия. Первый эшелон этих дивизий должен был занять оборону через 3—9 часов*¹. Сроки готовности частей определялись временем, необходимым для сбора по тревоге и выхода в назначенный район.

План прикрытия предусматривалось вводить в действие при объявлении мобилизации автоматически, а в других случаях только распоряжением наркома обороны шифрованной телеграммой: "Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г."*².

Весь план прикрытия, как и ввод его в действие, не был рассчитан на внезапное вторжение противника на земле и в воздухе. Все расчеты исходили из того, что даже армиям прикрытия будет предоставлено в "угрожаемый период" (был и такой официальный термин) время на отмобилизование. Игнорировалась реально сложившаяся обстановка, характеризовавшаяся полной готовностью немецких стратегических группировок к наступлению и незавершенным развертыванием советских войск. Проявлялась к тому же и недооценка агрессивности Германии и мощи ее вооруженных сил. Все это привело к серьезнейшим просчетам в подготовке Красной Армии и страны к надвигающейся войне.

Одним из важнейших элементов стратегического развертывания вооруженных сил являлось планирование мобилизационного развертывания и его проведение.

Под мобилизацией армии накануне войны понимался ее планомерный и своевременный переход с организации и штабов мирного времени на организацию и штабы военного времени в сроки, установленные схемой мобилизационного развертывания. Мобилизационный план являлся составной частью оперативного плана и

---

*¹ ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 243, л. 25—26.

*² Там же, д. 241, л. 74.

разрабатывался на несколько лет с ежегодной его корректировкой. Разработка мобилизационного плана Красной Армии и его доведение до исполнительных органов проходили в Генеральном штабе под руководством наркома обороны.

Разработка начиналась с подготовки доклада на имя председателя Комитета обороны с мая 1940 г. Маршала Советского Союза К.Е.Ворошилова. В докладе отражались: боевой состав армии военного времени и развертываемых войск по вариантам и этапам мобилизации; количество и возраст населения, привлекаемого к мобилизации; процент изъятия автотранспорта из народного хозяйства; соображения по бронированию специалистов из отраслей народного хозяйства, по эвакуации и другие соображения. После утверждения правительством этих вопросов Генеральный штаб приступал к детальной разработке мобилизационного плана.

Основанием для всех расчетов являлась схема развертывания армий. В ней отражались прежде всего наименование, порядок, сроки и места отмобилизования частей и учреждений по видам и родам войск, по округам. При этом требовалось максимально учитывать наличие материальных ресурсов страны, и также сил, которые могли выставить в случае войны вероятные противники. При изменении международной обстановки план корректировался каждый раз.

Разработку мобилизационных планов накануне войны осуществляли в исключительно сложных условиях. Громадную по объему работу приходилось выполнять в сжатые сроки. С мая 1940 г. по июнь 1941 г. мобилизационные планы кардинально перерабатывались четыре раза. В результате качество мобилизационных документов было невысоким из-за имевшихся ошибок, несогласованностей.

Другого трудно было ожидать, так как в армии проводились непрерывные организационные мероприятия, ее численность постоянно изменялась, организационно-штабная структура войск не была отработана. До половины из 3060 типов штабов и табелей являлись временными и требовали переработки^{*1}. Из-за частых перегруппировок менялась дислокация частей и соединений.

В решении важных мобилизационных вопросов политическое и государственное руководство порой проявляло медлительность, а иногда и бюрократическую волокиту. Так, мобилизационный план развертывания промышленности на военное время, представленный начальником Генерального штаба Ворошилову, пролежал

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 205, л. 7.

у него в сейфе более месяца, и только после обращения Жукова к Сталину план был рассмотрен, но так и не утвержден, потому что началась война*1.

Главный военный совет 16 августа 1940 г. принял решение о разработке мобилизационного плана МП-41, рассчитанного на ввод в действие к 1 мая 1941 г. Нарком обороны 3 октября 1940 г. утвердил календарный план работ по созданию этого документа. В связи с задержкой решения вопроса о количестве призываемых возрастов директива по вопросам комплектования в округа не была отправлена. Поэтому намеченные сроки разработки плана МК-41 были сорваны.

В этих условиях начальник Генерального штаба потребовал проводить разработку нового плана МК-41 с одновременным уточнением существующей схемы развертывания, сохраняя постоянную мобилизационную готовность всех формирований до ввода нового плана в действие. В основу же новой схемы развертывания Красной Армии были положены: новая организационная структура стрелковых и танковых войск, артиллерии и военно-воздушных сил; изменения в дислокации частей и соединений; сроки отмотивирования в каждом округе.

Сосредоточение германской армии у границ Советского Союза потребовало от нового руководства Генштаба переосмысления мобилизационного плана МК-41. В основу корректировки расчетов были положены уточненные выводы из складывающейся к этому времени военно-политической обстановки и экономических возможностей государства. Непосредственная угроза военного нападения на Западе и сложная обстановка на Востоке требовали развертывания вооруженных сил до такого состава, который бы не уступал силам германо-японского блока.

12 февраля Жуков представил правительству новый мобилизационный план МК-41, который после тщательного рассмотрения был утвержден. Разработку документов по мобилизационному плану предписывалось начать немедленно, с расчетом окончания всех работ как в центре, так и на местах к 1 июля 1941 г.*2.

По мобилизационному плану МК-41, с учетом последующих поправок, вооруженные силы намечалось развернуть в составе: 303 дивизии (из них: стрелковых — 198, танковых — 61, моторизованных — 31, кавалерийских — 13), 346 авиаполков, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 10 отдельных противотанковых артиллерийских бригад РГК, 94 корпусных артиллерий-

---

*1 Военно-исторический журнал, 1987, № 9, с. 51.

*2 ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2154, д. 4, л. 199.

ских полка, 72 артиллерийских полка РГК. Кроме того, предусматривалось развертывание соответствующего количества частей боевого обеспечения и обслуживания войск армий и фронтов.

После мобилизационного развертывания численность армии должна была составить 8,9 млн. человек. В ее составе должно было насчитываться 32628 самолетов (из них 22171 боевых), свыше 106 тыс. орудий и минометов, около 37 тыс. танков, 10679 броневых автомобилей, около 91 тыс. тракторов, 595 тыс. автомобилей^{*1}. В соответствии со взглядами на характер войны значительно возрос удельный вес в сухопутных войсках автобронетанковых войск, который составил 16%, войск ПВО — 6%, артиллерии РГК — 7%. На военно-воздушные силы приходилось 15%.

К началу войны проявились весьма серьезные противоречия. С одной стороны, планируемый количественный рост армии требовал значительного повышения ее боевой мощи и обеспечения возможности по отражению вторжения агрессоров. При этом все стратегические расчеты велись из предположения, что средства и возможности для такого роста есть. С другой стороны, С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков, подхлестываемые Сталиным, намечая эти крупные мероприятия, не в полной мере учитывали особенности военно-политической обстановки кануна войны и возможности промышленности. Потребности армии с государственными планами производства боевой техники и вооружения не были детально и объективно согласованы. Это повлекло за собой увеличение некомплекта в войсках, который не мог быть покрыт в результате мобилизации. В результате этого появилось большое количество небоеспособных или ограниченно готовых соединений и частей, а те, которые были обращены на формирование новых соединений, как, например, танковые и воздушно-десантные бригады, утратили прежнюю боеспособность.

Одновременная реорганизация большинства соединений разных видов вооруженных сил и родов войск в условиях надвигающейся войны была ошибочной. Она привела к резкому снижению боевой готовности Красной Армии к началу нападения Германии на СССР. Укомплектованность войск к 22 июня 1941 г. составила: тяжелыми танками — 13%, средними танками — 74%, зенитными орудиями — 65%, средствами связи и военно-инженерными имуществом — 50—75%, средствами заправки и транспортировки горючего — 20—35%.

Сложным оказался вопрос эшелонирования и размещения боеприпасов. Свыше 41% всех баз и складов находились в западных

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2154, д. 4, л. 199—287.

военных округах. Исходя из оперативного плана, в соответствии с которым войска Юго-Западного и часть сил Западного фронтов должны были вскоре после начала войны наступать, мобилизационные запасы боеприпасов были приближены к границе, что, как показали последующие события, было серьезной ошибкой.

Отмобилизование армии планировалось провести поэтапно в течение одного месяца. Соединения, входящие в состав армий прикрытия планировалось отмобилизовать в два эшелона. Сроки готовности первого эшелона к выступлению в поход определялись в пределах от 2 до 6 часов. Время отмобилизования второго эшелона — на 2—3-и сутки мобилизации. Армии прикрытия при переходе на штабы военного времени должны были получить до 25—30% личного состава.

Очень плохо обстояло дело в тыловых частях и учреждениях. В дивизиях приграничных округов некомплект личного состава в тыловых частях составлял около 50%. Личный же состав тыловых частей и учреждений фронта в кадрах вообще не состоял и был приписан из запаса со сроком прибытия на 15-е сутки мобилизации. Обеспеченность тыла транспортом не превышала 30%, а в стрелковых дивизиях — 30—50%.

Итак, из 303 дивизий, которые должны были отмобилизовываться по плану МК-41, 172 дивизии имели сроки полной готовности на 2—4-е сутки, 60 дивизий — на 4—5-е сутки, а остальные — на 6—10-е сутки мобилизации. Все оставшиеся боевые части, фронтовые тылы отмобилизовывались на 8—15 суток. Полное отмобилизование вооруженных сил предусматривалось в течение месяца*1.

Неблагоприятные условия и весьма сжатые сроки не позволили полностью закончить разработку окружных мобилизационных планов к началу войны. В Минском, Смоленском, Белостокском областных и в трех районных военкоматах, а также в ряде частей и соединений сроки работ по составлению мобпланов не выдерживались. Заявки на перевозки специалистов в Западном округе, начальствующего состава запаса в Киевском округе составлялись без учета мобилизационной потребности*2. Проверка 12 июня 1941 г. показала, что приписка военнообязанных к частям Прибалтийского военного округа в военных комиссариатах г.Москвы и Московской области была проведена неудовлетворительно*3.

Таким образом, в мобилизационном планировании, так же

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2245, д. 83, л. 86—92.

*2 Там же, ф. 133, оп. 2729, д. 7, л. 26

*3 Там же, д. 8, л. 247—248.

как и в оперативно-стратегическом были допущены существенные просчеты, а в его реализации — большие недостатки. Планы исходили из устаревших взглядов на начальный период войны, не учитывали возможности государства. Все это привело к снижению боеспособности войск, к крупным поражениям Красной Армии в начале войны.

2. ИНФОРМАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

В конце 1939 г. министерство иностранных дел Германии выпустило в свет “Белую книгу”. В ней была опубликована запись беседы Гитлера с послом Великобритании в Берлине Гендерсоном. “В отличие от предыдущей войны, Германии не придется воевать на два фронта, — заявил канцлер Германии. — Соглашение с Россией безоговорочно и означает поворот во внешней политике Германии на долгое время. Россия и Германия ни при каких обстоятельствах не поднимут больше оружия друг против друга”, — заключил он*1.

Почти в то же время, когда появилась эта книга, 23 ноября 1939 г. Гитлер выступил на совещании руководителей вермахта. Так он тянул иную ноту. “Целью моей, — сообщил он своим генералам, — являлось установление разумных пропорций между численностью нации и ее жизненным пространством. А этого можно добиться только путем борьбы... Сегодня мы ведем борьбу за нефтяные источники, за каучук, полезные ископаемые и т.д.”. Рассуждая о последовательности завоевательных планов, фюрер заметил: “Мольтке одно время склонялся к превентивной войне, стремясь использовать более медленное проведение мобилизации русскими.. После смерти Мольтке была упущена масса удобных случаев. Решения возможно было добиться лишь путем нападения на ту или иную страну при самых благоприятных условиях... Я долго колебался при решении вопроса, где мне следует сначала выступить — на Востоке или на Западе... Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе”, — сказал он руководителям вермахта*2.

Содержание этой речи вскоре стало известно Сталину. Из него он сделал вывод, что война с Германией неизбежна, но что она выступит против СССР только тогда, когда завоеует нефть и закончит войну с Англией, чтобы закрыть западный фронт. Этот

---

*1 Военно-исторический журнал, 1940. № 2, с. 51.

*2 “Совершенно секретно! Только для командования! М., 1967, с. 76—78.

вывод он довел до сведения своего окружения и тех руководящих лиц, которые поставляли разведывательную информацию.

Зная из предыдущего раздела оперативно-стратегические и мобилизационные документы, небезынтересно проследить, как официальный орган наркомата обороны СССР газета "Красная звезда" информировала и готовила к грядущим боям своих читателей.

В отличие от германских газет, которые по указанию Гитлера называли 1941-й год "Годом великих решений", передовая статья "Красной звезды" за 1 января озаглавлена: "Год великих побед". Проанализировав вопросы внутренней и внешней политики советского государства, анонимный автор заключает: "Международная обстановка не сулит человечеству успокоения. Наоборот, зарю нового года заволкли черные тучи еще более ожесточенной борьбы на фронтах второй мировой империалистической войны. Мы должны быть начеку!"

В газете приведены исторические слова А.В. Суворова: "Далеко шагает! Пора, пора унять молодца!", сказанные им по поводу успешных походов Наполеона. Эти слова, естественно, направлялись в адрес Гитлера — "продолжателя дела Наполеона", каковым он себя считал.

5 января сообщалось, что "в начале марта в Москве состоится Всесоюзное совещание оборонных писателей. Вчера оборонная комиссия Союза советских писателей обсудили ряд вопросов, связанных с созывом совещания... Комиссия обсудила также вопрос о военной учебе писателей. Решено создать при клубе писателей годичный военный факультет. Лекторский состав приглашается из военных академий. Закончившие факультет товарищи получают квалификацию военного корреспондента".

Периодически в газете публиковались статьи под заголовком "Международный обзор" за подписью "Наблюдатель". Это означало, что в них выражались официальные указания, исходившие из Главного управления пропаганды (впоследствии Главпура) РККА "Уже первые дни 1941 года ознаменовались событиями, показывающими, что воюющие державы интенсивно готовятся к дальнейшему расширению войны, — отмечается в статье от 9 января. — Германия, сохраняя в своих руках инициативу действий на Западе, будет добиваться победы раньше, чем ее противник мог бы существенным образом усилить свою оборону с помощью США... Характерно, что в последнее время с германской стороны все подчеркивается значение морского фактора для грядущих событий... Внимание широкой печати привлекло сообщение итальянского агентства Стефони о том, что в Италию прибыл германский авиационный корпус для участия в воздушных операциях в зоне Средиземного моря". Этим сообщением читателю навязывался вы-

вод, что в 1941 году рамки войны Германии с Англией будут расширяться.

22 января газета сообщила о состоявшемся накануне торжественно-траурном заседании в Большом театре, посвященном 17-й годовщине со дня смерти Ленина. На заседании присутствовали все члены Политбюро во главе со Сталиным. С докладом выступил секретарь МК и МГК ВКП(б) А.С.Щербаков. Он сказал: "Опираясь на свою хозяйственную и оборонную мощь, СССР ведет ни от кого независимую политику, которая исходит только из интересов советской страны. Чтобы обезопасить нашу родину от опасности военного нападения — следуя завету Ленина — Советская власть создала могучую Красную Армию, оснастила ее новейшей техникой и обеспечила советскому народу мирный труд...

Но страна социализма, — подчеркнул далее любимец Сталина, — растет и развивается в условиях капиталистического окружения. Мы не можем безучастно смотреть на то, что происходит за советскими рубежами. Международная обстановка сейчас особенно сложна и чревата всякими неожиданностями. В этих условиях необходимо проявить усиленную бдительность к делу внешней безопасности и к укреплению всех наших позиций. Поэтому интересы обороны страны во всей нашей работе должны стоять на первом месте, — подчеркнуто в докладе, как и всегда подготовленном коллективно и утвержденном Политбюро. — вот почему никто не имеет права самоуспокаиваться, быть беспечным, почивать на лаврах".

В последний день первого месяца рокового года были опубликованы выдержки из речи Гитлера, произнесенной накануне: "Гитлер заявил: прошедший год уже решил исход войны. Мы создали определенные базы, и когда придет час, замахнемся для решительного удара". Далее, судя по комментариям, он разглагольствовал о намерениях английского руководства: "Они может быть надеются на другие государства, которые они могли бы еще втянуть в войну. Я могу только заверить их: мы учли всякую возможность такая только мыслима". Далее Гитлер заявил, что военная мощь Германии за последнее время возросла. Этой весной, сказал он, начнется война подводного флота. В заключение, выразил уверенность в победе вооруженных сил Германии.

6 февраля "Наблюдатель" заключил: "Что касается ближайших стратегических планов держав оси, то большинство политических и военных наблюдателей сходятся в том, что основное внимание генеральных штабов Германии и Италии в данное время концентрируется на развертывании операций в бассейне Средиземного моря".

Эта дезинформация, с целью введения в заблуждение советского политического и военного руководства извергалась из уст

Гитлера на собрании, посвященном 21-й годовщине со дня основания национал-социалистской партии. 25 февраля "Красная звезда" отвела ей большое место. Остановившись на перспективах борьбы против Англии, Гитлер заявил: "Наша борьба на море только теперь может быть начата. Мы никогда не ставили себе таких целей: 1 марта, или 1 июня, или 7 сентября должно произойти то-то или то-то. Это знают только журналисты наших врагов. Во время войны они неоднократно предсказывали поражение Германии. Осенью они говорили: если теперь не произойдет высадка войск, то все будет в порядке; весной 1941 года Англия начнет наступление на континент. Я продолжаю ждать этого английского наступления. Они перенесли его в другое место. Мы должны их бить там, где мы их найдем, куда были они ни направлялись. Мы застанем их там, где удар будет для них наиболее уничтожающим".

Много внимания в речи Гитлера было уделено усилению мощи вооруженных сил. "В результате проведенных мероприятий, — подчеркнул он, — организация и вооружение германской армии значительно усилились. 1918 год никогда не повторится." Скончавшийся 4 июня 1941 г. в Голландии бывший германский кайзер Вильгельм II, о чем также сообщила "Красная звезда", не смог уличить Гитлера во лжи. "Нам предстоит новый год борьбы, — сказал в заключение Гитлер. — Мы знаем, что он принесет с собой великие решения (великие решения были уже приняты в декабре 1940 г. — прим. наше. В.А.), и с уверенностью смотрим в будущее".

В тот же день, газета сообщила, что "на собрании чернорубашечников в Риме выступил с речью Муссолини: "чтобы ни случилось, победа держав оси обеспечена и Италия пойдет с Германией до конца".

4 апреля "Красная звезда" уведомила читателей о том, что "в этом году выпускается большое количество киноплёночных диапозитивов на оборонные темы... В новую военно-историческую серию, выпускаемую в текущем году, войдут очерки о жизни и боевой деятельности великих русских полководцев Кутузова, Багратиона, Суворова." Багратиона газета ставила в один ряд с Суворовым и Кутузовым, конечно же, в угоду Сталину.

Много внимания в газете во второй неделе апреля было уделено визиту министра иностранных дел Японии Иосуге Мацуока и заключению "Пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией." 13 апреля Мацуока выехал из Москвы. На Ярославском вокзале его провожали заместитель министра иностранных дел С.А.Лозовский и другие работники МИДа. Среди провожавших были и послы некоторых держав, в том числе Шуленбург с военным аташе полковником Кребсом. "Перед отходом поезда, — указы-

васт газета, — на вокзал приехали тов. И.В.Сталин и Председатель Совнаркома СССР и Народный комиссар иностранных дел тов. В.М.Молотов, которые попрощались с г.Мацуока.”

За этим скупым сообщением скрывался небывалый в дипломатической практике и в Международной жизни факт, чтобы лидер политической партии, а по существу и глава государства — диктатор страны провозжал министра другой державы. Такого случая в жизни Сталина никогда больше не было, ни до, ни после. Он свидетельствовал о том, какое важное значение в той сложной международной обстановке советские руководители придавали заключению пакта о нейтралитете с дальневосточным соседом. Более того, Сталин, воспользовавшись случаем, подошел к Шуленбургу и Кребсу, пожал им руки и заверил в верности советско-германскому договору.

Вся иностранная печать, с помпой сообщает “Красная звезда” 15 апреля, широко откликнулась на заключение советско-японского пакта о нейтралитете. Отмечая активность дипломатии Советского Союза, газета “Афтонбладет” (Швеция) заявляет: “Новый пакт можно назвать подлинным триумфом Сталина”.

На следующий день было опубликовано, поступившее из ТАСС сообщение о том, что “английская печать продолжает уделять большое место и внимание пакту о нейтралитете между СССР и Японией. Английское министерство информации передает, что этот пакт расценивается английской печатью как новое подтверждение (первое — заключение договора о дружбе и ненападении с Югославией до вторжения туда германской армии. — Прим.наше. В.А.) самостоятельной позиции Советского Союза и как признание СССР и Японией необходимости добрососедских отношений”.

Передовая статья “Красной звезды” 30 апреля была озаглавлена “Большевистские лозунги борьбы и побед” и посвящена первомайским призывам партии. “За советскими рубежами, — указывалось в ней, — пылает пожарище второй империалистической войны. Международная обстановка чрезвычайно сложна и чревата опасностями... Вся советская страна, объединив свои усилия, работает над укреплением мощи Родины. Забота о неустанном повышении обороноспособности социалистической отчизны, — подчеркивается в передовице, — красной нитью проходит через первомайские лозунги. Иначе и не может быть, ибо защита родины, укрепление ее вооруженных сил — высший закон нашей жизни”.

4 мая газета была заполнена материалами о параде войск на Красной площади и праздновании дня 1 мая. На первой странице большое фото трибуны Мавзолея Ленина, из которого мы узнали, что между Сталиным и Молотовым стоял советский полпред в Германии Деканозов. Во время речи наркома обороны мы долго всматривались, гадая, кто бы это мог быть. Но выяснили лишь

по надписи под фотографией. Подобного факта никогда не было, так как по статусу там положено было быть членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК и высшим военным руководителям. Конечно этим фактом Стали хотел показать особую значимость в тот напряженный момент советско-германских отношений. Но вместе с тем этот эпизод говорил и о его особом расположении к Деканозову — выдвиженцу Берии и вместе с ним расстрелянному в 1953 году.

По поручению партии и правительства на параде выступил нарком обороны С.К.Тимошенко. “В этом году трудящиеся нашей страны и всего мира, — отметил он, — встречают Первое Мая в исключительно сложной международной обстановке...Советский Союз стоит вне войны, борется против ее расширения... Мы стоим за мир, за укрепление дружественных, добрососедских отношений со всеми странами, которые стремятся установить такие же отношения с Советским Союзом.

Однако, большевистская партия, Советское правительство и весь наш народ, — продолжал маршал, — ясно учитывают, что наша страна находится в капиталистическом окружении, что международная обстановка сильно накалена и чревата всякими неожиданностями. Поэтому весь советский народ, Красная Армия и Военно-Морской Флот должны быть в состоянии боевой готовности...

Товарищи! — сказал в заключение нарком. — Будьте бдительны, неустанно овладевайте военным делом, с удесстеренной энергией на всех участках социалистического строительства крепите экономическое и военное могущество нашей прекрасной Родины!”

Словно назлектризованные, слушали мы речь Тимошенко, стоя в парадных расчетах на Красной площади. Этот последний предвоенный парад у всех его участников оставил глубокий след. В эти дни нам больше, чем когда бы то ни было, казалось, что война близка.

5 мая “Красная звезда” сообщила о том, что накануне Гитлер выступил на заседании рейхстага с заявлением правительства о ходе войны. В заключение он “призвал население Германии к увеличению производства вооружения и выразил уверенность в победе”.

Как видно из этих материалов, та и другая сторона проявляет воинственность, призывает народ к гонке вооружения и выражает уверенность в победе.

21 мая вместо передовицы “Красная звезда” напечатала редакционную статью: “Внимание к учебным сборам запаса рядового и младшего начальствующего состава”. “На днях начались на основании приказа НКО очередные учебные сборы запаса, — ука-

зывалось в ней. — В частях Красной Армии развертывается переподготовка призванного рядового и младшего начальствующего состава запаса...

В армию вольются целые сотни тысяч бойцов, знающих старую материальную часть, но не вполне еще знакомых с новой материальной частью. Задача кадров Красной Армии состоит в том, — указывалось, конечно же, руководством наркомата обороны, — чтобы дать возможность этим сотням тысяч бойцов овладеть новой военной техникой в короткий срок”.

2 июня газета уведомила читателей о том, что “Гитлер и Муссолини встретились сегодня в Бреннере и в присутствии Риббентропа и Чиано в течение нескольких часов беседовали о политическом положении”.

С этого времени и до 14 июня газета словно умолкла. Никаких настораживающих публикаций не было.

И вдруг, начиная с Нового года и до конца мая, после заклиний о том, что живем в исключительно сложной международной обстановке и призывов о бдительности и “быть начеку”, 14 июня в центральных газетах появляется успокаивающее и притупляющее бдительность народа “сообщение ТАСС”. Ввиду особой важности этого документа, отредактированного самим Сталиным и раскрывающего его стремление во чтобы то ни стало предотвратить в 1941 году войну, приводим его полностью.

”Сообщение ТАСС.

Еще до приезда английского посла г.Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о “близости войны между СССР и Германией”. По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли

иметь место; 2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по меньшей мере нелепо”.

В течение последующей недели, вплоть до начала войны, никаких настораживающих сообщений в “Красной звезде” не было. Как гласит пословица: “Тишь да гладь — Божья благодать”.

Не трудно представить, какой огромный вред был нанесен нашей стране этим сообщением, опубликованным за несколько дней до войны. Ведь оно дезинформировало советских людей, невольно усыпляло бдительность, настраивало войска на мирный лад.

Такой вот информацией питала советских людей, в том числе и воинов, официальная открытая пресса наркомата обороны. А какая же информация поступала Сталину и другим руководителям страны и вооруженных сил по закрытым каналам из разведывательных органов? Сталин получал, как потом стало известно, правдивую информацию, но не верил сообщаемым в ней фактам, так как они не соответствовали сложившейся у него точки зрения о намерениях и действиях Гитлера.

Вот ведь какой парадокс: все усилия после советско-финляндской войны, как свидетельствуют исторические документы, Сталин направлял на подготовку к отражению фашистской агрессии, верил в неизбежность войны с Германией и в то же время допустил грубейшую ошибку в оценке времени возможного нападения, что позволило врагу достичь внезапности.

Немецкое командование придавало внезапности решающее значение. В памятной записке “Об основном замысле операции против России”, составленной начальником оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск генералом Ф.Паулюсом 29 октября 1940 г., указывалось, что для достижения решающего превосход-

ства немецких войск в силах и средствах над Красной Армией необходимо достижение внезапности вторжения. В плане "Барбаросса" подчеркивалось: "Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны". "Предполагалось, — заметил впоследствии бывший начальник разведывательного отдела генерального штаба генерал К.Типпельскирх. — что русские войска не смогут отразить внезапных ударов немецких армий".

С целью введения советского политического и военного руководства в заблуждение был издан ряд документов, в том числе директива начальника штаба верховного Главнокомандования фельдмаршала В.Кейтеля от 15 февраля 1941 г. Сосредоточение войск на востоке представлялось в ней "в свете величайшего в истории дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию".

На заблуждение Сталина, от которого, как известно, зависело все, изначально повлияло дошедшее до него вышеуказанное заявление Гитлера от 23 ноября 1939 г. На сложившуюся у него точку зрения легко "укладывались" дезинформационные мероприятия немцев. Из обширной информации, поступавшей в Разведывательное управление Генерального штаба генералу Ф.И.Голоикову, наркому Военно-Морского Флота адмиралу Н.Г.Кузнецову, народному комиссару государственной безопасности Л.П.Берия и в наркомат иностранных дел, и регулярно докладываемой Сталину, он как бы избирательно извлекал те факты, которые подкрепляли его вывод.

А такие факты имели место в донесениях источников. "В связи с успешным продвижением войск в Ливии, — сообщал 17 апреля из Берлина агент НКГБ, — африканские победы стоят в центре внимания. настроение кругов, ратующих за нападение на Советский Союз, несколько утихло, так как они получили новые надежды выиграть войну с Англией". 24 апреля тот же агент сообщает: "В настоящее время генштаб авиации почти полностью прекратил разработку русских объектов и интенсивно ведет подготовку к акции, направленной против Турции, Сирии и Ирака. Акция против СССР, кажется, отодвинута на задний план".

Вполне возможно, что на Сталина оказывала определенное воздействие и пресса. После "триумфального шествия" германской армии по Западной Европе зарубежная пресса пестрила догадками, куда направится она позже. Германское руководство решило использовать мутный поток пропаганды для разного рода провокационных измышлений и инсинуаций. Немецкие агенты в зарубежных странах по заданию Берлина фабриковали "факты" о приготовлениях СССР к нападению на Германию и публиковали их в газетах. Эти выдумки, как "достоверные сведения" переда-

вались из одной страны в другую. Публиковались действительно достоверные факты, в которые уже трудно, как казалось, было не верить.

Но он — Сталин — верил в самого себя, в свою прозорливость и мудрость и сложившуюся точку зрения о том, что Германия, не закончив войну с Англией, на СССР не нападет, навязал другим. Поэтому они до поры до времени поддакивали ему в этом. Одним из наиболее ярких примеров такой позиции является докладная записка Голикова на имя Сталина от 20 марта 1941 г., озаглавленная “Высказывания и варианты возможных боевых действий германской армии против СССР”. Ниже приводим выдержки из этого большого по объему документа.

“За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся, якобы, нападении Германии на Советский Союз... Из наиболее вероятных вариантов действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:...

Вариант № 3, по данным нашего агентурного источника на февраль 1941 года: “Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петроград; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштедт — в направлении Москва и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб — в направлении Киев. Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая”.

По сообщению нашего военного атташе от 14.3 из Румынии, упорно рассматриваются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил “Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой”. Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начало которой следует ожидать через три месяца. Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР и прежде всего Украину.

По сообщению нашего военного атташе из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что

наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки.

Начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Голиков".

20.3.41 г.

На обороте последней страницы машинописной копии было указано: "Один экземпляр этого документа, но не первый, имеется в ГРУ. Он не подписан. Не исключена возможность, что подлинник кому-либо передавался или первый экземпляр представлен лично".

Обнаружив в архиве Генерального штаба этот ценный документ, в котором впервые был изложен замысел плана "Барбаросса" с указанием, хотя и ошибочно, даже командующих группами армий, я решил рано или поздно, когда спадут цензурные и другие препоны, ввести его в научный оборот. Но для этого нужно было искать подлинник или получить подтверждение у, к счастью здравствующего еще тогда исполнителя, уже Маршала Советского Союза Ф.И.Голикова. Не найдя подлинника, в 1965 г. обратился к находившемуся же в архиве Голикову. Состоявшийся диалог привожу почти полностью.

— Товарищ маршал! Помнити ли Вы свою докладную записку Сталину от 20 марта 1941 года?

— Как же, хорошо помню. Ведь в ней были изложены факты, которые потом подтвердились.

— Вот именно. А как Сталин отнесся к ним?

— Он их оценил так же, как и я.

— Почему Вы сделали вывод, который отрицал вероятность осуществления изложенных планов Гитлера? Вы сами верили этим фактам или нет?

— А вы знали Сталина?

— Я видел его на трибуне Мавзолея Ленина, когда стоял в парадных расчетах.

— Ну вот, а я ему подчинялся, докладывал и боялся его. У него сложилось мнение, что пока Германия не закончит войну с Англией, на нас не нападет. Мы, зная его характер, подстраивали свои заключения под его точку зрения.

А что это действительно было так, я подтверждаю ниже другими документами.

Характерно, но факт, что этих сведений не знал начальник Генерального штаба. Увидев у меня в рукописи будущей книги "Бессмертный подвиг" этот документ 26 мая 1965 г., он удивился.

На мой вопрос: "Почему?" он ответил, что Голиков ему не подчинялся, он докладывал напрямую Сталину и некоторые материалы сообщал Тимошенко. Но об этом документе он, по-видимому, не сообщил и ему, так как нарком, как правило, делился со мной получаемой информацией, сказал Георгий Константинович.

После балканского похода в апреле многим казалось, что Германия устремится в страны Ближнего Востока. Контрудар африканского корпуса генерала Э.Роммеля по английским войскам, нанесенный также в апреле, приблизил военные действия к границам Египта. В это же время оказался под угрозой контроль англичан над Ираком. Ходили упорные слухи о предстоящем вторжении немцев в Сирию. На сирийских аэродромах в апреле приземлилось около ста немецких и двадцать итальянских самолетов.

Руководители США и Англии, видя из разведывательных данных, получаемых ими о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, также решили поделиться этой информацией со Сталиным. Первое сообщение было сделано в начале 1941 г. заместителем государственного секретаря США С.Уэллесом в беседе с советским послом в Вашингтоне.

19 апреля 1941 г. посол Великобритании в Москве сэр Стаффорд Криппс направил письмо заместителю народного комиссара иностранных дел А.Я.Вышинскому, к которому приложил личное послание премьер-министра У.Черчилля на имя Сталина следующего содержания: "Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко оценит значение этих фактов"¹.

Как указывает английский журналист Иан Колвин, эти сведения английская разведка получила от начальника абвера адмирала Канариса².

Но где там Сталину было оценить "значение этих фактов", если он к своим то разведчикам относился с недоверием и подозрительностью, считая, что там еще сидят "враги народа". У него было свое собственное и, как ему казалось, непогрешимое мнение.

---

^{*1} Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957, т. I, с. 391.

^{*2} Иан Колвин. Двойная игра. Перевод с английского. М., 1960, с. 237.

“Когда я просил его дать разрешение на приведение войск западных приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал мне тогда маршал Жуков, — он подвел меня к карте и, показав на Ближний Восток, заявил: вот куда они (немцы) пойдут”.

Оккупация немцами Балкан, захват острова Крит — ключа к Эгейскому морю, наступление корпуса Роммеля в Ливии, усиленные действия германских агентов в Ираке, Сирии и Иране — все это давало определенные основания для вывода о том, что следующим объектом агрессивных устремлений Германии станет Ближний Восток. Поэтому Сталин и не хотел верить никаким источникам.

Рихард Зорге одним из первых еще 18 ноября 1940 г. сообщил о начале подготовки Германии к войне против СССР. Весной 1941 г. он неоднократно доносил в Москву об этом. 2 мая Зорге со слов германского посла в Японии Отта, от которого он и получил информацию, будучи с ним в доверительных отношениях, информировал центр: “ 1. Гитлер решительно настроен начать войну и разгромить СССР, чтобы получить европейскую часть СССР в качестве сырьевой и зерновой базы. 2. Критические сроки вероятного начала войны: а) завершение разгрома Югославии; б) окончание сева; в) завершение переговоров Германии и Турции. 3. Решение о начале войны будет принято Гитлером в мае”.

Игнорировал Сталин и это сообщение. К сожалению, не проявляли необходимой настойчивости во время докладов ему разведывательной информации и отвечающие за это лица. Более того, из-за боязни быть репрессированными они, зная сложившееся мнение Сталина о намерениях Гитлера, из достоверной информации продолжали делать удобные ему выводы. В подтверждение этого привожу следующий документ.

6 мая 1941 г.

ЦК ВКК(б)

№ 48582сс

Тов.Сталину И.В.

Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит:

“Советский подданный Бозер (еврей, бывший литовский подданный) сообщил помощнику нашего моратташе, что со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадки парашютных десантов в приграничных центрах..”.

Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу, с тем чтобы дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР.

Адмирал Кузнецов

Отпечатано 4 Экз.

Экз. № 1 — т.Сталину

Экз. № 2 — т.Молотову

Экз. № 3 — т.Жданову

Экз. № 4 — в дело

На экз. № 3 этого сообщения,
возвращенного из ЦК ВКП (б)

имеется запись: "Вернуть.

Тов. Жданов ознакомлен.

6.V.41 г. А.Куз".

Угодную Сталину информацию, по словам Жукова, направлял и полпред в Германии В.Деканозов. На приемы, часто устраиваемые им, регулярно приходили два человека: статс-секретарь министерства иностранных дел Мейснер, дипломат "старой школы", но близко стоявший к Гитлеру, и отставной дипломат, слывший доверенным лицом Риббентропа граф фон Чайковски. Они без устали твердили о необходимости дальнейшего улучшения советско-германских отношений, заявляя при этом, что руководители третьего рейха дено и ночью только и пекутся о том, чтобы наши отношения были тесными и искренними. В начале июня Мейснер "доверительно" сообщил, что в имперской канцелярии разрабатываются новые предложения по укреплению советско-германской дружбы, которые будто бы Гитлер вскоре представит Москве.

Цель подобного рода информации — очевидна. Заключение из нее и направлял Деканозов Сталину.

По-видимому, точку зрения Сталина на невозможность войны между СССР и Германией пока не будет закончена война с Англией, Молотов довел до сведения полпредов в Западных странах. Получая достоверную информацию, они относились к ней с подозрением. Кроме Деканозова так поступали А.Е.Богомоллов — полпред во Франции, И.М.Майский в Англии. Характерно в этом отношении беседа Майского с С.Криппсом, состоявшаяся в Лондоне 21 июня 1941 г. Запись этой беседы на имя Сталина и Молотова была получена Москве в 11 часов 22 июня.

"1. Ко мне сегодня заезжал Криппс, — сообщал полпред, — и сообщил следующее: Так как он продолжает быть твердо уверенным, что вооруженный конфликт между СССР и Германией неизбежен в ближайшие дни, повторяю в ближайшие дни (в обоснование Криппс опять повторил примерно то, что говорил мне уже на днях), то он считает своим долгом принять все необходимые меры для того, чтобы в случае такого конфликта тесный контакт между Англией и СССР был установлен с первого же момента и чтобы британское правительство могло без всякого промедления оказать СССР ту помощь, о которой Иден говорил мне 13 июня...

2. Далее Криппс задал мне вопрос: согласно ли было бы Советское правительство в указанном случае (т.е. в случае нападения Германии) вступить в контакт с Англией? Или же оно предпочло бы действовать самостоятельно? Я ответил, что ничего

не могу сказать по этому поводу. Тем более, что вся картина, которую только что нарисовал передо мной Криппс, кажется мне более, чем гипотетической. И далее я развил Криппсу ряд соображений, по которым я по-прежнему считаю германскую атаку на СССР очень маловероятной... Криппс полагает, что выступление Германии против СССР произойдет, вероятно, около 29 июня. На мой вопрос: почему именно 29 июня? — Криппс ответил, что Гитлер любит атаковать своих противников по воскресеньям^{*1}.

Так отреагировал наш полпред на сообщение английского посла в СССР.

Подобные выводы дипломатических и военных деятелей подкрепляли уверенность Сталина в возможности предотвращения войны в ближайшее время. Кстати, существует версия, что будто бы Шуленбург сообщил Деканозову во время беседы 5 мая в Москве точную дату германского нападения на СССР. Однако в обстоятельной записи этой беседы, составленной в тот же день присутствовавшим там заведующим отделом Центральной Европы НКВД СССР В.Павловым, и намек на это нет. Более того, из этой записи явствует, что главной целью встречи был обмен мнениями о том, что необходимо предпринять, чтобы “пресечь слухи” о войне Германии с СССР. Посольство получило “указания из Берлина категорически опровергать всякие слухи о предстоящей войне”. “В течение этой части беседы, — указывается в записи, — Шуленбург несколько раз повторял мысль, что следует что-то предпринять, чтобы пресечь слухи”.

Таким образом, данные Шуленбурга были тоже дезинформацией. Об этой беседе Деканозов, безусловно, проинформировал Сталина, направив ее содержание в нужное русло.

Но в связи с сосредоточением и развертыванием германских войск у наших границ, напряжение нарастало и стало вселять смелость в должностных лиц. Они решились представлять только факты без своих выводов.

19 мая Зорге сообщил в Москву, что “против СССР будет сосредоточено 9 армий из 150 дивизий. И как бы в подтверждение этого донесения 1 июня Голиков доложил Сталину, что на западных границах СССР немецкое командование сосредоточило 122 дивизии и примерно по 16 дивизий выдвинули к границам СССР Финляндия и Румыния.

В то же время Деканозов по-прежнему дезинформировал Сталина. Так, 4 июня он сообщил, что Гитлер в сопровождении Кейтеля посетил свою новую ставку на Востоке. “Все эти поездки, —

---

^{*1} Архив Президента РФ. Ф. 3, оп. 64, д. 341, с. 149—152.

писал он, — были, по существу, политической демонстрацией, направленной, в частности, на поддержание слухов о войне с СССР”.

Представил свой документ и Кузнецов, но также как и Голиков, уже без своих выводов.

11 июня 1941 г.
№ 48604сс

Председателю Совета Народных Комиссаров
Союза СССР тов. Сталину И.В.

Докладываю донесение нашего сотрудника, полученное из Бухареста:

1. Из офицерских кругов известно, что по румынской армии и авиации отдан приказ — на 15 июня быть готовым к наступательным операциям. Судя по Бухаресту, подготовка к военным действиям проводится очень интенсивно. К указанному сроку, однако, румыны готовы не будут. В отношении немцев вывод сделать затруднительно.

2. Воевать против Советского Союза даже румынские военные не хотят. Народ, и это истина, настроен против всякой войны.

3. Движение румыно-германских войск, и особенно артиллерийских частей на север Румынии продолжается.

Адмирал Кузнецов

За неделю до вторжения немцев Сталину доложили точный день начала войны. “Война будет начата 22 июня”, — донес в Москву 15 июня неутомимый Рихард Зорге. На следующий день этот же срок нападения, полученный из других источников, с трепетом и волнением докладывал Сталину Голиков. Для волнений были основания.

В связи с тем, что Гитлер, в силу ряда причин, в том числе и из-за похода на Балканы, неоднократно переносил сроки нападения на СССР, Сталину, как свидетельствуют и выше приведенные документы, называли 14 и 15 мая, 20 и 21 мая, 15 июня и, наконец, 22 июня. “Как только не подтвердились первые майские сроки вторжения, — сказал мне Голиков, — Сталин окончательно уверовал в то, что Германия не нападет в 1941 году на СССР, если ее не спровоцируют, а к нашим докладам стал относиться с еще большим недоверием и подозрительностью. За правдивые и, как впоследствии подтвердилось, достоверные сведения нам устраивался “разнос”.

Я привел лишь небольшую часть поступавших Сталину сообщений и данных о подготовке Германии к нападению на СССР. Ему докладывали о десятках случаев перелетов германскими самолетами границы в целях фотографирования и даже “вынужденной” посадки на наших аэродромах, об участвовавшем переходе вражеской агентуры через границу и др. 19 июня адмирал Кузнецов

сообщил, что в период с 4 июня по сегодняшний день весь аппарат (7 человек) военно-морского атташе Германии выехал из СССР.

Но ничто не могло убедить его в том, что война для СССР неотвратима. Даже отсутствие реакции германского руководства на сообщение ТАСС, опубликованное 14 июня, а накануне вечером сообщенное Молотовым Шуленбургу, не отвело его от заблуждения. Поэтому он угрожающе требовал от Тимошенко и Жукова: не давать своими распоряжениями и подготовительными мероприятиями, проводимыми в Центре и, особенно, в приграничных военных округах, повода для провокации.

3. НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Вывод Сталина о возможности избежать войны с Германией в 1941 г. и его жесткое требование не дать повода для провокации наложили печать на все мероприятия по подготовке народа и армии к отражению агрессии. Изучение имеющихся документов показывает некую “раздвоенность” в действиях советского политического и военного руководства в последние мирные месяцы. С одной стороны, признавалось, что война неизбежна и что противник ведет уже подготовку к нападению на СССР, с другой — стремление отодвинуть сроки войны тормозило ход подготовки к отражению агрессии.

С февраля 1941 г. наркомат обороны и Генеральный штаб имели данные о развертывании трех армейских групп, имеющих целью нанесения ударов в направлении на Ленинград, Москву и Киев. Энергично взявшийся за исполнение служебных обязанностей Жуков добился разрешения Сталина на осуществление ряда мероприятий по подготовке армии к решению задач предстоящей войны.

В феврале-марте получила дальнейшее развитие программа по развертыванию Красной Армии. Перестройкой были охвачены все ее структурные элементы. Реорганизация и организационное укрепление армии потребовали величайшего напряжения и колоссальной работы штабов и войск.

Особо резко возросло количество мобилизационных мероприятий в Западном и Киевском особых военных округах. Одновременно переводились на новые штаты все бронетанковые войска, воздушно-десантные бригады, инженерные части, артиллерия РГК, а с апреля — стрелковые дивизии. Вместе с тем, в соответствии с оперативными планами осуществлялись их перегруппировки и передислокация.

Развертывание и доукомплектование механизированных и воздушно-десантных корпусов осуществлялось на базе боеспособных, слаженных бригад. Последние развертывались в более крупные,

но не доведенные до штатной численности формирования. В результате снижалась боеспособность прежних соединений. В этом деле были допущены серьезные просчеты. Гигантомания политического и военного руководства в строительстве Красной Армии весной 1941 г. явилась большой ошибкой. Вследствие этого Красная Армия не усилилась, а ослабла.

Так, в частности, получилось с танковыми бригадами и механизированными дивизиями, на базе которых формировались механизированные корпуса. Одновременное развертывание и формирование 29 механизированных корпусов, со штатной численностью свыше 1000 танков в каждом в короткие сроки привели не к повышению, а к снижению боеспособности армии.

В апреле-мае Генеральный штаб с разрешения Сталина начал проводить скрытное от мобилизации военнообязанных запаса под прикрытием "больших учебных сборов". Ставилась задача усилить войсковые части и соединения в 14 военных округах. Всего на учебные сборы до начала войны было призвано свыше 802 тыс. человек, что составляло 24% приписного личного состава по мобплану МП-41^{*1}. Это позволило усилить половину всех стрелковых дивизий (99 из 198), предназначенных в основном для действий на Западе. При этом состав стрелковых дивизий приграничных округов при штатной численности 14483 человек был доведен: 21 дивизия — до 14 тыс. человек, 72 дивизии — до 12 тыс. человек и 6 дивизий — до 11 тыс. человек.

Одновременно было поставлено из народного хозяйства в армию 26620 лошадей. Вместе с тем работа по повышению мобилизационной готовности приграничных округов не носила последовательного характера. Соединения и части не укомплектовывались до штатной численности автомобилями, тракторами, лошадьми. Их полная готовность к боевым действиям определялись временем поступления техники из народного хозяйства уже после начала войны.

В соответствии с рекомендациями Генштаба Главный военный совет, на котором присутствовал Сталин и дал добро этому мероприятию, принял решение на выдвижение войск второго стратегического эшелона армий резерва Главного командования. Эти действия явились началом стратегического выдвижения и развертывания группировок войск на театре военных действий.

С 13 по 25 мая поступили распоряжения Жукова о начале выдвижения и к западной границе трех армий (22, 21 и 16—1) из Уральского, Приволжского и Забайкальского военных округов.

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2245, д. 783, л. 111—112.

22-я армия в составе 6 дивизий выдвигалась в район Идрица, Себеж, Витебск со сроком окончания 1—3 июля. 21-я армия в составе 14 дивизий сосредоточивалась в районе Чернигов, Гомель, Конотоп с 17 июня по 2 июля, 16-я армия (12 дивизий) перебрасывалась 22 мая — 1 июня в район Проскуров, Хмельники. Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в назначенных районах с 1 июня по 10 июля.

Наряду с этим был разработан график переброски из Северо-Кавказского военного округа в район Черкассы, Белая Церковь 19-й армии со сроками сосредоточения к 10 июня.

Общий объем перевозок составлял 939 железнодорожных эшелонов. Растянутость выдвижения войск и поздние сроки сосредоточения определялись мерами маскировки и сохранения режима работы железных дорог по графику мирного времени. Поэтому к началу войны только 83 воинских эшелона прибыли в назначенные пункты, 455 находились в пути, а 401 эшелон (9 дивизий) еще не грузились^{*1}. Соединениям предписывалось иметь только часть запаса боеприпасов, горючего, продовольствия, предусмотренного мобилизационными планами.

Всего из внутренних округов в соответствии с планом стратегического развертывания началось выдвижение 28 дивизий, 9 управлений корпусов и 4 армейских управлений^{*2}. В это же время войска 20, 24 и 28-й армий готовились к передислокации. Выдвигаемые из глубины страны войска не были укомплектованы транспортом, не имели необходимых запасов боеприпасов, горючего, продовольствия.

Перед Тимошенко и Жуковым стояла сложнейшая проблема. С одной стороны, ими предпринимались попытки призвать часть транспорта из народного хозяйства, что нельзя было полностью скрыть, с другой — Сталин не хотел дать повода Германии для обострения в связи с этим отношений и тем самым не ускорить развязывание войны. Решение вопроса усложнялось также и тем, что изъятие транспорта из народного хозяйства ставило под угрозу проведение уборочной кампании.

Развертывание армии и флота потребовало увеличения численности командного и инженерно-технического состава. Учитывая опасную обстановку, Сталин одобрил предложение Тимошенко о досрочном выпуске курсантов училищ.

16 мая с большим опозданием, как указывалось выше, приграничные военные округа получили указания ускорить строи-

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 406, л. 104—119.

^{*2} Там же, д. 256, л. 1—3.

тельство укрепленных районов на новой границе. В тот же день Жуков разрешил войскам прикрытия держать боеприпасы непосредственно в законсервированных танках.

27 мая в целях повышения боевой готовности штабов к управлению войсками командующие западными приграничными округами получили приказ Тимошенко немедленно приступить к строительству командных пунктов фронтов и завершить его к 30 июля. Войскам ПВО страны предписывалось закончить к 15 июля 1941 г. оборудование командных пунктов и артиллерийских позиций.

С приближением срока вторжения противника усиливались его разведывательные действия. Только за первую половину 1941 г. было зафиксировано 324 случая нарушения границы немецкими самолетами, а за двое суток (20 и 21 июня) граница нарушалась 60 раз.

Наши самолеты иногда поднимались в воздух с целью предупреждения, но ни в коем случае не обстрела нарушителей. Находясь на приграничных аэродромах, советские летчики не имели возможности активно противодействовать нарушению противником нашей границы. Они получили строжайший приказ оружия не применять, а предлагать посадку самолетам — нарушителям “эволюциями” (покачиванием крыльев) своего самолета. Но это не оказывало никакого воздействия на немецких летчиков. Более того, нашим летчикам не разрешалось даже приближаться к границе. 1 июня при преследовании германского самолета, нарушившего границу СССР, советский истребитель увлекшись погоней перелетел границу в районе Августов (Западный военный округ) и около 5 минут находился над чужой территорией. Сообщая об этом случае в Генеральный штаб, Берия потребовал провести тщательное расследование этого факта.

В связи с этим 12 июня командующим приграничными округами было приказано: во избежание возможных провокаций запретить полеты нашей авиации в 10-километровой приграничной полосе. Это запрещение позволило немецким летчикам до такой степени обнаглеть, что за несколько дней до начала войны они по несколько раз в день перелетали границу с подвешенными бомбами и углублялись в наше воздушное пространство. В том же районе Августов только вечером 20 июня группы из 6—10 немецких самолетов трижды перелетали нашу границу с подвешенными авиабомбами и углублялись на 1,5—2 км*1.

С поступлением разведывательных данных о сроках нападения

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 208. оп. 2454, д. 26, л. 34.

Германии Сталин разрешил Тимошенко сосредоточить соединения второго оперативного эшелона западных приграничных округов в районах, предписанных планами прикрытия.

Директивой начальника Генштаба западным округам предписывалось с 12 по 15 июня скрытно вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к государственной границе*¹.

Так, в директиве Военному совету Киевского военного округа указывалось: "В целях повышения боевой готовности войск округа к 1 июля 1941 г. все глубинные дивизии с управлениями корпусов, с корпусными частями перевести ближе к государственной границе в новые лагеря. Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их к госгранице, в случае необходимости, может быть произведен только по моему особому приказу". Время с 10 по 15 июня являлось тем последним критическим рубежом, когда советские войска в случае принятия решения успевали перейти в состояние полной готовности с отмотилизованием и развертыванием соединений на театре военных действий.

Согласно директивы Военного совета Киевского военного округа стрелковым дивизиям, расположенным в глубине, предписывалось начать выдвижение в полном составе, но без мобилизационных запасов, в 20 часов 18 июня. Марш приказывалось совершать только ночью, каждый переход должен был составлять 40 км. Выдвижение было сильно осложнено большим некомплектом транспортных средств и средств механической тяги артиллерии. Многие дивизии не имели лошадей, чтобы можно было поднять всю артиллерию. "Когда я, — рассказывал мне генерал-полковник И.И.Людников, бывший командир 200-й стрелковой дивизии, — доложил начальнику штаба округа генерал-лейтенанту М.А.Пуркаеву, что дивизия не имеет необходимого количества лошадей, мне было сказано: "Артиллерию брать всю, но если у вас недостает артиллерийских лошадей, двигайте орудие перекатами". На мое возражение о том, что лошади физически не в состоянии будут передвигать артиллерию перекатами на таком большом расстоянии (около 400 км), последовало указание: "директиву выполнить и артиллерию всю взять в поход". В связи с этим пришлось всех строевых и верховых коней, которые никогда не носили на себе упряжи, использовать для этой цели".

В Западном военном округе письменных приказов стрелковым корпусам и дивизиям на выдвижение из глубинных районов ближе к границе не отдавалось. Командиры соединений получили устные

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 261, л. 20—22.

распоряжения от начальника штаба округа генерал-майора В.И.Климовских. Войска брали с собой все учебное имущество. Личному составу разъяснялось, что части идут на большие учения*1.

В то время как к середине июня противник завершал занятие исходного положения для наступления, наши стратегические и оперативные резервы находились в движении, войска прикрытия не были приведены в боевую готовность. "С 12 июня из дня в день просили мы с Тимошенко Сталина о том, чтобы он дал разрешение на приведение войск в полную боевую готовность, — говорил мне Г.К.Жуков, — но такого разрешения до позднего вечера 21 июня так и не получили".

К 15 июня более половины дивизий, составлявших второй эшелон и резерв западных военных округов, находились в движении. Всего к началу войны осуществляли выдвижение из резерва приграничных округов 32 дивизии. Из них успели сосредоточиться в новых районах 4—5 дивизий. Эти мероприятия проводились с особой осторожностью и соблюдением мер маскировки. Тимошенко, Жуков и командующие округами были предупреждены Сталиным о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск.

К тому же продолжал "подливать масла в огонь" вездесущий провокатор Берия. В начале июня Военный совет Киевского военного округа по предложению командующего М.П.Кирпоноса принял правильное и нужное решение о выводе части сил постоянных гарнизонов укрепленных районов в предполье с целью приведения в боевую готовность построенных там дерево-земляных огневых точек (ДЗОТ). Вскоре начальник пограничных войск НКВД Украинской ССР Строкач донес об этом своему наркому. Берия немедленно доложил об этом Сталину. Тот вызвал Тимошенко с Жуковым и устроил им "разнос", потребовав немедленно отменить это самочинное распоряжение. 10 июня Жуков направляет телеграмму Кирпоносу: "донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреватые всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение".

На следующий день все командующие западными приграничными округами получили строгое указание начальника Генштаба: "полосу предполья без особого на то приказанья полевыми и

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 208, оп. 355802, д. 1, л. 9.

УР-овскими частями не занимать, а охрану сооружений предполья организовать службой часовых и патрулированием". Вместе с тем было приказано срочно разработать план вывода и занятия по тревоге УР-овскими частями боевых сооружений укрепленного района, а полевыми войсками — сооружений предполья".

Нет данных, успели ли штабы округов составить и довести до исполнителей указанные планы, а что касается УР-овских частей и войск в указанных районах, то их к началу вторжения немцев там не было.

Командующие особыми военными округами Ф.И.Кузнецов, Д.Г.Павлов и М.Н.Кирпонос были даже вызваны по указанию Сталина в Москву и здесь от Тимошенко и Жукова получили строжайшие указания как о бдительности, так и о недопущении поводов для провокации немцев на вооруженное столкновение с нами. Прибывший в Москву между 10 и 14 июня начальник штаба 29-го стрелкового корпуса полковник П.Н.Тищенко вспоминал впоследствии: "В Генеральном штабе я застал не обычную тихую обстановку, а довольно большое оживление и, я бы сказал, некоторую нервозность. Там я встречал командующих войсками округов, командующих армиями, довольно оживленное движение офицеров по коридорам. Встретил я, между прочим, командующего 16-й армией Лукина М.Ф., приехавшего из Сибири".

Соблюдая меры предосторожности в условиях нарастающей угрозы нападения немцев, военное руководство продолжало проводить мероприятия по стратегическому развертыванию. С 14 по 19 июня военные советы западных приграничных округов получили указания к 22—23 июня вывести фронтовые (армейские) управления на полевые пункты. Так, 14 июня Черевиченко получил распоряжение выделить армейское управление с расположением его в Тирасполе. Оперативную группу возглавил начальник штаба округа генерал-майор М.В.Захаров.

В телеграмме Жукова от 19 июня Кирпоносу указывалось: "Народный комиссар обороны приказал: к 22.06.1941 г. управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное вам управление округа... Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа".*1.

Телеграммы аналогичного содержания Жуков в тот же день направил Кузнецову и Павлову. Фронтовое управление Северо-Западного фронта во главе с командующим округом должно было прибыть 22—23 июня в Паневежис, а Западного — в Обуз-Лесни.

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 48, оп. 3408, д. 14, л. 442—444.

Вывод фронтовых и армейских управлений осуществлялся с разрешения Сталина под предлогом проведения летних учений с войсками, о чем указывалось в "Сообщении ТАСС" 14 июня. Одесский военный округ, как замечено выше, должен был выделить только управление 9-й армии, которую предполагалось включить в Юго-Западный фронт.

20 июня Военный совет Одесского округа направил специальный доклад наркому обороны, в котором предложил создать Южный фронт на базе своего управления. Это предложение обосновывалось следующими соображениями. Перед войсками округа развернулась сильная группировка противника, имевшая превосходство в пехоте, артиллерии и танках в 2—3 раза. Оценивая группировку вражеских войск, можно прийти к выводу, что противник главный удар будет наносить в направлении на Бельцы, чтобы кратчайшим путем выйти в Днестру и в дальнейшем развивать наступление в северном и в северо-восточном направлениях по тылам Киевского военного округа. В связи с этим Военный совет Одесского округа просил усилить войска прикрытия на бельцком направлении 7—8 дивизиями и на кегульском 6—7 дивизиями. В полосе округа Военный совет предложил развернуть две армии: одну на рубеже Липканы-Леово и другую от Липканы до побережья Черного моря. Главный военный совет согласился с этим предложением и вынес его на решение Политбюро. Последнее вечером 21 июня на своем заседании приняло постановление об образовании Южного фронта. Однако формирование управления фронта было возложено не на Одесский, а на Московский военный округ.

Такое решение нельзя признать правильным. Штаб Московского округа во главе с И.В.Тюленевым не знал южного театра военных действий, состояния войск Одесского округа, их возможностей и поставленных им задач. Чтобы изучить эти вопросы требовалось значительное время. К тому же управлению Московского округа необходимо было в условиях уже начавшейся войны переезжать из Москвы в Винницу и налаживать управление войсками. Создание Южного фронта прошло бы более организованно, если бы решение этой задачи было возложено на управление Одесского округа.

Угроза вторжения нарастала. Постепенно спадала пелена с глаз. Наступало прозрение. 16 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимает запоздалое постановление "Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов". Но что могло дать принятое на таком высоком уровне постановление без разрешения приведения армий прикрытия в повышенную боевую готовность и занятия их войсками указанных в планах оборонительных позиций?

Принимались меры по повышению боевой готовности Воен-

но-Морского флота и организации взаимодействия его с сухопутными войсками. 19 июня флоты и флотилии получили приказ перейти в оперативную готовность № 2, требующую наличие всего личного состава на кораблях. На следующий день командующие Ленинградским, Прибалтийским и Одесским военными округами получили указание в двухдневный срок отработать вопросы взаимодействия с флотом в соответствии с планом прикрытия*¹.

В тот же день Главный военный совет флота, учитывая непосредственную опасность войны, потребовал от военных советов флотов "воспитывать краснофлотцев и командиров в духе постоянной готовности вступить в бой с врагом".

Весьма неблагоприятно в приграничных округах накануне войны обстояло дело с маскировкой аэродромов, районов расположения войск и важных объектов, что позволило врагу вскрыть их расположение. Поэтому приказом наркома обороны от 19 июня предписывалось провести маскировки аэродромов, воинских частей и важных военных объектов западных округов. В приказе требовалось к 1 июля 1941 г. засеять все аэродромы травой, покрасить все аэродромные сооружения, зарыть в землю и особенно тщательно замаскировать бензохранилища, категорически запретить линейное, скученное расположение самолетов и обеспечить рассредоточение их, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8—10 ложных аэродромов с макетами самолетов, к 1 июля произвести маскировку складов, мастерских, парков*².

Аналогичную беспечность к маскировке, указывалось в приказе, проявляют артиллерийские мотомеханизированные части. Скученное и линейное расположение их парков представляет не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели. Танки, бронемашины, командирские и другие специальные машины мотомеханизированных и других войск окрашены красками, дающими яркий отблеск, и хорошо наблюдаемы не только с воздуха, но и с земли. Все эти недостатки приказывалось устранить к началу июля. Округам, входящим в угрожаемую зону, требовал маршал Тимошенко, провести также маскировку тыловых объектов и к 15 июля обеспечить их полную ненаблюдаемость с воздуха.

Однако этот весьма нужный приказ не только не был выполнен, но и не доведен до войск к моменту вражеского вторжения. Его содержание убедительно свидетельствует, в каком состоянии на-

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 164, д. 1, л. 31.

*2 Там же, ф. 35, оп. 11300, д. 64, л. 59.

ходились наши сухопутные войска и авиация к началу первых ударов артиллерии и авиации противника.

21 июня на заседании Политбюро было принято решение об образовании Южного фронта, в состав которого включались 9-я и 18-я армии. Управление 18-й армии выделял Харьковский военный округ, командующий которого генерал-лейтенант П.А.Смирнов ставился во главе ее. Постановлением Политбюро армии второго стратегического эшелона, выдвигавшиеся из глубины страны на рубеж Западная Двина, Днепр, объединялись в группу армий резерва Главного Командования (19, 20, 21 и 22-я армии). Их решено было объединить единым управлением. Командующим этими армиями был назначен Маршал Советского Союза С.М.Буденный. его штаб был определен в Брянске.

Политбюро постановило возложить общее руководство действиями Юго-западного и Южного фронтов на Г.К.Жукова, учитывая знание им театра военных действий, войск Киевского военного округа, его участие в оперативно-стратегической игре в роли командующего Юго-Западным фронтом, и опыт Халхин-Гола. Руководство Северным фронтом, учитывая участие К.А.Мерецкова в советско-финляндской войне, было возложено на него. Предусмотрен был выезд Жукова и Мерецкова на места.

Некоторые мероприятия по развертыванию и повышению боевой готовности, видя у своих границ изготавившегося к вторжению противника, пытались на свой страх и риск все-таки проводить командующие округов и армий. Так, начиная с середины июня в ряде соединений были выданы боеприпасы, отменены отпуска личному составу, велось строительство командных пунктов соединений. В Одесском военном округе вооружение, боевая техника и имущество неприкосновенного запаса приводились в состояние, готовое к немедленному действию.

Штабы всех военных округов отдали указания командирам соединений и частей по отработке "Плана-инструкции по подъему войск по боевой тревоге". В Киевском округе было принято решение переместить запасы дизельного топлива в тыловые районы округа и приблизить уровень боевой готовности войск второго эшелона к показателям войск прикрытия.

Военный Совет Прибалтийского военного округа 15 июня отдал приказ по обеспечению боевой готовности войск. "Сегодня, как никогда, — указывалось в нем, — мы должны быть в полной боевой готовности. Этого многие командиры не понимают. Но это

надо всем твердо и ясно понять, ибо в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи"*1.

Согласно этому приказу, командиры стрелковых дивизий должны были разработать планы обороны своей полосы. (Вот ведь как обстояло дело! Даже планов обороны оказывается не было). Заготовку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем разрешалось производить с таким расчетом, чтобы минное поле по особому приказу в случае необходимости могло быть установлено в течение трех часов. (Вот почему минных полей в приграничной полосе и не было вовсе). Одновременно с тем было приказано тщательно разработать план противовоздушной обороны, замаскировать самолеты, танки и артиллерию. Срок выполнения приказа устанавливался к 25 июня*2.

18 июня Военный совет этого же округа отдал приказ о приведении в боевую готовность театра военных действий*3. В нем намечался ряд мероприятий, выполнение которых существенно повысило бы боевую готовность войск округа в целом. Начальнику зоны противовоздушной обороны было приказано к исходу 19 июня привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа. Начальник войск связи к утру 20 июня должен был привести в полную готовность все средства связи на территории округа. Начальнику военных сообщений округа к 22 июня надлежало подготовить железнодорожное сообщение к работе в боевой обстановке. Командующим 8-й и 11-й армий предлагалось определить пункты полевых складов противотанковых мин и взрывчатых веществ на предмет устройства на предусмотренных планом прикрытия направлениях и участках заграждений.

Мины и взрывчатку приказывалось сосредоточить к 21 июня. Для установки минных полей требовалось выделить команды саперов из дивизий первого эшелона. Начальнику инженерного управления округа было приказано к 21 июня "Создать на телшайском, шауляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом".*4 Кроме того, командующим армий генералам Собенникову и Морозову с целью разрушения наиболее ответственных мостов в приграничной полосе приказывалось прорекогносцировать их, опре-

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 344, оп. 2459, д. 11, л. 31.

*2 Там же, л. 36.

*3 Там же, ф. 221, оп. 7833, д. 3, л. 17.

*4 Там же, л. 20

делить команды подрывников и к 21 июня сосредоточить у мостов необходимое количество взрывчатых веществ.

Вместе с тем было намечено проведение и целого ряда других мероприятий. В тот же день, т.е. 18 июня, отдельными директивами военным советам армий и командирам механизированных корпусов Ф.И.Кузнецов приказал начать выдвижение войск в предназначенные им по плану прикрытия полосы и районы. Указывалось, чтобы войска взяли с собой "только необходимое для жизни и боя". Одновременно приказывалось немедленно отозвать всех из командировок и снять весь личный состав, находившийся на всевозможных работах.

Немедленное проведение этих мероприятий диктовалось тем, что Военному совету Прибалтийского округа были уже известны сведения о занятии немцами исходного положения для наступления. Среди военнотружущих и гражданского населения Восточной Пруссии, — отмечалось в разведсводке 21 июня, — идут разговоры, что войска, расположенные в Восточной Пруссии, получили приказ занять исходное положение для наступления"*1. В этом же документе говорилось об окончании наводки понтонных мостов через Неман, о том, что в Сувальском уезде жители выселены в глубь от границы на 5 км, и в Клайпедской области гражданскому населению предложено эвакуироваться в глубь от границы на 20 км.

Однако начатое было предупредительное затемнение городов в Прибалтике взбудоражило Сталина. Очередной "разнос" Тимошенко и Жукова. Последний 20 июня направил Кузнецову телеграмму, потребовав немедленно отменить отданное распоряжение о приведении в боевую готовность системы противовоздушной обороны, так как оно вызывает различные толки и нервирует общественность.

Этого распоряжения оказалось достаточно для того, чтобы Военный совет Прибалтийского округа приостановил или замедлил выполнение других мероприятий, намеченных в указанных приказах. "Части и соединения Прибалтийского особого военного округа, — указывалось в оперативной сводке вечером 21 июня, — в пунктах постоянной дислокации занимаются боевой и политической подготовкой, выдвинув к государственной границе отдельные части и подразделения для наблюдения. Одновременно производится передислоцирование отдельных соединений в новые районы"*2.

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 344, оп. 2467, д. 39, л. 71

*2 Там же, ф. 221, оп. 7833, д. 3, л. 60.

Таким образом, выдвижение войск прикрытия в предназначенные им по плану районы, рассредоточения авиации, развертывания войск ПВО и приведения Красной Армии, выражаясь языком приказа Тимошенко от 19 июня, в “угрожаемой зоне” в повышенную боевую готовность осуществлено не было.

Следует иметь в виду, что запаздывание в развертывании произошло относительно даты 22 июня. Командующие же войсками округов и армий исходили из других сроков сосредоточения и развертывания, указанных им Центром, который полагал, что нападение, если и произойдет, то не ранее первой половины июля. В связи с этим и не была достигнута главная цель проводимых мероприятий — оперативное развертывание войск первых эшелонов приграничных военных округов и своевременное приведение их в полную боевую готовность.

В последние дни и часы, когда немецкие войска были готовы к вторжению, Сталин продолжал тянуть прежнюю ноту: “Не дать никакого повода для войны”. Только в результате этого армии прикрытия оказались не подготовленными к отражению мощного удара противника, несмотря на то что они имели возможность для этого.

Наступил последний мирный день — 21 июня. Обстановка была чрезвычайно напряженной и нервной. Политбюро заседало целый день. Так как в Берлине с Деканозовым никто разговаривать не захотел, на чем настаивала Москва, вечером Молотов, по поручению Сталина, пригласил Шуленбурга. Он сказал ему, что Германия без всякого на то основания с каждым днем ухудшает отношения с Советским Союзом. Несмотря на наши протесты немецкие самолеты продолжают вторгаться в воздушное пространство СССР. Ходят даже слухи о предстоящей войне между нашими странами. У нас есть основания верить этому, потому что германское руководство никак не реагировало на сообщение ТАСС. Шуленбург заверил его, что он немедленно донесет своему правительству о содержании этого заявления. Он знал, конечно, что это ничего не даст, так как немецкая военная машина была уже заведена и ждала лишь установленного сигнала “Дортмунд”, чтобы двинуться на восток. Кстати, чтобы опровергнуть вымысел о якобы сообщенной германским послом Деканозову дате начала войны Германии против СССР, заметим, что Шуленбург имел прекрасную возможность сказать об этом Молотову, но он не сделал этого.

Видя неотвратимость грозы, руководители военного ведомства вместе со своими подчиненными были в тот день, как и в предшествующие на своих рабочих местах, непрерывно поддерживая связь со штабами округов и собирая необходимые данные для подготовки директив войскам.

Вечером Жукову позвонил начальник штаба Киевского воен-

ного округа генерал Пуркаев и доложил, что к пограничникам пришел немецкий перебежчик, который, прослушав днем обращение Гитлера к войскам о начале 22 июня похода на Восток, решил не воевать против нас. Начальник Генерального штаба уведомил об этом Тимошенко и Сталина. Последний попросил их прибыть в Кремль.

Переступив порог кабинета главы правительства, в котором были все члены Политбюро, Тимошенко обратился с просьбой о направлении в западные округа директивы о приведении войск в полную боевую готовность. Дав согласие на это, Сталин попросил Жукова прочесть ранее подготовленный в Генштабе проект документа. Заслушав его, он сказал, что в нем надо указать, что нападение может начаться с провокационных действий, на которые наши войска не должны поддаваться.

Выйдя в приемную, Жуков вместе с вызванным в Кремль первым заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенантом Н.Ф.Ватутиным составили новый проект директивы. Внимательно ознакомившись с этим документом, записанным в служебном блокноте Ватутиным и откорректированным Жуковым, Сталин также внес в него некоторые дополнения и поправки. Он вставил было пункт о том, что в случае вторжения немцев командиры наших передовых частей должны будут попытаться урегулировать конфликт мирными переговорами. Однако, подумав, по-видимому, перечеркнул его. Затем предложил тут же подписать его наркому Тимошенко, члену Главного военного совета Г.М.Маленкову и начальнику Генштаба Жукову.

Вместо ранее установленного сигнала "Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г"., на что потребовалось бы несколько минут, в войска пошел зашифрованный документ. Так как на расшифровку в округах и новую шифровку, и затем расшифровку в армиях потребовалось около трех часов времени, то до многих соединений его так и не успели донести.

Отправленная в половине первого часа ночи 22 июня директива гласила:

" 1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укреплённых районов на госгранице.

б) Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать.

в) Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно.

г) Противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

д) Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить"*1.

В штабах военных округов этот исходный на предстоящую войну документ, названный впоследствии директивой № 1, получили через час, а в штабы армий его направили только в третьем часу ночи.

На директиве Западного военного округа указано: "Поступила 22.06 — 1.45

Отправлена 22.06 — 2.35

Командующим 3, 4, 10-й армий. Передан приказ наркома обороны для немедленного исполнения. (Далее идет дословное повторение директивы № 1).

Павлов. Фоминых, Климовских".

В приказе командующего Прибалтийским военным округом указывалось: "В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, и подразделения, назначенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать. В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться и до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня не открывать. В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его!"*2.

Но даже такого неопределенного и противоречивого содержания приказа до многих соединений так и не удалось довести. Поэтому подавляющее большинство воинов приграничных округов, отходя ко сну, не знало, что немецкая армия через несколько часов вторгнется на нашу землю.

Лучше обстояло дело в Военно-Морском Флоте. Когда Жуков и Тимошенко уходили от Сталина, он сказал последнему, чтобы

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 164, д. 1, л. 71.

*2 Там же, ф. 221, оп. 2467, д. 39, л. 79.

предупредил наркома Военно-морского Флота Н.Г.Кузнецова о приведении флота в готовность № 1. После звонка Тимошенко Кузнецов установленным паролем быстро сделал это. Флот был приведен в полную боевую готовность за 3—4 часа до начала войны. Это обусловило более четкое и организованное вступление кораблей, авиации и береговой артиллерии в борьбу с врагом.

В создавшейся перед вероломным нападением обстановке крайне важно было сочетать величайшую осторожность и высочайшую бдительность к поискам агрессора с полной готовностью войск приграничных округов к отражению его возможных ударов. Но последнего-то как раз и не успели своевременно осуществить. Допущенный Сталиным просчет в оценке времени возможного нападения Германии на СССР пагубно отразился на действиях наших войск в начале войны. “Надеясь на свою мудрость, — с сожалением заметил в беседе Жуков, — он перемудрил себя”. И упрекать-то его следует, как это некоторые историки и публицисты делают, не в придуманной будто бы им самим “внезапности” с целью оправдания за неудачи в начале войны, а за грубый просчет, приведший к ней.

Говоря об этом просчете, Жуков заметил, что они с Тимошенко не проявили настойчивости в получении разрешения Сталина на приведение войск в полную боевую готовность, хотя с ним, как он убедился позже, можно было спорить и отстаивать свою точку зрения. Но тогда Сталин был для всех величайшим авторитетом, его боялись, никому в голову не приходила мысль сомневаться в его суждениях и оценках. “Нам казалось, — говорил Жуков, — что в делах войны он знает не меньше, а значительно больше нас и глубже видит”.

Более того, на мой назойливый вопрос: Как же все-таки вы с Тимошенко, имея данные, что противник сосредоточился и занимает исходное положения для наступления, не смогли убедить Сталина в необходимости хотя бы за 2—3 дня до вторжения привести войска в полную боевую готовность и занять позиции согласно плану прикрытия государственной границы, Жуков ответил так: “Да, видели, что вот-вот война. Испытывали страшную тревогу. Ежедневно просили его дать такое разрешение. И вместе с тем так верили в Сталина, что полагали: он найдет выход из положения и отодвинет войну”.

Военным хорошо известно, что чем сильнее оружие, тем выше не только его разрушительный, но и моральный эффект. Массированным применением во внезапном ударе нескольких тысяч самолетов и танков руководители вермахта как раз и рассчитывали добиться не только крупного оперативного успеха, но и сильного психологического воздействия на армию и на народ, в результате

которого, по их замыслам, должно было развалиться все государство целиком.

Просчет во времени усугубил имевшиеся недостатки в боеготовности армии и тем самым резко увеличил объективно существовавшие преимущества агрессора. В этих условиях даже соединения и части первого эшелона армий прикрытия, имевшие постоянную боевую готовность в пределах 6—9 часов (2—3 часа на подъем по тревоге и сбор, 4—6 часов — на выдвижение и организацию обороны), не получили этого времени. Вместо указанного времени отдельные из них располагали 30 минутами, а большинство вообще не были оповещены. Сказались также слабая подготовка и сколоченность органов управления. Задержка, а в ряде случаев и срыв передачи команды были обусловлены и тем, что противнику удалось в значительной степени нарушить проводную связь с войсками в приграничных районах. Сделали это засланные заблаговременно в наш тыл диверсанты. В результате штабы округов и армий, командиры соединений и частей не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Поэтому для многих частей сигналом боевой тревоги явились разрывы бомб и снарядов противника в их расположении.

В связи с запоздалым принятием решения обстановка для оперативного развертывания войск приграничных округов сложилась чрезвычайно трудная. К началу вторжения они находились в следующем положении и состоянии.

В Ленинградском военном округе (командующий генерал-лейтенант М.М.Попов, член Военного совета корпусной комиссар Н.Н.Клементьев, начальник штаба генерал-майор Д.Е.Никишев) все войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации и в лагерях. Активные действия наземных войск на границе с Финляндией начались только 29 июня, поэтому войска округа были в основном развернуты в соответствии с планом прикрытия. Вместе с тем даже в этих условиях группировка войск начала создаваться с опозданием, так как имелось распоряжение Главного командования: "Мероприятия по развертыванию не проводить и не давать финнам повода для провокации". В составе округа имелось три стрелковых и два механизированных корпуса: 15 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 1 стрелковая бригада.

В Прибалтийском особом военном округе (командующий генерал-полковник Ф.И.Кузнецов, член Военного совета корпусной комиссар П.А.Диброва, начальник штаба генерал-лейтенант П.С.Кленов) на государственной границе к началу войны находились 10-я стрелковая дивизия и по три батальона от 90, 125, 5, 33, 188-й стрелковых дивизий. Всего 15 стрелковых батальонов на фронте 165 км.

Войска частично были приведены в боевую готовность, отдельные соединения выдвигались в новые районы. К государственной границе совершали марш 23, 48 и 162-я стрелковые дивизии. 11-я стрелковая дивизия перевозилась из Ленинградского военного округа. 21-й и 24-й стрелковые корпуса находились на переформировании в пунктах постоянной дислокации. 3-й и 12-й механизированные корпуса были подняты по тревоге и выдвинуты в районы боевого предназначения согласно плану прикрытия. Штабы 8-й и 11-й армий и их корпусов находились на полевых командных пунктах в готовности взять на себя управление войсками с началом боевых действий. Всего командованию округа удалось привести в боевую готовность 6 стрелковых дивизий из 19 имеющихся в округе.

В Западном особом военном округе (командующий генерал армии Д.Г.Павлов, член Военного совета корпусной комиссар А.Ф.Фоминых, начальник штаба генерал-майор В.Е.Климовских) войска первого и второго эшелонов армий прикрытия располагались в пунктах постоянной дислокации в лагерях и казармах. Из внутренних районов округа (150—400 км от границы) выдвигались стрелковые корпуса: 2-й (100-я и 161-я стрелковые дивизии), 47-й (55, 121, 143-я стрелковые дивизии), 44-й (62-я и 108-я стрелковые дивизии), 21-й (17, 37, 50-я стрелковые дивизии). Управление 13-й армии, предназначенное для объединения 49-й и 113-й стрелковых дивизий и 13-го механизированного корпуса, которые планировались для прикрытия государственной границы, продолжало оставаться в Могилеве. Части 30-й танковой дивизии проводили тактические учения; 42-я стрелковая и 22-я танковая дивизии, находившиеся на границе в районе Бреста, готовились к учению, которое было отменено в последние часы перед началом войны.

Зенитные артиллерийские части 4-й армии находились в окрестном лагере под Минском. Непосредственно на границе, осуществляя ее охрану, находились только пограничные войска. Здесь же, не имея оружия, на строительстве укрепленных районов были заняты инженерно-саперные и строительные части и подразделения, а также выделенные для этих работ стрелковые батальоны из дивизий первого эшелона.

Всего в этом округе, войска которого не были приведены в боевую готовность и даже не подняты по боевой тревоге, имелось 8 стрелковых, 6 механизированных и один кавалерийский корпус (24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

Высокая концентрация войск была создана в белостокском выступе. Здесь помимо войск 10-й армии были сосредоточены четыре механизированных корпуса (6, 11, 13 и 14-й), а два мехкорпуса (17-й и 20-й) находились в глубине по оси Белосток—

Новогрудок—Минск также на этом направлении. Это соответствовало оперативному плану, согласно которому этим войскам после отражения ударов противника предстояло переходить в контрнаступление совместно с ударной группировкой Киевского округа.

В Киевском особом военном округе (командующий генерал-полковник М.П.Кирпонос, член Военного совета корпусной комиссар Н.Н.Вишугин, начальник штаба генерал-лейтенант М.А.Пуркаев) войска, назначенные в первый и второй эшелоны армий прикрытия, находились в местах постоянной дислокации, на полигонах, в стационарных и временных лагерях, а также на марше. Стрелковые соединения резерва округа выдвигались по плану прикрытия в предусмотренные районы сосредоточения и находились в 100—150 км от государственной границы. В движении находились 31-й (193, 195, 200-я стрелковые дивизии), 36-й (140, 146, 228-е стрелковые дивизии), 37-й (80, 139, 141-я стрелковые дивизии), 55-й (130, 169, 189-я стрелковые дивизии) стрелковые корпуса. В состав 12-й армии прибывали: 49-й стрелковый корпус (190, 198-я стрелковые дивизии) — по железной дороге; 109-я стрелковая дивизия — походным порядком.

Наиболее сильная группировка войск находилась в львовском выступе, откуда намечалось нанести главный удар. Здесь сосредоточились две армии (6-я и 26-я), три механизированных корпуса (4, 8 и 15-й), кроме того, три механизированных корпуса находились в глубине, но на этом же направлении. Эта группировка насчитывала 4200 танков, из которых 761 новых типов (Т-34 и КВ).

Оперативное развертывание войск округа не было завершено, не было закончено строительство укрепленных районов и оборонительных рубежей для полевых войск. Всего в округе насчитывалось 11 стрелковых, 8 механизированных и один кавалерийский корпус (26 стрелковых, 6 горнострелковых, 16 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

В Одесском военном округе (командующий генерал-полковник Я.Т.Черевиченко, член Военного совета корпусной комиссар А.Ф.Колобяков, начальник штаба генерал-майор М.В.Захаров) войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации. 14 июня 48-й стрелковый корпус (30-я и 74-я стрелковые дивизии) прибыл походным порядком в район Флорешти, Рыбница. В Крыму к 5 июня сосредоточились управление 9-го стрелкового корпуса, 106-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии. Всего в округе было 4 стрелковых, 2 механизированных и один кавалерийский корпус (13 стрелковых, 3 горнострелковые, 4 танковые, 3 моторизованные и 3 кавалерийские дивизии).

В Прибалтийском, Западном и Киевском военных округах артиллерийские полки, противотанковые и зенитные дивизионы

некоторых стрелковых дивизий первого эшелона находились на артиллерийских полигонах, где они проводили артиллерийские стрельбы по учебному плану.

На западной границе от Мурманска до Черного моря охрану осуществляли 47 сухопутных и 6 морских пограничных отрядов, 9 отдельных пограничных комендатур, 11 полков внутренних войск НКВД. Во всех них насчитывалось около 100 тыс. человек.

К началу войны советскому командованию не удалось создать ни наступательных, ни оборонительных группировок. Войска не были отобилизованы и оставались, в основном, в штабах мирного времени, имея большой некомплект в личном составе, транспортных средствах, средствах связи и инженерных средствах. Из-за существовавшей на протяжении длительного времени недооценки оборонительного способа действий, а также непонимания природы современного боя Г.И.Куликом, ведавшим вопросами вооружения, у нас не было налажено производство противотанковых мин. К 22 июня во всех приграничных округах имелось всего лишь 494 тыс.противотанковых мин, а противопехотных мин не было вовсе^{*1}. Западному округу по табели было положено иметь около 1 млн. противотанковых мин, а имелось в наличии только 92,5 тыс. Но и эти мины находились на инженерных складах, а не в войсках. Следовательно, одно из эффективных средств борьбы с танками, каким являются мины, в войсках прикрытия отсутствовало. Понтонные батальоны танковых дивизий, ввиду недостатка парков "Н2П", были собраны на двухмесячные окружные учебные сборы. Поэтому в начале войны танковые соединения остались без переправочных средств.

Незавершенность развертывания войск приграничных округов дала возможность противнику громить их по частям. Из 108 дивизий армий прикрытия в первые часы войны отпор агрессору могли оказать лишь около 40 не полностью отобилизованных дивизий, из которых лишь незначительная часть успела занять на границе предусмотренные планом полосы обороны. Остальные войска в основном находились в пунктах постоянной дислокации, в лагерях или на марше. Обстановка усугублялась недостаточной подготовленностью войсковых штабов, слабой слаженностью частей и соединений, неустойчивым управлением.

К началу войны войска первого стратегического эшелона на Западе насчитывали 170 дивизий (56%), в войсках второго стратегического эшелона, только что начавшего сосредоточиваться в назначенных районах, было 77 дивизий (25%). На Дальнем Востоке

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 2467, д. 39, л. 60.

находилась 31 дивизия (10%), на южных границах — 25 дивизий (9%). Таким образом, против главного противника на Западном театре военных действий и в резерв Главного командования было выделено 247 дивизий, т.е. около 80% всех сухопутных сил.

Из 79 авиационных дивизий, имевшихся в Красной Армии, 48 дивизий базировались в западных приграничных округах, 15 входили в состав армий прикрытия, 20 подчинялись командованию округов, 13 дивизий находились в распоряжении Главного командования.

Военно-воздушные силы оказались в особенно неблагоприятном положении. В завоевании господства в воздухе и захвате стратегической инициативы вообще германское командование главную роль отводило авиации. Именно она должна была в первые часы и дни войны нанести максимальный урон нашим военно-воздушным силам и создать выгодные условия для разгрома войск Красной Армии. Состояние и положение авиации приграничных округов облегчало противнику решение этой задачи. Многие аэродромы находились в 10—30 км от границы. На них базировались не только истребительные, но и бомбардировочные полки. Выход их из-под удара затруднялся большим количеством самолетов на аэродромах и отсутствием оперативных аэродромов в глубине. Летный состав некоторых частей, главным образом бомбардировочных, осваивал новые самолеты за пределами своих округов. В истребительных полках, получивших новую материальную часть, на аэродромах, как правило, находились и старые и новые самолеты. на каждого летчика приходилось две машины, а многие боевые машины были без летчиков. В Прибалтийском округе без летного состава было 188 самолетов, в Западном — 430, в Киевском — 342. Прикрытие аэродромов средствами ПВО было слабое, а маскировка по существу не проводилась.

Военно-воздушные силы не были готовы к отражению первых ударов противника. Авиационным частям Прибалтийского военного округа в ночь на 22 июня было приказано проводить ночные тренировочные полеты. В результате большинство бомбардировочных полков подверглось ударам вражеской авиации в момент послеполетного осмотра истребителей и дозаправки их горючим, а летный состав был только что отпущен на отдых^{*1}.

Дислокация военно-воздушных сил Западного округа характеризовалась рассредоточением истребительной авиации вдоль всей границы. Особенно близко к ней базировалась 9-я смешанная ави-

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 142687, д. 1, л. 3—17.

ационная дивизия, получившая незадолго до войны 262 самолета МиГ-1 и МиГ-3. В бомбардировочные полки 9-й и 11-й смешанных авиационных дивизий поступило 420 бомбардировщиков Пе-2*1. Летный состав только приступил к освоению этих самолетов. В результате диверсионных действий с 23 часов 21 июня вся проводная связь штаба ВВС округа со штабами дивизий и последних со штабами авиационных полков была прервана и каждый аэродром был предоставлен самому себе. Положение усугублялось отсутствием связи со службой ВНОС и ненадежностью последней.

Военно-воздушные силы Киевского округа также не было подготовлены к отражению внезапных налетов авиации противника и к выходу из-под удара. Из-за плохой деятельности службы ВНОС авиационные части, базировавшиеся на аэродромах приграничной полосы, сообщений о вторжении вражеской авиации в наше воздушное пространство своевременно не получили*2.

Таким образом, Красная Армия оказалась не готовой к отражению внезапного удара противника и была застигнута врасплох. Упредив советские войска в стратегическом развертывании, создав мощные группировки на избранных направлениях главного удара, имея значительно более высокий уровень боеготовности и боеспособности соединений, германское командование заложило надежные основы для успешного проведения операций начального периода войны. В первый удар по советским войскам вкладывалась вся мощь вермахта: 77% пехотных дивизий, 90% танковых, 94% моторизованных дивизий и 100% самолетов.

В группировке советских войск 43% дивизий были включены в состав армий первого эшелона, 25% входили в состав вторых эшелонов фронтов и 32% составляли резерв Главного командования. Советские войска были развернуты на фронте до 280 км и в глубину до 500 км. Это позволило противнику громить их по частям.

Общее соотношение сторон в живой силе было примерно равным (около 4 млн. у противника и до 3 млн. советских войск в первом стратегическом эшелоне). По количеству танков войска приграничных округов превосходили противника. Только Киевский округ имел более 5000 танков, из них Т-34 и КВ — свыше 800. В этом округе было больше танков, чем у противника вообще. Однако танки Т-26 и БТ были устаревшими и имели весьма ограниченный моторесурс (70—100 моточасов), а новые только

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 208, оп. 142690, д. 2, л. 2—12.

*2 Там же, ф. 229, оп. 181, д. 25, л. 31—32.

что поступили и не были как следует освоены. В западных округах было 967 танков Т-34 и 508 танков КВ, но к 152-мм орудиям танка КВ не успели даже завезти боеприпасов^{*1}.

Общая численность артиллерии была примерно равной, но в калибрах 76-мм и выше, а также в противотанковой артиллерии в целом, что особенно сказалось в первые дни войны, немецкая армия превосходила. На аэродромах приграничных округов находилось много боевых самолетов. В том же Киевском округе их насчитывалось 2003. Примерно столько же было и в Западном^{*2}. Однако это были преимущественно старые машины. Новые самолеты составляли лишь около 20% от всего парка. Учитывая наличие двух самолетов на одного летчика в некоторых соединениях и отбытие пилотов за новой материальной частью, в воздух можно было поднять меньше боевых машин, чем подготовил к нанесению первоначального удара противник.

На направлениях главных ударов, особенно на западном, враг достиг значительного превосходства в силах и средствах. К тому же на стороне противника было большое преимущество в сколоченности соединений, наличии у них боевого опыта, укомплектованности их личным составом, боевой техникой, транспортом, средствами связи.

Стремление германского руководства вложить в первый удар всю мощь своих вооруженных сил предопределило во многом неожиданные для советского командования условия вступления в войну. Маршал Жуков сказал мне, что для них с Тимошенко внезапность нападения противника проявилась в большей мере не во времени, а в мощи удара. Они руководствовались явно устаревшим взглядом на от мобилизацию и приведение в полную боевую готовность первого стратегического эшелона в течение двух недель с момента начала войны, который явно не соответствовал реально сложившейся обстановке.

Лишь после этого предусматривался мощный ответный удар с целью отражения вторжения противника и перенесения боевых действий на его территорию.

Замысел на стратегическое развертывание Красной Армии и построение оперативных группировок войск в большей мере отражал наступательные цели. Мероприятия по отражению первых ударов противника в оперативных планах разрабатывались генеральным штабом недостаточно полно, и содержание оборонитель-

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 157, д. 8, л. 43.

^{*2} Там же, ф. 2, оп. 75593, д. 13, л. 25

ных действий в оперативно-стратегическом масштабе не отрабатывалось.

Неопределенность и нечеткость в замыслах и действиях привели к тому, что приграничные военные округа не были готовы ни к обороне, ни к наступлению. Бывший командующий 8-й армией генерал П.П.Собенников вспоминал, что “накануне войны чувствовалась большая нервозность, несогласованность, неясность, боязнь спровоцировать войну. За несколько дней до вероломного нападения немцев на командный пункт стали поступать по телефону и телеграфу из штаба округа весьма противоречивые указания об устройстве засек, минировании и т.п., причем одними распоряжениями эти мероприятия приказывалось производить немедленно, другими впоследствии обменялись, затем опять подтверждались и вновь отменялись”.

О том, что война застала войска прикрытия врасплох убедительно свидетельствует следующий эпизод. В одном из приграничных районов 4-й армии, прикрывавшей брестское направление, 22 июня должны были проводиться опытные учения. И хотя накануне вечером они были отменены, артиллерийская подготовка противника была воспринята войсками, как свидетельствует бывший начальник штаба 4-й армии полковник (впоследствии генерал-полковник) Л.М.Сандалов, как неожиданное начало учения с боевой стрельбой, а то, что снаряды начали взрываться в их расположении, отнесли к халатности руководства. Чтобы обратить внимание на происшедшую “ошибку”, с артиллерийского полигона, на котором были сосредоточены прибывшие на учение части, подали световые и звуковые сигналы. Только тогда, когда войска понесли большие потери, они поняли, что это не учение, а война.

Немецкое командование установило, что советские войска не подготовились к отражению их удара и не ожидают его. “Тщательное наблюдение за русскими, — пишет командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Гудериан, — убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они производили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками”. К такому же заключению пришли и в 1-й немецкой танковой группе. “В ночь на 22 июня пехота бесшумно заняла исходное положение, — отмечено в донесении штаба 4-го моторизованного корпуса в штаб группы армий “Юг”. — Сокаль не затемнен. Русские оборудуют свои доты при полном освещении. Они кажется ничего не предполагают”.

Предполагали, но вместе с тем и благодушевствовали. Об этом свидетельствуют следующие примеры. За несколько минут до вторжения, а именно в 3 часа 10 минут 22 июня начальник разведывательного отдела штаба Западного округа полковник Блохин послал шифровку Ф.И.Голикову в которой сообщил, что:

"1. По имеющимся данным, которые проверяются, основная часть немецкой армии в полосе ЗапОВО заняла исходное положение.

2. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе"*1.

И в такие напряженные, грозные часы командование округом во главе с Павловым вечером с субботы на воскресенье с веселым настроением слушают в Доме офицеров оперетту "Свадьба в Малиновке", а командование 4-й армии, разделившись на две группы, слушали в Бресте "Цыганского барона" и в Кобрине — концерт.

Благодушные это, как свидетельствуют бывшие заместитель командующего Западным военным округом генерал-полковник И.В.Болдин и начальник штаба 4-й армии генерал-полковник Л.М.Сандалов было создано пресловутым сообщением ТАСС, опубликованным 14 июня. К сожалению, все рассчитывали на "мудрость гениального учителя и вождя. В то же время враг подготовился по принципу полной готовности, когда "была пришита последняя пуговица к мундиру последнего солдата".

Вот в таких, крайне невыгодных условиях Красной Армии пришлось вступать в борьбу с сильным, опытным, коварным врагом. Именно на этом строились расчеты Гитлера на "блицкриг".

К моменту вторжения немцев в Советский Союз большинство мероприятий по повышению боеспособности Красной Армии оказались незавершенными. Организационная перестройка и перевооружение ее находились в самом разгаре и до окончания их было далеко. Молодые командные кадры не соответствовали тому предназначению, которое выпадало на их долю. Театры военных действий не были подготовлены. Войска приграничных округов из-за упрямства Сталина не только привести в полную боевую готовность, но и поднять по боевой тревоге не успели. Стрелковые дивизии первых эшелонов находились далеко от границы и не могли воспрепятствовать вторжению вражеских соединений на нашу территорию. Не были подготовлены к нанесению контрударов с целью разгрома вклинившихся группировок механизированные корпуса, танковые и моторизованные дивизии которых находились на большом удалении друг от друга. Оказалась полностью неготовой к нанесению немедленных ответных ударов по врагу и наша авиация.

Все это и предопределило весьма неблагоприятные условия вступления Советского Союза в войну и крайне осложнило действия Красной Армии.

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 70—73.

Глава V

НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

1. 22 ИЮНЯ. ВТОРЖЕНИЕ

В 4 часа по московскому (в 3 по местному) времени 22 июня 1941 г. сотни германских самолетов вторглись в безоблачное небо над западными районами Советского Союза, неся смертоносный груз на наши города, села и военные объекты. Вражеская авиация нанесла первоначальный удар по всей западной приграничной полосе на глубину свыше 400 км. Массированным налетам подверглись Мурманск, Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, Житомир, Севастополь и другие города.

Немецкая авиация бомбардировала районы расположения войск, особенно танковых и моторизованных соединений. В целях срыва перевозок разрушались мосты и железнодорожные узлы, а чтобы нарушить управление войсками, бомбились штабы и линии связи. Рушились и горели здания, военные склады, гибли солдаты и офицеры. Но основные усилия авиации в первых наиболее мощных налетах немецкое командование направляло на наши аэродромы, и в первую очередь те из них, на которых базировались самолеты новейших конструкций. Уничтожить советские самолеты и завоевать господство в воздухе — вот главная цель, стоявшая перед германскими летчиками в первый день войны. Опыта им было не занимать. Они к тому времени взорвали и сожгли тысячи боевых самолетов западноевропейских стран.

Автору этих строк пришлось быть очевидцем первого налета немецкой авиации на Киевский аэродром. Будучи на производственной практике в штабе Киевского военного округа, мы — группа слушателей Военно-инженерной академии имени В.В.Куйбышева — проживали в казарме авиагородка, расположенного за чертой аэродрома, находившегося на окраине столицы Украины. Как только разорвались первые бомбы, на аэродроме объявили тревогу. Полагая, что начались маневры, о которых говорилось в сообщении ТАСС, опубликованном 14 июня, мы не хотели так

рано вставать, заявляя дежурным, стучавшим в дверь, что “ваша воздушная тревога” нас не касается. Лишь звон разбитого стекла заставил подняться. Подойдя к окну, увидели зенитное орудие, только что открывшее огонь. Решили, что учения проводятся с боевой стрельбой. Но когда вышли в коридор и увидели горящие самолеты, ангары, бегущих с криками с летного поля людей, сильно засомневались, что это учения. “Неужели это “друг” попал”, — рассуждали мы? Однако, до тех пор, пока не получили сообщения из штаба округа, не верили, что началась война.

Первый налет вражеских бомбардировщиков был самым тяжелым и весьма неприятным во всех отношениях для авиации западных приграничных округов. Не говоря уже о большом уроне материальной части, нарушено было управление военно-воздушными силами приграничных округов. Вследствие этих причин, советские летчики не могли немедленно нанести ответный удар. Более того, нарком обороны лично предупредил около 5 часов утра всех командующих фронтами или их заместителей о том, чтобы советская авиация “самовольно границу не перелетала”^{*1}.

Наши военно-воздушные силы четко поставленных задач не имели, а ответного удара по аэродромам противника наносить не разрешалось. Поэтому, поднявшись после первого налета противника в воздух, авиационные части примерно после часового полета в зоне ожидания сажались на свои аэродромы. Воспользовавшись этим, противник продолжал их бомбить. В течение дня военно-воздушные силы приграничных округов потеряли около 1200 самолетов. Только Западный фронт (22 июня приграничные округа были переименованы во фронты: Ленинградский, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и Южный, как и предусматривалось планом стратегического развертывания) потерял 738 самолетов (38% своей материальной части), 528 из них, в основном новых типов, было уничтожено на земле.

Немецкие бомбардировщики первые бомбы сбрасывали весьма расчетливо, имея точные данные об аэродромах приграничных округов, полученные ранее воздушной разведкой. По передовым аэродромам противник наносил удары с бреющего полета группами в 6—18 самолетов. Этими ударами и была уничтожена почти вся авиация, базировавшаяся вблизи границы.

Потеря почти всех самолетов 9-й смешанной авиационной дивизии на аэродромах оказала такое психическое воздействие на

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 2467, д. 39, л. 103.

ее командира Героя Советского Союза, депутата Верховного Совета СССР, генерал-майора авиации С.А.Черных, что он бежал из своего соединения и был обнаружен только 26 июня в Брянске.

Не смог перенести таких потерь и командующий авиацией округа. "В 17 часов 22 июня, — сообщил в Москву начальник управления пропаганды Западного военного округа Лестев, — в своем рабочем кабинете покончил жизнь самоубийством командующий ВВС ЗапОВО генерал-майор Копец И.И. Предположительная причина самоубийства — малодушие, вследствие частых неудач и сравнительно больших потерь авиации. Командование воздушными силами принял генерал-майор Таюрский"*1.

Вот в такой трудной и сложной обстановке, когда противнику удалось завоевать господство в воздухе в первые же часы войны, вынуждены были сражаться советские летчики.

В то же время, когда первая "волна" германской авиации пересекала незримую границу нашего воздушного пространства, открыли огонь тысячи орудий и минометов по пограничным заставам, районам расположения войск, штабам, узлам связи и оборонительным сооружениям на глубину до 25 км. Тем временем диверсионные группы, засланные в наш тыл, взрывали и захватывали мосты, разрушали узлы и линии связи. Артиллерийская подготовка, за редким исключением, была короткой, так как надобности в длительной не было.

В 3 часа 5 минут войска группы армий "Север" под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба перешли в наступление. "Сопrotивление на границе, — записано в журнале боевых действий группы армий, — было очень незначительным. Противник был застигнут враспloh". Все пограничные мосты в полосах наступления 16-й и 18-й армий и 4-й танковой группы были захвачены неповрежденными.

В первый же день подвижные соединения этой группы продвинулись на глубину от 40 до 60 км. "Этот прорыв, — подытоживается в журнале боевых действий за первый день, — удался благодаря тому, что приграничные позиции противника либо оборонялись очень слабо, либо совсем были не прикрыты".

Та же картина отражена и в журнале группы армий "Центр", которой командовал генерал-фельдмаршал фон Бок: "Противник на всех участках застигнут враспloh...Мосты через Западный Буг взяты нашими войсками...Сопrotивления в Бресте оказывается,

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 2513, д. 71, л. 131.

главным образом, в крепости...Общая оценка обстановки: наше наступление явилось полной неожиданностью для противника. Против заблаговременно подготовленного, планомерного и продуманного отхода противника говорит тот факт, что нами захвачены все мосты, которые оказались неповрежденными”.

Последнему факту германское командование придавало особо важное значение, рассчитывая окружить и уничтожить наши войска западнее рубежа рек Западная Двина, Днепр, не дав возможности им отходить в глубь страны. Этот расчет исходил из учета уроков похода в Россию наполеоновской армии в 1812 г., когда русское командование не позволило французам окружить и уничтожить свои войска в одном генеральном сражении, как планировал Наполеон.

Однако на западном направлении 3-й и 2-й танковым группам удалось продвинуться в первый день до 60 км в глубину и положить начало из районов Сувалки и Бреста будущему окружению войск Западного фронта в районе западнее Минска.

Примерно также разворачивались события в первые часы войны и в группе армий “Юг”, которой командовал генерал-фельдмаршал фон Рундштадт. “В 3 часа 15 минут 22 июня, — отмечается в отчете 1-й танковой группы (кстати, 2-я танковая группа, по воспоминаниям Гудериана, перешла в наступление в эти же минуты) — пехота начала наступление. Противник ошеломлен внезапностью. Вначале он не оказывал никакого сопротивления. Важнейший мост у Соколь захвачен неповрежденным. Переправа через Буг проходила спокойно. Пехота забралась на высоты восточнее Буга и достигла сильно укрепленной позиции, не встретив при этом никакого сопротивления. Противник, кажется, захвачен врасплох”.

В донесениях из штабов групп армии в генеральный штаб указывалось, что “в некоторых местах русские были захвачены спящими в своих квартирах и казармах, и во многих случаях русские командиры оказались беспомощными перед лицом нападения”.

Итак, противник свидетельствует, что советские войска на всем фронте от Балтики до Карпат были застигнуты вторжением германских вооруженных сил на земле и в воздухе врасплох.

А как отражают положение дел на фронте 22 июня желавшие страницы наших архивных материалов?

После получения директивы о приведении войск в полную боевую готовность в штабах военных округов спешно принимались меры к тому, чтобы довести этот документ до армий, танковых и авиационных соединений. Они могли еще поднять войска по боевой тревоге и принять ряд мер по повышению готовности к

отражению агрессии, если бы над ними не висело как дамоклов меч пресловутое требование “не спровоцировать”. Поэтому все распоряжения передавались шифром, с соблюдением строжайших мер предосторожности, драгоценные часы и минуты затрачивались на техническую обработку документов. Вследствие этого к началу артиллерийской и авиационной подготовки противника удалось поднять лишь отдельные части и подразделения, а основную массу воинов приграничных округов этот ураганный огонь застиг в постели. Война была начата не провокацией, как представлялось Сталину, а ударом огромной силы.

О положении войск приграничных округов к началу вторжения немцев убедительно свидетельствует журнал боевых действий Западного фронта: 22 июня 1941 г. около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии. Примерно в 2 часа — 2 часа 30 минут аналогичное приказание было сделано шифром армиям. Частям укрепленных районов предписывалось немедленно занять укрепленные районы. (Заметим, что этого они так и не успели сделать). По сигналу “Гроза” вводился в действие “Красный пакет”, в котором находился план прикрытия государственной границы. Шифровка штаба округа штабами армий были получены слишком поздно. 3-я и 4-я армии успели расшифровать их и сделать кое-какие распоряжения, а 10-я армия расшифровала это распоряжение уже после начала военных действий”^{*1}.

Получив с трудом некоторые сведения и нападении немцев из штабов армий, Военный совет Западного фронта отдал войскам следующий приказ: “Командующим 3-й, 10-й и 4-й армиями. Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому.

Павлов. Климовских. Фоминых”.

На документе отметка: “Отправлен 22 июня 1941 г. 5 часов 25 минут”^{*2}.

Нет оснований утверждать, что этот документ дошел до исполнителей, так как ночью проводная связь была выведена из строя засланными в наш тыл диверсантами и вражеской агентурой, а радиостанции на узлах связи разбиты ударами немецкой авиации. В результате этого войска Западного фронта, неуправляемые вы-

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 355802, д. 1, л. 1—10.

^{*2} Там же, оп. 2454, д. 26, л. 76.

шестоящими штабами, в первые часы 22 июня самым ходом событий втягивались в сражения.

Примерно то же самое происходило на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. В 6 часов 10 минут Военный совет Северо-Западного фронта направил наркомом обороны шифровкой донесение: "В 4.00 22.6.41 г. немцы начали боевые действия. Военно-воздушные силы противника бомбардировали аэродромы Виндава, Паневежис, Шауляй, Ковно. Обстреляли артиллерией Паланга, Таураге, Калвария. Танки противника наступают — Таураге. Пехота наступает — Шаки, Виштынец и Кальвария... Отдал приказ контратаками выбросить противника и пленить. (Вот ведь какой настрой-то еще был в начале войны!). Наши военно-воздушные силы в воздухе. До получения вашего приказа границу не перелетать...принял меры, чтобы бомбить противника, не перелетая границы...

Кузнецов. Кленов. Диброва"*1.

По мере поступления хотя и не отражающих еще реальную картину сведений из войск оптимизм у командования Северо-Западного фронта постепенно угасал.

Получив сведения о том, что с границы на восток в панике бегут группы безоружных красноармейцев, находившихся на строительстве оборонительных сооружений, начальник штаба фронта генерал Кленов, направил телеграмму командующему 8-й армии генералу Собенникову в 7 часов 15 минут 22.6.41 г.: "Сегодня из Риги в Шауляй будет доставлено машинами 10 тысяч английских винтовок и 2 миллиона к ним патронов. Вооружайте стройбаты, оружие давать только безусловно преданным бойкам"*2.

Из этого документа явствует, что, во-первых, с оружием в округе дело обстояло неблагополучно, если в первые же часы войны со складов в войска направляется иностранное оружие, а не отечественное. Во-вторых, местное население, из которого, в основном, были сформированы строительные батальоны, в большом количестве было против насаждаемых им советских порядков, а поэтому и считалось неблагонадежным. А это не могло не осложнить действия советских войск на территории Прибалтики.

В 9 часов 35 минут Кузнецов и Диброва докладывают Тимошенко: "Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друсkenики. 128-я стрелковая дивизия большей ча-

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 2467, д. 39, л. 101.

*2 Там же, оп. 1394, д. 23, л. 109.

стью окружена, точных сведений о ее состоянии нет. Ввиду того, что в Ораны стоит 185-я сд, которая еще не укомплектована, 179-я — в Свенцяны также не укомплектована и ненадежна, так же оцениваю 181-ю сд — в Гулбэне, а 183-я сд на марше в лагерь Рига, поэтому на своем левом крыле и стыке с Павловым (Западный фронт) создать группировку для ликвидации прорыва не могу. Прошу помочь. Тильзитскую группировку противника буду бить контрударами: с фронта Телшяй, Повентис — 12-м мк, с направления Кейданы, Россиены — двумя дивизиями 3-го мк. 5-я тд на восточном берегу р. Неман в районе Алитус будет обеспечивать отход 128-й сд, а также не допускать переправы противника на восточный берег р. Неман севернее Друскеники»^{*1}.

Чтобы представить, какова была боеспособность названных Кузнецовым соединений, находившихся на левом крыле фронта, и что можно было от них ожидать, приведем некоторые выдержки из представляющих большой интерес воспоминаний начальника штаба 29-го стрелкового корпуса полковника П.Н.Тищенко, в состав которого входили 179-я и 185-я дивизии.

Подробности необходимы, потому что они объясняют те обстоятельства, из которых рождались неблагоприятные события. Этот корпус создавался на базе литовских войск. В соединениях и частях русскими были лишь командиры, комиссары и начальники штабов. К личному составу проявлялось недоверие. 179-я сд находилась в лагерях в Свенцяны (80 км северо-восточнее Вильнюса), а 185-я сд — в лагерях в Ораны (в 70 км от границы). В этих дивизиях было самое разнообразное вооружение и преимущественно иностранных образцов — немецкое, бельгийское, шведское, чехословацкое. Личный состав носил форму старой литовской армии, кроме знаков различия. “Незадолго до моего приезда (он прибыл в штаб корпуса в Ораны 19 июня 19941 г.), — вспоминает Тищенко, — было арестовано около 300 человек офицерского состава из-за неблагонадежности. Кроме того, по информации особого отдела корпуса, были заготовлены списки на две с лишним тысячи человек сержантского и рядового состава, которые подлежали изъятию из частей корпуса и вообще все материальные запасы находились в Вильно”.

21 июня, вспоминает Тищенко, он вместе с командиром корпуса генерал-майором А.Самохиным был в Каунасе в штабе 11-й армии, в которую входил корпус. Стал свидетелем того, как “ка-

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 221, ОП. 1394, Д. 23, л. 123—124.

кой-то большой начальник, приехавший в штаб армии, устроил там разнос за то, что накануне в Даугавпилсе произвели затемнение города. Он приказал немедленно отменить это мероприятие". Вернувшись в штаб корпуса, Тищенко отпустил нескольких литовских офицеров на воскресенье домой в Вильнюс и Каунас. В 3 часа утра ему позвонил дежурный по штабу и доложил, что, по сообщению коменданта железнодорожной станции Ораны, был слышен сильный взрыв и что нарушена телефонная и телеграфная связь. Он сказал также об отсутствии связи и с Вильно и Каунасом и невозможности установить связь по радио с Ригой (штабом округа), которую постоянно поддерживал штаб корпуса.

Прибыв в штаб корпуса, Тищенко попытался связаться с Каунасом и Ригой, но ничего не вышло. "Особых причин для беспокойства не было, — пишет он, — но я почувствовал, как-то не по себе. (Вот ведь как "зарядили" нас тогда сообщением ТАСС. — Авт.) Около 5 часов я услышал шум моторов самолетов и стрельбу в воздухе. В стороне от Ораны кружились несколько легких самолетов — истребителей и шла пулеметная перестрелка. Выяснить принадлежность самолетов было трудно, тем более, что мы еще не видели до этого самолетов противника. Конечно, в голове сидела мысль: "Не война ли это?", но другая мысль старалась опровергнуть подобное предположение. Я позвонил по внутреннему телефону командиру корпуса и доложил ему обо всем. Через некоторое время он пришел в штаб. Связь продолжала отсутствовать... Мы стали размышлять, что же нам делать если на самом деле началась война. Боеприпасов в лагере не было, транспорт в весьма ограниченном количестве, запасов горючего также не было... А время шло и мы дождались выступления товарища Молотова. Теперь все стало ясно".

Вскоре, продолжает рассказ Тищенко, поступило донесение от высланной на запад разведки. западнее моста через Неман в районе Алитуса она встретила разрозненные группы пограничников, которые отходили на восток. До этого видели толпы вооруженных красноармейцев из строительных частей, возводивших оборонительные сооружения на границе, и бежавших в панике на восток. Мост через Неман никем не охраняется и не обороняется, донесли они. "Находясь в таком нелепом положении, не имея никакого плана действий на случай войны, находясь всего в 70 км от границы, — отмечает он, — мы понимали, что своей "обороной" без боеприпасов вряд ли мы принесем кому-нибудь пользу, кроме противника. Перед нами встал вопрос об отводе своих войск к Вильно, ближе к своей базе. В то же время чувство дисциплины требовало, чтобы на отход получить приказ начальства, а с ним нет связи... К вечеру, после непрерывных вызовов по радио, вдруг

ответил штаб округа и передал короткую шифровку. В ней было сказано: "Командиру 29-го стрелкового корпуса. Отходить на Вильно, принимая все меры к недопущению восстания в частях корпуса. Кузнецов. Диброва". Этот приказ командующего округом и члена Военного совета, с одной стороны, дал нам внутреннее удовлетворение, подтвердив принятые нами решения, а, с другой стороны, опечалил нас — мы не предполагали, что в частях может быть восстание. Заметим, что, как он указывает дальше, попытки восстания и перестрелки между русскими и литовцами были 22 июня и в последующие дни, пока все местное население не разбежалось из частей корпуса.

Я привел эти длинные выдержки из неопубликованных воспоминаний Тищенко, хранившихся в Военно-историческом отделе Генерального штаба, лишь потому, что они воспроизводят общую картину состояния и деятельности командного состава тех соединений и частей, которые находились во втором эшелоне армий прикрытия в первый день войны.

...Такими силами, как 29-й стрелковый корпус, командующий Северо-Западным фронтом действительно не мог создать группировку войск для ликвидации прорыва 3-й танковой группы генерал-полковника Гота на стыке с Западным фронтом.

Вслед за отходившими подразделениями советских войск по мостам через Неман проскочили и немецкие танки. Два моста у Алитуса и один у Меркине были захвачены противником. "Для 3-й танковой группы, — заметил Гот, — явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными... Захват трех мостов стал возможен благодаря тому, что нападение явилось полной неожиданностью для противника и что последний потерял централизованное управление войсками"*1.

Овладев мостами, 3-я танковая группа начала переправляться на восточный берег Немана. Для нее открылся путь на Вильнюс (Вильно), который преграждали лишь отошедшие части 5-й танковой дивизии. К исходу дня соединения 11-й армии оказались расчлененными на части и, потеряв связь со штабами армии и фронта, неорганизованно отходили на Каунас и Вильнюс. При отходе все склады и боевая техника из-за невозможности ее транспортировки оставлялись врагу. Многие части в первый же день остались без артиллерии и боеприпасов.

---

*1 Гот.Г. Танковые сражения. М., 1961, с. 64—65.

Не смог Кузнецов в трудных условиях обстановки, сложившейся в первые часы войны, организовать мощный контрудар силами 3-го и 12-го механизированных корпусов и по прорывавшимся на Шауляй соединениям 4-й танковой группы под командованием генерал-полковника Гепнера.

Вот как оценивал сложившуюся обстановку к исходу первого дня войны Военный совет Северо-Западного фронта в докладе нарком обороны, отправленному в 22 часа 20 минут 22.6.41 г.

"1. Противник развивает удар в двух направлениях: первое — Тильзит, Шавли силами до семи пехотных дивизий и двух моторизованных дивизий... 8-я армия дралась целый день против более чем вдвое превосходящих сил противника, при абсолютном господстве противника в воздухе. Противник стремительно развивает удар в северо-восточном и восточном направлениях, создавая угрозу не только 8-й армии, но и 11-й армии. Считаю: поражение противника на этом направлении в ближайшее время, чтобы остановить удар противника, может решить судьбу операции фронта.

2. На каунасском и алитусском направлениях сдерживали наши четыре стрелковые дивизии 11-й армии до семи пехотных, двух танковых и двух моторизованных дивизий противника; упорно ведут бои, отходя на восток, чтобы задержать противника обороной на правом берегу Немана.

3. Получился разрыв с Западным фронтом, который закрыть не имею сил ввиду того, что бывшие пять территориальных дивизий (литовские и эстонские) мало боеспособны...

4. Подготовку удара по тильзитской группе противника (4-я танковая группа) провожу: по принятому решению (3-м и 12-м механизированными корпусами). 11-я армия пятью стрелковыми дивизиями и одной (5-й) танковой дивизией должна сдерживать противника на каунасском и алитусском направлениях до перегруппировки сил фронта с шауляйского на алитусское направление.

Прошу:

1. Ускорить подачу приписного состава для бывших территориальных дивизий.

2. Помочь закрыть разрыв с Западным фронтом до ввода бывших территориальных дивизий в бой, что будет иметь место не ранее 3 июля.

3. Усилить фронт военно-воздушными силами, так как противник, захватив господство в воздухе, будет его удерживать до

тех пор, пока не отобьем... Неготовность аэродромов создает тяжелые условия для военно-воздушных сил фронта. Проводная связь разбита противником, держу связь с армиями по радио.

Кузнецов. Кленов. Диброва"*1.

Конечно, не по злему умыслу, а по незнанию инстинного положения Кузнецов дезориентировал Тимошенко в том, что войска 11-й армии ведут упорные бои, когда в действительности они в расстроенных боевых порядках отступали, а местами — спасались бегством не в состоянии задержать 3-ю танковую группу на Немане.

На стыке Северо-Западного и Западного фронтов уже к исходу первого дня войны сложилась угрожающая обстановка.

Еще в более сложном и трудном положении оказались 22 июня войска Западного фронта, в полосе которого противник наносил главный удар, сосредоточив с этой целью наиболее мощную группировку войск и авиации.

Из правофланговой 3-й армии с 4 до 10 часов утра было получено в штабе фронта всего три боевых донесения, а затем связь прервалась и возобновилась временно лишь к исходу второго дня войны. В первом боевом донесении, подписанном командующим армией генерал-лейтенантом В.И.Кузнецовым, членом Военного совета армейским комиссаром 2 ранга Бирюковым и начальником штаба генерал-майором Кондратьевым и отправленном в 4 часа 45 минут, сообщалось: "Противник в 4.00 22.6.41 г., нарушил (!) госграницу на участке от Сопоткин до Августов, бомбит Гродно, в частности, штаб армии. Проводная связь с частями нарушена, перешли на радио, две радиостанции уничтожены. Действуем в точном соответствии с директивой № 002140 по прикрытию госграницы"*2.

Во втором донесении, отправленном в 8 часов 30 минут, когда обстановка более или менее прояснилась, и подписанном только начальником штаба, никаких упоминаний о "действиях в точном соответствии с директивой по прикрытию госграницы" нет. В нем отмечается:

"1. Противник в 4.00 22.6.41 г. открыл артиллерийский огонь по нашим войскам, расположенным у границы. С 4 часов через каждые 20—30 минут — налеты авиации по 3—5 самолетов. Бом-

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 221, оп. 1394, д. 23, л. 171—175.

*2 Там же, ф. 208. оп. 3038, д. 12, л. 2.

бят Гродно, Сопоткин и, в частности, штаб армии. В 7 часов 15 минут 16 самолетов бомбили Гродно на высоте 1000 м. В Гродно пожары. С 4 часов 30 минут до 7 часов произведено 4 налета на аэродром Новы Двур группами 13—15 самолетов... В районе Гродно нашим истребителем и зенитной артиллерией сбито два бомбардировщика... Проводная связь порвана, радиосвязь до 8 часов не установлена. В части высланы делегаты связи"*¹.

В третьем донесении, подписанном тем же Кондратьевым и отправленном в 10 часов 15 минут, указывается: "Противник прорвал наши войска и овладел Сопоткин, Голынка и Липск. Налеты авиации на Гродно продолжаются. Части 3-й армии сдерживают наступление, отходят... Связи с Каунасом (с соседом справа — 11-й армией Северо-Западного фронта) и Белостоком (соседом слева — 1-й армией) нет"*².

Из 10-й армии, находившейся в центре Западного фронта в Белостокском выступе, за весь первый день войны было получено Павловым лишь одно боевое донесение, отправленное в 10 часов 5 минут и подписанное командующим армией генерал-майором К.Д.Голубевым, за члена Военного совета бригадным комиссаром Ивановым и начальником штаба генерал-майором Ляпиным. "Противник с 5 часов после часовой артиллерийской подготовки, — говорилось в нем, — по всему фронту перешел в наступление и к 8 часам, по отрывочным данным с фронта, части противника заняли Граево, Конты, Новогруд. В 7 часов 30 минут танки противника проникли в Цехановец. С 4 до 6 часов противник бомбил Белосток силой до 60 самолетов: аэродром, военный городок и штаб 6-го мк. В то же время противник бомбил Ломжа и передовые аэродромы... С 8 часов организовал разведку частями 6-го и 13-го мк с целью уяснения положения на фронте и установления соприкосновения с танковыми частями противника для нанесения контрудара... Получены сведения о высадке небольшого авиадесанта в Браньск"*³.

Судя по этому донесению, командующий 10-й армией вообще не знал, в каком положении находятся войска первого эшелона.

Не знал этого и командующий 4-й армией, прикрывавшей брестское направление, на котором наносили удар войска 4-й армии

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 221, оп. 1394, д. 15, л. 7.

*2 Там же оп. 2454, д. 22, л. 397.

*3 Там же, оп. 3038, д. 15, л. 27.

фельдмаршала Клюге и 2-й танковой группы Гудериана. Лавина вражеских танков, поддерживаемых авиацией устремилась на восток. "Внезапность нападения на противника были достигнута на всем фронте танковой группы, — констатировал Гудериан. — Западнее Брест-Литовска 24-м танковым корпусом были захвачены все мосты через Буг, оказавшиеся в полной исправности"*1.

Получив из штаба округа около 12 часов ночи сигнал "всем быть наготове", генерал А.А.Коробков под свою ответственность приказал разослать во все соединения опечатанные "красные пакеты" с инструкциями о порядке действий по боевой тревоге, разработанными по плану прикрытия. Эти пакеты хранились в штабе армии и не вручались командирам соединений потому, что решение командующего армией не было еще утверждено Военным советом округа. Однако командиры соединений знали содержание документов, находившихся в пакетах, так как участвовали в их составлении.

Но приказы и распоряжения о приведении войск 4-й армии, как и других, в боевую готовность опоздали. Война уже началась, застав их врасплох. "Красный пакет опоздал, — доносил 3 июля командир 75-й сд генерал-майор С.И.Недвигин Коробкову, — а отсюда и вся трагедия". Это заключение генерала можно отнести ко всем советским войскам, имея в виду опоздание Сталина с дачей разрешения на приведение их в полную боевую готовность.

Первое боевое донесение командующий 4-й армией направил Павлову в 6 часов 40 минут: "Доношу: в 4.15 22.6.41 г. противник начал обстрел крепости Брест и района города Брест. Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6 часам артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42, 6 и 75-я стрелковые и 22-я и 30-я танковые дивизии выходят в свои районы. О 49-й сд данных нет... Данных к 6 часам о форсировании противником р. Западный Буг не имею. Штабом перехожу на запасной командный пункт — Буховиче. 22-я танковая дивизия под артиллерийским огнем в беспорядке вытягивается в свой район..".*2.

В боевом донесении, посланном в 11 часов 55 минут и подписанном только начальником штаба 4-й армии полковником Л.М.Сандаловым, указывалось: "1. К 10.00 22.6 части армии продолжают выходить в районы обороны (49-я и 75-я сд), причем

---

*1 Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954, с. 147—148.

*2 ЦАМО РФ Ф. 221, оп. 1334, д. 12, л. 1.

гарнизон крепости Брест — 42-я и 6-я сд — потерпел от авиации и артиллерии противника большой урон, в результате которого 6-я сд принуждена была к 7.00 отдать с боями Брест, а разрозненные части 42-й сд собираются... Противник превосходит в воздухе, наши авиаполки имеют большие (30—40%) потери, штаб армии разгромлен (в Кобрине)...

2. Отдал приказание: а) 28-му ск не допустить дальнейшего продвижения противника на Жабинка. б) 14-му мк в составе 22-й и 30-й тд, сосредоточившемуся в районе Видомль, Жабинка, атаковать противника в брестском направлении, вместе с 28-м ск и 10-й смешанной авиадивизией уничтожить его и восстановить положение. .. Связь имеется со штабом 28-го ск и периодическая со штабом 14-го мк ".*1.

В 18 часов 30 минут Коробков подписал боевой приказ № 02 следующего содержания:

"1. Противник бандитски напал на советские города и потеснил наши части в восточном направлении.

2. Части 4-й армии, продолжая в течение ночи твердую оборону занимаемых рубежей, с утра 23.6.41 г. переходят в наступление в обход Бреста с севера с задачей уничтожить противника, переправившегося через р. Западный Буг... Атаку начать в 5.00 после 15-минутного огневого налета. Границу до особого распоряжения не переходить (!)..".*2.

Вот как оценивалась обстановка и какие действия предпринимались в первый день войны командованием 4-й армии, в полосе которой группа армий "Центр" наносила главный удар. Они убедительно свидетельствуют о том, что Коробков как и другие командующие армиями, не осознавал мощи удара противника и его воздействия на подчиненные ему войска, о положении которых, мало что знал. Если бы он представлял, что творится в соединениях и частях, подвергшихся ударам противника, то не ставил бы им задач на наступление, так как они уже и обороняться-то были не в состоянии. В подтверждение этого приведу выдержки из отчета 6-й стрелковой дивизии о начале боев за крепость Брест: "В 4 часа утра 22 июня был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм в центральной части крепости, по мостам и входным воротам и домам начальствующего состава. Этот налет внес замешательство и вызвал панику среди красно-

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 221, оп. 1334, л. 12, л. 3—4.

*2 Там же, ф. 226, оп. 2156, д. 67, л. 2—3.

армейского состава. Командный состав, подвергшийся в своих квартирах нападению был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не могли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня... В результате красноармейцы и младшие командиры без управления со стороны средних командиров, одетые и раздетые, группами и по одиночке, выходили из крепости, преодолевая обводный канал, реку Мухавец и вал крепости под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Потери учесть не было возможности, так как разрозненные части 6-й дивизии смешались с разрозненными частями 42-й дивизии, а на сборное место многие не могли попасть потому, что примерно в 6 часов по нему уже был сосредоточен артиллерийский огонь”^{*1}.

А если учесть, что с западной границы в панике с душераздирающими криками бежали в их расположение сотни безоружных и полураздетых красноармейцев и рабочих, находившихся на строительстве Брестского укрепленного района, то можно представить, в каком состоянии находились части и соединения первых эшелонов армий прикрытия, находясь под непрекращающимся артиллерийским огнем и бомбовыми ударами немецкой авиации. Ошеломленные и растерянные, они и дальше несли большие потери в людях и материальной части. В страшной суматохе и панике начался массовый уход на восток семей партийных и советских работников, семей военнослужащих и всего населения, не пожелавшего попасть под власть нацистов. Все это усугубляло и без того тяжелое моральное состояние войск Западного фронта.

Командование фронтом, имея весьма скудные и отрывочные данные об обстановке, в первой половине дня никаких кардинальных решений не принимало. Все отданные штабом округа распоряжения были направлены главным образом на ускорение выдвижения войск из глубины округа.

Вынужденный отход войск 3-й и 4-й армий поставил в трудное положение 10-ю армию. Уже в первый день в центре обозначилось подобие “мешка”, в котором оказались соединения Голубева. Павлов не мог еще видеть этой угрозы. Однако, основываясь на опыте январской оперативно-стратегической игры, он решил нанести мощный контрудар из района Белостока по наиболее сильной группировке противника. Не зная, где самый опасный участок фронта, Павлов около десяти часов направил самолетом к Голубеву своего заместителя генерал-лейтенанта И.В.Болдина. Тот в, зависимости

---

^{*1} ЦАМО РФ Ф. 202, оп. 5, д. 65, л. 98.

от обстановки, должен был организовать контрудар на гродненском или брестском направлении.

Так пришлось командующему Западным фронтом управлять войсками в первый день войны. Об этом в 13 часов начальник штаба генерал Климовских сообщил начальнику Генерального штаба: “ввиду потери связи с 10-й армией, в Белосток вылетел заместитель командующего войсками генерал Болдин с задачей установить положение на фронте 10-й армии и в зависимости от обстановки использовать 6-й мк в гродненском или брестском направлениях”^{*1}.

Несмотря на неполноту данных, начальник разведывательного отдела штаба Западного фронта полковник Блохин сделал правильный вывод о намерениях противника. В разведсводке № 1 к 20.00 22.6.41 г., посланный в Генеральный штаб, указано: “Противник, имея значительное превосходство в воздухе, при взаимодействии авиации, танковых и парашютных частей стремится овладеть районом Лиды для обеспечения высадки воздушного десанта в тылу основной группировки войск Западного фронта. Концентрическими ударами в направлении Гродно и в северо-восточном направлении на Волковыск отрезать основные коммуникации. Устанавливается всеми видами разведки дальнейшее продвижение сувалковской и брестской группировок противника..”^{*2}.

Однако, если разведывательная сводка правильно вскрывала назревающую опасность, то первый пункт оперативной сводки № 1, направленной в Москву из Минска в 22 часа, дезориентировал Генеральный штаб. В нем констатировалось, что “Части Западного фронта в течение дня 22.6.41 г. вели сдерживающие бои и, оказывая упорное сопротивление превосходящим силам противника, к 17 часам отошли на рубеж Келбасин, Домброва, Осовец, Граево, Кольно, Ломжа, западнее Бельск”^{*3}. В действительности же ни о каких “сдерживающих боях” и “упорном сопротивлении” и речи не могло быть. Войска разрозненными группами в панике, сопровождаемые низко пролетающими над их головами с ревом и свистом германскими самолетами, поспешно отходили и бежали на восток.

В сводке отмечено, что связь с армиями работала с большими

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 208, оп. 10169, д. 4, л. 23.

*2 Там же, оп. 3038, д. 15, л. 3.

*3 Там же, оп. 10169, д. 7, л. 1

перебоями, а оперативных донесений от них за день боя так и не поступило.

На Юго-Западном фронте в первые часы 22 июня обстановка складывалась примерно так же, как и на других фронтах, потому что войска этого фронта тоже были застигнуты врасплох. Главный удар группа армий "Юг" под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта наносила в направлении Соколь, Дубно. В отличие от других групп армий, при прорыве пограничных укреплений в первом эшелоне наступали пехотные соединения.

Генерал Клейст начал вводить в сражение танковые соединения около 10 часов утра, после того как пехота форсировала Западный Буг. Танковые дивизии, поддерживаемые бомбовыми ударами авиации, сломив сопротивление выдвигавшимся им навстречу нашим стрелковым частям, устремились вперед. Как только об этом стало известно в штабе фронта, генерал Кирпонос приказал командующему 6-й армии генерал-лейтенанту И.Н.Музыченко нанести частями 4-го механизированного корпуса контрудар и совместно с отрядом 15-го механизированного корпуса, выделенным для ликвидации авиадесанта противника в Радехове, уничтожить противника...^{*1}.

С целью подрыва узлов и линий связи, захвата мостов, аэродромов и других объектов, а также деморализации наших войск и дезорганизации тыла, противник на всех фронтах широко использовал с первых же часов войны парашютные и посадочные десанты численностью от 4—6 до 200—400 человек с мотоциклами, велосипедами, легким оружием и радиостанциями для связи и передачи разведывательных данных. Свыше десяти десантов было выброшено и посажено 22 июня только в полосе Юго-Западного фронта. Наиболее крупные из них были в районах Дубно, Ковеля, аэродрома Черновцы, северо-восточнее города Стрый.

В этой связи нельзя не указать на неправильное использование многочисленных танковых войск на Юго-Западном фронте в первый день войны. Вместо того, чтобы ликвидировать их силами пехоты, на уничтожение десантов бросали танковые подразделения 22, 15 и 8-го мехкорпусов, а в некоторых случаях даже бомбардировочную и истребительную авиацию.

Во исполнение приказа командующего фронтом генерал Музыченко в 15 часов приказал командиру 4-го мехкорпуса генерал-майору А.А.Власову: "а) выделить два батальона мотопехоты

---

^{*1} ЦАМО РФ Ф. 334, оп. 3949, д. 4, л. 1.

от 81-й моторизованной дивизии и нанести ими удар в направлении Жулкев, Каменка—Струмилова, м. Холоков и во взаимодействии с частями 15-го мехкорпуса уничтожить пехоту и танки в районе Радехов; б) остальному составу корпуса быть готовым к нанесению удара в направлении Краковец, Радымно с целью уничтожения противника, прорвавшегося в район Дуньковице”^{*1}.

Вместо нанесения сильного контрудара, как приказал Кирпос, командующий 6-й армией выделил для разгрома танковой группировки противника, прорвавшейся к Радехову, лишь три батальона.

Осуществлявшийся небольшими силами контрудар, а точное контратака, не мог дать желаемых результатов. Вклинившаяся группировка не была уничтожена. Прорыв не удалось ликвидировать и в полосе 5-й армии, хотя генерал-майор М.И.Потапов предпринимал меры к нанесению контрудара силами 22-го мехкорпуса. Ввиду того, что времени на подготовку было мало, а части и соединения находились на большом удалении друг от друга, контрудар наносился неорганизованно и на широком фронте. Поэтому выполнить боевую задачу войскам 5-й армии, так же как и 6-й, не представилось возможным.

Передовые танковые части группы Клейста, как это зафиксировано в журнале боевых действий 48-го моторизованного корпуса, прорвались к концу дня на глубину до 20 км. Пехотные же соединения противника продвинулись значительно меньше, так как они были вынуждены вести напряженные бои с гарнизоном дотов, которые продолжали упорную борьбу с врагом, даже находясь уже в его тылу.

Юго-Западный фронт имел достаточные силы сухопутных войск не только для того, чтобы восстановить положение, но и перенести боевые действия на вражескую территорию. Значительно хуже обстояло дело в воздухе. Воздушная обстановка вследствие нанесения противником внезапных массированных ударов по аэродромам с первого же часа войны сложилась не в его пользу. Захватив инициативу в воздухе и нанеся большой урон военно-воздушным силам, немецкая авиация оказывала сильное влияние на действия наземных войск и этого фронта.

О действительно упорных и со второй половины дня более организованных боях войск Юго-Западного фронта с вторгшимся противником свидетельствует и оперативная сводка № 1 к 20.00

---

^{*1} ЦАМО РФ Ф. 221, оп. 1334, д. 5, л. 1.

22.6.41 г., направленная из Тернополя в Генеральный штаб и подписанная начальником штаба генерал-лейтенантом М.А.Пуркаевым и начальником оперативного отдела полковником И.Х.Баграмяном. В ней отмечается, что 5-я и 6-я армии ведут упорные бои и продолжают сосредоточение войск к фронту. В полосе 6-й армии взяты первые пленные из 9-й пехотной дивизии. 26-я армия вела упорные бои на рубеже р. Сан, ее 99-я сд отбивает вражеские атаки в районе Перемышля. 12-я армия ведет бои на черновицком направлении. Ее 60-я горнострелковая дивизия, отбивая атаки противника, убила 14 германских солдат, 7 человек взяла в плен, захватила пушку, миномет и 6 пулеметов^{*1}.

Так завершился первый день войны на Юго-Западном фронте. Несмотря на то, что группе армий "Юг" удалось достичь некоторых успехов, все же они были более скромными по сравнению с другими группами армий. Это обуславливалось тем, что войска Юго-Западного фронта были сильнее по своему составу, чем других фронтов, и несколько организованнее вступили в сражение. Но именно там, а не здесь немецкая армия наносила главный удар.

Что же делалось по получении скудных сведений с фронта в Москве? Какое влияние указания политического и военного руководства оказывали на действия советских войск по организации отпора вторгшемуся агрессору?

Как только были получены сведения о вторжении немцев, проводившие бессонную ночь Тимошенко и Жуков немедленно доложили об этом Сталину, который тоже отошел ко сну лишь около трех часов, так как всю ночь продолжалось заседание Политбюро. Кроме ранее указанных вопросов на нем был заслушан доклад председателя Моссовета В.И.Пронина о готовности местной противовоздушной обороны города. Во время советско-финляндской войны он изучил опыт организации противовоздушной обороны Ленинграда. Этот опыт был использован при разработке плана противовоздушной обороны столицы, о чем Пронин и сказал в заключение.

Во время выступления Пронина и обсуждения других неотложных вопросов, связанных с надвигающейся войной, Сталину периодически докладывали из Генерального штаба о донесениях из штабов округов. На границе пока все спокойно, говорили ему то Жуков, то Ватутин. Решили, что в этот день, возможно, ничего не произойдет, и поехали по домам.

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 229, оп. 9776, д. 63, л. 5—10.

По прибытии в Кремль в пятом часу утра 22 июня, Сталин спросил у вызванных туда же наркома и начальника Генерального штаба: "Не провокация ли это немецких генералов? Разберитесь и предупредите, чтобы наши самолеты не перелетали границы".

Возвратившись на рабочие места Тимошенко и Жуков, выполняя указания Сталина, предупредили командующих о недопущении осложнений с вторгшимся врагом. Однако на местах такое благодушие быстро улетучивалось.

В шестом часу утра заместитель командующего Западным фронтом генерал И.В.Болдин доложил по телефону наркому обороны о том, что немецкие самолеты продолжают с бреющего полета расстреливать советские войска, мирное население. На многих участках противник перешел границу и продвигается вперед. "Внимательно выслушав меня, — вспоминает Болдин, — маршал Тимошенко говорит: — Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не начинать. — Как же так, — кричу в трубку, — наши войска вынуждены отступать, горят города, гибнут люди...

— Иосиф Виссарионович считает, что это, возможно, провокационные действия некоторых германских генералов...

— Товарищ маршал, нам нужно действовать. Каждая минута дорога. Это не провокация. Немцы начали войну!

Настаиваю на немедленном применении механизированных, стрелковых частей и артиллерии, особенно зенитной. В противном случае дело обернется плохо. Но нарком, выслушав меня, повторил прежний приказ"*1.

Этот эпизод был опубликован Болдиным еще при жизни Тимошенко, и он его не опроверг.

Аналогичные донесения, запросы и настоятельные просьбы поступали в Москву и с других фронтов. "Вооружившись" ими, Тимошенко с Жуковым направились к Сталину докладывать, что это война, а не провокация и пора отдавать войскам приказ о начале боевых действий. Но и это не сразу подействовало на него. Лишь только после того, когда вошел в его кабинет Молотов, которого посетил Шуленбург, заявивший от имени своего правительства о вступлении Германии в войну с СССР, он разрешил сделать это. Но так как в нем теплилась еще надежда на урегулирование конфликта, то он потребовал, чтобы войска не переходили границу.

---

*1 Военно-исторический журнал, 1961, № 4, с. 65.

Сообщение Молотова его потрясло. Оно подорвало его уверенность в свою мудрость и прозорливость. Он наконец-то уразумел, как Гитлер обвел его вокруг пальца. Ему, после опубликованного 14 июня сообщения ТАСС, стыдно было смотреть в глаза своим соратникам и сообщать о начавшейся войне советскому народу. Он поручил сделать это заявление Молотову.

В 7 часов 15 минут Главный военный совет отдал войскам директиву № 2 о вступлении в вооруженную борьбу с вторгшимся врагом. Вот ее содержание:

"22 июня 1941 г. в 4 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу. В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100—150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать"^{*1}.

Когда эта директива была получена в штабах фронтов, войска первого эшелона уже втянулись ходом событий в оборонительные сражения разрозненными группами и из-за отсутствия средств связи были никем неуправляемы. Механизированные корпуса выдвигались в районы, указанные им в планах прикрытия, а некоторые части и подразделения вступали в бой.

Фронтовой и армейской авиации, невозможно было выполнить требования директивы в связи с большими потерями и необходимостью оставления уцелевшими самолетами прифронтовых аэродромов, которые либо уже были захвачены противником, либо выведены из строя.

Удары по городам Кенигсберг и Мемель нанесла лишь авиация

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 318, оп. 4631, д. 6, л. 1.

резерва Главного командования. Кенигсберг бомбил 1-й авиационный корпус под командованием генерал-майора авиации В.И.Изотова. Враг не ожидал удара нашей дальнебомбардировочной авиации, которая выполняла боевое задание без прикрытия истребителей. Над цитаделью прусского милитаризма взметнулись столбы огня и дыма. Это был единственный пример отищения врагу в первый день войны, не считая нескольких сбитых немецких самолетов в воздушных боях. На обратном пути наши бомбардировщики были встречены истребителями противника. Три бомбардировщика были сбиты.

Таким образом, требования Главного военного совета, изложенные в директиве № 2, в связи с тем что они не соответствовали сложившейся обстановке, оставили свой след только на бумаге. Такова же участь была уготована и директиве № 3, требования которой были еще более нереальными.

Так в чем же дело? А дело в том, что о положении дел на фронтах не знали не только в Москве, но и в Риге, Минске и Тернополе, где находились штабы фронтов. В последнем к исходу 22 июня был и Жуков.

В середине дня его вызвал Стали и сказал, что командующие фронтами вряд ли смогут организовать противодействие противнику, так как не имеют достаточного опыта и видимо растерялись. Поэтому, сказал он, я направил на Западный фронт Шапошникова и Кулика, а к Кирпоносу отправитесь вы. Предполагалось, что Юго-Западный фронт после разгрома люблинской группировки перейдет в контрнаступление, которым Жуков, бывший до февраля командующим войсками Киевского округа, должен был руководить. Его обязанности временно возложили на заместителя начальника Генерального штаба генерала Н.Ф.Ватутина.

Получая в течение дня не отражавшие действительного положения на фронтах донесения и оперативные сводки, нарком обороны и Генеральный штаб не могли знать истинную обстановку, сложившуюся к исходу дня на фронте. Положение советских войск рассматривалось ими как относительно благополучное. В Москве, как и в штабах фронтов, не осознавали мощи удара противника и его воздействия на армии первых эшелонов фронтов, да и на обстановку в воздухе, где враг уже господствовал. Только этим можно объяснить совершенно не соответствующую действительности составленную к концу первого дня войны оперативную сводку Генерального штаба. Германские регулярные войска, говорилось в ней, в течение 22 июня вели бои с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня с подходом передовых частей полевых войск Красной

Армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника.

На основании информации фронтов нарком обороны и Генеральный штаб пришли к заключению, что севернее Полесья наиболее мощной группировкой немецких войск является сувалкская, а к югу от него — люблинская. От положения и состояния этих группировок, сделали они вывод, будет зависеть в ближайшее время ход войны. При оценке обстановки Тимошенко и Ватутин не учли вероятных действий тильзитской и брестской группировок противника. Об угрозе со стороны последней ничего не докладывал им Павлов. Правда, Кузнецов донес в Москву об опасности тильзитской группировки, но на это они не обратили достаточного внимания.

Не могли советские военные руководители реально оценить и воздушную обстановку. О больших потерях нашей авиации и ее состоянии им еще обстоятельно не докладывали, так как командующие фронтами сами не имели достоверных сведений. Поэтому они не знали, что немецкая авиация, захватив инициативу в воздухе, удерживала ее до конца дня, нанося удары по нашим аэродромам и ночью. В первую военную темнотную ночь над многими приграничными районами полыхало багровое зарево. Горели самолеты, склады горючего, аэродромные сооружения, города и села. И хотя наши летчики пытались еще бороться за господство в воздухе, исход борьбы был предопределен в первый день войны. Это дало противнику огромные преимущества в ведении военных действий и на земле.

Исходя из вышеизложенной оценки обстановки и в соответствии с планом ответного удара по агрессору Главный военный совет в 21 час 15 минут отдал войскам Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов директиву № 3, в которой были сформулированы ближайшие задачи им. Северо-Западному фронту приказывалось нанести мощный контрудар из района Каунаса во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки. От войск Западного фронта потребовали: сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки.

Юго-Западному фронту было приказано концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5-й и 6-й армий не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта окружить и уничтожить группировку противника, наступавшую на фронте Вла-

димир-Волынский, Крыстынополь, и к исходу 24 июня овладеть районом Люблина.

По замыслу Главного командования все эти удары должны были привести к захвату стратегической инициативы и созданию условий для разгрома вторгшегося агрессора. Но в неблагоприятной обстановке, сложившейся к исходу дня, организация контрнаступления была невозможным делом. В короткий срок при нарушенном, если не вовсе отсутствующем управлении войсками, непрерывном воздействии авиации противника, несвоевременном подвозе боеприпасов и горючего, при распространении в тылу слухов о несметных полчищах врага, панике и неразберихе, трудно было сосредоточить танковые и моторизованные соединения, к тому же не укомплектованные и не сколоченные, и организованно нанести ими ощутимые удары по вклинившимся группировкам противника.

Так трагически завершились события в первый день войны на фронте. Что же происходило тогда в глубоком тылу?

Советский народ, а как следует из воспоминаний упомянутого выше полковника Тищенко, и даже многие войны второго эшелона фронтов, узнали о нападении Германии из выступления по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и народного комиссара иностранных дел В.М.Молотова в 12 часов 22 июня 1941 года. «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны(!), германские войска напали на нашу страну, — указал он. — ...Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне «заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской войны... В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству... Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта. (Гитлер утверждал, что Советский Союз не соблюдал условий советско-германского договора, тайно сотрудничал с Англией, подстрекал Югославию, сковывал вермахт на востоке, а в последнее время будто бы открыто нарушал германо-советскую границу)...

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом, — продолжал Молотов. — В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к сво-

ему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами," — заявил в заключение заместитель главы Советского правительства^{*1}.

Прильнув к приемникам и столпившись у репродукторов, установленных на улицах и в заводских корпусах, люди, стремясь не пропустить ни одного слова, слушали эту речь. Гневом и возмущением встретили они весть о нашествии германских войск. На фабриках и заводах, в колхозах и учреждениях состоялись многочисленные митинги, на которых наши граждане поклялись сделать все для разгрома агрессора. Они еще не знали какую цену придется заплатить, чтобы достичь этого.

По-разному было встречено это известие за рубежом. "Понадобится самое большое чудо за все времена после того, как была написана Библия, чтобы спасти красных от полного поражения в кратчайший срок," — злорадствовала 27 июня 1941 г. американская газета "Нью-Йорк пост". 24 июня газета "Нью-Йорк таймс" опубликовала циничное заявление сенатора Г.Трумэна: "Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше".

В то же время выдающиеся государственные деятели Великобритании и США, понимая, какую угрозу миру несет фашизм, немедленно протянули руку помощи Советскому Союзу в борьбе с германской агрессией, заявив о совместной борьбе против общего врага. Получив сообщение о нападении Германии на СССР, премьер-министр Великобритании У.Черчилль утром 22 июня выступил по радио. "За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я, — откровенно признал он. — Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем... Он (Гитлер) хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров... Его вторжение в Россию, — справедливо заметил премьер, — это лишь

---

^{*1} "Правда", 23 июня, 1994 г.

прелюдия к попытке вторжения на Британские острова... Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам...”^{*1}. В конце речи Черчилль заявил о решении английского правительства оказать помощь Советскому Союзу в борьбе с фашистской Германией.

В Англии повсюду звучали призывы к солидарности и оказанию помощи нашей стране. На митинге в Гайд-парке тысячи жителей Лондона приняли резолюцию: “Народы Советского Союза и английский народ одинаково заинтересованы в низвержении фашизма и в создании основ прочного мира... Борьба советского народа является нашей борьбой”.

Такая же мысль выражена в меморандуме, подготовленном для президента США Ф.Рузвельта его советниками: “Мы противники догмы коммунистов и нацистской догмы. За двадцать семь лет с тех пор, как Россия стала коммунистической, Советы никогда не угрожали серьезно нашим национальным интересам и нашему укладу жизни. Однако за два года безумного похода Гитлера, предпринятого им с целью порабощения всего мира, возникла серьезная угроза самому нашему существованию как свободного народа... Мы не за коммунизм, но мы против всего, за что выступает Гитлер, Он и его безбожные нацисты — главная угроза миру, справедливости и безопасности. Путь к нашей безопасности — разгром Гитлера”^{*2}.

Рузвельт сделал заявление о намерении оказать помощь Советскому Союзу в его борьбе против Германии 24 июня.

Таким образом, получив 22 июня 1941 г. внезапным нападением на СССР очень большие военные преимущества, гитлеровская Германия много потеряла в политическом отношении. Против фашистского блока, за поддержку Советского Союза решительно выступили многие народы мира. Их поддержка окрыляла советских людей, но они не представляли тогда, какая тяжелая, кровопролитная, длительная борьба им предстоит.

В то же время в стане врага было ликование. Гитлер потирал руки от удовольствия, что ему удалось обмануть другого диктатора, верившему ему до последнего мирного дня. Упиваясь успехами своей армии, начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер записал в служебном дневнике 22 июня: “Наступление наших войск явилось для противника полной тактической вне-

---

^{*1} Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955, т. 3, с. 364—366.

^{*2} Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Перевод с англ. М., 1958, т. 1, с. 498—499.

запностью... О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом; передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать... После первоначального "столбняка", вызванного внезапностью нападения, противник перешел к боевым действиям... Я считаю, — отметил он, — что русское командование... в ближайшее время будет не в состоянии организовать оперативного противодействия нашему наступлению"*1.

С заключением Гальдера нельзя не согласиться. В тех условиях, в которых оказались войска приграничных округов, особенно Западного, действительно было весьма трудно организовать противодействие вражескому вторжению. Сокрушительный удар противника вызвал психологический шок в наших войсках. Это, как тогда казалось, вело к осуществлению плана Гитлера, неоднократно заявлявшего, что война против Советского Союза будет иметь смысл только в том случае, если мы одним ударом разгромим все государство целиком.

Гальдер, как и некоторые другие гитлеровские генералы, сознательно или нет говорит только о достижении "тактической" внезапности, чем дает повод фальсификаторам истории утверждать и, что войну будто бы готовился развязать Сталин, а Гитлер лишь упредил его.

Пресловутая внезапность не только тактическая, но и стратегическая, о которой до сих пор идет спор, была она или нет, слишком дорого стоила нашей армии и народу. Внезапность конечно же была и не только для войск, но и для самого Сталина. Для него, уверовавшего в невозможность нападения Германии в тот момент, удар противника, да еще такой огромной силы, был совершенно неожиданным. Вера в неизбежность нападения Германии на СССР и определение момента его начала — разные вещи. Именно в последнем Сталин и допустил грубейшую ошибку, стоившую несколько "лишних" миллионов человеческих жизней. Полагаюсь здесь на авторитет маршала Г.К. Жукова, с которым не раз приходилось обсуждать эту тему. Его прикидки, с учетом количественного соотношения сил и их качественного состояния на момент начала боевых действий, позволяли заключить: дальше Днепра при самом неблагоприятном развитии событий мы не ото-

---

*1 "Совершенно секретно! Только для командования!" М., 1967, с. 229.

шли бы. Похожую оценку высказывал впоследствии и бывший начальник Генерального штаба маршал А.М.Василевский.

А при сложившейся после первого дня войны тягчайшей обстановке Красной Армии, как и всему советскому народу, предстояли весьма суровые испытания.

В 18 часов 30 минут 22 июня Генеральный штаб направил в западные приграничные военные округа телеграмму о введении схемы "Гроза", объявлявшей общую мобилизацию^{*1}.

2. РАЗГРОМ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе не было даже органа для организации и руководства вооруженной борьбой на случай вторжения агрессора. Проект создания Ставки Главного Командования Тимошенко с Жуковым доложили Сталину днем 22 июня. Тот решил обсудить ее состав на Политбюро. Лишь ночью с 22 на 23 июня решением Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП (б) Ставка была создана в составе наркома обороны С.К.Тимошенко, начальника Генерального штаба Г.К.Жукова, И.В.Сталина, В.М.Молотова, наркома Военно-Морского Флота Н.Г.Кузнецова, маршалов С.М.Буденного и К.Е.Ворошилова.

Раннее утро 23 июня не предвещало улучшения обстановки на фронте. бои не прекращались на некоторых участках и ночью, а с утра разгорелись с новой силой на всем фронте. Господствуя в воздухе, немецкая авиация стремилась деморализовать наши войска и нарушить управление ими. В результате частых перебоев и даже полного отсутствия связи командующие фронтами и армиями, да и командиры некоторых соединений не знали, где находятся их части: дерутся ли они с врагом или в панике бегут от него. В этих условиях невозможно было выполнить приказ Главного командования о нанесении мощных контрударов по прорвавшимся группировкам.

В Прибалтике эту задачу должны были решать два механизированных корпуса. Однако ни с одним из них командующему Северо-Западным фронтом не удалось установить связи. Для постановки им боевых задач Кузнецов отправил ночью начальника автобронетанкового управления фронта полковника П.П.Полубоярова. В 5 часов 50 минут 23 июня от него было получено следующее донесение: "У Куркина (командир 3-го мк) был, работу

---

^{*1} ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 127.

закончил. Закончил работу у командующего 8-й армией. Принял решение и поставил задачу Куркину: наступать из района Россиены в западном направлении до дороги Таураге—Шауляй. Дальше резкий поворот в юго-западном направлении на Таураге—Тильзит...

Шестопалову (командир 12-го мк) ставлю задачу наступать в юго-западном направлении, имея границу слева шоссе Таураге—Шауляй.

Куркину приказал наступать в 12 часов, от Шестопалова потребую выступления на час раньше, для одновременного выдвижения совместно с Куркиным... Армия (8-я) в беспомощном положении, связи ни с вами, ни с мехкорпусами не имеет...

Вас прошу:

- 1) С утра оба корпуса прикрыть истребительной авиацией.
- 2) Шестопалова сопровождать сильной бомбардировочной и истребительной авиацией с 11 часов и Куркина с 12 часов.
- 3) Сделать все для снабжения горячим и боеприпасами. Что зависело от меня, уже сделал. Убываю в 12-й мк, где и пробуду до конца дня"*1.

Из этого документа не трудно заключить, в каком состоянии находилась одна из двух армий первого эшелона Северо-Западного фронта после первого дня войны, как, из-за отсутствия связи, командующий фронтом управлял войсками и ставил им боевые задачи, и что можно было ожидать от этого контрудара.

Положение усугублялось еще и недостатком, даже отсутствием боеприпасов, так как склады были либо оставлены противнику, либо взорваны. Об этом свидетельствует телеграмма начальника артиллерийского управления фронта генерал-майора артиллерии П.Белова заместителю наркома обороны маршалу Кулику, отправленная в 6 часов 23 июня:

"В результате первого дня боевых действий ощущается острый недостаток следующим видов боеприпасов: 37-мм и 85-мм зенитных выстрелов — материальная часть этих калибров бездействует; 76-мм, 122-мм и 152-мм снарядов; ручных гранат; крупнокалиберных патронов. Прошу вашего приказаня о срочной отгрузке"*2.

По-видимому, докладная записка Полубоярова до 10 часов утра не дошла еще до штаба фронта, который не знал, что творится в войсках и где они находятся. Только этим можно объяснить совершенно не соответствующую действительности и дезориенти-

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 3928, д. 28, л. 8.

*2 Там же, оп. 2467, д. 39, л. 221.

рующую Генеральный штаб оперативную сводку № 02 на 10.00 23.06.41 г., подписанную генералом Кленовым. "Войска СЗФ, — указывалось в ней, — с утра 23.6.41 г., продолжая сдерживать наступление противника как на шауляйском, так и на Каунас — алитусском направлениях силами трех тд и одной мд (3-й и 12-й МК) наносят concentрический удар по основной группировке противника, действующей на шауляйском направлении, с целью ее разгрома... На аэродромы Либава и Слока выброшены парашютные десанты... Связь с авиационными дивизиями нарушена. Связь с механизированными корпусами с утра отсутствует"*1.

Получив к середине дня сведения о положении механизированных корпусов, командующий фронтом отдал им следующее распоряжение: "Командирам механизированных корпусов привести части и соединения в полный порядок, действовать решительно, небольшими колоннами с целью рассредоточить (?) авиацию противника. Каждой части дать точное направление. Кренко держите войска в руках"*2.

Вот к каким нелепым боевым распоряжениям вынуждало командование фронтом господство вражеской авиации в воздухе. Подвергаясь во время марша ударам немецких бомбардировщиков, механизированные корпуса вступили в сражение лишь во второй половине дня, да и то не в полном составе.

Северо-западнее Шауляя с врагом дрались части 28-й танковой дивизии полковника И.Д.Черняховского. Самоотверженно действовал 55-й танковый полк, наступавший в авангарде. Так как немецкая авиация вскрыла 50-километровый марш 28-й дивизии, противник организовал на пути продвижения наших танков сильную противотанковую оборону. Советские танкисты пытались с ходу преодолеть ее. Немецкая артиллерия открыла по ним огонь. Один из снарядов попал в машину заместителя командира полка майора Б.П.Попова. Танк загорелся, но экипаж продолжал расстреливать фашистов и давить гусеницами вражеские орудия. Действуя впереди полка, майор Попов стремился увлечь за собой другие танки. Пытаясь уничтожить как можно больше немецких орудий, героический экипаж Попова сражался в горящей машине

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 221, оп. 3928, д. 6, л. 27—29.

*2 Там же, оп. 2467, д. 39, л. 261.

до последнего вздоха^{*1}. За этот подвиг Б.П.Попову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Храбро действовал в этом бою весь личный состав 55-го танкового полка. Танкисты уничтожили более десятка противотанковых орудий и большое количество вражеских солдат и офицеров. Правда, и сами они заплатили очень дорого. Кроме Попова, в этом бою погибли два командира батальона и еще несколько офицеров и солдат. На поле боя осталось 13 наших подбитых танков^{*2}.

После марша и первого дня боя, докладывал командир 12-го механизированного корпуса генерал Шестопалов командующему фронтом, "машины стали быстро выбывать из строя целыми десятками. Эти машины вследствие отсутствия запасных частей не восстанавливались, а если восстанавливались, то некоторые, и только на поле боя, так как отсутствие тягачей не позволяло отбуксировать их на пункты сбора аварийных машин"^{*3}.

По этой причине сотни танков как этих, так и других механизированных корпусов, остались на территории, занятой противником.

В результате неорганизованных действий танковых соединений, которые не были поддержаны авиацией, артиллерией и пехотой, контрудар Северо-Западного фронта 23 июня не достиг цели. Советским войскам удалось лишь нанести некоторый урон противнику и временно задержать его продвижение на Шауляй.

Весьма неблагоприятно в этот день развивались события на каунасском и вильнюсском направлениях. В течение всего дня штаб фронта не имел никакой связи со штабом 11-й армии. Генерал Морозов фактически потерял управление войсками. По поступившим впоследствии сведениям, в районе Каунаса оборонялись 33-я и 188-я стрелковые дивизии. Они оказали противнику на Немане упорное сопротивление, временно задержав его продвижение. В 20.00 23.6.41 г. Кузнецов направил Морозову, неизвестно дошедшее до него или нет, следующее боевое распоряжение: "Перед вами равные силы противника, возможно меньшие (!). Приказываю ликвидировать прорыв противника в районе Каунас, уничтожив его, не дав уйти за реку Неман. Возьмите управление в руки. Где 5-я танковая дивизия? Установите, какое положение в Виль-

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 334, оп. 2759, д. 4, л. 51.

*2 Там же, ф. 619, оп. 382857, д. 1, л. 2.

*3 Там же, ф. 334, оп. 2759, д. 4, л. 50.

нюю. Требую навести порядок, призвать и заставить каждого выполнить свой долг перед Родиной. Ликвидировать десанты"*1.

Иначе, как криком отчаяния, этот приказ не назовешь. Он свидетельствует и о незнании командующим фронтом положения и состояния войск.

На вильнюсском направлении немецкие танки продолжали двигаться вперед. Фельдмаршал Бок приказал Готу организовать стремительное продвижение к Минску на соединение с танковой группой Гудериана. Соединения 3-й танковой группы, поддержанные пикирующими бомбардировщиками 8-го авиационного корпуса генерала Рихтгофена, прославившегося еще на бомбардировке западно-европейских городов, сломили сопротивление 5-й танковой дивизии и к исходу дня, продвинувшись вперед, так же как и накануне, до 70 км, вышли в район Вильнюса. Чтобы остановить или хотя бы замедлить продвижение группы Гота, командующий 11-й армией не имел сил. Положение войск левого крыла Северо-Западного фронта, от которого зависела обстановка на Западном фронте, было более тяжелым, чем правого крыла.

Однако основные силы механизированных корпусов Кузнецов, вопреки директиве № 3 Главного военного совета, продолжает использовать там. Об этом свидетельствует и оперативная сводка № 3, направленная начальнику Генерального штаба за подписью Кленова в 22 часа 23.6.41 г. из Паневежиса, куда переехал штаб фронта. "Войска СЗФ, отражая яростные атаки противника, — указывалось в ней, — проводят контрудар против тыльзитской группировки противника. Противник с рассвета ведет многократные бомбардировки железных дорог, аэродромов, городов и войсковых соединений. Высаживает мелкие парашютные десанты, видимо с целью организации банд в тылу, и более крупные десанты в 200—400 человек в целях дезорганизации тылов, захвата важнейших объектов (мостов, аэродромов и пр.)... 12-й МК практически перешел в наступление с опозданием только в 13—15 часов (?). В ходе марша подвергся 4 раза нападению авиации противника. Марш проходил медленно и только в 18 часов (?) 28-я тд развернулась для атаки танков, но танки противника отошли на Скаудвила. 2-я тд 3-го МК из Россиены должна была атаковать на Скаудвиле. Ввиду отсутствия связи с механизированным корпусом данные о результате атаки неизвестны... В течение всех

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 221, оп. 2467, д. 39, л. 255.

суток 11-я армия была без проводной связи и не отвечала по радио... Связь с армиями почти не работала из-за специальных бомбардировок узлов и линий связи"*1.

Одновременно с продолжавшимися попытками организовать контрудар Военный совет Северо-Западного фронта вечером 23 июня отдал распоряжение начальнику инженерного управления "немедленно приступить к подготовке фронтовых оборонительных и отсечных рубежей"*2. Второй рубеж был намечен по р. Западная Двина, Даугавпилс и далее на восток до Полоцкого укрепленного района. Это решение было правильным. Выполнение его позволяло в случае необходимости более организованно осуществить отвод войск фронта и обеспечить создание устойчивой обороны.

Предусматриваемый отход на северо-восток был неизбежен. "Отступление от р. Неман протекает в большом беспорядке," — замечено в оперативной сводке № 4, отправленной в Генеральный штаб в 10 часов утра 24 июня*3. Тем не менее, по требованию Ставки Главного Командования, Северо-Западный фронт все еще делал попытки осуществить контрудар. В оперативной сводке указано, что "12-й МК (23-я и 28-я тд) в 7 часов 45 минут перешел в контратаку".

Однако и 24 июня войскам этого фронта, не удалось наступательными действиями танковых соединений улучшить свое положение. Не говоря уже о непрерывных бомбардировках с воздуха, положение их осложнялось из-за нарушения связи, недостатка горючего и боеприпасов. 2-я танковая дивизия 3-го МК, успешно дравшаяся с врагом накануне, в этот день была вынуждена стоять в районе Расейняй без горючего. Командование фронта решило было подбросить горючее самолетами, но выполнить это не удалось.

Там же, где были хотя бы минимальные возможности для ведения боевых действий, наши танкисты огнем и гусеницами уничтожали живую силу и боевую технику противника. Встречая наши танки, немцы не принимая боя, отходили назад. Против наших танков они выдвигали противотанковую артиллерию, которая уничтожала их совместно с авиацией, а свои танковые части перебрасывали на другие направления.

В то время как войска 8-й армии совместно с танковыми соединениями сдерживали натиск противника, в полосе 11-й армии,

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 221, оп. 3928, д. 6, л. 37—39.

*2 Там же, оп. 3928, д. 1, л. 3.

*3 Там же, оп. 2467, д. 39, л. 286—293.

полуразгромленной и полуразбежавшейся, его танковые соединения быстро продвигались вперед. В тот день генерал Гельдер сделал многозначительную запись в служебном дневнике: "Наши войска заняли Вильно, Каунас и Кедайнйай. Историческая справка: Наполеон занял Вильно и Каунас тоже 24 июня".

Немецкие генералы были в восторге — все началось по-наполеоновски. О том, что и конец будет таков же, как у Великой французской армии, они и мысли не допускали.

Но как бы то ни было, правый сосед Западного фронта не только не облегчил, а значительно осложнил ему обстановку, которая и без того была критической.

В целях осуществления директивы № 3 Главного военного совета командующий Западным фронтом принял меры к организации контрудара по сувалкской группировке противника. В 23 часа 40 минут 22 июня состоялись его переговоры с генералом Болдиным, находившимся в штабе 10-й армии:

"Павлов: Познакомились ли с обстановкой и какие решения приняли?

Болдин: С обстановкой ознакомился...

Павлов: Выслушать приказ: Вам надлежит организовать ударную группу в составе корпуса Хацкилевича плюс 36-я кд, части Мостовенко и нанести удар в общем направлении Белосток, Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом берегу р. Неман и не допустить выхода его частей в район Волковыск, после этого вся группа перейдет в подчинение Кузнецова В.И. Это ваша ближайшая задача. Возглавьте ее лично. Голубеву передайте занять рубеж Осовец, Бобр, Визна, Бельск и далее на Клещеле. Все это осуществить сегодня за ночь, организованно и в быстрых темпах, особо обратить внимание, чтобы хозяйство начальника артиллерии фронта не осталось в Червонном Бору. У меня все.

Болдин: Из Червонного Бора вся артиллерия (там проходили окружные сборы. — Авт.) была вывезена и участвовала в боях.

Павлов: Приступайте к выполнению данного мною задания"¹.

В первом часу ночи 23 июня Военный совет фронта отдает директиву командующему 3-й армией. "Вам надлежит всеми мерами прочно удерживать Гродно," — указано в ней"².

В документе говорится о контрударе с утра 23 июня группы

---

*1 ЦАМО РФ. Ф. 208, оп. 4857, д. 11, л. 48—49.

*2 Там же, оп. 2454, д. 26, л. 141.

Болдина, о приказании Голубеву удерживать Осовец (там была крепость, как и в Бресте, построенная перед первой мировой войной. Авт.) и задаче 21-му стрелковому корпусу, выдвигавшемуся из второго эшелона фронта в район Лиды с целью противодействия возможному выходу противника в тыл войскам 3-й и 10-й армий.

Судя по отданным распоряжениям, основное внимание 23 июня Павлов уделял организации контрудара силами конно-механизированной группы из района Гродно в северном направлении. Одновременно войскам В.И.Кузнецова и Голубева приказывалось удерживать занимавшиеся ими ранее рубежи, несмотря на то что над ними надвигалась угроза окружения.

Прибывшие из Москвы маршалы Шапошников и Кулик, по-видимому, обязанности распределили так: первый останется в штабе фронта, а второй отправится в войска. В четвертом часу 23 июня Кулик, как отмечено в донесении в Генеральный штаб, выехал поездом из Минска в Белосток в 10-ю армию.

К сожалению, нанести мощный контрудар в силу ряда обстоятельств не представилось возможным. В районе предстоящего наступления располагался только неуккомплектованный 11-й МК генерал-майора Д.М.Мостовенко. Но с ним Болдин в течение дня так и не сумел установить связь. 6-й МК — один из лучших по укомплектованности и сколоченности корпусов, которым командовал опытный военачальник, сослуживец Г.К.Жукова, генерал-майор М.Г.Хацкилевич, по приказу Голубева с 22 июня занимал оборону по восточному берегу Нарева на фронте 35 км. Его надо было выводить из боя и перебрасывать в новый район. 4-я и 7-я танковые дивизии этого корпуса, больше половины танкового парка которых составляли боевые машины Т-34 и КВ, находились от намеченного рубежа развертывания в 60—70 км.

Обнаружив на рассвете перегруппировку наших подвижных соединений, немцы обрушили на них авиацию. 36-я кавалерийская дивизия подверглась ударам с бреющего полета и почти полностью была уничтожена. Создать конно-механизированную группу Болдину не удалось. В его распоряжении имела часть сил 6-го МК, который также понес на марше большие потери и утром организовано перейти в наступление не смог. Танкисты вышли на рубеж развертывания лишь к полудню, но, встреченные сильным противотанковым огнем и ударами авиации, остановились. Окопав несколько танков, они уничтожали врага огнем с места, а затем контратаковали его. Танкисты дрались отважно, но вскоре были вынуждены прекратить бой, так как баки с горючим опустели, а боеприпасы заканчивались.

Механизированные корпуса накануне войны имели достаточно горючего и боеприпасов, но с первого дня войны они начали

испытывать в них острый недостаток, потому что передовые склады оказались взорванными или захваченными противником, а подвоз из тыла был затруднительным. Горючее подвозили преимущественно в светлое время суток, а колонны автомашин с ним от нападения воздушного противника не прикрывались. Положение усугублялось недостатком цистерн и другой тары, а также из-за неорганизованности тыловых органов.

Получив донесение от Голубева, что 6-й МК не в состоянии развить наступление, Павлов и Фоминых в 19 часов 35 минут 23 июня направили ему телеграмму: "Почему мехкорпус не наступал, кто виноват? Немедля активизируйте действия и не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бежать без управления. Каждую дивизию вы знать должны, где она, когда, что делает и какие результаты.

Почему вы не даете задачу на атаку мехкорпусу? Найти где 49-я и 113-я сд и вывести. Исправьте свои ошибки. Подвезите снаряды и горючее... Запомните, если вы не будете действовать активно, Военный совет больше терпеть не будет"*1.

В трудном положении к исходу вторых суток войны оказалась 3-я армия. Свидетельством этому служит донесение Кузнецова Павлову, направленное в 22 часа 23 июня. "Деремся без транспорта, горючего и при недостаточном вооружении, — говорилось в нем. — Только у Николаева (командир стрелкового корпуса) не хватает 3500 винтовок. Необходим срочный подвоз средствами фронта. При оставлении Гродно уцелевшие от авиации мосты и склады подорваны"*2.

Но исправить положение командующий фронтом был уже не в состоянии, так как имевшееся в тылу вооружение выдавалось отмобилизованным контингентам войск из запаса, а транспортных средств не хватало даже в частях фронтового подчинения.

Сосредоточив внимание на гродненском направлении, командующий фронтом явно недооценил вначале брестское направление, на котором наступала группа Гудериана, в составе которой было четыре мотизированных корпуса. Из-за отсутствия связи с 4-й армией в течение ночи с 22 на 23 июня Павлов никаких распоряжений Коробкову не отдавал. "По решению командующего 4-й армией, — доносил Климовских в Генеральный штаб в 10 часов

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 203—204.

*2 Там же, д. 22, л. 566.

23 июня, — армия имела задачу отходить не далее рубежа Каменец, Жабинка и с утра 23.6 атаковать противника в направлении Брест”^{*1}. Однако в течение всего дня она не атаковала, а в беспорядке поспешно отходила под натиском противника.

Об этом тот же Климовских в оперативной сводке к 22.00 сообщал начальнику Генерального штаба следующим образом: “4-я армия с утра 23.6 контратаковала противника в направлении Видомля, Брест, но вследствие активных действий авиации противника атака успеха не имела. Противник вновь перешел в наступление и части армии отошли...”^{*2}.

За два дня боев 3-я и 2-я танковые группы продвинулись каждая на глубину 120—130 км. Белостокский “мешок” обозначался все явственнее. В этих условиях, по-видимому, следовало бы отказаться от наступательных действий и сосредоточивать внимание на организации обороны в оперативной глубине. С этими предложениями надлежало бы обратиться и в Ставку Главного Командования. Однако этого не делается. Армиям по-прежнему ставятся задачи не только на упорную оборону, но и на наступление.

Так, тому же Коробкову Военный совет Западного фронта к концу дня 23 июня отдал следующую директиву: 1. Приказываю упорной обороной остановить противника на фронте Трухновичи и далее по восточному берегу р. Ясельда до деревни Жабер, Дрогичин, канал Белозерский, прочно окопавшись, создав искусственные препятствия перед фронтом позиций армий, дать решительный отпор всякой попытке противника прорвать фронт армии.

2. В ваше распоряжение передается 55-я сд, прибывающая 24.6 головой Береза (перевозится автотранспортом из Слуцка с 22.6), и 121-я сд, направляемая 24.6 из Слонима на Ружаны.

3. Силами 121-й сд и 14-го МК решительно атаковать противника от Ружаны в общем направлении на Пружаны”^{*3}.

Одной стрелковой дивизией да полуразбитым и неуккомплектованным механизированным корпусом совместно с одной кавалерийской дивизией соседней армии Павлов решил окружить и уничтожить прорвавшиеся в глубину танковые соединения Гудериана. Командующему 10-й армией в то же время отдается приказ:

---

^{*1} ЦАМО РФ Ф. 208, оп. 10169, д. 7, л. 17.

^{*2} Там же, л. 32.

^{*3} Там же, д. 4, л. 29—30.

“В связи с наступлением ударной группы Болдина на Гродно вам удерживать рубеж: Забеле, Осовец, Визна, Капицы, р. Нарев до Сураж, Бельск—Подлески, Гайновка, 6-ю кд 24.6.41 г. сосредоточить в районе Свислочь в готовности 25.6.41 г. вести ею решительное наступление в направлении Пружаны. Павлов. Климовских. Фоминых”^{*1}.

Контрудар такими силами по флангам группы Гудериана был подобен комариному укусу.

Одновременно был отдан приказ на продолжение контрудара в районе Гродно, на который командование фронтом и два маршала-консультанта, присутствовавшие там, по-видимому, делали главную ставку:

“Голубеву, Болдину, Кузнецову.

С утра 24 июня вам надлежит:

1. Ударной группой в составе 6-го и 11-го МК, 36-й кд под командованием тов. Болдина продолжать решительное наступление в общем направлении на Гродно, овладеть этим городом и продолжать наступление по обоим берегам р. Неман на Друскининкай и Меркине. Иметь в виду обеспечение операции по западному берегу р. Неман со стороны августовских лесов и со стороны Сувалки.

2. Командующему 3-й армией 85-й и 56-й сд атаковать в общем направлении на Гродно и закрепиться к северу от него. 27-й наступать на фронт Лабно, Липск, Домброва, где и закрепиться, войдя в связь со 2-й сд в районе Осовец.

3. 21-му ск, обеспечивая себя со стороны Вильнюс на фронте Ошмяны, станция Беньяконе 24-й и 37-й сд, 17-й сд наступать в общем направлении на Радунь, Ораны. Обеспечение с запада района Лида возлагается на 8-ю противотанковую бригаду.

Павлов. Климовских. Фоминых”^{*2}.

Яркую картину того, что делалось в войсках в первые дни войны рисует следующая директива Военного совета Западного фронта, отданная в 21.55 23.6:

“Военным советам 3, 10, 4-й армий и командирам 21, 47, 44-го ск, 17 и 20-го МК.

Опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников. Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают

---

^{*1} ЦАМО РФ Ф. 208, оп. 10169, д. 4, л. 28.

^{*2} Там же, л. 25—27.

только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, т.е. люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу.

Приказываю:

1. Каждый начальник обязан заниматься обеспечением предстоящего боя огнеприпасами. Заставить снабженцев ежедневно заниматься организацией боевого обеспечения боя. Ответственность возлагаю на старшего начальника.

2. Прекратить эвакуацию семей на автомашинах.

3. Все должны исполнять обязанности по занимаемой должности.

4. Организовать эвакуацию раненых с поля боя. Ни один раненый командир и боец не должен остаться у врага.

Павлов. Климовских. Фоминых"*1.

С утра 24 июня сражение в районе Гродно разгорелось с новой силой. Танковые дивизии Хацкилевича наступали в северном направлении. Немцы уже успели организовать на этом участке сильную противотанковую оборону. Из-за недостатка орудий и механических средств тяги артиллерийская подготовка перед контрударом и сопровождение наступающих танков огнем артиллерии не проводились. Поэтому наши танки встретили мощный огонь противотанковых орудий врага. Несмотря на большие потери, танковым частям все же удалось вклиниться в оборону противника, который не выдержал этого натиска и отошел на северо-запад. Вскоре появились немецкие пикирующие бомбардировщики. Отсутствие советских истребителей над полем боя позволило им безнаказанно бомбить и поливать танки горючей смесью. В этот день, как зафиксировано в журнале боевых действий группы армий "Центр", основные усилия поддерживающего ее 2-го воздушного флота под командованием фельдмаршала Кессельринга были сосредоточены в районе Гродно.

В то же время наших самолетов было мало над полем боя, потому что сухопутные войска не были подготовлены к взаимодействию с ними. Танки не имели опознавательных знаков, а пехота ничем не обозначала своего местонахождения из-за боязни

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 188—189.

вражеских ударов с воздуха. Поэтому летчикам трудно было отличить свои войска от противника.

Павлов отдал распоряжение командующему ВВС фронта генералу Таюрскому: "С утра 24.6.41 г. оказать содействие ударной группе тов. Болдина не менее как 80 самолетами-бомбардировщиками в выполнении ею задачи по овладению Гродно и наступлению по обоим берегам Немана на Друскининкай и Меркине"¹.

Боевая задача была поставлена частям 12-й и 13-й бомбардировочных авиационных дивизий, которые нанесли удары по вражеским войскам, но не будучи прикрыты истребителями сами понесли большие потери.

Кроме фронтовой авиации, удары по колоннам войск и районам сосредоточения противника в районах Сувалки и Гродно наносили 42-я и 52-я дивизии 3-го авиационного корпуса дальнего действия, которым командовал полковник Н.С.Скрипко. Особенно отличились в тот день летчики Коломийченко, разбомбивший вражеский эшелон, и Лозенко, нанеший удар по скоплению немецких войск. Продолжали борьбу и уцелевшие самолеты-истребители. Летчик Никифоров сбил в тот день два самолета Ме-109.

Однако мужественные действия отдельных экипажей и частей не могли коренным образом изменить воздушную обстановку. Немецкие бомбардировщики наносили большой урон нашим войскам, особенно подвижным соединением, противоздушная оборона которых не была организована.

После выхода из-под ударов вражеской авиации танковые части 6-го мехкорпуса были перенацелены на юго-восток от Гродно, так как соединения 3-й танковой группы Гота, рвавшие к Минску, полуокружили уже нашу 3-ю армию и подвижную группу Болдина. Мужественно действовали в этом бою танкисты 7-й танковой дивизии генерал-майора С.В.Борзилова. Противник был сломлен и бежал с поля боя. Однако развить успех и в этот день наши танкисты не смогли. Из-за отсутствия воздушной разведки и самолетов наведения, а также вследствие систематического нарушения управления, танковые дивизии наступали вслепую и разрозненно, находясь под непрерывными ударами немецкой авиации. Но главная причина невыполнения 6-м МК боевой задачи опять-таки объяснялась недостатком боеприпасов и горючего. Будучи без них беспомощными танковые части таяли точно горящие свечи.

А горючее, хотя и запрашивалось, но ниоткуда не поступало.

---

¹ ЦАМО РФ Ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 234.

По-прежнему генерал Болдин не имел связи с командующим фронтом и не знал обстановки. 24 июня его посетил представитель Ставки маршал Кулик. “На нем запыленный комбинезон, пилотка. Вид утомленный, — вспоминал Болдин. — Докладываю о положении войск и мерах, принятых для отражения ударов противника. Кулик слушает, потом разводит руками, произносит неопределенное: “Да-а”. По всему видно, вылетая из Москвы, он не предполагал встретить здесь столь серьезную обстановку. В полдень маршал покинул наш КП. Прощаясь, он сказал, чтобы я попытался что-нибудь сделать. Я смотрел вслед удалявшейся машине Кулика, так и не поняв, зачем он приезжал”^{*1}.

Думается, что и сам заместитель командующего Западным округом генерал Болдин никак не предполагал, что в начале войны сложится такая обстановка. Этого, говорил мне Г.К.Жуков, никто из нас не предполагал.

Продолжало ухудшаться положение 3-й армии. В 12 часов 30 минут Кузнецов направил Павлову боевое донесение, в котором указывал “что противник, обходя правый фланг армии, наносит удар в лидском направлении... Мы никаких резервов не имеем и парировать удар нечем. Наиболее реальная сила — 11-й мехкорпус в течение 22—23.6 понес большие потери в танках, всего в нем осталось около 40—50 машин”. В этом корпусе, начавшем формирование весной 1941 г., было 414 танков, из них Т-34 и КВ 20 машин.

Командарм сообщал, что войска понесли большие потери. “Как сама обстановка, так и отсутствие снабжения армии боеприпасами, — сигнализировал он, — ставят армию в чрезвычайно тяжелое положение... Плохо дело со связью... Ориентировки фронта не имею в течение двух суток”^{*2}.

Из этого донесения следует, что 3-я армия, понеся большие потери, сражалась оставшимися силами, не пополняясь боеприпасами, без транспортных средств, не имея связи с фронтом, будучи предоставленной самой себе.

С ночи на 24 июня в полосу Западного фронта в панике отходили разрозненные группы, и одиночные красноармейцы разбитой 11-й армии Северо-Западного фронта. “Вся дорога от Вильнюса до Молодечно, — доносил Климовских в 10 часов 24 июня

---

^{*1} Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961, с. 98.

^{*2} ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 3038, д. 15, л. 12.

начальнику Генерального штаба, — забита отходящими подразделениями пехоты, артиллерии и танков”^{*1}.

Если командование и штабы 3-й и 10-й армии пока еще управляли войсками и как-то контролировали положение, то 4-я армия Коробкова по-существу уже была полуразбитой и неуправляемой. В вышеуказанном донесении отмечено, что связь с 4-й армией отсутствует. А в оперативной сводке к 22 часам 24.6 указывается, что “4-я армия потеряла средства управления. Штаб армии разделен на группы по руководству отрядами. Командующий армией, член Военного совета, начальник штаба, начальник 1-го (оперативного) отдела выехали в войска для личного руководства боем. данных о положении частей армии в течение 24.6 не поступало, высланные делегаты связи из армии еще не вернулись”^{*2}.

Хотя в штаб фронта, как следует из этого документа донесения из 4-й армии не поступали, они тем не менее направлялись. В 19 часов было отправлено донесение, в котором указывалось: “Мотопехота противника к исходу 23.6 совместно с танковыми частями атаковала наши части на рубеже р. Ясельда. Разрозненные части 28-го ск и 14-го МК, не успевшие привести себя в порядок, не выдержали этой атаки, поддержанной большим количеством авиации, и начали отход, который превратился в неорганизованное сплошное отступление перемешанных частей за р. Ясельда. К утру 24.6 части откатились восточнее рубежа Слоним, р. Шара... Командующий армией лично с членом Военного совета и вместе с помощником командующего войсками Западного фронта генерал-майором Хабаровым, а также командиры соединений принимают все усилия для задержания противника на рубеже р. Шара”.

К концу дня 24 июня в штаб фронта была направлена за подписью того же Сандалова первая за время войны оперативная сводка. В ней запечатлена печальная картина состояния войск 4-й армии к исходу третьих суток войны. “Остатки частей 6-й и 42-й сд, — говорится в ней, — не имеют боеспособности... С 49-й сд с момента выхода по тревоге — связи нет. 14-й мк понес большие потери и к 25.6.41 г. не имеет боеспособного состояния.

10-я смешанная авиадивизия 22.6.41 г. понесла громадные потери (почти целиком уничтожены оба истребительные и штурмовой

---

^{*1} ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 10169, д. 7, л. 29.

^{*2} Там же, л. 36.

авиаполки) в первой половине дня участия в боевых действиях не принимала...

От постоянной и жестокой бомбардировки, — подчеркивает начальник штаба армии, — пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт”^{*1}.

Для полноты картины скажем откровеннее, что остатки 4-й армии в панике бежали с поля боя, а члены Военного совета армии и командиры соединений с пистолетами в руках пытались остановить их и заставить обороняться. Но эта мера не давала желаемого результата.

Танковые соединения Гудериана, так же как и Гота стремительно продвигались к Минску. Каждое из них в течение трех суток продвинулось на глубину до 180—200 км. Войска 3-й и 10-й армии оказались в “мешке”. Успешные действия немецких подвижных соединений обеспечивала авиация. “В воздухе полное господство авиации противника, — подчеркивается в той же сводке, — город Минск в течение дня подвергался многократным бомбардировкам волнами численностью от 8 до 50 самолетов. В городе большие пожары и разрушения. Связь и управление войсками чрезвычайно затруднены ввиду полного отсутствия проволочной связи, недостатка, в результате потерь, в радио и подвижных средствах связи”.

Климовских сообщал в Генеральный штаб так же и о том, что “радиосвязь не обеспечивает передачу всех документов, так как шифровки проверяются по несколько раз”. Все дело в том, что пользоваться радиосвязью перед войной как следует не научились. Ориентировались, в основном, на проводные средства связи. В дополнение к неумелости, добавилась еще и радиобоязнь. Полагали, что радиообмен засекается противником, на что немедленно последует возмездие со стороны его авиации.

В Москве пристально следили за развитием событий на Северо-Западном и Западном фронтах. Видя угрозу возможного окружения Западного фронта, Ватутин, замещавший временно Жукова, предложил Тимошенко войти с ходатайством к Сталину об отдании директивы Павлову об отводе войск из Белостокского выступа на восток. Тимошенко согласился с этим предложением и поздно ночью они отправились в Кремль к Сталину, работавшему

---

^{*1} ЦАМО РФ Ф. 208, оп. 3038, д. 12, лл. 6—7, 9—10.

и в мирное время, как правило, по ночам. Сначала он воспротивился этому, но тут подоспела положенная ему Поскребышевым на стол записка, "переговоров по прямому проводу". Вот этот документ:

"Доклад члена Военного совета Западного фронта секретаря ЦК ВКП(б) Пономаренко П.К. 25.06.41 0.20.

Ввиду отсутствия других средств связи прошу передать тов. Сталину следующее. В связи с ожесточенными непрерывными бомбардировками Минск горит так, что вследствие большого количества деревянных строений локализовать пожар не удастся. Город лишен света, воды, всех средств связи, поэтому управлять областями невозможно. Военсовет решил сегодня ночью эвакуировать республиканские учреждения в Могилев и ставить вопрос о перемещении штабных служб"*1.

Сообщение Пономаренко вызвало действие. Сталин разрешил Тимошенко сразу же из Кремля направить Павлову директиву об отводе войск на рубеж Лида, Слоним, Пинск. Павлов получил это распоряжение на рассвете 25-го. Посоветовавшись с Шапошниковым, он решил в 5 часов 15 минут переговорить по аппарату "Бодо" с Ватутиным. Но его на месте не оказалось. К аппарату подошел дежурный генерал.

" — Я беспокою Вас в отношении директивы, полученной мной лично из Ставки в 3.47 утра. Я хочу уточнить один вопрос. Директива требует провести одну операцию под прикрытием темноты. Я прошу Вас позвонить тов. Ватутину и спросить указание наркома, производить ли эту операцию в ночь с 24 на 25 либо в 3.47 уже светло или ночью с 25 на 26-е. Понятно? Прошу сейчас это сделать.

— Тов. маршал! (обратился генерал к Шапошникову, который был также у аппарата в Минске. — Авт.). Тов. Ватутин в Кремле, что прикажете доложить? Тов. маршал, директива передавалась из Кремля и к нам еще не поступала. Сейчас же звоню Ватутину и о результатах доложу. (Наступила пауза. — Авт.)

— Приказание наркома: операцию проводить с 25 на 26-е в ночь"*2.

В связи с тем, что отвод войск задерживался еще на одни сутки, они продолжали действовать согласно ранее отданным распоряжениям.

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 8, оп. 930688, д. 63, л. 69.

*2 Там же, л. 96—97.

Группа Болдина и с утра 25 июня все еще продолжала упорную борьбу с врагом. Танковые части 6-го мехкорпуса, так же как и части Мостовенко, действовали самостоятельно, без поддержки пехоты, артиллерии и авиации. Танкисты сражались храбро. Когда кончались горючее и боеприпасы, они сжигали свои машины, чтобы те не достались врагу. Так постепенно прекращал свое существование лучший механизированный корпус Красной Армии, укомплектованный на 10% сверх штатной численности и имевший в своем составе 1131 боевую машину, из них 452 танка Т-34 и КВ. На поле боя пал в тот день его командир генерал Хацкилевич. Он находился все время с войсками, в гуще боев, воодушевляя танкистов своим мужеством.

Фельдмаршал Бок подтянул в район Гродно 8-й и 20-й армейские корпуса. Напор противника значительно усилился. Танковые дивизии группы Болдина были расчленены на части и вели разрозненные, не связанные единым замыслом бои. Штабная группа Болдина была обойдена в тот день войсками противника и потеряла связь с частями 6-го мехкорпуса. Командир 4-й танковой дивизии генерал-майор А.Г.Потатурчев донес в середине дня в штаб фронта, что в его частях нет боеприпасов, а потери танков достигают 50%^{*1}.

Не установив связи со своим заместителем, Павлов в 16 часов 45 минут 25.6 направил через штабы 3-й и 10-й армий следующее боевое распоряжение на имя командира 6-го мехкорпуса: "Немедленно прервите бой и форсированным маршем, следуя ночью и днем, сосредоточьтесь в Слоним. Свяжитесь по радио с Голубевым и непосредственно со мною. О начале движения утром 26 июня и об окончании марша донесите. Радируйте о состоянии горючего и боеприпасов"^{*2}.

Из этого документа следует, что Павлов не получил ни одного донесения из 6-го МК о том, что у них кончаются горючее и боеприпасы. Зная, судя по оперативной сводке штаба фронта к 10 часам 25.6 о том, что Слоним занят воздушным десантом и передовыми частями 47-го моторизованного корпуса из группы Гудериана, он, не предупреждая об этом, направляет туда 6-й МК. Однако и этот приказ Павлоа обстановка не позволила остаткам 6-го МК выполнить.

С 25 июня активные действия войск Западного фронта в районе

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 208. оп. 2454, д. 27, л. 57.

*2 Там же, л. 55.

Гродно прекратились. Осуществить мощный контрудар силами 6-го и 11-го мехкорпусов во фланг сувалкской группировке противника так и не удалось. Более того, как докладывал позже начальнику автобронетанкового управления фронта командир 7-й танковой дивизии генерал Борзилов, 6-й МК с 22 по 30 июня не был использован в целом как механизированное соединение. Он перебрасывался с одного направления на другое, находясь под ударами авиации противника^{*1}.

Наступательные действия в районе Гродно не привели к достижению решительных целей. За позитив их можно считать лишь то, что шесть немецких пехотных дивизий 5 суток были прикованы к этому участку фронта, неся большие потери и не имея возможности развивать наступление вслед за танками Гота. Это нарушало планы противника и срывало сроки выдвижения к Днепру. Гельдер специально направлял в этот район генерал-инспектора пехоты Отта. После его доклада об итоге боев в районе Гродно в служебном дневнике Гельдера 29 июня появилась весьма характерная запись: "Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо".

25 июня в 8 часов утра авиационная разведка, организованная штабом фронта, установила движение колонн танков и автомашин из Вильнюса на Минск. По распоряжению Павлова 12-я авиационная дивизия в 12 часов нанесла бомбовые удары по немецким колоннам в районе Замбжек. Однако это не остановило их. К исходу дня передовые части группы Гота подошли к Минскому укрепленному району. Согласно решению Военного совета фронта, принятому лишь за несколько часов до этого, этот УР должны были оборонять 64-я и 108-я стрелковые дивизии 44-го стрелкового корпуса под командованием комдива В.А.Юшкевича. Эти дивизии из Вязьмы и Смоленска перевозились по железной дороге в Минск, а оттуда, по мере прибытия эшелонов, выдвигались в укрепленный район. К моменту подхода к УР немецких частей туда успели выйти лишь некоторые подразделения названных дивизий, и то без артиллерии. Они не смогли подготовить прочную оборону. В результате этого северо-западные подступы к Минску, ограниченные Вилейской низменностью и Налибокской пущей, оказались почти неприкрытыми.

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 38—39, оп. 80038, д. 1, л. 293.

На левом крыле Западного фронта войска 4-й армии вели аррьергардные бои с танковыми соединениями Гудериана в районе Слонима. Смертью храбрых погиб в этом бою командир 22-й танковой дивизии генерал-майор В.К.Пуганов. Мужественно дрались с врагом подразделения 30-й танковой дивизии полковника С.И.Богданова.

Один из эпизодов этого боя запечатлел в своих воспоминаниях Гудериан, находившийся в то время на командном пункте 17-й танковой дивизии, на западной окраине Слонима. "Обсуждая создавшуюся обстановку, — писал он, — мы услышали в нашем тылу интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь; горящая грузовая автомашина мешала наблюдать за шоссе, идущим из Белостока; обстановка была неясной, пока из дыма не показались два русских танка. Ведя интенсивный огонь из пушек и пулеметов, они пытались пробиться на Слоним... Русские танки обнаружили нас; в нескольких шагах от места нашего нахождения разорвалось несколько снарядов; мы лишились возможности видеть и слышать. Будучи опытными солдатами, — продолжал Гудериан, — мы тотчас же бросились на землю, и только не привыкший к войне бедняга подполковник Феллер, присланный к нам командующим резервной армией, сделал это недостаточно быстро и получил весьма неприятное ранение. Командир противотанкового дивизиона подполковник Дальмер-Цербе получил тяжелое ранение и через несколько дней умер"¹.

Несколькими часами раньше в 5 км к юго-западу от Слонима частями только что введенной в бой 155-й стрелковой дивизии была разгромлена штабная колонна 2-й танковой группы. В одной из разбитых машин была найдена карта с нанесенной обстановкой. На ней были указаны полосы и направления наступления всех корпусов (48, 47 и 24-го моторизованных и оперативно подчиненного 12-го армейского) 2-й танковой группы. Эта карта была доставлена в штаб фронта.

Но не требовалось уже никаких карт, чтобы раскрыть замысел противника. Захватив рубеж р. Шара, соединения Гудериана подошли к Барановичам. Выход 3-й танковой группы в район Молодечно, а 2-й в Барановичи ставил в катастрофическое положение войска 3, 10 и выдвигаемой из второго эшелона 13-й армий.

Вступление почти всех соединений левого крыла группы армий "Центр" в полосу Западного фронта значительно увеличило чис-

---

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954, с. 148—149.

ленное превосходство противника. Используя выгоды обстановки, главнокомандование германских сухопутных войск потребовало от Гота и Гудериана ускорить выдвижение к Минску.

В соответствии с разрешением, полученным из Москвы, Военный совет Западного фронта днем 25 июня направил в войска директиву об отходе на восток. "Сегодня в ночь с 25 на 26 июня 1941 г. не позднее 21 часа, — указывалось командующим армиями, — начать отход, приготовить части. Танки в авангарде, конница и сильная противотанковая оборона — в арьергарде. "Предстоящий марш совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов. Отрыв произвести широким фронтом. Первый скачок — 60 км в сутки"*1.

Осталось неизвестным, дошло ли до исполнителей содержание этой уже невыполнимой в сложившихся условиях директивы.

В 21 час 25.6.41 г. состоялись переговоры по прямому проводу Павлова с Тимошенко.

"Тимошенко: Здравствуйте, доложите кратко выполнение директивы.

Павлов: Сегодня с наступлением темноты части 10-й и 3-й армий должны быстро оторваться от врага и сделать за сутки не менее 60 км. В 4-й армии был лично сам. Приказал укрепить положение и обороняться на рубеже р. Шара (Это неправда. Во время этого разговора части 4-й армии находились в 30—40 км к востоку от р. Шара. — Авт.)

64-я и 100-я стрелковые дивизии (13-й армии) организовали противотанковую оборону и развернулись на линии Минского УРа фронтом на северо-запад, имея в виду встретить танковые колонны противника, которые по данным авиаразведки на 18.00 подходили к Молодечно и Грудок. Все мосты на путях отхода 3-й и 10-й армий разбита авиацией противника. Мы находимся на КП в районе Минска.

Тимошенко: Готов ли у вас КП в Могилеве? Если нет, то надо ускорить готовность.

Павлов: Нет. К подготовке еще не приступили. Уходить же с этого КП до выполнения вашей директивы считал бы не целесообразным, дабы не потерять управление.

Тимошенко: Готовить прибывающие дивизии в район восточнее Минска ...Надо принять все меры к обеспечению правого фланга Минского УРа с севера, по вооружению как Минского, так и

---

*1 ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 10169, д. 17, л. 59.

Слуцкого УРов и промежутка между ними. В течение завтрашнего дня, начиная с утра Главное командование приковывает к группировкам Барановичи, Осиняны, Воложин два авиакорпуса. Тоже рекомендуется и вам направить усилия своей авиации.

Павлов: В отношении авиации мы все внимание сосредоточиваем именно на выполнение этой задачи... В отношении усилий противника и его стремления свести клещи окружения в районе Барановичи или даже Минска — мы ясно учитываем. И поэтому при выполнении вашей директивы уже создается группировка, которая позволила бы нам справиться и расправиться с этим окружением.

Стык между Минским и Слуцким УРаи пытаемся закрыть вооруженными бойцами 2-го МК, которые танков и артиллерии не имеют, но вооружены винтовками и пулеметами. Больше у нас никаких сил и резервов нет"*1.

В Москве более реально, чем в Минске оценивали обстановку и не верили уже докладам командующего и оперативным сводкам штаба фронта. В 5 часов утра 26 июня Тимошенко вновь позвал к аппарату "Бодо" Павлова.

"Тимошенко: Кратко, что имеете о действиях (войск)?

Павлов: Связи с 10-й армией нет. Сейчас направляем боевые самолеты для точного определения, где находятся наши части и противника. На вильнюсском направлении, по докладу командира 5-й танковой дивизии Прибалтийского округа, приехавшего, бросив остатки своей дивизии, сюда, механизированные части противника в 22.30 заняли Молодечно и ночью подошли к Ракову.

Тимошенко: Связь с 4-й армией имеется действительно? Она в прежнем положении?

Павлов: Вторую половину ночи связи не было. Сейчас послал проверить проволочную связь. Связи ни с кем нет, кроме 2-го и 44-го стрелковых корпусов (13-й армии). Рации же в армиях все разгромлены. Осталось по одной рации. Просил бы выслать РСБ самолетами.

Тимошенко: Пошлите подвижные отряды и конницу в тыл противника. Мы поможем действиями дальнебомбардировочной авиации.

Павлов: Примем все меры для практического проведения вашей директивы в жизнь"*2.

---

*1 ЦАМО РФ Ф. 8, оп. 930688, д. 63, л. 137—145.

*2 Там же, л. 151—158.

Примерно в это же время, по воспоминаниям Щербакова, генерала по особым поручениям у Ворошилова, дважды звонил Павлову Сталин. Командующий фронтом заверил и его, что примет все меры к отводу войск на восток и защите столицы Белоруссии. Тем не менее Сталин, сильно нервничавший и недоверявший уже Павлову, решил направить к нему Ворошилова с целью на месте разобраться в обстановке и оказать помощь командующему фронтом. Вечером 26 июня Ворошилов прибыл на командный пункт Западного фронта, находившийся уже в лесу, в районе Могилева, на восточном берегу Днепра.

Вместе с ним для оказания помощи в организации партизанской борьбы в Белоруссии прибыли направленные Разведывательным управлением Генерального штаба бригадный комиссар Г.Л.Туманян и полковник Х.У.Мамсуров, имевший опыт организации ее в Испании. С секретарем компартии Белоруссии П.Пономаренко, являвшимся одновременно и членом Военного совета фронта, они в тот же вечер решили вопрос о создании диверсионных групп в составе 15—20 человек для действий на коммуникациях противника.

В соответствии с директивой Военного совета фронта, вечером 26 июня войска 3-й и 10-й армий начали отход на восток. Из-за перебоев в работе средств связи многие командиры соединений получили приказ лишь спустя сутки. Для отвода войск двух армий оставалась узкая полоса местности шириной до 60 км с небольшим количеством грунтовых дорог. Движение по ним после прошедших сильных дождей было сопряжено с большими трудностями, которые усугублялись непрерывными налетами немецкой авиации. Из-за недостатка автотранспорта и горючего войскам не удавалось оторваться от наседавшего противника, поэтому они были вынуждены вести напряженные арьергардные бои, в то время как на флангах фронт все дальше откатывался на восток.

Немцы стремились как можно скорее выйти к Минску и замкнуть кольцо окружения. Первыми к Минскому УРу утром 26 июня вышли передовые отряды группы Гота. Навстречу им поспешно выдвигались резервы фронта, объединенные в 13-ю армию под командованием генерал-майора П.М.Филатова. Натолкнувшись на упорное сопротивление, Гот направил свои танки в обход Минска с северо-востока.

Воздушная разведка вскрыла эти колонны на марше. Генерал Климовских от имени Военного совета срочно сообщил Тимошенко, что до 1000 танков обходят Минск, а противодействовать им фронту нечем. Для срыва наступления немецких танков председатель Ставки решил использовать авиацию резерва Главного командования. В 15 часов 26 июня он приказал командирам 3-го и 1-го авиа-

корпусов полковнику Н.С.Скрипко и генералу В.И.Изотову непрерывными налетами целых полков днем и ночью бомбить с высоты 400 м танки противника, не допуская их переправы через Днепр.

В соответствии с приказом Тимошенко два этих авиакорпуса, на вооружении которых были в основном большие, тяжелые и очень тихоходные самолеты ТБ-3, а также бомбардировочные авиационные дивизии фронтового подчинения, с 26 июня наносили удары по танковым колоннам противника, действуя без прикрытия истребительной авиацией. Наши летчики показали в июньские дни многочисленные примеры беззаветного служения отечеству. 26 июня бессмертный подвиг совершил командир эскадрильи 42-й авиадивизии капитан Н.Ф.Гастелло, направив свой горящий бомбардировщик на колонну вражеских машин.

К сожалению, не имея прикрытия наши бомбардировочные соединения несли очень большие потери. Будучи в эти дни на Западном фронте, писатель К.М.Симонов был очевидцем этого. "И здесь я стал свидетелем картины, которой никогда не забуду, — свидетельствует он. — На протяжении десяти минут я видел, как "мессершмитты" один за другим сбили шесть наших ТБ-3. "Мессершмитт" заходил ТБ-3 в хвост, тот начинал дымиться и шел книзу. "Мессершмитт" заходил в хвост следующему ТБ-3, слышалась трескотня, потом ТБ-3 начинал гореть и падать. Падая, они уходили очень далеко, и черные высокие столбы дыма стояли в лесу по обеим сторонам дороги"*1.

Так плачевно заканчивали свое существование к началу июля наши дальнебомбардировочные авиационные корпуса.

Оценив сложившуюся к исходу 25 июня обстановку, Сталин пришел к выводу, что контрнаступление в этих условиях не удастся осуществить. К нему нужно тщательно подготовиться, исправив предварительно положение на Западном фронте. Чтобы выполнить эту задачу, он решил отозвать в Москву из Юго-Западного фронта Жукова. 26 июня он позвонил в Тернополь, пригласил его к аппарату и сказал:

"— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

---

*1 Симонов К.М. Разные дни войны. Т. 1, М., 1977, с. 45—46.

— Сейчас переговорю с товарищами Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выведу на аэродром,” — ответил Жуков”^{*1}.

Поздно вечером 26 июня он прилетел в Москву и прямо с аэродрома направился к Сталину. У него в кабинете были Тимошенко с Ватутиним. Хозяин был в возбужденном состоянии. Поздоровавшись, сказал: подумайте вместе, что можно сделать в сложившейся обстановке, и бросил на стол карту Западного фронта. Всю ночь Жуков изучал обстановку, заслушивал начальников отделов Генерального штаба, разговаривал по телефону с начальниками родов войск и служб. В 11 часов 23 минуты 27 июня состоялись его переговоры с Павловым.

”Жуков: Доложите, где противник и где ваши войска, какие ваши планы?

Павлов: Докладываю: МК противника, действующий со стороны Вильно, задержан, по-видимому, передовыми частями Минского УРа. Сведений с фронта Кузнецова В.И. — нет. После атаки на Гродно мы имеем перехваченный документ, адресованный Голубеву и Кузнецову, расшифровываем его. Где стрелковые части Голубева сейчас, не знаем. Части Коробкова, прикрывающие Бобруйск, были в 8 км восточнее Слуцка. Не знаю и не могу добиться, где Кулик и Болдин...

План остается прежним. Продолжаю выводить и буду приводить в порядок, а после выгрузки Московского (1-я Московская мотострелковая дивизия под командованием полковника Я.Г.Крейзера. — Авт.) думаю действиями накоротке бить противника по частям с последующим выводом наших частей на рубеж, указанный в вашей директиве. Хозяйство Жигарева (авиация) очень слабо. Нельзя ли ускорить подачу Московского?

Жуков: Куда приблизить Московский?

Павлов: На перегоны ближе к Борисову.

Жуков: В чьих руках Минск, Бобруйск, Плешеницы, Логойск. Нет ли прорыва танков на Борисов?

Павлов: Все в наших руках.

Жуков: Хорошо. Слушайте приказ от имени Ставки Главного командования. Ваша задача:

А) Срочно разыскать все части и объяснить им обстановку, положение противника и положение своих частей, особо детально обрисовать места, куда проскочили передовые мехчасти врага. Ука-

---

^{*1} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990, т. 2, с. 34.

затягивать частям, где остались наши базы горючего, боеприпасов и продфуража, чтобы части снабдили себя. Указать частям их задачу — вести ли бои или сосредоточиться в районах, по каким дорогам и в какой группировке.

Б) Выяснить, каким частям нужно подать горючее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

В) Оставшиеся войска выводить в трех направлениях: 1) через Докшицы в Полоцк, собирая части за Лепельским и Полоцким УРами; 2) направление Минск, собирая части за Минским УРом; 3) направление на Глусские леса и на Бобруйск.

Г) Иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты. В этом сейчас слабость как оторвавшегося первого эшелона, так и самой пехоты, двигающейся без танков. Если только подчиненные вам командиры смогут взять в руки части, особенно танковые, то можно было бы нанести уничтожающий удар как тылу для разгрома первого эшелона, так и для разгрома пехоты, двигающейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, движущегося на Минск и Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты. Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти.

Д) Коннице отвести в Пинские леса и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника. Отдельные мелкие группы конницы под командованием преданных и храбрых средних командиров расставьте на всех дорогах.

Знакомы ли вы с обстановкой слева и справа? Вы Коробкова видели и где?

Павлов: Только что приехал от Коробкова. С обстановкой не знаком...

Жуков: Ориентирую в обстановке. Очень хорошо дерутся войска Киевского и Одесского военных округов, где и управление войсками организовано не плохо. Секрет их заключается в близости штабов к войскам и хорошей организации делегатской службы. Вклинений больших нет, за исключением района Сокаль, где имеется вклинение на 40—50 км. Сосед справа справился очень плохо и сейчас войска отходят на р. Западная Двина, занимая рубеж от Риги через Двинск до Друя. На рубеже Полоцк—Витебск — хозяйство Ершакова (22-я армия). Вот в общих чертах.

Наш план сейчас заключается в том — громить, уничтожать,

пленить растянувшиеся части противника, не имеющие между собой по фронту никакого тактического взаимодействия.

Павлов: Все ясно. Поправляю и поправлю все.

Жуков: Желаю успеха. Не забывай ни на минуту того доверия, которое оказали тебе правительство, партия и страна. А поправить дело можешь, если организованнее будешь действовать. Все проверить лично и не доверять на слово болтунам. Будь здоров. До свидания”^{*1}.

Содержание этих переговоров убедительно свидетельствует, что в Москве не представляли истинного положения войск Западного фронта, которые, не считая 13-й армии, были совершенно не боеспособны и не могли решать те задачи, которые ставила им Ставка устами Жукова. По-видимому, Павлов и сам не осознавал еще, что делается по ту сторону Минска.

Не сразу осознали это и Шапошников с Ворошиловым, находившиеся в штабе Западного фронта. Последний 27 июня учинил Павлову настоящий допрос. Как он, Павлов, ухитрился, имея 44 дивизии, отдать врагу в течение пяти дней значительную часть Белоруссии? — вопрошал Ворошилов. Павлов в ответ заявил, что нападение противника застигло его войска врасплох. Директиву о приведении в боевую готовность получили поздно, сказал он, и поэтому не смогли довести до войск. Получи мы ее раньше, события развивались бы совершенно по-иному. Главное, что срывает сейчас все наши мероприятия, это действия немецкой авиации.

Ворошилов упрекнул Павлова в том, почему он до получения директивы ничего не предпринимал в целях повышения боевой готовности? Павлов сказал, что нам категорически запрещал это делать Центр. По этому вопросу он дважды 17 и 19 июня направлял телеграммы на имя Сталина. По поручению последнего 21 июня Ватутин ответил ему категорическим запрещением что-либо предпринимать, чтобы не спровоцировать немцев.

А тем временем события складывались все хуже и хуже. Огромное преимущество противнику предоставляло господство в воздухе. Из-за недостатка истребителей, зенитных орудий и боеприпасов к ним наши войска не прикрывались с воздуха. Вот что писал по этому поводу в политдонесении начальник отдела политической пропаганды 2-го стрелкового корпуса 13-й армии: “С 27 по 30 июня на фронте в районе Минска ни одного раза не

---

^{*1} ЦАМО РФ, ф. 8, оп. 930688, д. 63, л. 203—208.

появлялась наша авиация; в этих условиях авиация противника орудует безнаказанно”^{*1}. И не случайно поэтому войны 100-й и 161-й стрелковых дивизий, сражавшиеся с врагом в Минском укрепленном районе, говорили тогда: “Дайте снарядов, помогите самолетами — мы никогда не отступим”.

В оборонительном сражении под Минском войска 13-й армии умело использовали занятые ими долговременные огневые точки. В отчете о боях 3-й танковой группы отмечалось, что минские доты частично пройдены не занятыми войсками противника, в то время как при преодолении других дивизии несли тяжелые потери, прорываясь через укрепленный пояс. Соединения армии, особенно 2-го ск генерала А.Н.Ермакова, удерживали занимаемые рубежи до 28 июня. В этих боях войны 100-й сд, которой командовал генерал-майор И.Н.Руссиянов, используя связки гранат и бутылки с горючей смесью, уничтожили до 100 танков, бронемашин и мотоциклов противника.

Однако, встречая на том или ином участке фронта упорное сопротивление, танковые соединения противника, не ввязываясь в затяжные бои, стремились обойти их с флангов. К исходу 28 июня большая часть войск 13-й армии находилась восточнее Минска. К городу с северо-запада и юго-запада рвались немецкие танки. В 17 часов 28 июня 12-я танковая дивизия группы Гота после упорного боя ворвалась в столицу Белоруссии, а на следующий день танковые группы Гота и Гудериана соединились. Войска 13-й армии в основном успели отойти на восток и развернуться на рубеже Борисов, Смолевичи, р. Птичь. Соединения 3-й и 10-й армий, отступавшие из Гродно и Белостока на Новогрудок, Минск, оказались в окружении.

Оценив сложившуюся обстановку, Шапошников с Ворошиловым приняли правильное решение, которое довели до сведения Павлова и сообщили 28 июня Сталину. “Командованием (Ворошилов, Шапошников. — Авт.) отдан приказ войскам по договоренности с командованием фронта принять решение построить два тыловых рубежа и один промежуточный. Места расположения оборонительных рубежей: № 1. По реке Березина с опорными пунктами в районах Борисов, Березино и Бобруйск. № 2. По реке Днепр: Орша, Шклов, Могилев, Старый Быхов, Рогачев. Промежуточный рубеж создать на реке Друть с опорными пунктами

---

^{*1} ЦАМО РФ Ф. 32, оп. 22149, д. 2, л. 107.

Толочки, Круглое и Пильники. В настоящее время к работам приступили.

В первую очередь будут отрыты эскарпы, противотанковые рвы и заминированы мосты. Для форсирования работ договорился с тов. Пономаренко о выделении 80—100 тыс. рабочих в распоряжение командования... Ввиду того, что инженерные войска были розданы по частям и там остались, то хорошо бы командировать Западному фронту 50 инженеров-фортификаторов из управлений и 150 слушателей с двух последних курсов. Решено особенно тщательно укрепить днепровский рубеж.

По тылу тов. Соколов организует работу в направлении:

а) создания заградительных отрядов по линии Орша, Могилев, Одовск для задержания беспорядочно отходящих военнослужащих; б) всех военнослужащих, проникших за линию Смоленск, Рославль сосредоточивать на сборных пунктах и направлять на линию Днепра.

По линии НКГБ СССР создано и уже действуют десять групп по 100 человек в каждой для диверсионной работы и организации партизанских отрядов в тылу противника. Сегодня будет выброшено в тыл противника еще 500 человек. ...Авиация противника не может состязаться с "МиГами", поэтому крайне необходимо дать Западному фронту в ближайшие дни хотя бы один полк. С немалым эффектом проявил себя Ил-2. Наши бойцы и командиры от него в восторге. Убедительная просьба дать этих машин побольше. ...3, 10 и 4-я армии отходя полностью потеряли свои рации. Требуется выслать еще 10 РСБ, кроме выделенных^{*1}.

О том, что враг ворвался в Минск и окружил 3, 10 и 21-й ск 13-й армии, ни в штабе фронта, ни в Генеральном штабе не было еще известно. В девятом часу утра 29 июня состоялись переговоры Ватутина с начальником оперативного отдела штаба фронта генерал-майором Семеновым.

"Ватутин: тов. Семенов, понимаете ли вы всю важность и срочность момента? В вашем распоряжении остается всего лишь несколько часов. Ваш доклад неконкретный и путанный... Где 6-й МК? Кто удерживает Слуцкий УР? Где Кулик и Шапошников?

Семенов: Слуцк в руках противника. Кулик вместе с Болдыным, связи не имеем. Шапошников все время находится с на-

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 208, оп. 2513, д. 72, л. 93—106.

ми...Сегодня в ночь была бомбардировка Смоленска, в результате чего было нарушение связи..."^{*1}.

Не удовлетворившись разговором с Семеновым, Ватутин попросил начальника оперативного управления Генерального штаба генерал-лейтенанта Г.К.Маландина переговорить с Павловым.

"Маландин: Генерал Семенов только что доложил об отходе 2-го ск. Нарком и начальник Генерального штаба приказали выяснить у вас лично:

1) в чьих руках Минск? 2) оставлен или нет УР?

Павлов: Имею данные об отходе под ударом механизированных частей только 2-го корпуса, который еще сегодня утром был в Топилово, Моховое. Смиловичи. Противник обошел УР.

Маландин: Как остальные части?

Павлов: Не имею данных. Оставлен ли Минск и УР командующий 13-й армией запрошен. Ожидаю ответа. Докладываю, что командующий 13-й армией не имел данных об отходе 2-го ск. Наличие крупных мехсоединений, в боях с которыми наши части израсходовали артиллерийские снаряды. 100-я дивизия отбивается от танковых атак бутылками с бензином. Создавшаяся угроза окружения 44-го ск и 20-го мк вынудили меня принять решение на вывод частей 2-го ск и 44-го ск на рубеж Стахов в 8 км северо-западнее Борисов, Червень, а 20-й мк в район Свислочь — северо-восточнее Бобруйска. 21-й ск — в районе Ивье окружен, пробивается... Прошу поддержать авиацией и ускорить темпы перевозок войск в район Орша для прочного занятия обороны по р. Днепр. Это тем более необходимо, что наши войска, находящиеся в западных областях, с выходом на р. Березина опаздывают, а в Орше разгружаются случайные части. Последнее доложено маршалу Ворошилову и он настоятельно просит указать, какие части, куда выходят и в какие сроки, чтобы наметить план предстоящих действий.

Маландин: Насколько устойчиво положение отведенных войск на новом рубеже?

Павлов: На новый рубеж вышли только части Коробкова, понеся огромные потери от действия танковых войск и авиации противника, и требуют серьезного укомплектования и приведения в порядок. Остальные части пробиваются"^{*2}.

Почти сутки спустя после вступления немцев в Минск штаб фронта и его командующий, находившиеся на командном пункте

---

^{*1} ЦАМО РФ. Ф. 8, оп. 930688, д. 63, л. 207.

^{*2} Там же, л. 229—233.

в районе Могилева, не располагали еще точными сведениями о том, что там происходит. Но до Москвы из сообщений немецкого радио эти сведения дошли днем 29 июня. Чтобы убедиться в этом, Сталин приехал в наркомат обороны. Он был раздражен, пытался получить от Тимошенко сколько-нибудь определенный ответ на вопрос: что же происходит на Западном фронте? Но тот и сам не знал, так как из-за повреждений линий связи вражеской бомбежкой последних данных из Могилева не поступало, а поступившим никто уже не верил.

В тот день, 29 июня, когда после захвата врагом Минска у всех политических и государственных руководителей открылись глаза, какая угроза нависла над страной, Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли специальную директиву советским и партийным организациям прифронтовых областей. Этой директиве, положенной потом в основу речи Сталина 3 июля, суждено было стать программой мобилизации всех сил народа на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

Активное участие в разработке этой директивы принял и сам Сталин. Чтобы снять с себя ответственность за случившееся и утвердить в народе и в войсках собственную непогрешимость, он замыслил найти "стрелочников", на которых можно было бы взвалить вину за сокрушительное поражение войск Западного фронта и серьезные неудачи на других фронтах. Чтобы придать расправе видимость законности, он внес коррективы в 6-й пункт, требующий "немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, — невзирая на лица".

Директивой, а затем речью Сталина партия и правительство призвали советский народ осознать всю глубину опасности, нависшей над Родиной, перестроить всю работу на военный лад, организовать всестороннюю помощь Красной Армии, при вынужденном отходе вывозить все ценное имущество, а что нельзя вывезти — уничтожать, во временно оккупированных противником районах организовать партизанские отряды и диверсионные группы, создавая невыносимые условия для врага. "Теперь, — подчеркивалось в документе, — все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом"¹.

Около 19 часов Сталину поступила телеграмма от Ворошилова,

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6, 1941—1954. М., 1971, с. 19.

в которой сообщалось, что “обстановка на фронте внезапно резко ухудшилась. Подробности донесу дополнительно”^{*1}.

Поздно вечером 29 июня в Кремле собрались несколько членов Политбюро. Сталин неистовствовал. Связи с Западным фронтом не было. Сталин позвонил Тимошенко, но и тот ничего вразумительного ответить не мог. “Встревоженный таким ходом дела, — вспоминает А.И.Микоян, — Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны СССР и на месте разобраться в обстановке. В кабинете С.К.Тимошенко находились Г.К.Жуков, Н.Ф.Ватутин и еще несколько генералов и офицеров Генштаба. Здесь состоялся весьма суровый разговор. Только в этот момент Сталин по-настоящему понял всю серьезность просчетов в оценке возможности, времени и последствий нападения со стороны гитлеровской Германии”^{*2}.

Вспоминая это посещение Сталиным наркомата обороны, Жуков заметил, что он крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном направлении. “И как он ни обвинял Д.Г.Павлова, — пишет Георгий Константинович, — все же нам казалось, что где-то наедине с собой он чувствовал во всем этом и свои предвоенные просчеты и ошибки”^{*3}.

Возможно это и так, но не таков был Сталин, чтобы взять вину за происходящее на себя. Он умел найти “козлов отпущения”.

Получив “накачку”, Жуков, по указанию Тимошенко, как только смогли установить связь, в 6 часов 45 минут раздраженно начал переговоры с Павловым, продолжавшиеся до 8 часов 30 июня. Во их содержание.

“Жуков: Мы не можем принять никакого решения по Западному фронту, так как не знаем, что происходит в районе Минска, Бобруйска, Слуцка. Где ваши части? Прошу сообщить для доклада Ставке по существу этих вопросов.

Павлов: В районе Минска вчера вечером начал отход 44-й стрелковый корпус южнее Могилевского шоссе; рубежом обороны, на котором должны остановиться, назначен Стахов-Червень. В районе Слуцка вчерашний день вела бой 210-я мотострелковая дивизия. В районе Бобруйска сегодня в 4 часа противник навел мост, по которому проскочило 12 танков, идет усиленная подготовка к переправам через Березину. Ответственные командиры

---

*1 ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2513, д. 72, л. 123.

*2 Новая и новейшая история. М., 1985, № 6, с. 98.

*3 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990, т. 2, с. 38.

высхали навстречу войскам 2, 44 и 22-го ск, разрозненно отходящим с запада.

Жуков: Немцы передают по радио, что ими восточнее Белостока окружены две армии. Видимо какая-то доля правды в этом есть. Почему ваш штаб не организует высылку делегатов на танках, самолетах, не разошлет местных жителей из числа коммунистов для того, чтобы найти части. Нам непонятно: прошло пять дней, а мы не можем найти части и получить членораздельный доклад: где Кулик, Болдин, Кузнецов, кавалерийский корпус? Не может быть, чтобы конницы не видели.

Павлов: Да, большая доля правды. Нам известно, что 25 и 26.VI части были на реке Щаре, вели бои за переправы с противником, занимавшим восточный берег реки Щары. До этого мы доносили вам, что части 10-й армии подошли к реке Зельвянка у Зелова и что тоже вели бои. 3-я армия стремилась отойти по обе стороны реки Щары и была почти одновременно на этих же рубежах. Частью сил стремилась пробиться к 21-му стрелковому корпусу в район Лиды. С этим корпусом имели связь по радио, а со вчерашнего дня связи нет, корпус пробивается из окружения в указанном ему направлении.

В отношении высылки делегатов. Этот вопрос был особым. Делегаты высылались на машинах, броневиках, самолетах, не посылались только на танках из-за отсутствия таковых, не посылались местные жители на запад лишь в связи с часто недоброжелательным их отношением... Авиация не может отыскать конницу и мехчасти, потому что все это тщательно скрывается в лесах от авиации противника. Наконец послана целая группа с радиостанцией с задачей разыскать, где Кулик и где находятся точно наши части. Однако от этой группы ответа нет. Болдин и Кузнецов, как и Голубев, еще 26 июня были при частях.

Жуков: Какого корпуса 210-я мсд? Где конница?

Павлов: 210-я мсд — 20-го МК, который занимал оборону южнее Минска.

Жуков: Но в эту дивизию можно послать делегатов или нет? Что вы намерены делать в дальнейшем и эвакуируются ли склады и другое ценное имущество или все это оставляется противнику?

Павлов: Где конница, не знаю. Делегатов связи в 210-ю мсд посылаем. Имущество со складов в районах Белосток, Лида, Волковск, Барановичи, Слоним использовано полностью. С остальных складов часть имущества эвакуировалась, часть взрывалась или сжигалась. Противнику ничего не оставляется. Дальнейшие наши намерения и действия изложены как в моем разговоре с Маландиным, так и донесены вам.

Жуков: Не получал. Что вы думаете делать с бобруйской группой и кто разрешил отход и оставление Минска?

Павлов: Разрешение на оставление Минска и на отход никто не давал. 26 июня маршал Шапошников через делегатов связи передал приказание 44-му и 2-му стрелковым корпусам, что если нужно, то драться в окружении и не отходить. Командир 2-го корпуса Ермаков ответил, что иначе он не понимает задачи, однако под ударом крупных механизированных сил он не только отошел, но еще и не поставил в известность как своего соседа, так и высший штаб. 44-й корпус тоже был атакован крупными мехсоединениями со стороны Дзержинск и донес с делегатом, что он отходит южнее Могилевского шоссе.

Жуков: Основная ваша сейчас задача — быстрее разыскать все части и вывести их за реку Березина. За это дело возьмитесь лично и отберите для этой цели способных командиров. Ставка Главного командования от вас требует в самый кратчайший срок собрать все войска фронта и привести их в надлежащее состояние. Ни в коем случае не допустить прорыва частей противника в районе Бобруйска и в районе Борисова. Вы должны во чтобы-то ни стало не допустить срыва окончания сосредоточения армий в районе Орша — Могилев — Жлобин — Рогачев. Для руководства боями под Бобруйском вышлите группу командиров с радиостанцией под руководством вашего заместителя. Немедленно эвакуируйте склады, чтобы все это не попало в руки противника.

Павлов: Для удержания Бобруйска и Борисова бросил все части, даже школу. Выделить дополнительно хотя бы одну радиостанцию больше не имею возможности. Штаб имеет одну^{*1}.

И хотя Павлов заверил Жукова, что для удержания Бобруйска он бросил все части, из переговоров старшего офицера Генерального штаба полковника Абаяева с начальником отделения оперативного отдела штаба фронта майором Петровым стало известно, что противнику около 12 часов того же дня удалось форсировать Березину в районе Бобруйска. Об этом, сказал Петров, Коробков "лично докладывал Павлову и просил помочь"^{*2}.

Но помогать Павлову уже не пришлось, да и вряд ли он был в состоянии что-либо предпринять. В тот день его судьба была предreshена. Сталин позвонил Жукову и приказал вызвать его в Москву. В Могилев 30 июня прибыли генерал-лейтенанты А.И.Ере-

---

^{*1} ЦАМО РФ, ф. 8, оп. 930688, д. 63, л. 237—246.

^{*2} Там же, д. 8, л. 269.

менко и Г.К.Маландин. Первый был назначен командующим фронтом, а второй — начальником штаба.

1 июля в 11 часов 5 минут в Москву была отправлена телеграмма:

"Наркому обороны маршалу Тимошенко

Командование войсками Западного фронта сдал генерал-лейтенант Еременко 1 июля 1941 г.

Д.Павлов.

В командование войсками Западного фронта вступил 1 июля. А.Еременко"*1.

В тот же день Павлов прибыл в Москву и явился к Жукову. "Я его едва узнал, — пишет Жуков, — так изменился он за восемь дней войны"*2.

В конце июня напряженные бои велись не только в районе Минска, но и под Бобруйском. Противник стремился форсировать Березину и развивать наступление к Днепру. Описывая это сражение, Гудериан отмечал, что "противник, как всегда, оказывал упорное сопротивление. Его войска действовали умело, особенно следует отметить хорошую маскировку, но управление боем не было еще централизовано"*3.

Захватив Бобруйск, 24-й корпус 2-й танковой группы стал развивать наступление на Рогачев и Могилев. Командующий 4-й армией Коробков, докладывая 30 июня о результатах боя под Бобруйском, просил Павлова "силами фронта прикрыть шоссе Могилев-Бобруйск, так как на этом направлении никаких частей нет"*4.

Действительно, понесшие большие потери соединения 4-й армии не могли задержать противника в междуречье Березины и Днепра. Ведя арьергардные бои, они медленно отходили к Днепру, где развертывалась 21-я армия из группы Буденного. В целях упорядочения управления войсками, которые вели бой на рогачевско-бобруйском направлении, Ставка приказала командующему 21-й армией подчинить себе остатки 4-й армии.

В конце июня в связи с окружением полуразбитых и расчлененных на части 3-й и 10-й армий вне кольца окружения вели разрозненные бои в полосе шириной свыше 400 км около десятика сильно ослабленных дивизий. Западный фронт, развернутый на

---

*1 ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2513, д. 72, л. 193.

*2 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990, т. 2, с. 40.

*3 Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954, с. 154.

*4 ЦАМО РФ, ф. 226, оп. 2133, д. 1, л. 14.

базе войск Западного особого военного округа, по существу был разгромлен. На рубеже Днепра в первых числах июля создавался новый Западный фронт под командованием наркома обороны Маршала Советского Союза С.К.Тимошенко.

Остатки 4-й и 13-й армий были доукомплектованы и включены в состав нового фронта. После отдыха вошли в строй и вышедшие в первой декаде июля из окружения отдельные группы войск 3-й и 10-й армий во главе с командующими. Вышли из окружения маршал Кулик и генерал Болдин. Многие воины погибли, некоторые остались в тылу и перешли к партизанским действиям. Однако большая часть войск Западного фронта была пленена. По немецким данным, в плен попало 324 тысячи человек, захвачено противником 3332 танка и 1809 орудий*1.

От шести механизированных корпусов (6, 11, 13, 14, 17 и 20-й), в которых насчитывалось к началу войны 2502 танка, из них 472 КВ и Т-34, по донесению начальника Автобронетанкового отдела фронта полковника Иванова, к концу июня осталось лишь несколько десятков. Согласно докладу генерала Маландина в Генеральный штаб Ватутину от 4 июля 1941 г. потери военно-воздушных сил Западного фронта за период с 22 по 30 июня составили 1483 самолета*2.

По докладу заместителя начальника штаба фронта полковника Виноградова начальнику управления устройства тыла Генерального штаба от 30 июня, огромными были и потери материальных запасов, хранившихся на передовых армейских и окружных складах:

1. Боеприпасов — взорвано и уничтожено 1766 вагонов.

2. Горючего — хранилось (тонн): авиационного — 22717, танкового — 1655, автомобильного — 223, дизельного топлива — 1013, смазочных материалов — 2038.

3. Вещевое имущество: хранилось в среднем 370 тысяч основных комплектов. Потери — 100%”*3.

По немецким данным, в начале войны они покрывали одну треть расхода горючего за счет трофейного, а суточный расход германской армии составлял тогда 11,5 тысячи кубометров. Наши же войска из-за отсутствия горючего были вынуждены иногда бросать и уничтожать свои танки и автомашины.

---

*1 Kartenskizzen zum Weltkrieg und zum Grossdeutschen Freiheitskampf. Berlin, 1943, p. 30.

*2 ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2513, д. 72, л. 340.

*3 Там же, л. 152.

В таком же положении, как и Западный фронт, мог оказаться и Северо-Западный фронт, если бы группа армий "Север" имела в своем составе, так же как и фельдмаршал Бок, две танковые группы. Под натиском одной танковой группы Гепнера войска Кузнецова Ф.И. имели все-таки возможность отходить на северо-восток.

Юго-Западный фронт был в лучшем положении в начале войны только потому, что он имел значительное численное превосходство над противником.

Платить за свою роковую ошибку, приведшую страну на грань катастрофы, Сталин заставил генералов и офицеров разгромленного Западного фронта. Он решил добить тех, кого не удалось убить противнику, чтобы их ценой показать народу свою непогрешимость. Хотя в майские дни 1945 г. на приеме полководцев и военачальников в Кремле он скажет: "У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала..., потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии".

Хотя и фальшиво, но это признание своих ошибок было сделано уже в дни триумфа, а в дни трагедии он решил обвинить других.

Как рассказывал мне Г.К.Жуков, он вызвал Павлова в Москву по требованию Сталина, который якобы собирался с ним беседовать. Дважды Жуков звонил в Кремль, напоминая о том, что Павлов ждет у него в кабинете вызова Сталина. Следовал ответ: пусть подождет. Лишь после третьего напоминания, Сталин сказал пусть едет обратно туда, откуда приехал. 4 июля в Довске он был задержан и ему объявили, что "арестован по распоряжению ЦК".

Накануне на Западный фронт в качестве члена Военного совета Сталиным был направлен на несколько дней со специальной миссией начальник Главного управления политической пропаганды Л.З.Мехлис. Всего три дня ему потребовалось для того, чтобы выявить в дополнение к Павлову всех остальных "виновников" поражения Красной Армии в начале войны. 6 июля он направил телеграфом (подлинник написан Мехлисом на трех блокнотных листах) следующий документ:

"Москва, Кремль. Сталину

Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение.

Военный совет решил:

1) Арестовать бывшего начальника штаба фронта Климовских, бывшего заместителя командующего ВВС фронта Таюрского и начальника артиллерии Клич.

2) Предать суду военного трибунала командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42-й сд Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

3) Нами арестованы — начальник связи фронта Григорьев, начальник топографического отдела фронта Дорофеев, начальник отделения отдела укомплектования фронта Кирсанов, инспектор боевой подготовки штаба ВВС Юров и начвоенторга Шейнкин.

4) Предаются суду помначотделения АБТУ Беркович, командир 8-го дисциплинарного батальона Дыкман и его заместитель Крол, начальник минского окружного сансклада Белявский, начальник окружной военветлаборатории Овчинников, командир дивизиона артполка Сбираник.

Тимошенко. Мехлис. Пономаренко 6.7.41 г".*1.

Сталин только этого и ждал, поэтому в тот же день ответил телеграммой:

"Тимошенко, Мехлису, Пономаренко.

Государственный Комитет Обороны одобряет Ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Таюрского и других и приветствует эти мероприятия как один из верных способов оздоровления фронта.

№ 7387

6 июля 41 г.

И.Сталин"*2.

После предварительной "подготовки", в традициях 1937 года, в час 30 минут 7 июля начали официальный допрос Павлова, который проводили несколько ночей. В показаниях он рассказал о своих переговорах по телефону в ночь на 22 июня с наркомом обороны. Характерно, что за три часа до начала вторжения немцев, уже после направления в войска директивы № 1 Тимошенко спросил лишь: спокойно ли на границе? На сообщение Павлова об усиленных передвижениях немецких войск, об устройстве проходов в проволочных заграждениях, нарком порекомендовал сохранять спокойствие, а если случится что-то неприятное ни в коем случае не поддаваться на провокацию и позвонить ему. Такими словами,

---

*1 Отдел хранения документов Генерального штаба, оп. 1554, д. 90, л. 301—303.

*2 Там же, д. 89, л. 79.

выражающими жесткие требования Сталина, закончил Тимошенко разговор с Павловым. Посоветовал, на всякий случай, собрать личный состав штаба и не пониковать. В 3 часа 30 минут Павлов вновь разговаривал с наркомом, доложив ему, что обстановка без изменения. Через полчаса, когда началась артиллерийская подготовка и бомбежка приграничных аэродромов, о чем командующий округом сообщил Тимошенко, последний указал: "действуйте по обстановке".

На вопрос: имели ли вы сообщение, что на границе появились самолеты противника? Он ответил, что такое сообщение получил одновременно с началом бомбежки. Минский центральный пост ВНОС, по его словам, получил сообщение о перелете государственной границы немецкой авиацией 4 минуты спустя после вторжения.

Судя по материалам следствия, Павлов подвергался жестоким пыткам, так как "признался" в том, что был выдвиженцем Уборевича, что выполнял его враждебные задания, направленные на поражение Красной Армии, что "правой рукой его был Мерецков". (Вот в чем кроется причина ареста генерала армии К.А.Мерецкова, которого пытали и избивали все лето, но так ничего не добившись хотя и искалечив, к счастью, оставили в живых и осенью освободили из лефортовской тюрьмы). На вопрос: "Вы как заговорщик открыли фронт врагу намеренно?" Павлов, по существу дал утвердительный ответ.

22 июля под председательством все того же В.В.Ульриха состоялся несправедливый и скорый суд. Все оговоры на себя и Мерецкова во враждебной деятельности Павлов отверг, заявив, что сделал это по принуждению. Признал себя виновным в том, что не ввел в действие директиву № 1 заранее, то есть до вторжения противника. Я, заявил он, знал, что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверяли, что все в порядке и мне было приказано быть спокойным и не паниковать. Фамилию, кто мне это говорил, назвать не могу. (Не осмеливались назвать на таком суде только одну фамилию — Сталина).

На вопрос генералу Климовских: вы располагали данными о том, что противник концентрирует войска? Он ответил: такими данными мы располагали, но мы были дезинформированы Павловым, который уверял, что противник концентрирует легкие танки. Первый удар по нашим войскам был настолько ошеломляющим, что он вызвал растерянность всего командного состава штаба фронта.

Обращаясь к бывшему начальнику связи фронта генералу А.Т.Григорьеву, член суда спросил: свои собственноручные показания от 15 июля вы начинаете так: "Война, разразившаяся 22

июня 1941 г., застала Западный особый военный округ неподготовленным". Эти показания вы подтверждаете? — Да, подтверждаю, — ответил он. Мирное настроение, царившее все время в штабе округа, безусловно передавалось в войска, — продолжал Григорьев. Только этим "благодушием" можно объяснить тот факт, что авиация была застигнута немецким налетом на земле, штабы армий и часть войск находились на зимних квартирах и были подвергнуты бомбардировке, — констатировал Григорьев. Кто во всем этом виновен? — был задан вопрос. Виновны в этом командующий — Павлов, начальник штаба — Климовских, член Военного совета — Фоминых, — последовал ответ.

Кстати, последний не подвергался аресту и судимости. Вновь вводя в строй институт военных комиссаров, Сталин с Мехлисом решили не подрывать судимостью члена Военного совета фронта авторитет политорганов.

На вопрос: признаете ли себя виновным?, бывший командующий 4-й армией Коробков ответил отрицательно. Я могу признать себя виновным лишь в том, сказал он, что не мог определить точного начала военных действий. Приказ народного комиссара обороны мы получили в 4 часа, когда противник начал нас бомбить.

В последнем слове Павлов заявил: мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому что недостаточно готовились в мирное время к этой войне. Коробков сказал, что первые два дня войны моим частям нельзя было двигаться из-за огромного количества самолетов противника, буквально каждая наша автомашина расстреливалась. Силы были неравные, враг превосходил нас во всех отношениях.

Приговор гласил: предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые Павлов и Климовских в период начала военных действий германских войск против СССР проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями Красной Армии, тем самым дезорганизовали оборону страны и создали возможность противнику прорвать фронт Красной Армии.

Парадоксально, но факт, что формулировку этого приговора взяли из постановления Государственного Комитета Оборона № 00381, подписанного Сталиным еще 16 июля и доводившегося до командиров рот включительно. В нем указывалось, что многие командиры проявляют в боях геройство и мужество, а некоторые паникерство, трусость и дезертирство — они хуже врага. "Исходя из этого Государственный Комитет Оборона по представлению Главнокомандующих и командующих фронтами и армиями аре-

ствовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

1. бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова Д.Г.

2. бывшего начальника штаба фронта генерал-майора Климовских В.Е.

3. бывшего начальника связи фронта генерал-майора Григорьева А.Т.

4. бывшего командующего 4-й армией генерал-майора Коробкова А.А..”..

Государственный Комитет Обороны, говорилось далее в Постановлении, будет и впредь “железной рукой пресекать всякое проявление трусости” и требует, чтобы командиры и политработники “расправлялись с ними (трусами) как с нарушителями присяги и изменниками Родины”.

Всех судимых 22 июля приговорили к расстрелу. Нет сведений о том, успели ли они ходатайствовать перед председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калининым о помиловании, так как в тот же день были расстреляны. Отменили этот позорный приговор “за отсутствием в их действиях состава преступления” в 1957 г.

О их невиновности свидетельствует бывший начальник оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-майор И.И.Семенов. “Я лично от начала и до конца был непосредственным участником этих событий, — сообщал он в письме генерал-полковнику Л.М.Сандалову 28 апреля 1962 г. — Со всей ответственностью могу сказать, что ни паники, ни растерянности с их стороны не было. Все, что можно было сделать в тех тяжелых условиях, делалось, но было поздно. Мы расплачивались за упущенное время и за то, что были успокоены и верили, вернее нас заставляли верить, что немцы наши чуть ли не друзья. Вспомните заявление ТАСС и снимки в газетах.

Лично я, — продолжает Семенов, — предлагал Климовских и Павлову за две-три недели (после возвращения из Москвы, из Генштаба) до начала войны поднять войска по плану прикрытия, но они на это не пошли, было прямое указание не делать этого. Если бы мы это сделали хотя бы за неделю до войны, разве бы мы дали немцам так быстро продвигаться, даже несмотря на их превосходство?

Нельзя полностью обвинять Павлова и Климовских в бездействии и потому, — заключает Семенов, — что фактически руководил всем маршал Шапошников, который уже через 5—6 часов

после начала войны прибыл в Минск. Вы пишете в книге (Сандалов Л.М. Пережитое. М., 1961), что он был в Могилеве, из Могилева я его отправил в Москву, а до этого все события докладывал лично ему, все распоряжения по фронту были согласованы и одобрены им. Никогда не забуду слов, сказанных им, когда он уже сидел в машине и пожимал мне на прощание руку: "Не волнуйтесь, голубчик, наши неудачи временные как результат внезапности. Скоро все переменится".

Вот как было дело, Леонид Михайлович! Мне кажется, что как-то в своей книге Вам надо было сказать и оправдать память этих безвинно погибших славных людей"*¹.

Смертью этих, как и многих других людей, Сталин стремился скрыть свои преступления и просчеты, приведшие страну на грань катастрофы в июне 1941 г.

3. ПОСЛЕДСТВИЯ

Внезапность, достигнутая противником, приведшая к сокрушительному разгрому Западного фронта, большим потерям других фронтов, а главное — абсолютному завоеванию немецкой авиацией господства в воздухе, поставила Советские вооруженные силы в крайне тяжелое положение. Острый недостаток, а часто полное отсутствие поддерживающей авиации и зенитных средств оставляло войска и штабы совсем беззащитными с воздуха, что вело к еще большим потерям и дезорганизации управления.

Главная вина за просчет, позволивший противнику достичь внезапности, как уже отмечалось, лежит на Сталине — политическом руководителе. Несут ли за это ответственность военные руководители? Жуков отвечает на этот вопрос утвердительно. "Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался, — признается он. — Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными ком-

---

*¹ Это письмо хранится у дочери Л.М. Сандалова.

пактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов"*1.

Жуков справедливо и самокритично оценивает ошибочное расположение войск в белостокском выступе, допущенное в 1940 г. и не устраненное вплоть до самой войны. На вопрос: почему Главное командование и командование фронтами так неосмотрительно руководили войсками в начале войны? — он отвечает: "Считаю, что во всем этом сказывалось отсутствие у всех нас тогда достаточного опыта руководства войсками в сложной обстановке больших ожесточенных сражений, разыгравшихся на огромном пространстве"*2.

Ранее я указывал на тот факт, что Тимошенко, Жуков и другие военачальники, как показало декабрьское (1940 г.) совещание, не изменили взгляды на начальный период по сравнению с первой мировой войной.

В то же время Тухачевский, Уборевич, Якир и их сослуживцы предвидели начальный период таким, каким он стал в 1941 г. Известно, что история не приемлет сослагательных наклонений. И тем не менее смею утверждать, что если бы во главе Красной Армии стояли уничтоженные в 1937 г. талантливые и опытные военачальники, то июньской трагедии не произошло бы. Из этого вовсе не следует, что не засверкала бы звезда Жукова, и его имя не вошло бы в анналы истории в одном ряду с Суворовым и Кутузовым.

Жуков указывает еще одну крупную ошибку, допущенную Главным командованием в первые дни войны. Речь идет о попытке перехода в контрнаступление согласно директивы № 3. Ведь даже во время переговоров с Павловым 27 июня Жуков указывал, что наша главная цель — расчленивать, громить, пленить противника. Главное командование только к концу июня пришло к выводу, что план войны, разработанный в мирное время, в основу которого была положена идея нанесения мощного ответного удара, является несостоятельным и полностью отвергнут всем ходом событий. Тяжелая обстановка, сложившаяся на всем советско-германском фронте, вынудила перейти к стратегической обороне, но уже в очень сложных условиях, когда отсутствовал сплошной фронт, а на главных направлениях образовались крупные бреши, в которые устремились основные силы противника, и прежде всего танковые

---

*1 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990, т. 2, с. 29—30.

*2 Там же, с. 30.

группы, при надежном прикрытии их авиацией, которая к тому же прокладывала им путь.

Однако мысль о переходе в контрнаступление летом 1941 г. не оставляла Ставку Главного командования еще три месяца. Попытка захватить стратегическую инициативу предпринималась в ходе Смоленского сражения. Только 27 сентября Ставка пришла к выводу о неготовности войск и невозможности в условиях господства вражеской авиации вести крупные наступательные операции, приказав Западному фронту перейти "к жесткой упорной обороне"¹. Необоснованные попытки ведения наступательных операций при отсутствии необходимых на то условий затрудняли создание устойчивой обороны фронтами и являлись одной из причин наших неудач в 1941 г.

В этих условиях военные действия следовало бы возможно быстрее перевести на рельсы позиционной войны. Однако сделать это было непросто. Стратегическая оборона заранее не предусматривалась и не готовилась. Войска, оставив оборудованную, хотя и далеко не полностью, в инженерном отношении полосу обороны, а также приграничные укрепленные районы, не имели возможности создать оборонительные рубежи в глубине территории, так как противник, обладая стратегической инициативой и господством в воздухе, препятствовал организованному переходу к обороне отходявших соединений. Из-за незавершенности сосредоточения второго стратегического эшелона не удалось подготовить оборону на рубеже Западная Двина, Днепр, на котором в спешке создавался за счет почти всех стратегических резервов новый Западный фронт.

Соотношение сил к началу июля изменилось в пользу врага. немцы продвинулись на глубину до 500 км и овладели важными экономическими районами и стратегическими объектами. Все это было большой неожиданностью для советского народа, которому вдалбливали в голову, что мы ответим двойным-тройным ударом на удар врага и будем вести войну на его территории. И вдруг, такой неожиданный поворот.

Опьяненные результатами вероломного нападения, Гитлер и его генералы определили сроки вступления своей армии в Москву. "Фюрер считает, — записал Гальдер 30 июня в дневнике, — что в случае достижения Смоленска в середине июля пехотные сое-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 132, оп. 2642, д. 30, л. 47.

динения смогут занять Москву только в августе”^{*1}. Сам начальник генерального штаба в этих подсчетах пошел еще дальше: “...не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России выиграна в течение 14 дней... Когда мы форсируем реки Западная Двина и Днепр, то речь будет идти не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы отнять у него промышленные районы”^{*2}. А на следующий день, продолжая развивать ту же мысль, он отметил: “В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы”^{*3}.

Чтобы читатель мог представить, что за противник в моральном отношении противостоял нам, приведу один документ. Это выдержки из беседы с немецкими военнопленными, захваченными в той же Белоруссии, но не в 1941-м, а в 1944 году.

8 июля беседовал с ними глава английской военной миссии в СССР генерал-лейтенант М.Бэрроуз. Собеседником был начальник ветеринарной службы 6-го армейского корпуса полковник доктор Вернер Хорнунг.

”Вопрос: Почему Германия начала эту преступную войну?

Ответ: Мы начали эту войну с целью улучшения своего положения. Когда же война началась, мы не разбирались в средствах и методах, ибо все, что могло идти на благо нашей родины, мы считали оправданным. Мы надеялись выйти победителями из войны и действовали в соответствии с поговоркой: “Цель оправдывает средства”...

Вопрос: Поясните, что вы понимаете под “улучшением своего положения” и за чей счет вы собирались его улучшить?

Ответ: Мы стремились навсегда разрешить вопрос о расширении жизненного пространства для германского народа, исполнив тем самым свою миссию о внедрении германской культуры и цивилизации в завоеванные пространства.

Вопрос: И вам действительно удалось улучшить свое положение?

Ответ: Пока что — нет, но ведь война еще не окончена”^{*4}. Это говорилось в 1944 г., когда исход войны, но не в пользу

---

*1 Гальдер Ф. Военный дневник. М., Воениздат, 1969, т. 3, кн. 1, с. 66.

*2 “Совершенно секретно! Только для командования!”. М., 1968, с. 241—242.

*3 Там же, с. 243.

*4 ЦАМО РФ, ф. 40, оп. 178404, д. 12, л. 61.

Германии, был уже предreshен. Можно представить, с каким бодрым настроением шагали немцы в июле 1941 г. после сокрушительного поражения советских войск в Белоруссии.

В первых числах июля соединения 3-й и 2-й танковых групп подошли к Западной Двине и Днепру. Попытка форсировать Днепр с ходу не увенчалась успехом.

Фельдмаршал Бок приказал подтянуть дополнительные силы и ускорить наступление. 3-я танковая группа, как писал ее командующий Гот, "стремилась развить операцию по преследованию отступающего противника без остановки до самой Москвы"^{*1}, должна была преодолеть Западную Двину на участке Дисна, Витебск и выйти в район Смоленска с северо-запада, а 2-я танковая группа — форсировать Днепр на участке Орша, Рогачев и, продвигаясь вдоль автострады Минск—Москва, вступить в Смоленск с юго-запада.

На рубеж Двины и Днепра выдвигались 22, 19, 20 и 21-я армии, которые были включены в состав Западного фронта. Однако закончить сосредоточение и развертывание их к началу последующего удара противника не удалось.

Утром 20 июля группа Гота из района Витебска стала наступать на Смоленск. Перебрасываемая туда 19-я армия генерал-лейтенанта И.С.Конева, не успев занять оборону, не смогла задержать противника. Группа Гудериана, преодолевая упорное сопротивление 13-й армии, форсировала Днепр у Шклова и главными силами также начала продвижение к Смоленску с юго-запада.

Ставка Верховного Главнокомандования, которую с 30 июня возглавил Сталин, вместо создания сплошного фронта и организации жесткой и упорной обороны поставила задачу Тимошенко: немедленно организовать контрудар с целью ликвидации прорыва противника и подготовить наступление на гомельско-бобруйском направлении для воздействия на тылы могилевской группировки противника.

16 июля передовые части Гудериана ворвались в южную часть Смоленска, а накануне соединения Гота вышли северо-восточнее Смоленска к автостраде Минск—Москва. Завязались упорные бои за город, захват которого означал, кроме того, и новое крупное окружение войск Западного фронта. Храбро и мужественно дрались с противником войска 16-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Ф.Лукина, который посмертно за руководство обороной Смоленска был удостоен в 1993 г. звания "Героя Российской Федерации".

---

*1 Гот Г. Танковые сражения. М., 1961, с. 116.

Беспримерное мужество, отвагу и массовый героизм наших солдат неоднократно отмечали и гитлеровские генералы. "Еще Фридрих Великий сказал о русском солдате, что его нужно два раза застрелить и потом еще толкнуть, чтобы он наконец упал, — писал Гудериан. — Он правильно оценил стойкость этого солдата. В 1941 году мы должны были прийти к тому же выводу. С нестигаемой стойкостью удерживали эти солдаты свои позиции".

В течение нескольких дней части Гудериана пытались форсировать Днепр, чтобы переправиться в северную часть города и развить наступление с целью соединения с 3-й танковой группой. Вражеская авиация буквально висела над городом. Грохот от разрыва бомб не прекращался. Но ничто не смогло сломить волю к сопротивлению у нашего солдата.

Одновременно с попытками овладеть Смоленском соединения Гота и Гудериана стремились развить наступление к востоку от него, чтобы осуществить более глубокий охват войск Западного фронта. И это им вновь удалось. В районе западнее Смоленска противник, по данным немецкого источника, только в плен взял 310 тысяч солдат и офицеров Красной Армии.

Ставке Верховного Главного командования пришлось вводить в действие на западном стратегическом направлении третий, наступавший сформированный эшелон войск, который составили 29, 30, 24, 28, 31 и 32-я армии, входившие в Резервный фронт. Его возглавил 30 июля генерал армии Г.К.Жуков, освобожденный накануне с поста начальника Генерального штаба. На его место был назначен Маршал Советского Союза Б.М.Шапошников — единственный человек из офицеров царской армии, который не был репрессирован и пользовался особым расположением Сталина, называвшим только его по имени и отчеству и разрешавшим только ему курить в своем кабинете.

Освобождение Жукова с поста начальника Генштаба было связано с решением вопроса о положении и действиях войск Юго-Западного фронта, которым была уготована та же участь, что и войскам Западного фронта под Минском и Смоленском. Он задолго до случившегося предвидел это.

29 июля, оценив положение войск этого фронта, Жуков предложил оставить Киевский укрепленный район и сосредоточить все усилия на обороне левого берега Днепра. Рекомендация сдать Киев враз возмутила Сталина. Жесткий разговор завершился сменой места службы Жукова, но он был оставлен членом Ставки.

В день отъезда Жукова Сталин принимал лично представителя

---

*1 Красная звезда, 1963, 19 ноября.

президента США Ф.Рузвельта Г.Гопкинса, которому выразил уверенность в том, что в зимние месяцы фронт будет проходить под Ленинградом. Москвой и Киевом.

Анализируя складывающуюся стратегическую обстановку и учитывая сведения, полученные от пленных о переходе группы армий "Центр" к обороне на московском направлении, Жуков все больше убеждался в правильности своего вывода, доложенного Сталину 29 июля о возможном ударе противника во фланг и тыл Центрального, а затем и Юго-Западного фронтов. Поэтому 19 августа он как член Ставки послал Сталину телеграмму: "Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах наш Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов—Конотоп — Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс. Для срыва этого опасного намерения гитлеровского командования считал бы целесообразным по возможности быстрее создать крупную группировку наших войск в районе Глухов—Чернигов—Конотоп, чтобы ее силами нанести удар во фланг противника, как только он станет приводить в исполнение свой замысел..".¹

Этот документ — свидетельство удивительной прозорливости полководца. Он правильно раскрыл не только ближайшие цели противника, но и последующий замысел действий этой группировки войск в битве за Москву.

В тот же день Жуков получил ответную телеграмму за подписями Сталина и Шапошникова, свидетельствующую о том, что с его мнением Сталин, назначенный накануне Верховным Главнокомандующим, считался. Она гласила: "Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигова, Конотопа, Прилук считаем правильными. Продвижение немцев... будет означать обход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются и другие

---

¹ ЦАМО РФ, ф. 219, оп. 178510, д. 29, л. 1—3.

меры, о которых сообщим особо. Надеемся пресечь продвижение немцев”^{*1}.

Приказ о повороте танковой группы Гудериана и 2-й армии генерал-полковника Вейхса на юг Гитлер отдал 21 августа, а осуществление его началось 24 августа. Именно в тот день Сталин по прямому проводу говорил с Еременко:

”Сталин: ...У меня есть к вам несколько вопросов:

1. Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение...

2. Вы требуете много пополнения людьми и вооружением...

3. Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, две танковые бригады... и два-три танковых батальона...

4. Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

Еременко: Здравствуйте! Отвечаю:

1. Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга надо крепко обеспечивать... Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й армией, подчинить мне...

Я очень благодарен вам, товарищ Сталин, за то, что вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку... А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, поставаемся задачу, поставленную вами, выполнить, то есть разбить его”^{*2}.

Из этих переговоров видно, что войскам Брянского фронта была поставлена задача разбить 2-ю танковую группу и что Еременко обещал Сталину выполнить эту задачу. Однако вместо массированного использования имевшихся и присланных ему танков Еременко с начала сентября распылил их по всему фронту. Удары группе Гудериана во фланг, как говорят военные, наносились “растопыренными пальцами” и поэтому не давали должного результата.

”Я знал, что собой представляют в боевом отношении войска создаваемого в спешке Брянского фронта, — вспоминает Жуков, — и поэтому счел необходимым еще раз весьма настоятельно доложить по ВЧ Верховному Главнокомандующему о необходимости быстрого отвода всех войск правого крыла Юго-Западного фронта

---

*1 ЦАМО РФ, ф. 132, оп. 2642, д. 30, л. 18.

*2 Там же, ф. 202, оп. 5, д. 63, л. 58.

на восточный берег Днепра. С моей рекомендацией и на этот раз не посчитались. И.В.Сталин сказал, что он только что вновь советовался с Н.С.Хрушевым и он убедил его, что Киев ни при каких обстоятельствах оставлять не следует. Кроме того, он, Сталин, и сам убежден в том, что противник, если и не будет разбит Брянским фронтом, то во всяком случае будет задержан”¹.

10 сентября передовые части Гудериана ворвались в Ромны. Навстречу им с Кременчугского плацдарма продвигались соединения 1-й танковой группы генерал-полковника Клейста. Нависла реальная угроза окружения главных сил Юго-Западного фронта.

Видя это, Военный совет направил в Ставку телеграмму с просьбой о скорейшем отводе войск из образующегося “мешка” на восток. По этому поводу во втором часу ночи 11 сентября состоялись переговоры Шапошникова с командующим фронтом генералом Кирпоносом. Не приходится сомневаться, что начальник Генерального штаба выражал не столько свое мнение, сколько точку зрения Верховного. Ниже приводятся краткие выдержки из длительных переговоров:

“Шапошников:...Вашу телеграмму о занятии противником Ромны и поэтому о необходимости скорейшего отхода Ставка получила..., но я уверен, что Военный совет фронта...сумеет справиться с эпизодом у Ромны... Ставка Верховного Главнокомандования считает, что необходимо продолжать драться на тех же позициях, которые занимают части Юго-Западного фронта...

Кирпонос: ...Если Ставка считает наши предложения не совсем правильными и приказывает выполнять только что данные вами указания, Военный совет фронта принимает это к исполнению.

Шапошников: О КиУРе можно говорить только в связи с общим решением, а общее решение преждевременно”.

С просьбой об отводе войск Юго-Западного фронта на рубеж реки Псел и оставлении Киева обратился в Ставку и главнокомандующий войсками Юго-Западного направления маршал Буденный, для которого это обращение обернулось смещением с занимаемого поста.

Просьбы Кирпоноса и Буденного шли вразрез с намерениями Сталина во что бы то ни стало удержать Киев. Оставление столицы Украины означало очередной провал его прогнозов, теперь уже данных месяц назад американцам. Поэтому он, в первую очередь, счел необходимым укрепить командование войсками Юго-Западного направления.

В тот же день, 11 сентября в Москву был вызван главноко-

---

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 131.

мандующий войсками Западного направления маршал Тимошенко, назначаемый вместо Буденного. В присутствии Тимошенко и Шапошникова Сталин провел переговоры с членами Военного совета Юго-Западного фронта и указал:

"Ваше предложение об отводе войск... мне кажется опасным... Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псел. После всего этого начать эвакуацию Киева. Перестать наконец заниматься поиском рубежей для отступления, а искать пути сопротивления... Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки".

Пока происходили эти повседневные переговоры Гудериан и Клейст стремительно двигались навстречу друг другу. Чтобы облегчить продвижение танковых групп, немецкая бомбардировочная и штурмовая авиация непрерывно "висела" в воздухе, нанося массированные удары по нашим войскам, пытавшимся остановить их.

Германские самолеты обстреливали не только колонны, но и "охотились" буквально за каждой машиной, идущей по шоссе. Помню в один из этих дней, разыскивая штаб фронта, переместившийся из Киева на восток, мы вынуждены были несколько раз съезжать с дороги, выскакивать из машины и ложиться на землю.

Под воздействием танков и вражеской авиации часть войск фронта отходили на восток.

...Трудны, очень трудны все военные дороги жаркого лета сорок первого. Но среди них были все же самые трудные. Это дороги отступления под натиском превосходящих сил противника. Трудности эти усугублялись не только неясностью обстановки, а порой и просто неразберихой из-за отсутствия связи, но и главным образом оставлением врагу родных земель, своих соотечественников, проживающих на них. У многих воинов оставались там не успевшие эвакуироваться дети, жены, матери и отцы. Тот, кто видел слезы отчаяния остававшихся на поругание врагу людей, никогда не забудет их.

Дороги отступления были разные. Это и шоссе, и проселочные грунтовки, и глухие лесные тропы. По шоссе и грунтовыми дорогам уходило на восток эвакуируемое население, увозились сельскохозяйственные машины, угонялся скот. Все дороги были забиты. Тракторы с целыми поездами комбайнов, прицепов, будок на колесах и просто повозок, переполненных людьми, чемоданами, мешками и узлами. Огромные стада коров, овец, свиней, поднимающие клубы пыли, изнуренные жарой и непрерывными переходами, медленно двигались по обочинам. Справа и слева от дорог то и дело раздавались взрывы, вспыхивали пожары. Много из того, что нельзя было увезти, уничтожалось, чтобы не досталось врагу.

Немецкая авиация бомбила и обстреливала с бреющего полета все, что находилось на дорогах отступления и не успевало вовремя укрыться. Были убитые, которых не успевали присыпать землей. Поэтому в жаркие июльско-августовские дни трупный запах нередко сопровождал отступающих.

И хотя бессонные ночи делали людей злыми и хмурыми, они не теряли самообладания. Даже в условиях прорыва подвижных частей немцев и пересечения путей отхода, когда нельзя было понять, где находится фронт, а где тыл, воины не падали духом. От каждого бойца, командира требовалось особенно большое напряжение силы воли, чтобы сдержать натиск врага, а от командования — своевременно оценить складывающуюся обстановку и принять правильное решение.

...В связи с надвигающейся катастрофой начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В.И.Тупиков 14 сентября в 3 часа 25 минут направил телеграмму Шапошникову, в которой охарактеризовал тяжелое положение войск фронта и закончил изложение своей точки зрения “пророческой” фразой: “Начало понятной вам катастрофы дело пары дней”.

Трудно сказать, как сложилась бы ситуация, прислушайся Сталин к этому предупреждению, сделанному Тупиковым по собственной инициативе. Нельзя не заметить в этой связи, что именно Тупиков, будучи накануне войны военным атташе в Берлине, добыл через агентов план “Барбаросса”, доложенный Сталину 20 марта Голиковым. Этому мужественному человеку суждено было погибнуть в закрывающемся “котле”.

Начальник Генерального штаба отреагировал на телеграмму начальника штаба фронта следующим образом:

“Командующему ЮЗФ, копия главкому ЮЗН.

Генерал-майор Тупиков представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова (21-я армия) и Потапова (5-я армия) прекратить отход. надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад, необходимо выполнять указания тов.Сталина, данные вам 11.9”².

Только страхом перед Сталиным можно объяснить эту телеграмму Бориса Михайловича. В эти сентябрьские дни 1941 г. Ста-

---

*1 ЦАМО РФ, ф. 251, оп. 646, д. 466, л. 92.

*2 Там же, л. 108.

лин передал начальнику Генштаба пришедшее по каналам ТАСС из Финляндии обращение бывших сослуживцев Шапошникова по старой армии, которые призывали его повернуть оружие против Советской власти. Его потряс этот эпизод, рассказывал позднее автору этих строк сын маршала генерал-лейтенант авиации И.Б.Шапошников.

Катастрофа неумолимо приближалась. 16 сентября танковые части Гота и Гудериана соединились. Противник замкнул кольцо окружения. Войска Юго-Западного фронта были вынуждены пробиваться на восток в тяжелейших условиях. Некоторым удалось это, в том числе и начальнику оперативного отдела штаба фронта, будущему Маршалу Советского Союза И.Х.Баграмяну. Но многие погибли, как и все члены Военного совета фронта во главе с Кирпоносом, сражаясь с врагом до последнего вздоха. Подавляющее же большинство оставшихся в живых воинов Юго-Западного фронта, по немецким данным, — свыше 600 тысяч — попали в плен.

Исход военных действий на Левобережной Украине в сентябре 1941 г. был чрезвычайно тяжелым для Красной Армии. Юго-Западному фронту, по воле того же Сталина, пришлось держать такой же суровый экзамен, который испытали в начале войны армии Западного фронта. Окружение и разгром киевской группировки горько отозвались в сердцах всех советских людей. Тяжело переживали эти события мы — их участники. Конечно, мы не ведали тогда, почему они произошли и по чьей вине.

Поражение войск Юго-Западного фронта, которые в начале войны по численному составу значительно превосходили Западный фронт, воодушевило противника на достижение скорой победы над Красной Армией в решающей операции 1941 г., как ее определяло германское и советское руководство, — битве за Москву. На крупных неудачах ее для нас в октябре сказались все те же печальные последствия начала войны.

Но в решающей битве за столицу войска Красной Армии, не щадя своих жизней, отстаивали каждую пядь подмосковной земли. Величие подвига наших воинов в том и состоит, что они, хотя и страшно дорогой ценой, но вынесли мощный удар доселе непобедимой германской армии и не позволили ей, как рассчитывало командование вермахта, осуществить пресловутый “блицкриг” в России.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Взлет Красной Армии	
1. Строительство армии и ее цели	3
2. Подготовка кадров	26
Глава II. Крушение	
1. Обезглавливание Красной Армии	40
2. Развал и забвение	61
Глава III. Кровавое прозрение	
1. Уроки войны с Финляндией	76
2. Возврат к прошлому	95
3. Перспективы развития	117
Глава IV. Роковой просчет	
1. Планирование войны	157
2. Информация и трансформация	183
3. Непоследовательность и неопределенность	199
Глава V. На грани катастрофы	
1. 22. июня. Вторжение	224
2. Разгром Западного фронта	251
3. Последствия	292

**Оригинал-макет подготовлен
Полиграфической фирмой
«Елена-принт»**

Научно-популярное издание

АНФИЛОВ Виктор Александрович
академик, доктор исторических наук, профессор

«ДОРОГА К ТРАГЕДИИ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА»

Книга издана в авторской редакции

Издатель АКОПОВ Сергей Самсонович

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 062394 10 марта 1993 г.

Сдано в набор 02.06.1997 г. Подписано в печать 26.09.1997 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Печ.л. 19. Тираж 1000 экз. Заказ № 2611.

Типография ОАО «Внешторгиздат»
127576, Москва, ул. Илимская, д. 7